

Індэкс: для індывідуальных падпісчыкаў - 00829

для арганізацый - 008292

ISSN 2218-0362

ВЕСНІК

2017

ГОД НАВУКІ

Мазырскага
дзяржаўнага
педагагічнага
ўніверсітэта
імя І. П. Шамякіна

УО МГПУ имени И.П.Шамякина

ул. Студенческая, 28
247760, г. Мозырь,
Республика Беларусь
Тел.: (+375 236) 32 46 29
Факс: (+375 236) 32 43 31
E-MAIL: VESNIK.MGPU@MAIL.RU

MOZYR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
NAMED AFTER I.P. SHAMYAKIN

STUDENCHESKAYA STREET, 28
247760 MOZYR
REPUBLIC OF BELARUS
TEL.: (+375 236) 32 46 29
FAX: (+375 236) 32 43 31
E-MAIL: VESNIK.MGPU@MAIL.RU

ISSN 2218-0362. Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. 2017. №2(50). С.1-192.

2017 2(50)

ВЕСНІК

ISSN 2218-0362

Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна
Навуковы часопіс

Галоўны рэдактар:

В. В. Валетаў

Намеснік галоўнага рэдактара:

В. М. Наўныка

Рэдакцыйная калегія:

В. В. Шур (адказы за рубрыку

«Філалагічныя навукі»)

І. У. Журлова (адказы за рубрыку

«Педагагічныя навукі»)

І. В. Катовіч (адказы за рубрыку

«Біялагічныя навукі»)

В. С. Болбас

Н. У. Зайцава

У. І. Коваль

Г. У. Кулак

С. Б. Кураш

В. І. Парфёнаў

В. Ф. Русецкі

У. С. Савенка

А. У. Сузько

У. У. Усеня

В. В. Шапялевіч

Адрас рэдакцыі:

вул. Студэнцкая, 28,

247760, Мазыр, Гомельская вобл.

Тэл.: +375 (236) 32-46-29

E-mail vesnik.mgpu@mail.ru

Карэктар *Л. В. Жураўская*

Камп'ютарная вёрстка *А. В. Ліс*

Падпісана да друку 20.11.2017.

Фармат 60 x 90 1/8. Папера афсетная.

Рызаграфія. Ум. друк. арк. 22,32.

Тыраж 100 экз. Заказ № 345к.

Установа адукацыі «Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна».

Вул. Студэнцкая, 28,

247760, Мазыр, Гомельская вобл.

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі

сродку масавай інфармацыі № 1233

ад 08.02.2010, выдадзенае Міністэрствам

інфармацыі Рэспублікі Беларусь.

Меркаванні, выказаныя аўтарамі,

могуць не супадаць з пунктам погляду рэдакцыі

© УА МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2017

З М Е С Т

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

ПЕДАГАГІЧНЫЯ НАВУКІ

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

Выдаецца з сакавіка 1999 года

Выходзіць 2 разы на год

Заснавальнік

Установа адукацыі

«Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна»

№ 2(50)

2017

З М Е С Т

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

<i>Босенко А. И., Орлик Н. А.</i> ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЧАСТОТЫ СЕРДЕЧНЫХ СОКРАЩЕНИЙ СТУДЕНТОК ФАКУЛЬТЕТА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РАЗНЫЕ ФАЗЫ МЕНСТРУАЛЬНОГО ЦИКЛА.....	3
<i>Давыдов В. Ю., Петряев А. В., Синицин А. С., Манкевич А. Н.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ МОРФОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ, СИЛОВЫХ, ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И СКОРОСТИ ПЛАВАНИЯ ПЛОВЦОВ-КРОЛИСТОВ С УЧЕТОМ ДЛИНЫ ДИСТАНЦИИ НА ЭТАПЕ ВЫСШЕГО СПОРТИВНОГО МАСТЕРСТВА.....	8
<i>Дегтярёва Е. И., Науменко Е. М., Сотникова В. В., Волчек В. С.</i> ХАРАКТЕРИСТИКА МИКРОБИОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ ГОРОДА ГОМЕЛЯ И ГОМЕЛЬСКОГО РАЙОНА В ПЕРИОД С 2013 ПО 2016 ГОД.....	14
<i>Дроздов Д. Н., Кравцов А. В.</i> ДИНАМИКА СРОЧНОЙ АДАПТАЦИИ ЭРИТРОЦИТОВ К ДЕЙСТВИЮ РЕГУЛЯРНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ У МОЛОДЫХ МУЖЧИН.....	22
<i>Зяцьков С. А., Гончаренко Г. Г.</i> МИКРОСАТЕЛЛИТНЫЕ ЛОКУСЫ В ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ДАКТИЛОСКОПИИ ОСОБЕЙ И ПОРОД ДОМАШНЕЙ КОШКИ <i>FELIS SATUS L.</i>	27
<i>Лемешевский В. О.</i> ХАРАКТЕРИСТИКА РАСТИТЕЛЬНОСТИ И ФЛОРЫ ЗАКАЗНИКА «ПРОСТЫРЬ».....	31
<i>Мялік А. М.</i> СЯМЕЙСТВА <i>GRAMINEAE JUSS.</i> У СКЛАДЗЕ ФЛОРЫ ПРЫПЯЦКАГА ПАЛЕССЯ.....	37
<i>Николайчук А. М., Вашкевич М. Н.</i> ФЛУКТУИРУЮЩАЯ АСИММЕТРИЯ ЛИСТОВОЙ ПЛАСТИНКИ БЕРЕЗЫ ПОВИСЛОЙ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОГЕННОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ВЫБРОСАМИ ЗАВОДОВ ЦЕМЕНТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.....	46
<i>Чеховский А. Л.</i> ОЦЕНКА РАДОНОВОЙ ОПАСНОСТИ НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ЛЮБЕНСКОГО РАЙОНА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ.....	51

ПЕДАГАГІЧНЫЯ НАВУКІ

<i>Блоцкий С. М., Горовой В. А.</i> АНАЛИЗ ПОСТРОЕНИЯ ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА ЮНЫХ БЕГУНОВ НА СРЕДНИЕ ДИСТАНЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	58
<i>Жадько Д. Д., Григоревич В. В.</i> СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИНАМИКИ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В ТЕЧЕНИЕ УЧЕБНОГО ГОДА.....	63
<i>Журлова И. В., Шецо О. Г.</i> СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В РАБОТЕ С ЗАМЕЩАЮЩИМИ СЕМЬЯМИ.....	72
<i>Зенько Н. Н.</i> ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСКОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ТРУДАХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ.....	78
<i>Киптик А. М.</i> ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГИМНАЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (1991-2011 гг.).....	83
<i>Киптик А. М., Зайцева Н. В.</i> ПРАКТИКА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	88
<i>Конапацкий В. А.</i> КРУГОВАЯ ТРЕНИРОВКА КАК ОСНОВА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ ЮНЫХ БОРЦОВ 12–13 ЛЕТ НА ЭТАПЕ НАЧАЛЬНОЙ СПОРТИВНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ.....	94
<i>Сак Ю. В.</i> РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ.....	100
<i>Старченко В. Н., Метелица А. Н.</i> СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЦЕЛЕВОЙ ПОТРЕБНОСТНО-МОТИВАЦИОННО-ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕКА И МЕТОДИКА ЕЁ ДИАГНОСТИКИ.....	106

<i>Унсович А. Н., Климук В. В.</i> МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В СЕТЕВОЙ ФОРМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	114

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

<i>Белая А. І.</i> АДМЕТНАСЦЬ МАСТАЦКАЙ ПРАСТОРЫ І ХАРАКТАРАЎ У РАМАНАХ Г. МАРЧУКА.....	122
<i>Буцько А. С.</i> СТРУКТУРА ФРАЗЕАСЕМАНТЫЧНАГА ПОЛЯ "АДНОСІНЫ ПАМІЖ ЛЮДЗЬМІ" Ў БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЕ	128
<i>Гэн Цзянь</i> ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ	134
<i>Ігнаціок Т. М.</i> ПАФАС – КАТЭГОРЫЯ РЫТАРЫЧНАЯ PATHOS – RHETORICAL CATEGORY.....	141
<i>Ковалевіч І. О.</i> ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО В РЕЧИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО И ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	147
<i>Копач А. І.</i> АБ'ЕКТЫЎНЫ, СУБ'ЕКТЫЎНЫ І ІМПЛІЦЫТНА-АБ'ЕКТНЫ ПАДХОДЫ ДА КАТЭГОРЫІ АДЗІНКАВАГА Ў ТАПАЛІМІ: АД ФІЛАСОФСКІХ АБСТРАКЦЫЙ ДА ЛІНГВІСТЫЧНАЙ КАНКРЭТЫКІ.....	153
<i>Лебедев С. Ю.</i> ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С «ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬЮ» ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ.....	159
<i>Лешкевіч І. В.</i> ПРОЯВЛЕНИЕ АВТОРСКОГО НАЧАЛА В ИНФОРМАЦИОННЫХ ЖАНРАХ БРИТАНСКОГО МЕДИАДИСКУРСА	165
<i>Лисовская И. С., Парфинович Ю. М.</i> НЕГАТИВНАЯ ОЦЕНКА ПРОИСХОДЯЩЕГО КАК ФРАГМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАРЕСУРСОВ).....	171
<i>Лобанова Т. С.</i> САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТИЯ В СОСТАВЕ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В БИБЛИИ КОРОЛЯ ИАКОВА.....	177
<i>Навасельцава Г. В.</i> МАСТАЦКІ ПСІХАЛАГІЗМ У РАМАНЕ АБ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЕ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ТВОРАЎ «СМУТАК БЕЛЫХ НАЧЭЙ» ІВАНА НАВУМЕНКІ І «МОРА ГЕРАДОТА» ПАЎЛА МІСЬКО).....	181
<i>Теслюк Н. П.</i> ПОНЯТИЕ «МЕТАКОММУНИКАЦИЯ» В ЛИНГВИСТИКЕ И ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ.....	186
ПРАВИЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ	191

МГПНУ ИМ. М. П. ШАГІН

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК: 796(077.5+015.6)+612.3

А. И. Босенко¹, Н. А. Орлик²

¹Кандидат биологических наук, приват-профессор,
заведующий кафедрой биологии и основ здоровья,
ГУ «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского»,
г. Одесса, Украина

²Преподаватель кафедры биологии и основ здоровья,
ГУ «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского»,
г. Одесса, Украина

**ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЧАСТОТЫ СЕРДЕЧНЫХ СОКРАЩЕНИЙ
СТУДЕНТОК ФАКУЛЬТЕТА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В РАЗНЫЕ ФАЗЫ МЕНСТРУАЛЬНОГО ЦИКЛА**

Исследованы функциональные возможности организма 30 студенток факультета физической культуры по данным частоты сердечных сокращений и физической работоспособности, зарегистрированных в процессе велоэргометрического тестирования в разные фазы овариально-менструального цикла. Установлено, что по среднегрупповым данным, изменения указанных показателей носили недостоверный и разнонаправленный характер во все фазы специфического биологического цикла. Индивидуальный анализ выявил повышение работоспособности у 30-46,7% девушек, занимающихся спортом, в постменструальную и предменструальную фазы биологического цикла при экономизации сердечной деятельности лишь у 12-15,7% обследованных.

Ключевые слова: спортсменки, менструальный цикл, функциональные возможности, дозированная нагрузка, физическая работоспособность, сердечно-сосудистая система.

Введение

Проблема оценки функциональных состояний является одной из важнейших в областях науки, изучающих динамику адаптивных процессов у человека при его взаимодействии с внешней средой [1]–[5]. Функциональные возможности женщин во многом зависят от их анатомо-физиологических особенностей, в частности, наличия такого ритмического биологического процесса, как овариально-менструальный цикл (ОМЦ). Сегодня накоплены значительный практический опыт и теоретические сведения, касающиеся особенностей тренировочного процесса и адаптационных изменений в женском организме. Анализ литературных источников показал, что приводимые сведения отличны, а иногда и противоречивы [4], [6]–[10]. Расширение программ спортивных выступлений женщин, а следовательно, изменения в специфике нагрузок и их выход за пределы возможностей организма выдвигают в разряд актуальных исследования, направленные на оптимизацию тренировочного и соревновательного процессов с учетом знаний динамики функциональных возможностей спортсменок в овариально-менструальном цикле.

Общепринятым критерием резервов адаптации является физическая работоспособность. Существует множество функциональных проб, позволяющих выявить объем резервных возможностей как отдельных систем, так и всего организма в целом. Однако большинство методик направлены на получение информации о физической работоспособности без учета других показателей, которые могут позволить системно оценить реакцию организма на нагрузку.

Цель – изучить динамику функционального состояния сердечно-сосудистой системы (ССС) и физической работоспособности девушек, занимающихся спортом, при выполнении дозированной мышечной нагрузки в разные фазы менструального цикла.

Методы и организация исследований. По мнению ведущих специалистов, велоэргометрическое тестирование является одним из основных методов оценки физической работоспособности [11], [12]. В лаборатории возрастной физиологии спорта, в которой были проведены основные исследования, используется методика с плавным повышением нагрузки до увеличения пульса, как объективного показателя, до 155 уд/мин. По достижению заданного пульса нагрузка уменьшалась до нуля с той же скоростью. Было обследовано 30 студенток факультета

физической культуры педагогического вуза в возрасте 17-22 лет. Исследования проводились в индивидуально определенные фазы менструального цикла: менструальную, постменструальную, овуляторную, постовуляторную и предменструальную, выделенные согласно классификации лаборатории эндокринологии Института геронтологии АМН Украины [9]. Основные исследования сопровождались рядом дополнительных методик (анкетирование, антропометрия, электрокардиография, рефлексометрия и др.) с целью контроля общего состояния организма обследованных. В исследовании принимали участие девушки с регулярным менструальным циклом и не имеющие отклонений от норм физического развития. Тестирование проводилось в стандартных условиях.

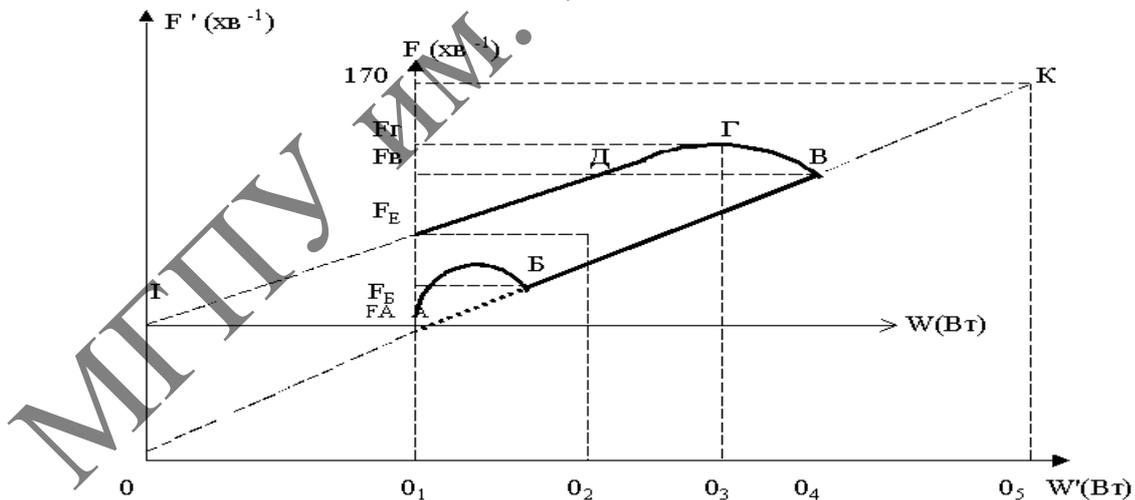
Полученные результаты были подвергнуты статистической обработке с использованием стандартных методов статистики (SPSS v. 16.0).

Результаты исследования и их обсуждение

Характеризуя уровень физического развития спортсменок, следует отметить, что по основным антропометрическим показателям обследованные девушки соответствовали нормативным значениям для избранного вида спорта. Так, длина тела девушек в среднем составила $164,23 \pm 0,89$ см, масса тела – $56,8 \pm 1,3$ кг. Окружность грудной клетки в покое, при вдохе и на выдохе была равной, соответственно, $84,77 \pm 1,13$ см, $90,43 \pm 1,6$ см, $82,25 \pm 1,07$ см, при этом жизненная емкость легких девушек достигала величины в $3206,67 \pm 118,49$ мл. Данные динамометрии ведущей руки ($27,87 \pm 1,3$ кг) и становой ($71,93 \pm 4,15$ кг) находились в пределах нижней границы возрастного-половой нормы. Следовательно, обследованные девушки-спортсменки по большинству антропометрических показателей физического развития достоверно не отличались от нетренирующихся ровесниц Одесского региона и опережали их по физиометрическим характеристикам.

Использованная методика Д. Н. Давиденко и модернизированная в нашей лаборатории позволила выделить более 30 показателей, характеризующих динамику частоты сердечных сокращений (ЧСС), показатели энергетического уровня организма, показатели эффективности регуляции сердечной деятельности и показатели общей физической работоспособности.

Для достижения поставленной цели нами были выделены показатели динамики ЧСС – ЧСС исходная, пороговая, реверса, максимальная, выхода из нагрузки, средняя и пульсовая стоимость работы. Из группы в шесть показателей физической работоспособности описывается лишь один из критериев – PWC170, кгм/мин (рисунок).

А – исходная, Б – пороговая, В – реверса, Г – максимальная, Е – выхода из нагрузки

Рисунок – Схема тестирования нагрузкой изменяющейся по замкнутому циклу и основные точки отсчета ЧСС

Проведенные исследования физической работоспособности организма девушек-студенток, по данным тестирования с переменной мощностью загрузки по замкнутому циклу, позволили установить высокую степень работоспособности в постменструальную и предменструальную фазы, которая на 1,8% была выше показателей PWC170 в овуляторную и постовуляторную фазы МЦ, в которых отмечалась сниженная работоспособность (таблица).

Таблица. – Динамика показателей ЧСС и физической работоспособности девушек 17–22 лет на протяжении менструального цикла

Показатели \ Фазы		I	II	III	IV	V
ЧСС исх., уд/мин	M±m	75,63±1,78	76,47±2,3	74,77±2,19	76,5±2,59	75,73±1,92
	δ	9,78	12,47	11,98	14,18	10,51
	CV	12,93	16,31	16,02	18,54	13,88
ЧСС пор., уд/мин	M±m	84,93±1,25	86,23±1,92	85,73±1,7	85,37±2,63	84,63±1,96
	δ	6,85	10,51	9,29	14,43	10,76
	CV	8,06	12,19	10,84	16,9	12,71
ЧСС макс., уд/мин	M±m	157±0,8	157,2±0,6	157,5±0,67	155,83±1	156,8±0,85
	δ	4,4	3,18	3,67	5,62	4,65
	CV	2,8	2,02	2,33	3,61	2,96
ЧСС вых., уд/мин	M±m	107,3±1,7	109,3±2	106,4±1,6	107,53±2	106,7±1,52
	δ	9,54	11	8,8	11	8,31
	CV	8,89	10,07	8,27	10,23	7,79
ЧСС сред., уд/мин	M±m	124,4±0,7	125,3±1	124,6±0,98	124±1,12	124,23±1,0
	δ	3,91	5,38	5,38	6,11	5,62
	CV	3,14	4,29	4,32	4,92	4,53
L пульс., уд/мин	M±m	1393,2±38	1406±49,7	1407±37,34	1376,4±40,4	1422,3±37,4
	δ	208,56	272,62	204,65	221,27	204,89
	CV	14,97	19,38	14,54	16,08	14,41
PWC ₁₇₀ , кгм/мин	M±m	1339,3±33,3	1350,9±46,7	1337,1±36,1	1327,4±49,7	1342,5±36,86
	δ	182,55	255,87	197,52	272,33	202
	CV	14	19	15	21	15

Исходная частота сердечных сокращений организма студенток была зафиксирована в положении сидя на велоэргометре и составила в среднем 74-77 уд/мин. Относительно высокие показатели пульса связаны с тем, что они фиксировались в первые секунды выполнения нагрузочного тестирования, когда нагрузка соответствовала нулю. Наибольшая ЧСС исх. отмечалась в постменструальную и постовуляторную, а наименьшая – в овуляторную фазы менструального цикла. Разница в 2-3 уд/мин не соответствовала достоверности отличий.

Наибольшая пороговая ЧСС, отражающая выход на линейную зависимость «ЧСС – мощность нагрузки», которая, как считают авторы методики [11], [12], является относительно стабильной для каждого индивида и не зависит от исходной величины, выявлена в постменструальную и постовуляторную фазы, а наименьшая – в предменструальную фазу ОМЦ. От исходной величины до пороговой ЧСС увеличилась на 11-13%. По условиям исследования, реверс нагрузки осуществлялся при достижении ЧСС, равной 150-155 уд/мин, после чего нагрузка автоматически с неизменной скоростью снижалась до нуля.

Некоторое время, несмотря на плавное снижение нагрузки, ЧСС девушек инерционно продолжала возрастать, достигая своего некоторого максимума. Наибольшая максимальная ЧСС была зарегистрирована в постменструальную и овуляторную фазы, а наименьшая – в постовуляторную и предменструальную фазы ОМЦ. На протяжении всего менструального цикла ЧСС макс. колебалась в пределах 2-3 уд/мин, а от исходной величины ЧСС увеличилась более чем в 2 раза (155,83±1,0 – 157,5±0,65).

По окончании выполнения велоэргометрической работы фиксировалась ЧСС выхода из нагрузки. Наибольшие ее значения отмечались в постменструальную и постовуляторную фазы, что на 3 уд/мин больше, чем в овуляторной и предменструальной фазах – наименьшие значения менструального цикла. Относительно ЧСС покоя, по окончании работы в среднем показатели увеличились на 42-45%. Среднее значение ЧСС как частное фиксированных пульсовых ударов на протяжении выполнения нагрузки и общего времени работы находились в пределах 125,3±1,0 (постменструальная фаза) – 124,0±1,12 (постовуляторная фаза).

Наивысшая пульсовая стоимость работы студенток зафиксирована в постменструальную и предменструальную фазы, а наименьшая – в постовуляторную фазу ОМЦ.

Таким образом, полученные данные ЧСС девушек на протяжении МЦ при функциональной пробе находились на относительно одинаковом уровне, разница между значениями отдельных показателей составляла 2-4 уд/мин.

Анализируя показатели ЧСС и физической работоспособности по фазам ОМЦ можно сделать вывод, что в постменструальной фазе высокая физическая работоспособность сопровождалась значительным напряжением механизмов регуляции ССС, о чем свидетельствует высокая ЧСС на протяжении всей работы на велоэргометре. В овуляторной и постовуляторной фазах МЦ на фоне низкой работоспособности отмечалось снижение функциональных возможностей ССС, при высокой ЧСС. Предменструальная фаза характеризовалась высокой работоспособностью на фоне низких показателей ЧСС, что говорит об оптимальном состоянии ССС и готовности к нагрузке.

В научной литературе отмечаются колебания уровня физической работоспособности в зависимости от фаз менструального цикла: низкая – регистрируется в предменструальную, менструальную и овуляторную фазах, поскольку резервы организма направлены на полное и своевременное выполнение репродуктивной функции женского организма, и высокая – в постменструальную и постовуляторную фазы, когда наблюдается относительное «затишье» в функционировании репродуктивной системы.

Анализ полученных результатов исследования студенток свидетельствует об отсутствии единой и общей закономерности динамики ЧСС и работоспособности по фазам овариально-менструального цикла, что согласуется с данными других авторов [1], [4]–[9]. Следовательно, использование среднегрупповых данных может привести к ложным теоретическим выводам и ошибкам на практике.

Так, в фазы «хорошей» работоспособности – постменструальную и предменструальную фазы менструального цикла только 30 и 46,7% девушек, соответственно, показали высокие результаты, при этом низкая исходная ЧСС на уровне спортивной брадикардии отмечалась у еще меньшего числа обследованных – 15,7 %.

Следует отметить низкую вариативность большинства изученных критериев на всех этапах исследования, что является дополнительным подтверждением объективности полученных результатов. Коэффициент вариации (CV) характеризовался наибольшими величинами в состоянии покоя, что логично согласуется с существующим положением о наличии множества степеней свободы функциональной системы в состоянии оптимума. Высказанное подтверждается уменьшением вариативности всех показателей ЧСС с возрастанием функционального напряжения в процессе выполнения мышечной работы, особенно на вершине ее мощности, когда CV по ЧСС_{макс} составил всего 2,02-3,61, что соответствует минимальным его нормам. Средняя колеблемость была свойственна двум взаимосвязанным показателям – суммарной пульсовой стоимости работы и ее мощности на уровне ЧСС в 170 уд/мин (PWC₁₇₀), вклад в вариативность которых вносили два основных фактора: масса тела и индивидуальный уровень физической подготовленности.

Выводы

Анализ научно-методической литературы показал, что исследованиями в области женского спорта занимается ряд специалистов, работы которых в основном посвящены специальной работоспособности, ими же частично изучены и функциональные возможности ССС. К сожалению, взаимосвязь динамики частоты сердечных сокращений во время велоэргометрического тестирования и физической работоспособности на протяжении менструального цикла недостаточно изучены и требуют дальнейшей разработки.

Изучение взаимосвязи динамики функционального состояния ССС и физической работоспособности у девушек с высокой двигательной активностью на протяжении менструального цикла показало, что по среднегрупповым данным, изменения указанных показателей носили недостоверный и разнонаправленный характер во все фазы ОМЦ. По данным нашего исследования, в предменструальной фазе отмечались сниженные исходные и рабочие значения ЧСС и высокие показатели физической работоспособности, что говорит об оптимальном состоянии ССС и ее готовности к физическим нагрузкам изменяющейся мощности.

Индивидуальный анализ результатов тестирования дозированной нагрузкой по замкнутому циклу выявил комплекс показателей, характеризующих высокую работоспособность у 30-46,7%,

девушек, занимающихся спортом, в постменструальную и предменструальную фазы ОМЦ при том, что экономизация, по данным ЧСС, отмечалась лишь у 12-15,7% обследованных.

Высокая индивидуальность колебаний значений показателей ССС и физической работоспособности на протяжении менструального цикла снижает информативность оценки, полученной по среднegrupповым данным, и выдвигает необходимость индивидуального подхода при исследовании функциональных возможностей девушек-спортсменок. Перспектива исследования состоит в изучении ведущих факторов, влияющих на динамику функциональных возможностей девушек различного уровня физической подготовленности на протяжении биологического цикла.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Квашук, П. В. Дифференцированный подход к построению тренировочного процесса юных спортсменов на этапах многолетней подготовки: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: спец. 13.00.04 «Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры» / Квашук Павел Валентинович. – М., 2005. – 48 с.
2. Коробейников, Г. В. Психофизиологическая организация деятельности человека / Г. В. Коробейников. – Белая Церковь, 2008. – 138 с.
3. Мороз, М. П. Экспресс-диагностика работоспособности и функционального состояния человека: методич. рук. / М. П. Мороз. – СПб. : ИМАТОН, 2007. – 40 с.
4. Михалюк, Е. Л. Различия и сходство интегральных показателей функционального состояния спортсменов высокого класса, отличающихся по полу (обзор литературы) / Е. Л. Михалюк, Т. С. Соболева // Лечебная физкультура и спорт. медицина. – 2013. – № 1(109). – С. 36–43.
5. Солодков, А. С. Физиология человека. Общая. Спортивная. Возрастная: учебник / А. С. Солодков, Е. Б. Сологуб. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Олимпия Пресс, 2005. – 528 с.
6. Бугаёва, Н. А. Особенности процессов восприятия времени и пространства у девушек в различные фазы овариально-менструального цикла (ОМЦ) / Н. А. Бугаёва, Ю. В. Корягина // Фундаментальные исследования. – 2004. – № 2 – С. 118.
7. Врублевский, Е. П. Индивидуализация подготовки женщин в скоростно-силовых видах легкой атлетики: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: спец. 13.00.04 «Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки и оздоровительной физической культуры» / Врублевский Евгений Павлович. – Волгоград : ВГАФК, 2008. – 56 с.
8. Гасанова, З. А. Женщины изначально в мужских видах спорта / З. А. Гасанова // Теория и практика физической культуры. – 1997. – №7 – С. 18–22.
9. Шахлина, Л. Г. Медико-биологические основы спортивной тренировки женщин / Л. Г. Шахлина – Киев : Наук. думка, – 2001. – 326 с.
10. Шахлина, Л. Г. Медико-биологические основы управления процессом спортивной тренировки женщин : дис. ... д-ра мед. наук: 14.03.25 / Лариса Ян-Генриховна Шахлина. – Киев, 1995. – 360 л.
11. Методика оценки функциональных резервов организма при использовании нагрузочной пробы по замкнутому циклу изменения мощности / Д. Н. Давиденко [и др.] // Пути мобилизации функциональных резервов спортсмена : сб. науч. тр. – Л. : ГДОИФК, 1984. – С. 35–41.
12. Босенко, А. И. Выявление функциональных возможностей сердечно-сосудистой и центральной нервной систем у подростков при напряженной мышечной деятельности: автореф. дис. ... канд. биол. наук: 14.00.17 / Босенко Анатолий Иванович. – Тарту, 1986. – 25 с.

Поступила в редакцию 13.09.17

E-mail: bosenco@ukr.net, OrlikN@ukr.net

A. I. Bosenko, N. A. Orlik HEART RATE FREQUENCY INDICATORS DYNAMICS OF PHYSICAL TRAINING DEPARTMENT FEMALE STUDENTS IN VARIOUS MENSTRUAL CYCLE PHASES

The immediate aim of the research is 30 female students of physical training department organism functionalities based on the heart rate and physical working capacity data registered in the bicycle ergometric testing procedure obtained in various ovarian-menstrual phases. It was found out that, according to the average group data, changes of the mentioned indicators were of unreliable and multidirectional nature – in all the specific biological cycle concerned. Individual analysis revealed that 30-46 % of girls, doing sports in postmenstrual biological cycle phase demonstrated an increase of working capacity and only 12-15 % of the examined showed the same result in premenstrual phase due to economized heart rate activity.

Keywords: sportswomen, menstrual cycle, functionalities, doses loading, physical working capacity, cardiovascular system.

УДК 797.21

В. Ю. Давыдов¹, А. В. Петряев², А. С. Синицин³, А. Н. Манкевич⁴

¹ Доктор биологических наук, кандидат педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой физической культуры и спорта, Полесский государственный университет,
г. Пинск, Республика Беларусь

² Кандидат педагогических наук, профессор,

Санкт-Петербургский университет физической культуры и спорта, Россия

³ Аспирант, Санкт-Петербургский университет физической культуры и спорта, Россия

⁴ Аспирант, Полесский государственный университет, г. Пинск, Республика Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОРФОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ, СИЛОВЫХ, ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И СКОРОСТИ ПЛАВАНИЯ ПЛОВЦОВ- КРОЛИСТОВ С УЧЕТОМ ДЛИНЫ ДИСТАНЦИИ НА ЭТАПЕ ВЫСШЕГО СПОРТИВНОГО МАСТЕРСТВА

В современных условиях организации спорта высших достижений вопросы отбора рассматриваются в тесной связи с ориентацией занимающихся. В процессе отбора ориентация направлена на выбор для спортсмена вида спорта или узкой специализации в одной из дисциплин вида спорта, на определение индивидуальной структуры многолетней подготовки и содержание тренировочных нагрузок в зависимости от особенностей подготовленности и соревновательной деятельности.

Ключевые слова: спортивный отбор, морфофункциональные, силовые, психофизиологические характеристики, плавание различными способами и на различных дистанциях.

Введение

Целенаправленная многолетняя подготовка и воспитание спортсменов высокого класса – сложный процесс, качество которого определяется целым рядом факторов. Одним из таких факторов является отбор одаренных детей и подростков, их спортивная ориентация [1]–[8].

В современных условиях организации спорта высших достижений вопросы отбора рассматриваются в тесной связи с ориентацией занимающихся. В процессе отбора ориентация направлена на выбор для спортсмена вида спорта или узкой специализации в одной из дисциплин вида спорта, на определение индивидуальной структуры многолетней подготовки и содержание тренировочных нагрузок в зависимости от особенностей подготовленности спортсмена к соревновательной деятельности [9]–[11].

Цель исследования: выявить взаимосвязи морфологических, функциональных, силовых и психофизиологических показателей на этапе высшего спортивного мастерства пловцов-кролистов с учетом длины дистанции.

Организация исследования. В исследовании приняли участие пловцы-юноши 12–15 лет различной спортивной квалификации (3 разряд – мастер спорта) и разного уровня подготовленности. Всего было обследовано 115 спортсменов.

Методика исследования. Антропометрические измерения: тотальные, продольные, поперечные, обхватные размеры тела, абсолютная поверхность тела, компоненты состава тела, спирометрия; велоэргометрия; психодиагностика; силовые показатели, проявляемые на суше и в специфических условиях водной среды (максимальная сила тяги на суше, максимальные тяговые усилия при помощи движений ног, рук и в полной координации), коэффициент использования силовых возможностей (КИСВ).

Для выявления взаимосвязи изучаемых показателей на этапе высшего спортивного мастерства нами был проведен корреляционный анализ. Данные результатов исследования были обработаны при помощи стандартных методов математической статистики (STATISTICA 5).

Результаты исследования и их обсуждение

На этапе высшего спортивного мастерства корреляционный анализ показал, что скорость плавания на дистанции 100 метров зависит от ряда факторов, характеризующих различные системы организма (таблица 1). Из таблицы следует, что на скорость плавания в спринте, кроме тотальных и продольных размеров тела, в значительной степени оказывают влияние поперечные и обхватные размеры тела, абсолютная масса мышечного и костного компонентов, т. е. показатели, характеризующие силовую подготовленность, что подтверждается анализом взаимосвязи между спортивным результатом и силовыми показателями пловцов.

Таблица 1. – Взаимосвязь между скоростью плавания на дистанциях 100, 400 и 1500 метров способом кроль на груди и морфологическими показателями пловцов на этапе высшего спортивного мастерства

Показатели	100 м	400 м	1500 м
Длина тела	0,608	0,505	0,330
Масса тела	0,594	0,542	0,375
Абсолютная поверхность тела	0,662	0,573	0,382
Длина корпуса	0,438	0,228	0,051
Длина руки	0,446	0,366	0,407
Длина плеча	0,212	0,314	0,246
Длина предплечья	0,350	0,217	0,289
Длина кисти	0,258	0,234	0,280
Длина ноги	0,521	0,516	0,399
Длина бедра	0,352	0,429	0,328
Длина голени	0,428	0,360	0,281
Длина стопы	0,419	0,285	0,276
Ширина плеч	0,459	0,353	0,223
Ширина таза	0,317	0,294	0,137
Ширина кисти	0,036	0,017	-0,109
Ширина стопы	0,162	0,067	0,226
Обхват грудной клетки	0,362	0,326	0,353
Обхват плеча	0,411	0,256	0,180
Обхват бедра	0,365	0,206	0,202
Обхват голени	0,407	0,159	0,110
Абсолютная жировая масса	0,150	0,139	-0,082
Абсолютная мышечная масса	0,563	0,435	0,313
Абсолютная костная масса	0,433	0,206	0,221

Примечание: * – характер корреляционной взаимосвязи

Регрессионный анализ морфологических показателей позволил выявить совокупность признаков, в наибольшей степени влияющих на спортивный результат на дистанции 100 метров.

Модель признана адекватной с коэффициентом детерминации: 0,571. Коэффициент множественной корреляции: 0,756. Выборочное значение F-критерия для дисперсии: 7,53.

Тесная корреляционная взаимосвязь между спортивным результатом и силовыми возможностями отмечается у показателей тяговых усилий в статическом режиме ($r=0,700$) и тяговыми усилиями в динамическом режиме при плавании одними ногами ($r=0,725$), одними руками ($r=0,756$) и в полной координации ($r=0,788$).

Регрессионный анализ подтвердил результаты корреляционных связей и определил наиболее значимый показатель:

а) для показателей силовых возможностей, проявляемых в неспецифических условиях, – максимальная сила тяги на суше, измеренная в середине гребка.

Модель является адекватной с коэффициентом детерминации: 0,514. Коэффициент множественной корреляции: 0,717. Множественная линейная связь статистически значима на уровне 0,05;

б) для показателей силовых возможностей, проявляемых в специфических условиях водной среды, – максимальные тяговые усилия при помощи движений ног.

Коэффициент множественной корреляции: 0,816. Модель признана адекватной с коэффициентом детерминации: 0,665. Выборочное значение F-критерия для дисперсии: 33,9.

Анализ силовой подготовленности свидетельствует о том, что на этапе высшего спортивного мастерства на дистанции 100 метров большое значение приобретают силовые показатели, проявляемые в специфических условиях.

Тесная корреляционная взаимосвязь обнаружена между скоростью плавания и сенсомоторными показателями (таблица 2). Между простой двигательной реакцией и скоростью плавания обнаружена отрицательная взаимосвязь ($r=-0,349$). Это свидетельствует о том, что уменьшение времени простой двигательной реакции создает предпосылки для увеличения лабильности нервной системы, что выражается в определенных моторных способностях и увеличении скорости плавания. Положительная взаимосвязь выявлена между скоростью плавания и реакцией на движущийся объект по времени реакции опережения ($r=0,386$), характеризующая преобладание процессов возбуждения в коре больших полушарий головного мозга. Установленная взаимосвязь свидетельствует о том, что на этапе высшего спортивного мастерства спортивный результат на дистанции 100 метров в значительной степени обусловлен особенностями нервной системы.

Таблица 2. – Взаимосвязь между скоростью плавания на дистанциях 100, 400 и 1500 метров способом кроль на груди и силовыми показателями пловцов на этапе высшего спортивного мастерства

Показатели	100 м	400 м	1500 м
Кистевая динамометрия	0,423	0,404	0,418
Становая динамометрия	0,359	0,438	0,287
F тяга середины гребка	0,700	0,461	0,343
F тяга/вода/ногами	0,725	0,533	0,413
F тяга/вода/руками	0,756	0,527	0,427
F тяга/вода/координация	0,788	0,550	0,454
Коэффициент использования силовых возможностей (КИСВ)	0,271	0,329	0,327

Выявлена взаимосвязь между спортивным результатом и жизненной ёмкостью лёгких (ЖЕЛ) ($r=0,348$), физической работоспособностью ($r=0,340$). Уравнение множественной регрессии, рассчитанное для отражения закономерных зависимостей скорости плавания на дистанции 100 метров от функциональных и психофизиологических показателей, определило также значимый относительный показатель физической работоспособности. Это свидетельствует о том, что показатели аэробной производительности оказывают определенное влияние на уровень достижения в спринте.

Множественная линейная связь признана статистически значимой на уровне 0,05. Коэффициент множественной корреляции: 0,715. Модель является адекватной с коэффициентом детерминации: 0,511. Выборочное значение F-критерия для дисперсии: 10,3.

Скорость плавания на средние дистанции на этапе высшего спортивного мастерства тесно взаимосвязана с морфологическими показателями, однако значимость показателей и количество признаков, влияющих на скорость плавания на дистанции 400 метров, несколько уменьшается (таблица 1).

Наиболее тесная взаимосвязь отмечается с такими показателями, как: длина тела ($r=0,505$), масса тела ($r=0,542$), абсолютная поверхность тела ($r=0,573$), длина ноги ($r=0,516$), абсолютная мышечная масса ($r=0,435$).

Регрессионный анализ морфологических показателей сократил количество признаков, влияющих на спортивный результат на дистанции 400 метров.

Модель признана статистически значимой на уровне 0,05. Коэффициент множественной корреляции: 0,611. Выборочное значение F-критерия для дисперсии: 7,04.

На данной дистанции увеличивается значимость функциональных показателей (таблица 3). Так, корреляционная взаимосвязь отмечается с показателем, характеризующим аэробную производительность ($r=0,466$), ЖЕЛ ($r=0,517$). Это обусловлено законами биоэнергетики (с увеличением дистанции значимость показателей физической работоспособности возрастает).

Таблица 3. – Взаимосвязь скорости плавания на дистанциях 100, 400 и 1500 метров способом кроль на груди с функциональными и психофизиологическими показателями пловцов на этапе высшего спортивного мастерства

Показатели	100 м	400 м	1500 м
МПК абсолютное	0,340	0,466	0,531
МПК относительное	-0,200	0,123	0,311
ЖЕЛ	0,348	0,517	0,520
Время простой двигательной реакции	-0,350	-0,366	-0,323
Реакция на движущийся объект (РДО опережения)	0,386	0,073	0,038
Реакция на движущийся объект (РДО запаздывания)	0,016	0,057	0,050

Корреляционная взаимосвязь существенна при : $p 0,05 < 0,266$
 $p 0,01 < 0,345$

Обратно пропорциональная значимая взаимосвязь обнаружена между скоростью плавания и временем простой двигательной реакции ($r=-0,366$). Это свидетельствует о том, что спортивный результат на дистанции 400 метров во многом обусловлен особенностями центральной нервной системы (ЦНС).

Регрессионный анализ подтверждает анализ корреляционных связей и выявляет еще один значимый показатель – относительный показатель максимального потребления кислорода (МПК).

Модель признана адекватной с коэффициентом детерминации: 0,509. Коэффициент множественной корреляции: 0,714. Выборочное значение F-критерия для дисперсии: 12,3.

Наиболее тесная корреляционная взаимосвязь между спортивным результатом и силовыми показателями отмечается с показателями тяговых усилий в динамическом режиме при плавании в полной координации ($r=0,550$), при помощи движений ногами ($r=0,533$), руками ($r=0,527$). Это свидетельствует о том, что на этапе высшего спортивного мастерства большое значение имеет функциональное развитие сократительных свойств рабочих мышц. Тесная, однако несколько меньшая взаимосвязь отмечается с показателями силовых возможностей, проявляемых в неспецифических условиях.

Данная взаимосвязь свидетельствует о необходимости общего физического развития, что является предпосылкой для развития специфической силы.

Корреляционный анализ скорости плавания на дистанции 1500 метров способом кроль на груди и изучаемых показателей позволил выявить следующий характер взаимосвязи. Установлено, что скорость плавания в большей степени зависит от функциональных показателей. Наиболее тесная взаимосвязь скорости плавания с показателем аэробной производительности ($r=0,489$) и ЖЕЛ ($r=0,520$). Данная взаимосвязь закономерна в связи с тем, что стайерские дистанции предъявляют повышенные требования к показателям физической работоспособности.

Обратно пропорциональная взаимосвязь выявлена с показателем времени простой двигательной реакции ($r=-0,323$). Не выявлено взаимосвязи скорости плавания с психофизиологическим показателем, характеризующим уравновешенность нервной системы. Таким образом пловцы, специализирующиеся на длинные дистанции должны отличаться хорошими моторными способностями, однако без выраженных преобладаний процессов возбуждения или торможения в коре больших полушарий головного мозга.

Регрессионный анализ подтвердил анализ корреляционных взаимосвязей и выявил еще один значимый показатель – относительный показатель МПК, который является наиболее информативным параметром физической работоспособности.

Коэффициент множественной корреляции: 0,630. Множественная линейная связь признана статистически значимой на уровне 0,05. Выборочное значение F-критерия для дисперсии: 8,2.

С увеличением значимости функциональных показателей значимость морфологических показателей уменьшается. Так, корреляционный анализ определил наибольшую взаимосвязь скорости плавания только с показателями, характеризующими продольные размеры тела. Невысокая по тесноте взаимосвязь отмечена с такими показателями, как масса тела ($r=0,375$), абсолютная поверхность тела ($r=0,382$).

Регрессионный анализ подтвердил анализ взаимосвязей, однако математическая модель признана неадекватной – коэффициент детерминации 0,316.

Корреляционный анализ между показателями силовой подготовленности и скоростью плавания на дистанции 1500 метров выявил более тесную взаимосвязь с максимальными тяговыми усилиями в динамическом режиме при плавании в полной координации ($r=0,454$), при помощи движений руками ($r=0,427$) и ногами ($r=0,413$). Между показателями силовой подготовленности, проявляемой в неспецифических условиях, и скоростью плавания выявлена невысокая взаимосвязь (таблица 3). Данная взаимосвязь еще раз подтверждает, что с увеличением дистанции влияние силовых показателей, проявляемых в неспецифических условиях, уменьшается, так как в достижении высокой скорости на стайерских дистанциях ведущая роль принадлежит функциональному развитию органов и систем организма.

Выводы

В результате корреляционного анализа взаимосвязи скорости плавания на различных дистанциях и изучаемых показателей на этапе высшего спортивного мастерства было установлено, что:

1. *Скорость плавания на дистанции 100 метров* в значительной степени зависит от морфологических показателей. Наибольшая взаимосвязь отмечается с показателями тотальных, продольных, обхватных размеров тела, абсолютных показателей мышечной и костной ткани, т.е. с показателями, косвенно характеризующими силовые возможности пловцов. Это подтверждается более тесной корреляционной взаимосвязью скорости плавания с силовыми параметрами, проявляемыми в неспецифических и специфических условиях водной среды. Значительное влияние на достижение высокой скорости оказывают высокие моторные способности и высокая возбудимость, реактивность нервной системы. Невысокая взаимосвязь отмечена с показателями, характеризующими аэробную производительность. Это обусловлено тем, что основным механизмом энергообеспечения работы максимальной мощности является анаэробный. Однако значимость аэробной производительности в спринте довольно высока, что подтверждается регрессионным анализом зависимости скорости плавания от функциональных показателей.

2. *Скорость плавания на дистанции 400 метров* в значительной степени обусловлена морфологическими показателями, однако значимость и количество признаков, влияющих на скорость плавания, снижается. Наиболее тесная взаимосвязь выявлена с показателями тотальных, продольных размеров тела, абсолютным показателем мышечной массы. Тесная взаимосвязь отмечается с показателями силовых возможностей, проявляемых в специфических и неспецифических условиях, где наиболее тесная взаимосвязь выявлена с показателями тяговых усилий в динамическом режиме, что свидетельствует о том, что на данной дистанции большое значение имеет функциональное развитие сократительных свойств рабочих мышц. Увеличивается значимость функциональных показателей, характеризующих аэробную производительность и ЖЕЛ, что является вполне закономерным. Средняя по значимости взаимосвязь скорости плавания выявлена с временем простой двигательной реакции, что свидетельствует о том, что спортсмены, специализирующиеся на средние дистанции, должны отличаться и моторными способностями.

3. *На дистанции 1500 метров* значимость морфологических показателей снижается. Наиболее тесная взаимосвязь выявлена с показателями продольных размеров тела. Средняя по тесноте взаимосвязь отмечена с абсолютным показателем мышечной массы, что свидетельствует о зависимости скорости плавания от показателей силовой подготовленности. Наиболее тесная взаимосвязь скорости плавания отмечена с показателями тяговых усилий в динамическом режиме, однако взаимосвязь с показателями, проявляемыми в неспецифических условиях, свидетельствует о том, что физически более подготовленные спортсмены имеют предпочтение в развитии силы, проявляемой в специфических условиях. Высокая корреляционная взаимосвязь отмечается с функциональными показателями, что свидетельствует о том, что успеха на данной дистанции могут добиться пловцы только с высокими функциональными параметрами, характеризующими физическую работоспособность.

4. Регрессионный анализ подтвердил анализ корреляционных связей и позволил выявить совокупность показателей, в наибольшей степени влияющих на спортивный результат в плавании на дистанциях 100, 400 и 1500 метров.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Булгакова, Н. Ж. Отбор и подготовка юных пловцов / Н. Ж. Булгакова. – М. : Физкультура и спорт, 1978. – 152 с.
2. Булгакова, Н. Ж. Теоретические основы отбора и подготовки спортивного резерва в плавании / Н. Ж. Булгакова // Теория и практика физ. культуры. – 1980. – №12. – С. 33–36.
3. Булгакова, Н. Ж. Отбор и подготовка спортивного резерва – важнейшая задача ДЮСШ / Плавание. – Вып. 1. – М. : Физкультура и спорт, 1982. – С. 39–41.
4. Булгакова, Н. Ж. Отбор и подготовка юных пловцов / Н. Ж. Булгакова. – М. : Физкультура и спорт, 1986. – 191 с. с ил.
5. Давыдов, В. Ю. Отбор в плавании по морфофункциональным и силовым показателям спортсменов разных типов полового развития : учеб.-метод. пособие / В. Ю. Давыдов. – Волгоград : ВГАФК, 1995. – 22 с.
6. Давыдов, В. Ю. Теоретические основы спортивного отбора и специализации в олимпийских водных видах спорта дистанционного характера : автореф. дис. ... д-ра биол. наук / В. Ю. Давыдов. – М. : МГУ, 2002. – 40 с
7. Давыдов, В. Ю. Морфологические показатели и результаты педагогического тестирования, как критерии отбора и ориентации юных девочек-пловчих 11–13-летнего возраста в многолетнем тренировочном процессе подготовки / В. Ю. Давыдов, В. И. Саввин // Современное состояние проблемы подготовки спортсменов в водных видах спорта : сб. науч. тр. – Л. : ЛНИИФК, 1990. – С. 122–128.
8. Воронцов, А. Р. Многолетняя подготовка юных пловцов – алгоритм и инструмент планирования спортивного успеха / А. Р. Воронцов // Актуальные проблемы подготовки квалифицированных пловцов : мат-лы. Всерос. науч.-практ. конференции 5–7 сентября 2011 г. – М., 2011. – С. 21–35.
9. Морфологические критерии отбора и контроля в плавании : методические рекомендации / В. Ю. Давыдов [и др.]. – М., 1991. – 36 с.
10. Платонов, В. Н. Общая теория подготовки спортсменов в олимпийском спорте / В. Н. Платонов. – К. : Олимпийская литература, 1997. – 583 с.
11. Платонов, В. Н. Плавание / В. Н. Платонов. – К. : Олимпийская литература, 2000. – 495 с.

Поступила в редакцию 09.02.16

E-mail: v-davydov55@list.ru

V. Yu. Davydov, A. V. Petryaev, A. S. Sinitsin, A. N. Mankevich

INTERRELATION OF MORPHOFUNCTIONAL, FORCE AND PSYCHO-PHYSIOLOGICAL INDICES AND SPEED OF SWIMMING-SWIMMING PLANTS WITH THE LENGTH OF DISTANCE AT THE STAGE OF HIGHER SPORTS MASTER

In modern conditions the organization of sports of the highest achievements of the selection are considered in close connection with the orientation of the student. In the selection process, the orientation is towards the choice for the athlete's sport or narrow specialization in one of the disciplines of the sport, on the definition of individual patterns of long-term preparation and content of training loads depending on the peculiarities of preparation and competition.

Keywords: sports selection, functional, power, physiological characteristics, swimming different ways and at different distances.

УДК 502.171 : 546.212] – 093/ – 098

Е. И. Дегтярёва¹, Е. М. Науменко², В. В. Сотникова¹, В. С. Волчек¹

¹УО "Гомельский государственный медицинский университет", г. Гомель, Республика Беларусь

²УЗ "Республиканский государственный центр гигиены и эпидемиологии",
г. Минск, Республика Беларусь

ХАРАКТЕРИСТИКА МИКРОБИОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ ГОРОДА ГОМЕЛЯ И ГОМЕЛЬСКОГО РАЙОНА В ПЕРИОД С 2013 ПО 2016 ГОД

В результате микробиологических исследований изучено состояние водных объектов города Гомеля и Гомельского района. В данной статье представлены статистические данные о микробиологическом состоянии воды в период с 2013 по 2016 год, а также данные о динамике изменения удельного веса положительных проб в водной экосистеме исследуемых объектов со временем. Было установлено, что в отношении микробиологической чистоты состояние ведомственного водопровода г. Гомель лучше, чем коммунального. В 2015 году отмечен всплеск микробиоты в нецентрализованном, коммунальном, ведомственном водоснабжении. В водоёмах г. Гомеля с 2014 по 2016 годы наблюдалось увеличение количества условно патогенной микрофлоры. В ходе изучения корреляции между микробиологическим состоянием сточных вод и водой в водоёмах выявлена обратная зависимость.

Ключевые слова: водоёмы, нецентрализованное, коммунальное, ведомственное водоснабжение, сточные воды, Гомель, Гомельский район.

Введение

Водные объекты, располагающиеся на территории г. Гомеля и Гомельского района, являются основными источниками воды для населения. На исследуемые водные объекты оказывается сильное антропогенное воздействие, которое, в свою очередь, обуславливает высокую загрязненность водных объектов на данной территории.

В водных экосистемах микрофлора является интегрирующим звеном и с высокой скоростью реагирует на изменение условий окружающей среды, служит показателем качества воды и состояния экосистемы в целом.

Цель работы: дать оценку микробиологическому состоянию водных ресурсов города Гомеля и Гомельского района. Изучить динамику микробиологического состояния изучаемых водных объектов с течением времени.

Материалы и методы исследования

Исследования проводились на базе УЗ "Республиканский государственный центр гигиены и эпидемиологии" г. Гомеля. В период с 2013 по 2016 года с целью отбора проб воды осуществлялись многократные выезды на такие водные объекты города Гомеля и Гомельского района, как: водоёмы, коммунальный и ведомственный водопровод, источники нецентрализованного водоснабжения и сточные воды.

Отбор проводился со среднего горизонта с учётом требований асептики. Перед посевом пробы тщательно, без образования пены, перемешивали не менее 30 секунд и фламбировали край ёмкости. Исследуемые пробирки и чашки маркировали. Новые порции воды для анализа тщательно перемешивали.

Перед посевом физиологический раствор для разведения разливали по 9 мл в пробирки с соблюдением правил стерильности. Затем в первую пробирку с 9 мл раствора вносили 1 мл анализируемой воды. При этом наконечник не должен быть опущен ниже поверхности воды, чтобы избежать смывания бактерий с наружной стороны. Другой стерильной пипеткой или дозатором тщательно перемешивали содержимое пробирки, отбирали из нее 1 мл и переносили в чашку Петри, что соответствовало посеву 0,1 мл анализируемой воды. Другой стерильной пипеткой делали посев 1 мл из второй пробирки, что соответствовало посеву 0,01 мл анализируемой воды. В случаях высокого уровня загрязнения воды разбавление продолжали

аналогично, каждый раз меняя пипетку или наконечник. Время от момента приготовления разведения и заливки питательным агаром не должно превышать 30 минут [1].

Микробиологическую чистоту воды, принятой для исследования, определяли при помощи фуксин-сульфитной среды Эндо. Пробы, которые дали положительный результат, далее исследовали при помощи лактозной питательной среды для подтверждения способности ферментировать лактозу до кислоты и газа.

I. Согласно используемым при определении качества воды нормативным документам Республики Беларусь [2], о микробиологической чистоте воды коммунального и ведомственного водопровода свидетельствуют следующие показатели:

- отсутствие термотолерантных колиформных бактерий;
- отсутствие общих колиформных бактерий;
- отсутствие колифагов;
- общее микробное число не должно превышать 50.

При проведении исследований должны соблюдаться следующие условия:

1. При определении проводится трехкратное исследование по 100 см³ отобранной пробы воды.

2. Превышение норматива не допускается в 95% проб, отбираемых в точках водоразбора наружной и внутренней водопроводной сети в течение 12 месяцев, при количестве исследуемых проб не менее 100 за год.

3. Определение проводится в системах водоснабжения из поверхностных источников перед подачей воды в распределительную сеть.

4. Определение проводится при оценке эффективности технологии обработки воды.

II. О микробиологической чистоте децентрализованных источников водоснабжения свидетельствуют следующие показатели [3]:

1. Отсутствие общих колиформных бактерий. При отсутствии общих колиформных бактерий производится определение глюкозоположительных колиформных бактерий с постановкой оксидазного теста. По эпидемическим показаниям вода исследуется на наличие патогенных микроорганизмов кишечной группы.

2. Общее микробное число (при 37°С) не превышает 100 КОЕ/100 см³.

3. Отсутствие термотолерантных колиформных бактерий.

4. Отсутствие колифагов.

III. О микробиологической чистоте воды в поверхностных источниках свидетельствуют [4]:

1. Не более 100 КОЕ индикаторного показателя (кишечная палочка).

2. Отсутствие возбудителей кишечных инфекций бактериальной этиологии в 1 дм³.

IV. Сточные воды не имеют нормированных показателей чистоты.

В ходе исследований учитывались следующие показатели: количество проведенных исследований, положительные исследования, количество проб, положительные пробы.

Количество проведенных исследований – исследования, проведенные со всеми поступившими образцами.

Количество проб – исследования, проведенные на подозрительных и положительных образцах, выявленных отбором из общих исследований, проведенных на всех поступивших образцах.

Положительные исследования – количество исследований от общего количества, давшие положительную реакцию (наличие колоний на среде Эндо).

Положительные пробы – количество исследований из числа положительных, давшие положительный результат при исследовании в реакции кислота/газ.

Кроме того, был проведен расчёт удельного веса (процента) положительных исследований и проб от общего количества, соответственно.

Полученные экспериментальные результаты статистически обработаны и в статье представлены в виде цифр, таблиц и графиков.

Результаты исследования и их обсуждение

Полученные в ходе экспериментальных исследований результаты представлены в таблицах 1–5.

Согласно полученным данным, была изучена динамика изменения удельного веса положительных проб водных объектов города Гомеля и Гомельского района в период с 2013 по 2016 год. Результаты исследований представлены на рисунках 1–5.

Таблица 1. – Микробиологическое состояние водоёмов города Гомеля и Гомельского района в период с 2013 по 2016 год

Показатель/Год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год
Количество исследований, шт.	1141	1082	935	762
Количество положительных исследований, шт.	277	183	185	167
Удельный вес положительных исследований, %	24,3	16,9	19,8	21,9
Количество проб, шт.	471	325	352	231
Количество положительных проб, шт.	179	111	131	103
Удельный вес положительных проб, %	38	34,2	37,2	47,2

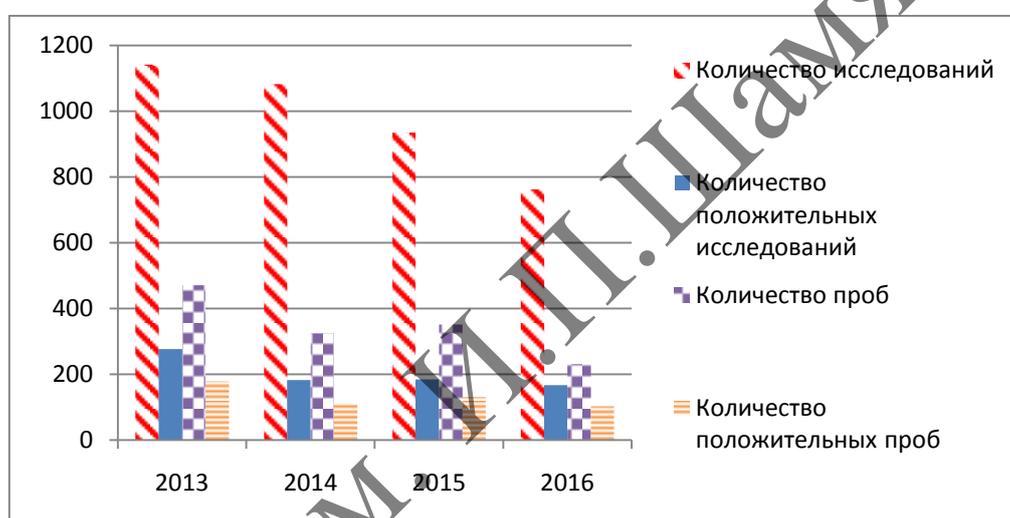

Рисунок 1. – Динамика изменения удельного веса положительных проб водоёмов города Гомеля и Гомельского района в период с 2013 по 2016 год

Таблица 2. – Микробиологическое состояние объектов нецентрализованного водоснабжения города Гомеля и Гомельского района в период с 2013 по 2016 год

Показатель/Год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год
Количество исследований, шт.	1296	2391	2728	3735
Количество положительных исследований, шт.	359	328	596	351
Удельный вес положительных исследований, %	27,7	13,7	21,8	9,4
Количество проб, шт.	625	797	910	1245
Количество положительных проб, шт.	292	248	447	290
Удельный вес положительных проб, %	46,7	31,1	49,1	23,3

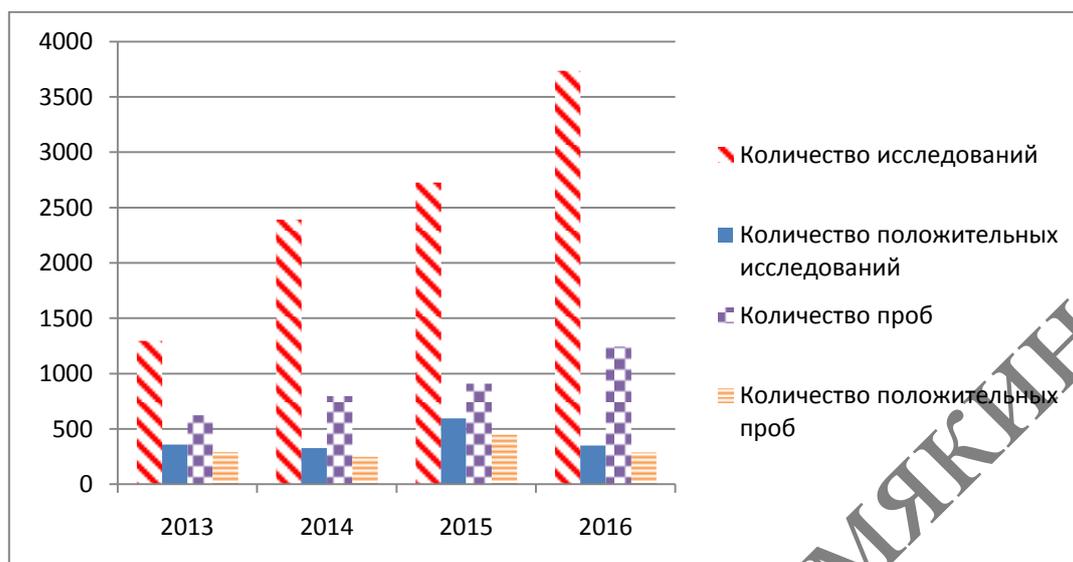

Рисунок 2. – Динамика изменения удельного веса положительных проб децентрализованного водоснабжения города Гомеля и Гомельского района в период с 2013 по 2016 годы

Таблица 3. – Микробиологическое состояние объектов коммунального водоснабжения города Гомеля и Гомельского района в период с 2013 по 2016 год

Показатель/Год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год
Количество исследований, шт.	10910	13491	14134	14115
Количество положительных исследований, шт.	213	152	495	235
Удельный вес положительных исследований, %	2	1,1	3,5	1,7
Количество проб, шт.	5342	4737	4808	4698
Количество положительных проб, шт.	179	139	471	215
Удельный вес положительных проб, %	3,4	2,9	9,8	4,6

Количество проб воды, отбираемых для исследования, с 2013 по 2016 годы увеличилось на 3205 проб. В исследуемый период количество положительных проб низкое. Наиболее высокий показатель положительных проб наблюдался в 2015 году (в 3 раза по сравнению с предыдущим годом).

В период с 2013 по 2016 год уменьшается количество отбираемых проб воды из водоёмов для микробиологических исследований. В 2014 году наблюдалось уменьшение количества положительных проб, однако с 2015 года удельный вес положительных проб ежегодно увеличивался на 10%. Причины, по которым наблюдается рост положительных проб, могут быть различными: климатические условия (увеличение температуры воды способствует усилению размножения микробиоты), усиление антропогенного воздействия на открытые источники воды и другие.

Большое внимание последние годы уделяется микробиологической чистоте воды нецентрализованного водоснабжения, о чем свидетельствует количество отбираемых проб в период с 2013 по 2016 год (количество проб увеличилось на 2439 проб). В 2015 году наблюдался всплеск микробиоты в исследуемых пробах воды, что повлекло за собой в 2016 году увеличение количества отбираемых проб на экспертизу (на 1007 проб). В 2016 году увеличение микрофлоры в пробах воды, отобранных из нецентрализованного водопровода, не наблюдалось.

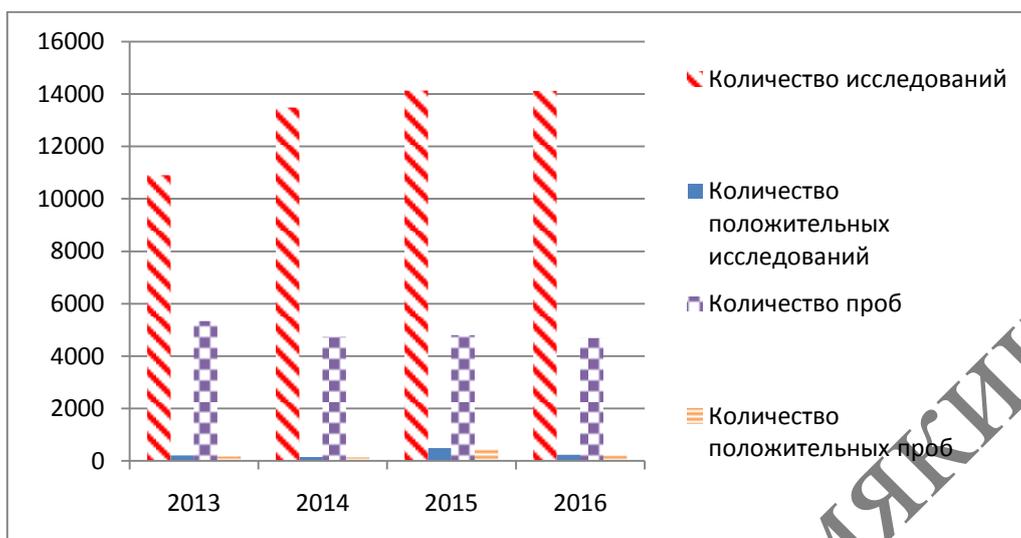

Рисунок 3. – Динамика изменения удельного веса положительных проб объектов коммунального водоснабжения города Гомеля и Гомельского района в период с 2013 по 2016 год

Таблица 4. – Микробиологическое состояние объектов ведомственного водоснабжения города Гомеля и Гомельского района в период с 2013 по 2016 год

Показатель/Год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год
Количество исследований, шт.	6279	6897	10145	11029
Количество положительных исследований, шт.	95	31	337	106
Удельный вес положительных исследований, %	1,5	0,4	3,3	1
Количество проб, шт.	2840	2198	3392	3801
Количество положительных проб, шт.	80	27	298	95
Удельный вес положительных проб, %	2,8	1,2	8,8	2,5

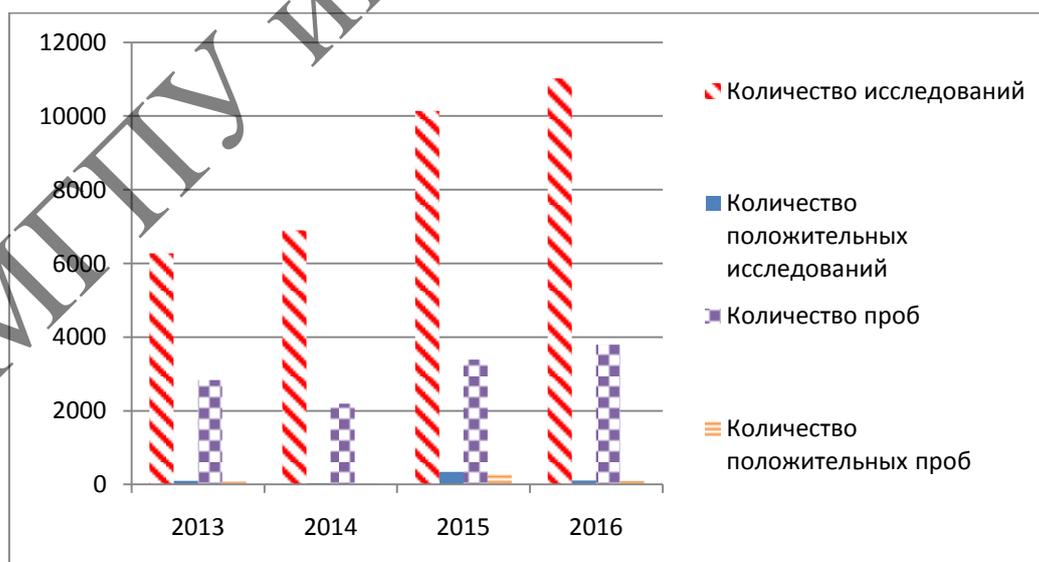

Рисунок 4. – Динамика изменения удельного веса положительных проб объектов ведомственного водоснабжения города Гомеля и Гомельского района в период с 2013 по 2016 год

Таблица 5. – Микробиологическое состояние сточных вод города Гомеля и Гомельского района в период с 2013 по 2016 год

Показатель/Год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год
Количество исследований, шт.	294	418	519	418
Количество положительных исследований, шт.	79	88	81	79
Удельный вес положительных исследований, %	43,4	21,1	15,6	18,9
Количество проб, шт.	170	182	220	193
Количество положительных проб, шт.	44	54	52	49
Удельный вес положительных проб, %	25,9	29,7	23,6	25,4

Количество отбираемых проб воды из ведомственного водопровода для микробиологических исследований в период с 2013 по 2016 год увеличилось на 4750 проб. Количество положительных проб очень низкое, однако, как и в коммунальном водопроводе, в 2015 году наблюдалось увеличение количества положительных проб в 8 раз в сравнении с предыдущим годом.

Количество отбираемых проб из источников сточных вод небольшое. В сравнении с 2013 годом есть тенденция к увеличению отбираемых проб для исследований. Количество положительных проб, в среднем, за год составляет 48. В 2015 году, когда наблюдался всплеск микробиоты в водоемах, нецентрализованном, коммунальном, ведомственном водоснабжении в сточных водах количество условно патогенной микрофлоры было снижено.

Анализируя результаты, представленные графически на рисунке 6, можно говорить о том, что в 2015 году наблюдается наибольший удельный вес положительных проб в источниках нецентрализованного, коммунального и ведомственного водоснабжения, а в 2016 году – в водоемах.

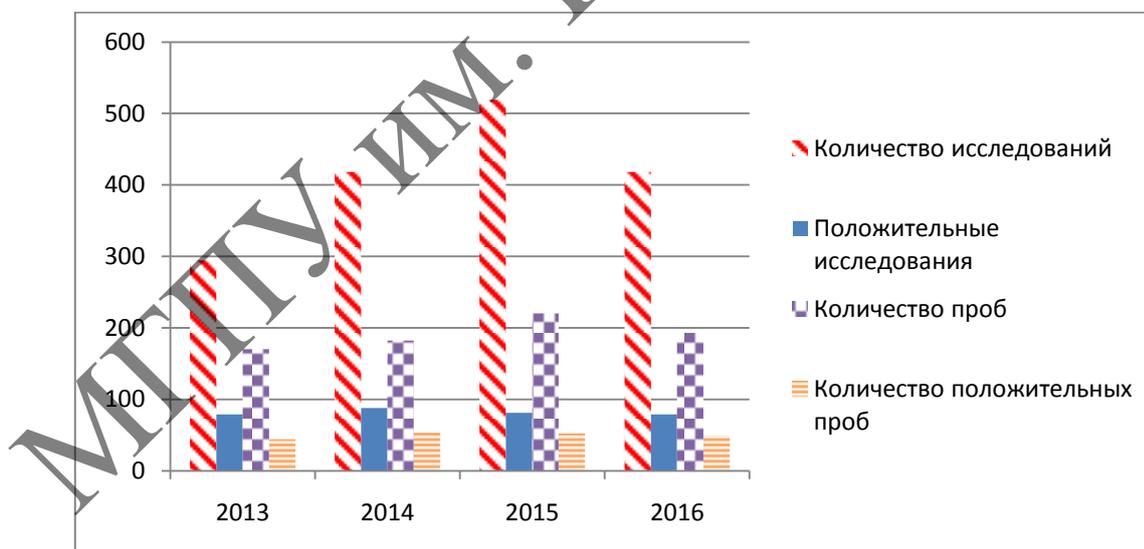

Рисунок 5. – Динамика изменения удельного веса положительных проб сточных вод города Гомеля и Гомельского района в период с 2013 по 2016 год

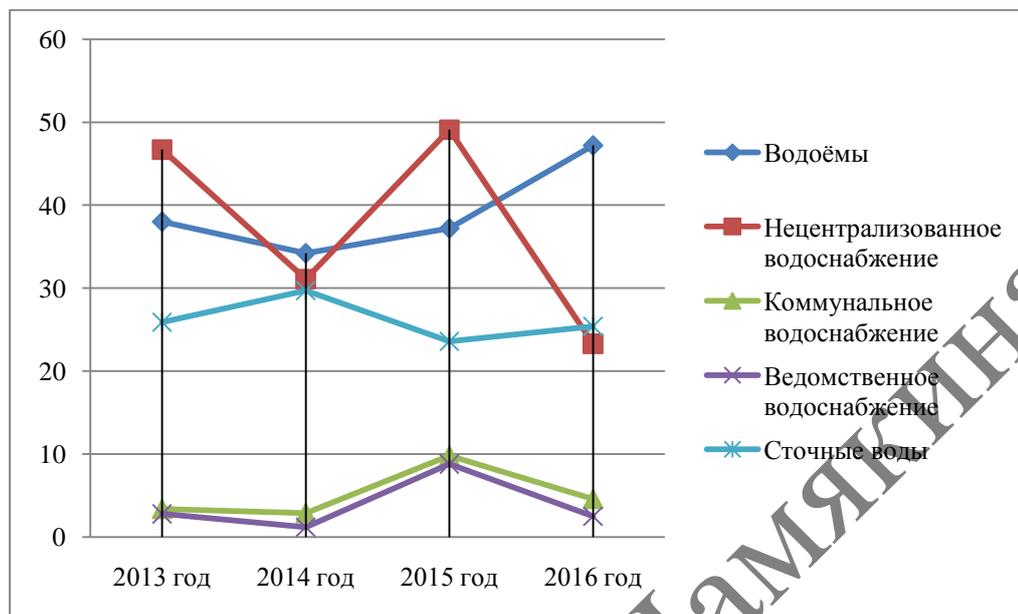

Рисунок 6. – Удельный вес положительных проб исследуемых водных объектов города Гомеля и Гомельского района в период с 2013 по 2016 год

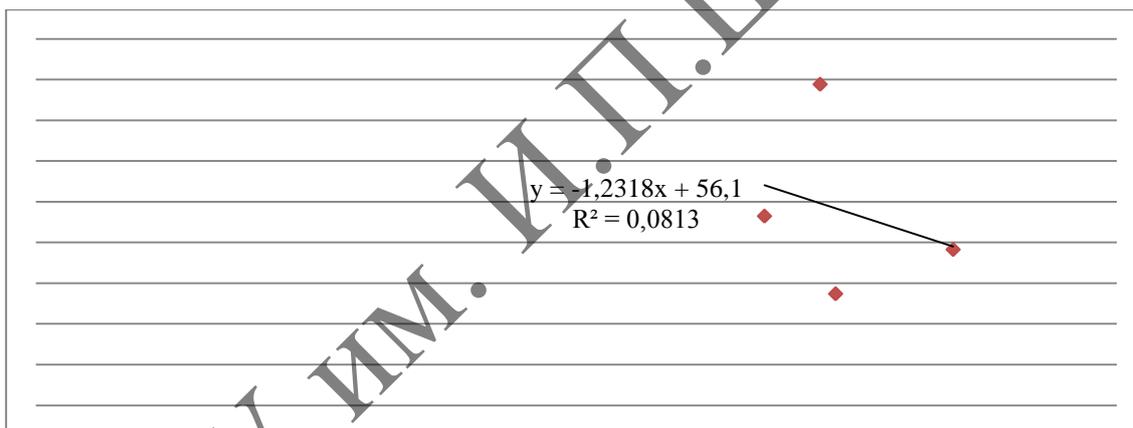

Рисунок 7. – Корреляционная зависимость между удельным весом положительных проб воды сточных вод и водоёмов города Гомеля и Гомельского района в период с 2013 по 2016 год

Корреляционная связь между выборками описывается линейной функцией Пирсона: $y = -1,2318x + 56,1$. Парный коэффициент корреляции между двумя выборками имеет среднее значение $r = -0,29$ (низкая степень зависимости, зависимость обратная).

Выводы

В ходе исследования водных ресурсов города Гомеля и Гомельского района в период с 2013 по 2016 года были сделаны следующие выводы:

1. Удельный вес положительных проб воды из водоёмов города Гомеля и Гомельского района повышается с 2014 года (34,2%).
2. Нецентрализованные источники водоснабжения имеют наибольший процент встречаемости положительных проб среди исследуемых водных объектов (23,3-49,1%).
3. Минимальное значение удельного веса положительных проб источников нецентрализованного водоснабжения наблюдался в 2016 году (23,3%), в то время как в 2015 году он был в 2,1 раз выше (49,1%).
4. В частоте встречаемости положительных проб воды из источников коммунального и ведомственного водоснабжения прослеживается общая тенденция. Учитывая то, что данные виды

водоснабжения вовсе не должны иметь положительных результатов проб, наблюдается наименьший удельный вес положительных проб (2,9-9,8% и 1,2-8,8%, соответственно) в сравнении с остальными исследуемыми водными ресурсами. Минимальное значение удельного веса положительных проб – в 2014 году (2,9% и 1,2%, соответственно). Максимальное – в 2015 году (9,8% и 8,8%, соответственно). В 2016 году количество положительных проб несколько снижается в сравнении с 2015 годом. Стоит отметить, что микробиологическое состояние ведомственного водопровода лучше, нежели коммунального. Данное обстоятельство, вероятнее всего, связано с микробиологической загрязненностью труб, через которые вода в данных видах водоснабжения подаётся.

5. Наблюдается низкая обратная корреляционная зависимость между парами показателей: удельный вес положительных проб сточных вод – удельный вес положительных проб водоёмов. Это говорит о том, что чем больше удельный вес положительных проб сточных вод, тем меньше удельный вес положительных проб водоёмов.

Данное обстоятельство может быть объяснено несколькими предполагаемыми причинами:

- наличие бактериофагов к микробиоте, содержащейся в водоёмах;
- большое количество антибиотиков в сточных водах;
- содержание в сточных водах микроорганизмов, конкурирующих с микроорганизмами в водоёмах;
- снижение в сточных водах количества веществ, благоприятно влияющих на развитие микроорганизмов в водоёмах;
- снижение объёма сточных вод.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Санитарно-бактериологический, санитарно-вирусологический и санитарно-паразитологический анализ воды поверхностных водных объектов [Текст] : инструкция по применению / Т. И. Серокая [и др.] ; Респ. центр гигиены, эпидемиологии и общ. здоровья [и др.]. – Минск, 2009. – 51 с.

2. Постановление главного государственного санитарного врача Республики Беларусь от 28 ноября 2005 года: санитарные правила и нормы 2.1.2.12-33-2005 "Гигиенические требования к охране поверхностных вод от загрязнения".

3. Постановление главного государственного санитарного врача Республики Беларусь от 22 ноября 2006 года: санитарные правила и нормы 2.1.4.12-23-2006 "Санитарная охрана, гигиенические требования к качеству воды источников нецентрализованного питьевого водоснабжения населения"

4. Постановление главного государственного санитарного врача Республики Беларусь от 11 декабря 2009 года: санитарные правила и нормы 2.1.4.12-23-2006 "Требования к содержанию поверхностных водных объектов при их рекреационном использовании".

Поступила в редакцию 26.06.17

E-mail: elena.degtyaryova@tut.by

E. I. Degtyaryova, E. M. Naumenko, V. V. Sotnikova, V. S. Volchek

CHARACTERISTIC OF THE MICROBIOLOGICAL STATE OF WATER RESOURCES OF THE CITY OF GOMEL AND GOMEL REGION IN THE PERIOD FROM 2013 TO 2016

As a result of microbiological studies, the state of water bodies of the city of Gomel and the Gomel region was studied. This article presents statistical data on the microbiological state of water in the period from 2013 to 2016, as well as data on the dynamics of changes in the proportion of positive samples in the water ecosystem of the studied objects over time. It was found that with regard to microbiological purity the state of the departmental water supply in Gomel is better than the municipal one. In 2015, there was a surge of microbiota in non-centralized, communal, departmental water supply. In the waters of the city of Gomel from 2014 to 2016, there was an increase in the number of conditionally pathogenic microflora. In the course of studying the correlation between the microbiological state of wastewater and water in reservoirs, an inverse relationship is revealed.

Keywords: water bodies, non-centralized, municipal, departmental water supply, sewage, Gomel, Gomel region.

УДК: 612.112 + 612.017.1 + 612.014.4

Д. Н. Дроздов¹, А. В. Кравцов²¹Кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры зоологии, физиологии, генетики,
УО ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель, Республика Беларусь²Фельдшер-лаборант, ГУЗ ГГКПБ, г. Гомель, Республика Беларусь**ДИНАМИКА СРОЧНОЙ АДАПТАЦИИ ЭРИТРОЦИТОВ
К ДЕЙСТВИЮ РЕГУЛЯРНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ У МОЛОДЫХ МУЖЧИН**

В работе представлены результаты исследования влияния физической нагрузки на показатели периферической крови человека. В качестве объекта исследования рассматривалась периферическая кровь, взятая у обследованных мужчин в возрасте от 20 до 35 лет до и после тренировки. Целью исследования стала оценка силы влияния физической нагрузки и стажа тренировочных занятий на содержание гемоглобина и эритроцитов; изучение динамики срочной адаптации клеток красной крови к действию физической нагрузки и ее связь с физической работоспособностью группы молодых мужчин, занимающихся в спортивной секции любительского спорта и имеющих разный стаж занятий.

Ключевые слова: эритроцит, физическая нагрузка, тест PWC₁₇₀

Введение

Реакция системы крови на физическую нагрузку предполагает существование гетерохронного включения различных механизмов, обеспечивающих адаптацию к повышенному кислородному запросу. Клетки красной крови одними из первых реагируют на воздействие фактора нагрузки, одними из первых либо возвращаются к исходному уровню, либо адаптируются к изменившимся условиям существования [1]. Под действием нагрузки на начальном этапе происходит гемоконцентрация, обусловленная выбросом в кровоток депонированных эритроцитов. При дальнейшем действии нагрузки наблюдается гемодилюция и эритродиализ (Хмелева С. Н., 1998; Бельченко Л. А., 2001; Парапара А. А., 2005; Perier C., 1999; Deitrick R. W., 2002; Minetti M., 2006). Гемодилюция обусловлена уменьшением количества эритроцитов в плазме и связана с увеличением общего объема плазмы. Отток плазмы происходит из депо крови и органов, непосредственно не принимающих прямого участия в обеспечении функционирования мышц. В результате этого происходит перераспределение общего объема циркулирующей крови, гематокрита и содержания эритроцитов. Согласно работам Merrill E., Wells R., 1961 и Snigger G., 1971, наблюдается увеличение гематокритного числа на 25%, что ведет к увеличению вязкости крови на 20%.

Таблица 1 – Предельная длительность физических нагрузок разной интенсивности (Карпман В. Л. [и др.], 1988)

Интенсивность мышечной работы, % от МПК	Предельное время работы	
	нетренированные люди	тренированные люди
100	1-5 мин	10-15 мин
90	10 мин	50 мин
75	20 мин	3 ч
50	1 ч	8,5 ч
30	8,5 ч	—

В условиях достаточного долговременного действия фактора интенсивной физической нагрузки, например, во время бега более 10 мин часть плазмы уходит из сосудистого русла в межклеточную жидкость. Благодаря чему происходит увеличение концентрации элементов крови, прежде всего эритроцитов, транспортирующих кислород. Hartmann, Jokl показали, что во время бега на 3–10 км происходит увеличение числа эритроцитов на 10–20%. В таких условиях один и тот же объем крови способен перенести больше кислорода работающим мышцам. Результатом эритроцитоза является увеличение кислотной емкости крови, которая повышается на 4–10% [2].

Эритродиерез, разрушение эритроцитов, является стимулом для эритроцитопоза клетками красного костного мозга, селезенки и лимфатической ткани. Ведущим эндогенным фактором регуляции эритроцитоза является эритропоэтин, гормон гликопротеиновой природы, который стимулирует пролиферацию и дифференцировку эритроидных клеток. Эритропоэтин преимущественно образуется в югстагломерулярном аппарате почек (ЮГА) в ответ на понижение парциального давления кислорода в крови [3], [4].

При выполнении физической нагрузки увеличивается расход энергии и возрастает потребление кислорода (VO_2). Постепенное возрастание мощности ФН вызывает увеличение сердечного выброса и артериовенозной разницы по кислороду ($AV O_2$). Причем на начальных этапах наблюдается линейная зависимость между VO_2 и $AV O_2$, которая на определенном этапе достигает предельного уровня. Согласно [5], пределом для тренированных людей, после которого VO_2 стабилизируется и дальше не нарастает, несмотря на дальнейшее увеличение нагрузки, является момент времени соответствующий 15-й минуте. К этому моменту времени функциональная система крови достигает максимального потребления кислорода (МПК или VO_{2Max}), которое определяется как наибольшее количество кислорода, потребляемого за минуту. МПК служит мерой аэробной мощности кардио-респираторной системы и выражается в объеме кислорода на килограмм массы тела (мл/кг) за минуту. Величина МПК варьирует в широких пределах и зависит от состояния центрального кровотока и способности мышц утилизировать кислород. На величину МПК влияют возраст, пол, размер тела, уровень физической активности [5].

Таблица 2. – Аэробная мощность кардио-респираторной системы нетренированных и тренированных молодых людей [5]

Возраст, лет	Максимальное потребление кислорода, мл/(кг мин)	
	Нетренированные	Тренированные
20	45±5	60±5
30	52±7	80±4

Величина МПК тесно коррелирует с результатами определения физической работоспособности по тесту PWC_{170} . В диапазоне нагрузок 1100-1800 кгм/мин корреляция носит линейный характер и используется для оценки аэробной производительности аппарата кровообращения и физического состояния организма в целом. Прямое определение МПК осуществляется в процессе сложного и довольно громоздкого эксперимента. Поэтому чаще используется метод непрямого определения МПК по результатам теста PWC_{170} или степ-теста. Использование линейной зависимости МПК и физической работоспособности позволяет проследить характер загруженности кардио-респираторной системы на разных этапах выполнения физической нагрузки. А также оценить механизм адаптации эритроцитарного звена как у тренированных спортсменов профессионалов, так и у непрофессионалов, которые, тем не менее, регулярно занимаются физкультурой. В данной работе изучена динамика срочной адаптации клеток красной крови к действию физической нагрузки и ее связь с физической работоспособностью группы молодых мужчин, занимающихся в спортивной секции любительского спорта и имеющих разный стаж занятий.

Материал и методика исследований. Для достижения поставленной цели на базе кафедры зоологии, физиологии и генетики УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», УО «Гомельская федерация Джиу-джитсу», а также ГУЗ ГГКПБ №3 в течение двух месяцев проводилось обследование группы мужчин в возрасте от 20 до 35 лет. В обследовании приняли участие 57 человек, регулярно занимающихся в секции от 1 до 3 лет и более. В режим тренировочных занятий входит 30-минутная разминка, которая включает: 15 минут бег в умеренном темпе (30 м/мин), 15 минут комплекс силовых упражнений (подтягивания 20 раз в минуту, отжимания от пола 50 раз в минуту, приседания 50 раз в минуту). После выполнения разминочных упражнений участники 30 минут выполняли элементы спарринга (броски). Начальный этап тренировки можно охарактеризовать как комплекс упражнений средней аэробной мощности, которому соответствует уровень потребления кислорода 55–65% от индивидуального максимального поглощения. Это упражнения, при выполнении которых почти вся энергия рабочих мышц обеспечивается аэробными процессами. Основным энергетическим субстратом служат жиры рабочих мышц и крови, в меньшей степени значение имеют углеводы (дыхательный

коэффициент около 0,8). Предельная продолжительность таких упражнений до нескольких часов. Заключительный этап тренировки (спарринг) сочетает скоростно-силовые упражнения со статическим напряжением мышечной системы (броски и захваты). Статическое напряжение адаптировано к работе преимущественно в анаэробном режиме. Частота дыхательных движений во время выполнения элемента увеличивается до 35–40 и более движений в минуту [6].

Проведение обследования включало забор периферической крови до начала выполнения упражнений и сразу после окончания. Методика включала стандартную процедуру взятия капиллярной крови из пальца в мини-контейнер, содержащий консервант и антикоагулянт трилон-В. В течение часа пробы были доставлены в клинично-диагностическую лабораторию ГУЗ «ГТКПБ №3» и обработаны на автоматическом гематологическом анализаторе SX10000i, предназначенном для диагностики *in vitro*. В основе работы анализатора используется метод проточной флуоресцентной цитометрии с использованием полупроводникового лазера. Эритроциты анализировались с помощью эритроцитарного детектора, использовался метод гидродинамической фокусировки [7]. Для определения физической работоспособности и последующей оценки МПК использовался тест «PWC-170» (Physical Work Capacity), предложенный Т. Sjostrand (1947) и модифицированный В. Л. Карпманом (1974). По классификации функциональных проб тест «PWC₁₇₀» является двухмоментной пробой, где используется субмаксимальная физическая нагрузка. По определению физическая работоспособность – это величина, выражающаяся в той мощности нагрузки, при которой пульс достигает 170 ударов в минуту. Обследуемые последовательно выполняли две нагрузки в течение 5 минут с 3-минутным интервалом отдыха между ними. В последние 30 секунд пятой минуты каждой нагрузки пальпаторно подсчитывался пульс. Величина первой нагрузки составляла 1 Вт на кг массы тела, величина второй нагрузки – 1,5 Вт/кг. Мощность первой нагрузки (W₁) подбиралась в зависимости от массы тела обследуемого с таким расчетом, чтобы в конце 5-й минуты пульс (f₁) достигал 110–115 уд/мин. Мощность второй нагрузки определяли с помощью формулы 1:

$$W_2 = W_1 \cdot [1 + (170 - f_1) / (f_1 - 60)], \quad (1)$$

где W₁ и W₂ – мощность первой и второй нагрузки,

f₁ и f₂ – частота пульса в минуту в конце первой и второй нагрузки.

Для выполнения теста использовался велоэргометр М32-В1, Беларусь. Частота педальирования поддерживалась на уровне 60 оборотов в минуту. После выполнения теста производился пересчет результирующей величины в килограммометры в 1 минуту (кгм). Расчет уровня физической работоспособности проводился по формуле Карпмана В. Л. (1974):

$$PWC-170 = (W_1 + (W_2 - W_1)) \cdot ((170 - f_1) / (f_2 - f_1)), \quad (2)$$

Определение МПК производилось с помощью формулам Карпмана (1976) для лиц с невысокой степенью тренированности. Статистическая обработка результатов обследования выполнена с использованием прикладных программ MS Excel 2007 и Statistica for Windows 6.0. Оценка достоверности различий осуществлялась на основе t-критерия Стьюдента. Влияние физической нагрузки на показатели крови оценено методом однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA).

Результаты исследований и их обсуждение

Исследование периферической крови до нагрузки показало, что содержание гемоглобина в крови составило в среднем 151,19±0,88 г/л, а содержание эритроцитов – 4,92±0,05×10¹²/л, т. е. данные показатели находятся в пределах нормы (p<0,05). Среднее содержание гемоглобина крови после нагрузки увеличилось вплоть до верхней границы нормы, 159,44±0,96 г/л. Среднее значение содержания эритроцитов составило 5,50±0,10×10¹²/л, что превышает верхнюю границу нормы на 8%. Согласно [8, 195], в условиях физической нагрузки количество эритроцитов может достигать величины 6,0×10¹²/л. Сравнение средних значений указанных показателей показало достоверное различие между содержанием гемоглобина и эритроцитов до и после нагрузки (p<0,01). Методом ANOVA оценено, что сила влияния фактора нагрузки на вариацию значений содержания гемоглобина составляет 26%, а эритроцитов 28% (p<0,05). Увеличение содержания гемоглобина и эритроцитов периферической крови может указывать на то, что под действием фактора физической нагрузки возникает срочная адаптация [8]. Характер развития срочной адаптации имеет индивидуальные особенности, которые могут быть обусловлены многими факторами, среди которых можно выделить стаж и регулярность тренировочной деятельности.

Из рисунка видно, что в динамике количества эритроцитов до и после нагрузки хорошо выражено смещение среднего значения, двукратное изменение вариационного размаха и дисперсии распределения, а также снижение коэффициента эксцесс.

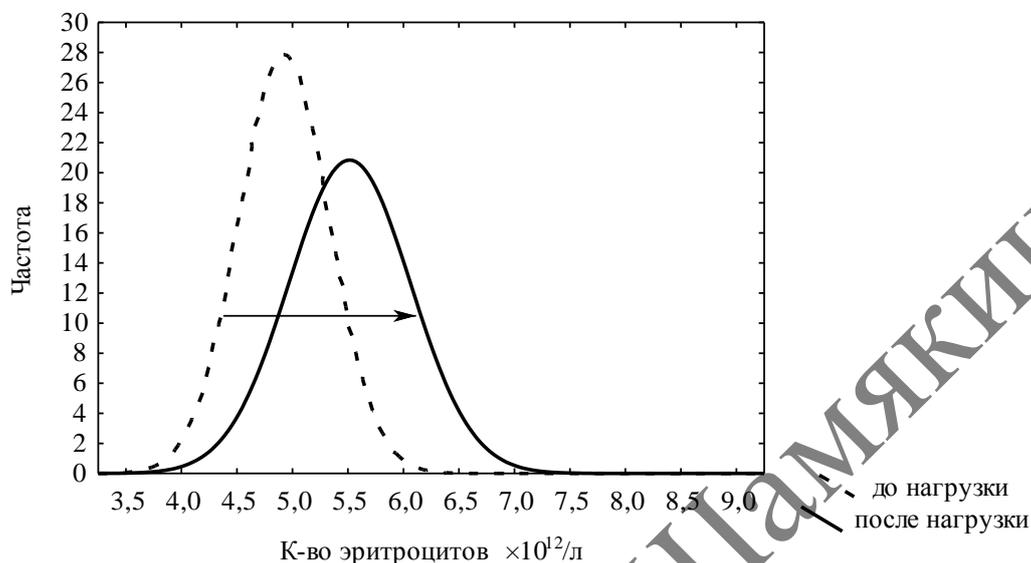

Рисунок – Распределение количества эритроцитов в крови до и после физической нагрузки молодых мужчин

В таблице 3 приведены средние значения содержания гемоглобина и количества эритроцитов до и после физической нагрузки у молодых мужчин, имеющих разный стаж тренировочной деятельности.

Таблица 3. – Реакция клеток красной крови на физическую нагрузку

Стаж	Показатели			
	Гемоглобин, г/л		Эритроциты, $\times 10^{12}/л$	
	до физ. нагрузки	после физ. нагрузки	до физ. нагрузки	после физ. нагрузки
1	152,64 \pm 1,51	159,55 \pm 1,54	4,76 \pm 0,10	5,36 \pm 0,08
2	137,93 \pm 1,34	145,37 \pm 1,38	4,63 \pm 0,08	5,45 \pm 0,07
3	149,08 \pm 1,30	157,20 \pm 1,98	5,08 \pm 0,09	5,73 \pm 0,25

Анализ результатов таблицы 3 показал, что средний прирост показателей в разных группах, в зависимости от стажа тренировочной деятельности, составляет 5% от исходной величины. Из чего следует, что стаж такого рода нагрузок не оказывает значимого влияния на динамику рассмотренных показателей, сила влияния фактора составила менее 1%. Под действием фактора физической нагрузки кислородная емкость крови в среднем увеличилась менее чем на 15%. Однако наблюдается некоторое пропорциональное увеличение количества эритроцитов после нагрузки, коррелирующее со стажем занятий.

Оценку физической работоспособности и последующий расчет МПК производили с учетом группировки в зависимости от уровня физической работоспособности и стажа занятий в секции, полученные результаты представлены в таблице 4.

Из результатов, приведенных в таблице 4 видно, что наблюдается недостоверное увеличение МПК ($p > 0,05$), а также некоторое увеличение вариации этого показателя в группе, имеющей стаж регулярных тренировок от трех и более лет. Прослеживается общая закономерность между увеличением количества эритроцитов и изменением МПК в зависимости от стажа тренировок. Однако оценка корреляции на выборочных данных не дает достоверного подтверждения этой зависимости, поскольку коэффициент корреляции составляет 0,39 ($p < 0,05$).

Таблица 4. – Оценка МПК молодых мужчин, имеющих разный стаж тренировок

Уровень ФР	Стаж тренировок, лет					
	1		2		3	
	%	МПК, мл/кг	%	МПК, мл/кг	%	МПК, мл/кг
Ниже среднего	4	48,05±1,36 (2,36)*	5	47,44±1,48 (2,17)	-	-
Средний	11	50,91±1,16 (2,84)	28	51,58±1,00 (4,02)	9	52,76±1,72 (3,84)
Выше среднего	5	51,73±0,57 (0,98)	19	59,08±0,78 (2,63)	7	58,01±1,89 (3,78)
Высокий	-	-	5	63,13±0,10 (0,96)	7	68,45±2,48 (4,96)

* – стандартное отклонение

Выводы

В результате проведенного исследования оценена реакция клеток красной крови на действие физической нагрузки. Установлено увеличение количества гемоглобина и эритроцитов в периферической крови, которое достоверно отличается от исходного уровня. Сила влияния фактора физической нагрузки на сдвиг показателей красной крови оценена в 26–28%. Не установлено достоверного влияния стажа на динамику показателей до и после физической нагрузки. Оценка физической работоспособности обследованной когорты показала, что наблюдается неравномерное увеличение работоспособности во времени. Среднее значение МПК в зависимости от стажа тренировок увеличивается, однако статистически достоверной корреляционной связи между показателями крови и МПК установить не удалось.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шаяхметов, Н. Н. Адаптивные реакции сердечно-сосудистой системы юношей и девушек 20–22 лет на физическую нагрузку малой мощности / Н. Н. Шаяхметов, Р. Г. Ардеев // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18, №2. – С. 399–402.
2. Горизонтов, П. Д. Система крови как основа резистентности и адаптации организма / П. Д. Горизонтов. – Физиологический журнал СССР, 1981. – Вып. 27 (3). – С. 317–321.
3. Земкцовский, Э. В. Спортивная кардиология / Э. В. Земкцовский. – СПб.: Гиппократ, 1995. – 448 с.
4. Афанасьев, Ю. И. Гистология: учебник / Ю. И. Афанасьев, Н. А. Юрина; под ред. Ю. И. Афанасьева. – М.: Медицина, 1999. – 744 с.
5. Кубарко, А. И. Нормальная физиология: учебник: в 2 ч. / А. И. Кубарко, А. А. Семенович, В. А. Переверзев. – Минск: Вышэйшая школа, 2014. – Т. 2. – 604 с.
6. Волков, Н. И. Энергетический обмен и работоспособность человека в условиях напряженной мышечной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Н. И. Волков. – М., 1969. – 18 с.
7. Александров, Н. П. Изменения в системе красной крови человека (эритроциты) при адаптации к новым условиям / Н. П. Александров // Здоровье. – 2010. – №1. – С. 16–25.
8. Солодков, А. С. Физиология человека. Общая. Спортивная. Возрастная / А. С. Солодков, Е. Б. Сологуб. – М.: Олимпия Пресс, 2005. – 528 с.
9. Дроздов, Д. Н. Влияние физической нагрузки на показатели периферической крови человека / Д. Н. Дроздов, А. В. Ковалев // Вестник Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шемякина, 2015. – № 2(46). – С. 11–16.

Поступила в редакцию 30.01.17

E-mail:: iskatelsmysla@mail.ru

D. N. Drozdov, A. V. Kravtsov
**DYNAMICS OF URGENT ACTION ADAPTATION
 OF ERYTHROCYTE REGULAR PHYSICAL ACTIVITY IN YOUNG MEN**

The results of studies of the effect of physical activity on human peripheral blood. The object of investigation was considered peripheral blood taken from the surveyed men aged 20 to 35 years before and after training. Estimated strength of the effect of physical activity and length of training sessions on the content of hemoglobin and red blood cells. The dynamics of urgent adaptation of red blood cells to the action of physical activity and its relationship to the physical performance a group of young men involved in sports and amateur sports clubs with different length classes.

Keywords: erythrocyte, exercise, PWC170 test.

УДК 599.742.73

С. А. Зяцьков¹, Г. Г. Гончаренко²

¹Старший преподаватель, кафедра зоологии, физиологии и генетики, физиологии и генетики, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь

²Член-корреспондент НАН Беларуси, доктор биологических наук, профессор, кафедра зоологии, физиологии и генетики, заведующий кафедрой зоологии, физиологии и генетики, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь

МИКРОСАТЕЛЛИТНЫЕ ЛОКУСЫ В ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ДАКТИЛОСКОПИИ ОСОБЕЙ И ПОРОД ДОМАШНЕЙ КОШКИ *FELIS CATUS* L.

В работе представлены данные по геному домашней кошки *Felis catus*. Рассмотрены микросателлитные локусы в качестве наиболее удобных генетических маркеров для дактилоскопии особей и пород *F. catus*. Охарактеризованы идентификационная панель, основанная на использовании 10 локусов с динуклеотидными повторами с вероятностью совпадения генотипа, равной 10^{-10} , а также 11-локусная панель с тетра- и пентануклеотидными повторами с вероятностью совпадения $10^{-6}-10^{-8}$.

Ключевые слова: микросателлиты, *Felis catus*, STR-локус, праймеры, идентификационная панель.

Введение

Успешное развертывание исследований по проекту «Геном кошки» (2002-2007) [1, 657-686], [2, 1675-1689] дало возможность анализировать на молекулярном уровне, как отдельные структурные гены, так и любые другие участки ДНК в геномах этого вида. Установлено, что гаплоидный геном домашней кошки *Felis catus* L. (19 хромосом) содержит $2,7 \times 10^9$ нуклеотидных пар (н.п.) и более 20 тыс. генов [2, 1675-1689].

В последние годы на основе данных по структуре генома стремительно развиваются методы ДНК-идентификации, позволяющие проводить дактилоскопию отдельных особей, генетическую паспортизацию пород и установление видовой принадлежности особей семейства (сем.) Кошачьи.

Целью данной статьи было охарактеризовать микросателлитные локусы в качестве наиболее удобных генетических маркеров для дактилоскопии особей и пород *F. catus*. и рассмотреть многолокусные идентификационные панели, используемые в практической работе.

Результаты исследований и их обсуждение

Характеристика микросателлитных локусов

Одним из наиболее удобных и широко используемых маркеров для ДНК-идентификации являются микросателлиты. Это особый класс ДНК-маркеров, представляющих собой фрагменты ДНК с большим количеством – до ста и выше – tandemно повторяющихся идентичных «мотивов». Мотивом является короткая последовательность из нескольких (от двух до восьми) пар нуклеотидов, обычно называемая «повтором» [3, 21-28].

В зависимости от длины повтора микросателлиты классифицируют на локусы с ди-, три-, тетра-, пента- и гексануклеотидными повторами. Таким образом, микросателлитом, или микросателлитным локусом (STR-локусом, Short Tandem Repeats) называют участок ДНК, расположенный в конкретной хромосоме и содержащий короткие tandemные повторы.

Аллели микросателлитного локуса отличаются друг от друга числом повторов и, как следствие, длиной. Микросателлитные локусы высокополиморфны, т.е. для каждого из них имеется много аллелей. Например, локус FCA149, локализованный в хромосоме В1 домашней кошки, содержит динуклеотидные повторы ТГ [4, 1039-1051]. В популяциях *F. catus* обнаружено

6 аллелей этого локуса (с числом повторов от 13 до 18). Нуклеотидная последовательность фрагмента ДНК, содержащего повторы ТГ и прилежащие к повторам справа и слева (фланкирующие) последовательности ДНК, представлены на рисунке 1. Из рисунка хорошо видно, что данный аллель локуса FCA149 имеет 17 повторов ТГ. Поэтому формула данного локуса записывается как FCA149 (ТГ)₁₇ [4, 1039-1051].

5' – ggacttccat ttaataagac cccactccc tggaagaaa ta**tggtgtgtg tgtgtgtgtg**
tgtgtgtgtg tgtgtgtgtacg tattcatccc acacatggtg agacaccag antnctctag–3'

Рисунок 1. – Фрагмент ДНК, содержащий ТГ повторы локуса FCA149 и фланкирующие участки

Микросателлитные фрагменты выявляют методом полимеразной цепной реакции (ПЦР), обеспечивающим **амплификацию** – многократное увеличение копий данного фрагмента ДНК. Синтез этого фрагмента инициируется ДНК-затравками в виде пары **праймеров**, синтетических олигонуклеотидов, комплементарных нуклеотидным последовательностям на границах исследуемого фрагмента. Так как микросателлитные аллели короткие и вместе с праймерами обычно не превышают 200–300 п.н., то даже сильно поврежденный биологический материал может содержать полные копии исследуемого фрагмента ДНК, обеспечивая их успешную амплификацию. Именно по этой причине ПЦР микросателлитов оказался особенно важным для судебно-медицинских исследований. Для исследуемого микросателлитного локуса конструируют такую пару праймеров, чтобы комплементарные им фланкирующие участки ДНК были высокоспецифичны, т.е. отсутствовали в других участках генома. Длина праймеров должна быть не менее 20–30 п.н., их 3'-концы не должны быть комплементарными друг другу [5, 74-78].

Интересным примером микросателлитного локуса является протоонкоген вируса саркомы кошки *fes/fps*, который расположен в длинном плече хромосоме 15 человека и содержит тетра-нуклеотидные повторы АТТТ в интроне 5 этого гена. Повторы АТТТ и определяют микросателлитный локус, обозначаемый как FES/FPS. В популяциях человека обнаружен ряд аллелей локуса FES/FPS с числом повторов от 7 до 15. На рисунке 2 дана нуклеотидная последовательность фрагмента интрона 5 гена *fes/fps* между позициями 4631 и 4800, где располагаются повторы АТТТ (полная длина гена *fes/fps* превышает 12 тыс. пар нуклеотидов). Формула STR-локуса FES/FPS записывается как (АТТТ)₁₁, поскольку в наиболее характерном аллеле содержится 11 повторов АТТТ (на рисунке 2 выделены жирным). На этом же рисунке подчеркнуты участки ДНК для пары праймеров, которые успешно используются при амплификации аллелей локуса FES/FPS.

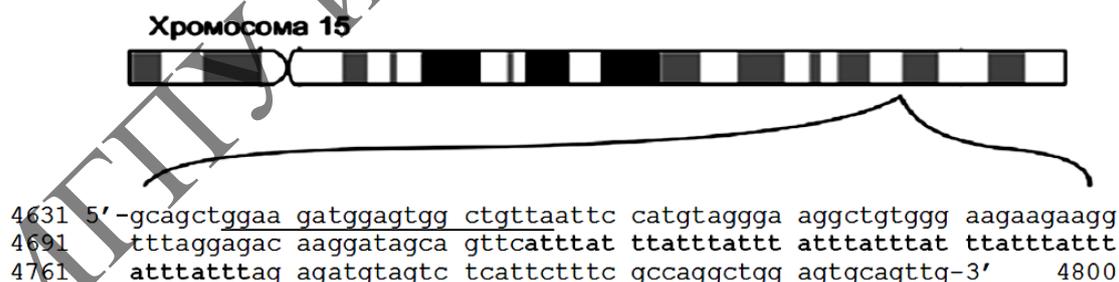

Рисунок 2. – Фрагмент ДНК, содержащий АТТТ повторы микросателлитного локуса FES/FPS и фланкирующие участки, расположенные в интроне 5 протоонкогена вируса саркомы кошки *fes/fps*, локализованного в длинном плече хромосоме 15 человека

Необходимо подчеркнуть, что в последние десятилетия были разработаны эффективные методы анализа микросателлитов с использованием праймеров, меченных флуоресцентными красителями, с последующей детекцией продуктов реакции с помощью автоматических секвенаторов ДНК [6, 1026-1031].

*Панель микросателлитных локусов для идентификации особей *F. catus**

За последние годы было установлено, что микросателлитные локусы у всех исследованных видов являются высокополиморфными, включая и микросателлиты *F. catus*, с десятками аллелей в каждом локусе и высокими темпами мутирования [7, 278-281], [8, 235-245], [9, 2749-2757].

Поскольку микросателлитные локусы являются селективно-нейтральными, они не подвержены действию естественного отбора. Комбинация аллелей таких локусов является уникальной характеристикой каждой особи.

Интересно отметить, что уже в первой работе, посвященной разработке методов дактилоскопии кошек на основе микросателлитов Менотти-Раймонд с соавторами [4, 1039-1051] использовали **10 микросателлитных локусов с динуклеотидными повторами**. В предыдущем разделе нашей статьи приведен пример (рисунок 1) для одного локуса FCA 149. В нем обнаружено 6 аллелей, содержащих динуклеотидный мотив ТГ с количеством повторов от 13 до 18. Следовательно, при 6 аллелях в популяциях *F. catus* по этому локусу будет 21 различный генотип. Если использовать для идентификации кошек, кроме локуса FCA 149, еще один локус также с 6 аллелями, это позволит различать (21x21) 441 генотип. В работе Менотти-Раймонд и др. [4, 1039-1051] использовалось 10 микросателлитных локусов, количество аллелей в каждом из которых варьировало от 5 до 10. Это означает, что количество возможных многолокусных генотипов по этим 10 генам у кошек составляет более 10 миллиардов (10^{10}). Иными словами, только у одной особи *F. catus* из 10 млрд генотип при использовании этого набора локусов может совпасть с какой-либо другой особью. Таким образом, разработанная по **10 микросателлитным локусам идентификационная панель** позволяет проводить точную генетическую дактилоскопию любой особи *F. catus*.

В дальнейшем исследователи предложили для дактилоскопии кошек использовать набор из **11 микросателлитных локусов, содержащих тетрануклеотидные повторы** [10, 1061-1070]. Тетрануклеотидный мотив, хромосомная локализация, количество аллелей, а также оптимальный набор праймеров для амплификации этих 11 локусов приведены ниже в таблице 1. Данная **идентификационная панель** позволяет проводить точную генетическую дактилоскопию для 28 пород *F. catus* с вероятностью совпадения генотипов у двух особей, равной 10^{-6} , а для непородистых – 10^{-8} [10, 1061-1070]. Эта панель прошла этапы сертификации и получила статус стандарта для ДНК-тестирования в криминалистических лабораториях США.

Таблица 1. – Характеристика 11 тетрануклеотидных микросателлитных локусов, иллюстрирующих ДНК идентификационную панель

Локус	Мотив	Хромосомная локализация	Количество аллелей	Размер ампликонов, н.п.	Последовательность праймеров 5'–3' с указанием флуоресцентной метки
FCA 723	(GGAA) ₈ G(GAAA) ₁₅	A1	20	243–317	F 6FAM-TGAAGGCTAAGGCACGATAGATAGTC R GCCACCCAGGTGTCCTGCTTC
FCA 731	(CCAT) ₉ (CCAT) ₁₁	B1	6	337–401	F 6FAM-ATCCATCTGTCCATCCATCTATT R GGTCCAGCATCTCCACTTGAGG
FCA 733	(GATA) ₁₁	B2	16	128–226	F GATCCATCAATAGGTAATGGATAAAGAAGATG R 6FAM-TGGCTGAGTAATATCCACTGTCTCTC
FCA 736	(ATAC) ₁₀ (CA) ₃ (ATAG) ₁₄	B4	23	164–222	F VIC-CCGAGCTCTGTTCTGGGTATGAA R GTGCTTTCTAGTTGGTCGGTCTGTCTATCTG
FCA 740	(GATA) ₁₁	C1	7	308–336	F NED-CCAAGGAGCTCTGTGATGCAAA R GTTCCCACAGGTAACATCAACCAA
FCA 742	(CTTT) ₁₁	D4	15	122–175	F NED-AAATTTCAATGTCTTGACAACGCATAAG R GCCAGGAACACCATGTTGGGCTA
FCA 749	(GATA) ₁₀ /(GATA) ₆	F2	14	276–416	F PET-GAGGAGCTTACTTAAGAGCATGCGTTC R GTGCTTAAACCTATATTCGGATTGTGCCTGCT
F124	(GAAA) ₁₅	E1	20	255–367	F VIC-TGTGCTGGGTATGAAGCCTACTG R GTGCTTCCATGCCATAAAGGCTCTGA
F53	(GAAA) ₈	A1	11	115–272	F PET-CCTATGTTGGGAGTAGAGATCACCT R GTGCTTGAGTGGCTGTGGCATTTC
F85	(CTTT) ₁₀ (CT) ₁₀ (T) ₄ (CTTT) ₁₅	B1	32	183–301	F NED-TAAATCTGGTCTCACGTTTTTC R GCCTGAAAATGTATCCATCACTTCAGAT
FCA 441	(GATA) ₉	D3	8	113–137	F GTGCTTGTATCGGTAGGTAGGTAGATATAG R VIC-ATATGGCATAAGCCTGAAGCAA

Необходимо добавить, что для контроля происхождения и индивидуальной идентификации кошек Международным обществом генетики животных (ISAG) с 2006 года рекомендована также **идентификационная панель**, использующая систему маркеров, основанную на анализе 9 микросателлитных локусов с ди- и тетрануклеотидными повторами [11, 371-377], [12, 1-7].

Выводы

Таким образом, в данной статье рассмотрены микросателлитные локусы в качестве наиболее удобных генетических маркеров для дактилоскопии особей и пород *F. catus*. Охарактеризованы идентификационная панель, основанная на использовании 10 локусов с динуклеотидными повторами с вероятностью совпадения генотипа, равной 10^{-10} , а также 11-локусная панель с тетрануклеотидными повторами с вероятностью совпадения 10^{-6} - 10^{-8} .

Работа проводилась в рамках тем ГПНИ 16-14 и ГПНИ 16-32, при выполнении Государственных программ «Биотехнологии» и «Природопользование и экология».

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. O'Brien, S. J. The Feline Genome Project / S. J. O'Brien [et al.] // *Annu. Rev. Genet.*, 2002. – V. 36. – P. 657-686.
2. Initial sequence and comparative analysis of the cat genome / J. U. Pontius [et al.] // *Genome Res.*, 2007. – V. 17. – P. 1675-1689.
3. Tautz, D. Notes on the definition and nomenclature of tandemly repetitive DNA sequences / D. Tautz // *DNA Fingerprinting: State of the Science*, Basel, Switzerland, 1993. – P. 21-28.
4. Genetic Individualization of Domestic Cats Using Feline STR Loci for Forensic Applications / M. Menotti-Raymond [et al.] // *Journal Of Forensic Sciences*, 1997. – V. 42 (6). – P. 1039-1051.
5. Животовский, Л. А. Микросателлитная изменчивость в популяциях человека и методы ее изучения / Л. А. Животовский // *Вестник ВОГиС*, 2006. – Т. 10. – № 1. – С. 74-96.
6. Ziegler, J. S. Application of automated DNA sizing technology for genotyping microsatellite loci / J. S. Ziegler, Y. Su, K.P. Corcoran // *Genomics*, 1992. – V. 14. – P. 1026-1031.
7. Spontaneous mutation rates to new length alleles at tandem repetitive hypervariable loci in human DNA / A. J. Jeffreys [et al.] // *Nature*, 1988. – V. 332. – P. 278-281.
8. Spontaneous mutation at the hypervariable mouse minisatellite locus Ms6-hm: flanking DNA sequence and analysis of germline and early somatic mutation events / R. Kelley [et al.] // *Proc. R. Soc. Lond. B.*, 1991. – V. 245. – P. 235-245.
9. Henderson, S. T. Instability of simple sequence DNA in *Saccharomyces cerevisiae* / S. T. Henderson, T.D. Petes // *Mol. Cell. Biol.*, 1992. – V. 12. – P. 2749-2757.
10. An STR Forensic Typing System for Genetic Individualization of Domestic Cat (*Felis catus*) Samples / M. A. Menotti-Raymond [et al.] // *J. Forensic. Sci.*, 2005. – Vol. 50 (5). – P. 1061-1070.
11. An international parentage and identification panel for the domestic cat (*Felis catus*) / M. J. Lipinski [et al.] // *Anim Genet.*, 2007. – V. 38(4). – P. 371-377.
12. Lyons, L. A. Genetic testing in domestic cats / L. A. Lyons // *Molecular and Cellular Probes*, 2012. – doi:10.1016/j.mcp.2012.04.004.

Поступила в редакцию: 01.11.2016

E-mail: zyatkov@gsu.by

Zyat'kov Sergey A., Goncharenko Grigory G.

MICROSATELLITE LOCI IN THE GENETIC FINGERPRINTING OF SPECIES AND BREEDS OF DOMESTIC CATS *FELIS CATUS* L.

This article describes the genome of the domestic cat *Felis catus*. The forensic genotyping panel of 10 dinucleotide STR loci (power of discrimination 10^{-10}) and 11 tetranucleotide STR loci (power of discrimination 10^{-6} - 10^{-8}) for *F. catus* was characterized.

Keywords: Microsatellites, *Felis catus*, STR-locus, primers, identification panel.

УДК 502.4

В. О. Лемешевский

Кандидат сельскохозяйственных наук,
кафедра экологической медицины и радиобиологии, доцент,
Международный государственный экологический институт им. А. Д. Сахарова
Белорусского государственного университета,
г. Минск, Республика Беларусь

ХАРАКТЕРИСТИКА РАСТИТЕЛЬНОСТИ И ФЛОРЫ ЗАКАЗНИКА «ПРОСТЫРЬ»

В ходе исследований на территории заказника «Простырь» выявлено 525 видов высших сосудистых растений, 6 из которых включены в Красную книгу Республики Беларусь и 25 являются редкими для Беларуси. На территории заказника абсолютно доминируют низинные болота, в меньшей степени распространены кустарниковые сообщества, фрагментарно представлены черноольховые леса. Территория характеризуется неустойчивым режимом увлажнения, что обуславливает значительную мозаичность растительного покрова.

Активное применение методов управления местообитаниями и видами на территории заказника сдерживается недостатком или отсутствием экономической мотивации у землевладельцев и местного населения, что усугубляется периферийным положением и транспортной удалённостью заказника.

Ключевые слова: заказник «Простырь», флора, растительность, растительный покров, биотические группы, охраняемые виды растений.

Введение

В современных условиях перед человечеством возникла огромная по масштабам и значению задача – научиться грамотно и целенаправленно регулировать взаимоотношения природы и общества, обеспечить их гармоничное развитие. Рациональное использование флоры и растительности – это комплексная система мероприятий, направленных на сохранение, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов растений, в интересах существующих и будущих поколений людей. Главная цель рационального использования природных ресурсов растений – сбережение видового многообразия (генофонда) флоры [1, 7].

По данным постоянной комиссии по исчезающим видам растений Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП), в среднем еженедельно исчезает 1 вид растений. Флора Беларуси, насчитывающая более 1750 видов высших растений, за последние 100–150 лет сократилась почти на 100 видов. Уничтожаются в основном виды, полезные для человека: пищевые, лекарственные и красиво цветущие растения [2, 11].

Существование биосферы и человека в ней теснейшим образом связано с естественным функционированием биогеоценозов, в которых каждый вид занимает свою экологическую нишу и имеет строго определенное функциональное значение. Поэтому потеря любого вида живых организмов нарушает отлаженную в процессе эволюции функциональную организованность экологических систем. С этими нарушениями связано ухудшение естественных условий жизнедеятельности человека. Именно по этой причине необходима научно обоснованная охрана видового разнообразия на Земле [3, 6].

Решение этой важнейшей проблемы возможно путем составления международной и национальных Красных книг, а также списков редких и исчезающих видов живых организмов различных стран и регионов. Одновременно разрабатываются и принимаются законодательные акты на национальном и межправительственном уровнях, заключаются международные соглашения [4]. В настоящее время во всем мире около 3000 национальных парков и других охраняемых территорий, близких по своим задачам и организации. Они занимают площадь свыше 400 млн гектаров [5, 5].

На территории Беларуси расположены Березинский биосферный заповедник, национальные парки – Беловежская пуца, Браславские озера, Нарочанский, Припятский, 94

заказника республиканского значения, 468 заказников местного значения, а также более 900 памятников природы республиканского и местного значения [6].

Цель наших исследований – изучить и проанализировать растительные сообщества и виды сосудистых растений заказника «Простырь».

Условия, объекты и методы исследований. В административном отношении заказник в существующих границах расположен на территории Пинского района Брестской области в 14 км южнее города Пинска. Территория расположена в междуречье Припяти, Простыри и Стыри. Площадь заказника составляет 3440 га. Территория заказника имеет статус водно-болотного угодья международного значения (Рамсарской территории).

Заказник представляет собой крупное низинное пойменное болото в междуречье Припяти и Простыри. Несмотря на то, что на значительной части территории проложены осушительные каналы, болотный массив сохранился в состоянии, близком к естественному [7].

В геоморфологическом отношении территория представляет собой однообразную плоскую пойменную террасу. Пойма аккумулятивная, высота ее над урезом рек 0,5–1,5 метров. Поверхность сильно заболочена, осложнена обилием стариц и протоков, золовыми формами. Абсолютные отметки поверхности колеблются от 141 до 143 метров. Довольно редко встречаются сухие повышения, не превышающие 0,3–0,5 метров.

Объектом исследования являлись растительные ресурсы заказника «Простырь».

Изучение видового состава сосудистых растений и выявление новых местонахождений охраняемых видов на территории заказника «Простырь» проводилось в ходе полевых сезонов (с мая по сентябрь) 2014–2016 гг. маршрутным и детально-маршрутным методами. Основой для них послужила заранее разработанная в ходе предварительного этапа исследования сеть маршрутов, которая охватывала различные фитоценозы заказника.

Маршруты разрабатывались с использованием имеющихся топографических карт с учетом данных, представленных в научных отчетах и публикациях, сведений об известных местонахождениях охраняемых видов. При движении по маршруту оценивалась реальная обстановка и состояние биотопов в момент обследования. В ходе полевого этапа обследования составлялся общий список сосудистых растений заказника. Особое внимание при этом обращалось на охраняемые виды растений, которые фотографировались [8].

Результаты исследований и их обсуждение

Территория заказника «Простырь» находится в подзоне широколиственно-сосновых лесов на территории Бугско-Полесского геоботанического округа и расположена в Среднеприпятском западном подрайоне Пинско-Припятского геоботанического района. Территория заказника сильно заболочена, что нашло отражение в структуре растительного покрова. Здесь преобладают переувлажненные и довольно однообразные гидро- и гигрофильные растительные сообщества, поскольку небольшое количество видов может успешно выдерживать затопление в течение 2–3 месяцев.

Лесная и кустарниковая растительность. Благодаря низкой, плоской пойме междуречья, в период паводка территория заказника довольно часто затопляется сроком до 3–4 месяцев, отчего этот участок сильно обводнен и практически безлесен. Древесно-кустарниковая растительность занимает около 30 % территории, однако в ее структуре абсолютно доминируют кустарниковые заросли, представленные в основном ивняками.

Все леса заказника относятся к 4 типам леса двух формаций (сообщества черноольховых лесов и сосновых лесов), общая площадь которых в существующих границах заказника составляет всего 83,1 гектара. Черноольховые леса в виде нескольких небольших участков расположены в южной (окрестности д. Паре) и в юго-восточной части (вблизи д. Остров) заказника и в типологическом отношении представлены преимущественно черноольшаниками таволговыми и крапивными.

Насаждения естественного происхождения формируются в слабопроточных ложбинах на торфянистых и торфяно-глеевых почвах. Древостои I-II бонитета. Подлесок редкий из крушины, калины, рябины, черной смородины и малины. В травяно-кустарничковом ярусе обильны крапива двудомная, лабазник вязолистный, сабельник болотный, вербейник обыкновенный, подмаренник болотный, гравилат речной, щитовник мужской. Средний возраст древостоев в лесах заказника – 39 лет.

В структуре лесов абсолютно преобладают насаждения 35–40-летнего возраста, и только на одном участке площадью 0,8 га произрастает черноольшаник в возрасте 25 лет (III класс).

Отмечены также черноольховыи леса крапивного типа, расположенные по самым низким участкам заказника. Большую часть года они залиты водой и представляют собой труднопроходимые топи. В этих лесах, в окрестностях д. Паре отмечен полесский эндемик – крапива киевская, занесенная в Красную книгу Республики Беларусь и Красный список Европы.

Наличие заболоченности, приуроченность к постоянным водотокам вне зависимости от возраста обеспечивают стабильный уровень биоразнообразия данных сообществ.

Кустарники (ивняковые заросли) распространены практически по всей территории заказника. В окрестностях деревень Паре, Стайки и Остров закустаренность местами составляет менее 5 %, тогда как в пойме Гнилой Припяти достигает 80–100 %. Здесь ивняки образуют практически непроходимые заросли и представлены ивами ушастой, трехтычинковой, пурпурной.

Ивовые заросли вкраплены отдельными массивами в луговые фитоценозы или встречаются в виде небольших пятен практически по всей территории. Это в основном сообщества с участием *Salix triandra*, *S. cinerea*, *S. aurita*, *S. pentandra*, *S. alba*, *S. fragilis*, *S. purpurea*, *S. myrsinifolia*, *S. rosmarinifolia*.

Водно-болотная и луговая растительность. Согласно схеме лугорастительного районирования Беларуси, рассматриваемая территория относится к району низинных травяных болот, который простирается от границы с Украиной на северо-восток до устья р. Бобрик – левого притока Припяти. Район низинных травяных болот характеризуется слабым расчленением рельефа поймы Припяти и других рек (Пины, Ясельды, Простыри, Стыри и др.) и преобладанием крупнозлаково-крупноосоковых сообществ. Низиннолуговая растительность занимает $\frac{2}{3}$ луговых угодий.

Водно-болотные угодья занимают около 38 % территории, но их разграничение от луговых угодий часто затруднено, поскольку территория имеет неустойчивый режим увлажнения по годам и в течение сезона значительную мозаичность растительного покрова. Здесь представлены лишь эвтрофные болота различной степени проточности с доминированием злаков, осок и значительным участием крупного разнотравья.

Водная растительность широко представлена на мелководье рек, старичных озерах, протоках, в ручьях, мелиоративных каналах и других водоемах. Всего здесь произрастает более 30 видов. Это в основном различные виды рдестов (*Potamogeton lucens*, *P. natans*, *P. crispus*), *Ceratophyllum demersum*, *Lemna minor*, *L. trisulca*, *Spirodella polyrhiza*, *Hottonia palustris*, *Nuphar lutea*. Среди них есть редкие и охраняемые виды – *Nymphaea alba*, *Salvinia natans*, *Siella erecta*, *Hippuris vulgaris*.

Луговая растительность занимает около 30 % территории заказника. Это в основном заболоченные луговые угодья с доминированием и постоянным участием в составе фитоценозов *Phragmites australis*, *Phalaroides arundinacea*, *Glyceria maxima*, *Carex riparia*, *C. acutiformis*, *C. disticha*, *Descampsia caespitosa* и ряда других видов. Наблюдается мозаичное чередование этих видов в зависимости от степени увлажнения с доминированием крупных злаков, осок, разнотравья.

По небольшим и редко встречающимся гривам, высоким берегам рек в прирусловой пойме распространены небольшие участки мезофитных лугов с доминированием злаков и разнотравья. По берегам р. Припять в окрестностях д. Хойно на повышенных участках рельефа встречаются типично полесские луговые сообщества с участием *Alisma lanceolata*, *Senecio tataricus*, *Gratiola officinalis*, *Eleocharis uniglumis*, *Teucrium scordium*, однако они представлены на данной территории ограниченной и в обедненном составе по сравнению с другими регионами Полесья, что объясняется долгопоемным режимом.

На дюнах изредка отмечаются ксерофитные луга с доминированием булавоносца седого. В окрестностях д. Стайки по локальному повышению среди старопашотного участка отмечены лесостепные сообщества с участием *Gypsophilla paniculata*, *Verbascum phoeniceum*, *Coronilla varia*, *Euphorbia cyparissias*.

В синтаксономической структуре травянистой растительности междуречья Припяти и Простыри выделено 7 ассоциаций. Наиболее широко представлены сообщества *Phalaridetum arundinacea*, реже встречаются сообщества *Caricetum ripariae*, *Phragmitetum communis*, *Caricetum gracilis*, *Glycerietum aquaticae*. Они занимают обширные пространства низких плоских межгривных понижений на всем протяжении рассматриваемой территории, формируются на аллювиально-дерново-глеевых чаще суглинистых и торфянисто- и торфяно-глеевых почвах.

Отсутствие значительной дифференциации в мезорельефе междуречья отразилось на формировании флористически близких травостоев. Заметная разница лишь в доминантах, занимающих, как правило, более половины фитомассы сообществ. Флористическая насыщенность их невысокая – 7–15 видов в сообществах *Scirpetum lacustris* и *Phragmitetum communis* до 17–23 в сообществах *Caricetum ripariae* и *Phalaridetum arundinacea*, – что характерно для категории болотистых лугов вообще.

Наиболее ярко эта тенденция проявляется на примере наиболее распространенных сообществ *Phalaridetum arundinacea* (50–60 % всей площади травяных угодий приходится именно на эти сообщества). Так, здесь обычно обильному канареечнику тростниковидному (*Phalaroides arundinacea* (L.) Rauschert – проективное покрытие от 30 до 90 %) сопутствуют и нередко довольно обильны (покрытие до 10–25 %) *Carex riparia* Curt., *C. acuta* L., *C. omskiana* Meinsh., *C. acutiformis* Ehrh., *C. vesicaria* L., *Iris pseudacorus* L., *Equisetum fluviatile* L., *Galium palustre* L.

Заметно участие гигромезофитов *Calamagrostis canescens* (Web.) Roth, *Caltha palustris* L. и мезогигрофита *Glyceria maxima* (C. Hartm.) Holmb.

Постоянны, но мало обильны *Polygonum amphibium* L., *Lysimachia vulgaris* L., *Stellaria palustris* Retz., *Symphytum officinale* L., *Naumburgia thyrsoiflora* (L.) Reichenb. и др.

Аналогичный флористический состав и у других травяных сообществ (*Caricetum ripariae*, *Glycerietum aquaticaе*, *Caricetum omskianaе*, *Caricetum gracilis*, *Phragmitetum communis* и *Scirpetum lacustris*), разница лишь в доминантах и процентном соотношении обилия (покрытия) содоминантов и сопутствующих видов.

Общая характеристика флоры заказника. Флора заказника «Простырь» из-за сильной заболоченности и абсолютного доминирования эвтрофных пойменных болот отличается сравнительно невысоким видовым богатством. Здесь выявлено 525 видов высших сосудистых растений, большая часть из которых являются типичными гидро- и гигрофитами.

Уникальность флоры заказника обуславливается наличием флористических комплексов, характерных для пойменных лугов и пойменных низинных болот, ранее широко распространенных в Полесье. В результате обширной мелиорации 50–70 годов прошлого столетия эти фитоценозы в большинстве своем стали редкими, а на территории Средней Европы практически исчезли.

Участки, примыкающие к руслу Припяти и Простыри, покрыты крупнотравовыми и разнотравными ассоциациями с преобладанием манников наплывающего (*Glyceria fluitans*) и большого (*G. maxima*), мятлика болотного (*Poa palustris*), лютика жгучего (*Ranunculus flammula*), полевицы ползучей (*Eriophorum polystachyon*), частухи подорожниковой (*A. plantago-aquatica*), двукисточника тростникового (*Phalaroides arundinacea*), а также влаголюбивого разнотравья.

Слегка повышенные элементы рельефа заняты разнотравно-злаковыми лугами. В видовом составе преобладают злаки (3 вида полевицы (*Agrostis*), колосок душистый (*Anthoxanthum odoratum*), метлица полевая (*Apera spicte-venti*), трясунка средняя (*Briza media*), гребенник обыкновенный (*Cynosurus cristatus*), ежа сборная (*Cynosurus cristatus*), луговик дернистый (*Deschampsia caespitosa*), овсяница красная (*Festuca rubra*), 3 вида мятлика (*Poa*), тимopheвка луговая (*Phleum pratense*) и т.д. Широко представлены здесь осоки и разнотравье, в том числе фиалка трехцветная (*Viola tricolor*), лютик ползучий (*Ranunculus repens*), таволга вязолистная (*Filipendula ulmaria*), чина луговая (*Lathyrus pratensis*), гравилат речной (*Geum rivale*) и др.

Значительные площади заняты тростниковыми сообществами. Наряду с тростником обыкновенным (*Phragmites australis*), здесь произрастают манник наплывающий (*Glyceria fluitans*), камыш озерный (*Schoenoplectus lacustris*), розог широколистный (*T. latifolia*) и узколистный (*T. angustifolia*), хвощи приречный (*Equisetum fluviatile*) и болотный (*Equisetum palustre*). Они занимают плоскую сильно заболоченную пойменную террасу. В месте впадения реки Простырь в Припять заросли тростника достигают 3 м высоты.

Зона переувлажненной и заболоченной поймы, окружающая старицы и протоки, покрыта хвощево-осоковыми ассоциациями. В травостое наиболее обычны осоки – острая (*Carex acuta*), черная (*C. nigra*), пузырчатая (*C. vesicaria*), двурядная (*C. disticha*), сближенная (*C. appropinquata*), лисья (*C. vulpina*), вздутая (*C. rostrata*), хвощ приречный (*Equisetum fluviatile*) и влаголюбивое разнотравье – незабудка болотная (*Myosotis palustris*), лютик ядовитый (*Ranunculus sceleratus*), подмаренник болотный (*Galium palustre*), полевица собачья (*Agrostis canina*) и др.

На значительных глубинах озер и протоков расположена полоса рдеста плавающего (*Potamogeton natans*) в сочетании с элодеей канадской (*Elodea canadensis*). Ближе к берегу выделяется полоса растений с плавающими на поверхности листьями: кувшинка чисто-белая

(*Nymphaea candida*), кубышка желтая (*Nuphar lutea*), горец земноводный (*Polygonum amphibium*), водокрас лягушачий (*Hydrocharis morsus-ranae*) и др.

Полоса высоких погруженных в воду макрофитов состоит из камыша озерного (*Schoenoplectus lacustris*), манника большого (*Glyceria maxima*) и хвоща приречного (*Equisetum fluviatile*).

Полоса прибрежно-водных растений включает вахту трехлистую (*Menyanthes trifoliata*), ежеголовник прямой (*Sparganium erectum*), частуху подорожниковую (*Alisma plantago-aquatica*), стрелолист обыкновенный (*Sagittaria sagittifolia*), хвощ топяной (*Equisetum fluviatile*), касатик желтый (*Iris pseudacorus*), рогоз широколистный (*Typha latifolia*), реже узколистый (*Typha angustifolia*). Также здесь очень много аира обыкновенного (*Acorus calamus*), который, однако, не создает больших зарослей, но небольшими участками по понижениям распространен почти повсеместно.

Редкие охраняемые виды флоры заказника. На территории заказника зарегистрировано произрастание 6 редких видов растений, включенных в Красную книгу Республики Беларусь. Среди них сальвиния плавающая (*Salvinia natans*), сиелла прямостоячая (*Siella erecta*), крапива киевская (*Urtica kioviensis*), волдырник ягодный (*Cucubalus baccifer*), кувшинка белая (*Nymphaea alba*) и ирис сибирский (*Iris sibirica*). Также выявлен один вид, охраняемый в Европе (Бернская конвенция), *Jurinea cyanoides*.

Помимо этого, здесь встречается и ряд редких в республике, а также ареальных видов растений, находящихся в Беларуси на естественных границах распространения. Это *Corynephorus canescens*, *Silene lithuanica*, *Koeleria glauca*, *Tragopogon belorussicus*, *Festuca polesica*, *Euphorbia cyparissias*, *Ophioglossum vulgatum*, *Batrachium trichophyllum*, *Alisma lanceolata*, *Senecio tataricus*, *Gratiola officinalis*, *Eleocharis uniglumis*, *Teucrium scordium*, *Salix purpurea*, *Viola persicifolia*, *Juncus inflexus*, *Carex disticha*, *Carex serotina*, *Viscum album*, *Gypsophilla paniculata*, *Verbascum phoeniceum*, *Coronilla varia*, *Holcus lanatus*, *Scrophularia umbrosa*, *Succisaella inflexa*.

В целом рассматриваемая территория является довольно типичной и эталонной для Белорусского Полесья. Здесь в наименее нарушенном состоянии представлены фрагменты разнообразных по растительному покрову участков пойменных болот, которые составляли в недавнем прошлом обширный массив Пинских болот. Сохранившиеся растительные комплексы несомненно требуют внимания и охраны как места произрастания ряда редких и охраняемых видов растений.

Выводы

На основании результатов изучения в период с 2014 по 2016 год видового разнообразия растений и анализа растительных сообществ заказника «Простырь» можно сделать следующие выводы:

1. На территории заказника в существующих границах абсолютно доминируют низинные болота. В меньшей степени здесь распространены кустарниковые сообщества, фрагментарно представлены черноольховые леса. Берега стариц и протоков заняты в основном озерно-камышовыми ассоциациями.

2. Все леса заказника относятся к 4 типам леса двух формаций (сообщества черноольховых лесов и сосновых лесов). В структуре лесов абсолютно преобладают насаждения 35–40-летнего возраста и только на одном участке площадью 0,8 га произрастает черноольшаник в возрасте 25 лет.

3. Кустарники распространены практически по всей территории заказника. В окрестностях д. Паре, Стайки, Остров закустаренность составляет менее 5 %, тогда как в пойме Гнилой Припяти достигает 80–100 %. Это в основном кустарниковые сообщества с участием *Salix triandra*, *S. cinerea*, *S. aurita*, *S. pentandra*, *S. alba*, *S. fragilis*, *S. purpurea*, *S. myrsinifolia*, *S. rosmarinifolia*.

4. Территория заказника имеет неустойчивый режим увлажнения по годам и в течение сезона, что обуславливает значительную мозаичность растительного покрова. Здесь представлены лишь эвтрофные болота различной степени проточности с доминированием злаков, осок и значительным участием крупного разнотравья. Водная растительность широко представлена на мелководье рек, старичных озер, протоков, в ручьях, мелиоративных каналах и других водоемах. Всего здесь произрастает более 30 видов. Это в основном различные виды рдестов (*Potamogeton lucens*, *P. natans*, *P. crispus*), *Ceratophyllum demersum*, *Lemna minor*, *L. trisulca*, *Spirodella polyrhiza*, *Hottonia palustris*, *Nuphar lutea*.

5. Луговая растительность территории заказника представлена в основном заболоченными луговыми угодьями с доминированием и постоянным участием в составе фитоценозов *Phragmites australis*, *Phalaroides arundinacea*, *Glyceria maxima*, *Carex riparia*, *C. acutiformis*, *C. disticha*,

Descampsia caespitosa, *Lysimachia vulgaris*, *Symphytum officinale*, *Mentha arvensis*, *M. aquatica*, *Filipendula denudata*, *Lycopus europaeus*, *Scirpus sylvaticus*, *Calystegia sepium*. По небольшим и редко встречающимся гривам, высоким берегам рек в прирусловой пойме распространены небольшие участки мезофитных лугов с участием *Alisma lanceolata*, *Senecio tataricus*, *Gratiola officinalis*, *Eleocharis uniglumis*, *Teucrium scordium*. На дюнах изредка отмечаются ксерофитные луга с доминированием булавоносца седого. В окрестностях дер. Стайки по локальному повышению среди старопашотного участка отмечены лесостепные сообщества с участием *Gypsophilla paniculata*, *Verbascum phoeniceum*, *Coronilla varia*, *Euphorbia cyparissias*.

6. Флора заказника из-за сильной заболоченности и абсолютного доминирования эвтрофных пойменных болот отличается сравнительно невысоким видовым богатством. Выявлено 525 видов высших сосудистых растений, 6 из которых включены в Красную книгу Республики Беларусь: сальвиния плавающая (*Salvinia natans*), сиелла прямостоячая (*Siella erecta*), крапива киевская (*Urtica kioviensis*), волдырник ягодный (*Cucubalus baccifer*), кувшинка белая (*Nymphaea alba*) и ирис сибирский (*Iris sibirica*). Также выявлен один вид, охраняемый в Европе (Бернская конвенция) – *Jurinea cyanoides*. Также встречаются 25 редких для республики видов: *Corynephorus canescens*, *Silene lithuanica*, *Koeleria glauca*, *Tragopogon belorussicus*, *Festuca polesia*, *Euphorbia cyparissias*, *Ophioglossum vulgatum*, *Batrachium trichophyllum*, *Alisma lanceolata*, *Senecio tataricus*, *Gratiola officinalis*, *Eleocharis uniglumis*, *Teucrium scordium*, *Salix purpurea*, *Viola persicifolia*, *Juncus inflexus*, *Carex disticha*, *Carex serotina*, *Viscum album*, *Gypsophilla paniculata*, *Verbascum phoeniceum*, *Coronilla varia*, *Holcus lanatus*, *Scrophularia umbrosa*, *Succisiella inflexa*.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Галай, Е. И. Использование природных ресурсов и охрана окружающей среды / Е. И. Галай. – Минск, 2007. – 197 с.
2. Парфенов, В. М. Биологическое разнообразие растительного и животного мира Беларуси: курс лекций в 2 ч. / В. И. Парфенов, Л. С. Цвирко. – Мозырь: УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2008. – Ч. 1: Флора и растительность. – 99 с.
3. Голод, Д. С. Вопросы выполнения Плана действий по сохранению и использованию ресурсов растительного мира / Д. С. Голод, Г. Ф. Рыковский // Природные ресурсы, № 3. – Минск: Наука и техника, 2008. – С. 38–44.
4. Балашенко, С. А. Экологическое право / С. А. Балашенко, Д. М. Демичев. – Минск: Ураджай, 2007. – С. 354.
5. Красная книга Республики Беларусь: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды дикорастущих растений. – Минск, 2005. – 320 с.
6. Состояние природной среды Беларуси / ред. В. Ф. Логинов. – Минск, 2008. – 160 с.
7. Парфенов, В. И. Флора и растительность Беларуси: курс лекций / В. И. Парфенов, Л. С. Цвирко. – Мозырь, 2008. – 96 с.
8. Программа и методика биогеоэкологических исследований. – М.: Наука, 1974. – 404 с.

Поступила в редакцию 16.05.17

E-mail: lemeshonak@yahoo.com

Lemiasheusky Viktor

VEGETATION AND FLORA CHARACTERISTICS OF THE RESERVE “PROSTYR”

During the research, 525 species of higher vascular plants were identified on the territory of the reserve "Prostyr", six of which are included in the Red Book of the Republic of Belarus, and twenty five are rare for Belarus. Lowland bogs are dominated on the territory of the reserve, but shrub communities are less common, and black alder forests are represented fragmentarily. The territory is characterized by an unstable regime of moisture which causes a significant mosaic of the vegetation cover.

The active use of habitat and species management methods in the reserve is restrained by the lack or absence of economic motivation among land users and local population, which is worsened by the provincial location and transport remoteness of the reserve.

Keywords: the reserve “Prostyr”, flora, vegetation, vegetation cover, biotic groups, protected plant species.

УДК 582.542.1

А. М. Мяслік

Палескі аграрна-экалагічны інстытут НАН Беларусі, малодшы навуковы супрацоўнік,
г. Брэст, Рэспубліка Беларусь
Навуковы кіраўнік: акадэмік, д.б.н., прафесар Парфёнаў Віктар Іванавіч

СЯМЕЙСТВА GRAMINEAE JUSS. У СКЛАДЗЕ ФЛОРЫ ПРЫПЯЦКАГА ПАЛЕССЯ

У артыкуле прыводзіцца разгляд прадстаўнікоў сямейства *Gramineae* Juss. – буйнейшага ў складзе флоры Прыпяцкага Палесся. Гэтае сямейства прадстаўлена 174 відамі, з якіх 78 з'яўляюцца абарыгеннымі і 96 – адвентыўнымі. Для высвятлення асаблівасцей сямейства выкананы таксанамічны, геаграфічны і біямарфалагічны аналізы абарыгенных і адвентыўных відаў. Для адвентыўнай фракцыі праведзены таксама аналіз, які ўлічвае час і спосаб заносу, а таксама ступень натуралізацыі заносных відаў, што дазваляе ацаніць іх рэальную ролю ў фарміраванні флоры рэгіёна. Для абарыгеннай фракцыі праведзены таксама экалагічны аналіз, які ўлічвае адносінны відаў да эдафатона і кліматона. Праведзеныя аналізы дазваляюць выдзеліць абарыгенныя віды, каштоўныя ў харалагічных і сазалагічных аспектах, а таксама найбольш агрэсіўныя адвентыўныя віды, якія неабходна аднесці да інвазійных.

Ключавыя словы: Прыпяцкае Палессе, злакі, флора, аналіз флоры, таксанамічная структура, аналіз геаграфічнага распаўсюджвання, біямарфалагічная структура флоры, экалагічны аналіз, харалагічныя асаблівасці, інвазійныя віды.

Уводзіны

Згодна з апошнімі падлікамі, флора Прыпяцкага Палесся – фізіка-геаграфічнай акругі ў цэнтральнай частцы Палескай правінцыі [1] – прадстаўлена больш чым 1700 відамі сасудзістых раслін, з якіх 935 відаў адносяцца да абарыгеннай і больш за 765 да адвентыўнай фракцый [2]. Сямейства *Gramineae* (злакавыя) з'яўляецца адным з буйнейшых па колькасці відаў (2-е месца ў спектры) у складзе флоры гэтай тэрыторыі. Яно прадстаўлена 174 відамі, што складае больш за 10% ад іх агульнай колькасці. Абарыгеннымі прадстаўнікамі з'яўляюцца 78 відаў, а 96 – адвентыўнымі. Вядома, што адзначанае сямейства з'яўляецца буйнейшым як у складзе флоры Беларусі [3], так і ў складзе іншых рэгіянальных флор Галарктыкі [4]. Акрамя гэтага, прадстаўнікі сямейства выконваюць важную ролю ў фарміраванні расліннага покрыва, паколькі з'яўляюцца дамінантамі лугава-балотных раслінных супольніцтваў і аграфітацэнозаў. У сваю чаргу, абарыгенныя прадстаўнікі сямейства *Gramineae* па тэрыторыі Беларусі распаўсюджаны нераўнамерна, што з'яўляецца чыннікам рэгіянальнай рэдкасці некаторых з іх. Усё гэта выклікае неабходнасць усебаковага аналізу абарыгенных відаў з мэтай выяўлення іх складу, структуры і выдзялення відаў, каштоўных у сазалагічных адносінах. Разам з тым, значная доля адвентыўных відаў патрабуе вывучэння іх рэальнага ўдзелу ў складзе флоры, што дапаможа выдзеліць таксоны з найбольшай ступенню натуралізацыі ва ўмовах Прыпяцкага Палесся і прадухіліць магчымыя інвазіі.

Зыходзячы з вышэйсказанага, мэта работы – усебаковы аналіз абарыгенных і адвентыўных прадстаўнікоў сямейства *Gramineae*, адзначаных у складзе флоры Прыпяцкага Палесся з выяўленнем харалагічна абумоўленых і рэдкіх абарыгенных, а таксама найбольш агрэсіўных адвентыўных відаў раслін.

Методыка даследавання. Для ўсебаковага аналізу сямейства *Gramineae* выкарыстаны агульнапрынятыя падыходы аналізу фларыстычных сістэм. Для выяўлення асаблівасцей сістэматычнай структуры пабудаваны спектры вядучых родаў па колькасці відаў [5]. Аналіз геаграфічнага распаўсюджвання абарыгенных відаў выкананы згодна са схемай геаграфічных элементаў флоры Беларусі [3], з прапанаванымі намі ўдакладненнямі [6]. Для выканання геаграфічнага аналізу адвентыўнай фракцыі выкарыстана класіфікацыя, якая ўлічвае цэнтры паходжання гэтых відаў [7]. Высветлены таксама час і спосаб заносу адвентыўных відаў на тэрыторыю Беларусі, а таксама ступень іх натуралізацыі [8]. Біямарфалагічны аналіз зроблены з

улікам некалькіх падыходаў: па колькасці фаз цвіцення і плоданашэння раслін на працягу жыцця [9], у сістэме жыццёвых форм па Раўнкіеру [10] і з улікам экалага-марфалагічных прыкмет раслін [9]. Экалагічны аналіз выкананы толькі для відаў абарыгеннай фракцыі з пабудовай спектраў, якія паказваюць адносіны раслін да эдафатопа (вільготнасць і трэфнасць глебы) і кліматопа (кантынентальнасць клімату, тэрмічны рэжым і асветленасць біятопаў) [11]. Пры аднясенні відаў да таго ці іншага геаграфічнага элемента, біямарфалагічнай групы ці экаморфы выкарыстаны наступныя крыніцы [3], [7], [11–17].

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Сямейства *Gramineae* у складзе флоры Прыпяцкага Палесся прадстаўлена 174 відамі, якія аб'яднаны ў 69 родаў. Буйнейшымі з іх па колькасці відаў у складзе спантаннай фракцыі (малюнак 1) з'яўляюцца: *Festuca* – 12, *Poa* – 10, *Agrostis*, *Setaria* і *Bromus* – 7, *Eragrostis* – 6, *Calamagrostis* і іншыя роды па 5 відаў і менш. 78 відаў (44,8 %) з'яўляюцца абарыгеннымі, а 96 (55,2 %) – адвентыўнымі. У складзе абарыгеннай фракцыі буйнейшымі родамі з'яўляюцца: *Poa* – 10, *Festuca* – 8, *Agrostis* – 6, *Calamagrostis*, *Hierochloë* і іншыя роды па 4 віды і менш. Буйнейшымі родамі адвентыўнай фракцыі з'яўляюцца: *Setaria* і *Bromus* – 7 відаў, *Eragrostis*, *Lolium*, *Panicum* і астатнія роды па 5 відаў і менш. Як для спантаннай, так і для абарыгеннай і адвентыўнай фракцый характэрна значная колькасць манавідавых родаў: *Beckmannia*, *Cynosurus*, *Leersia* і многія іншыя.

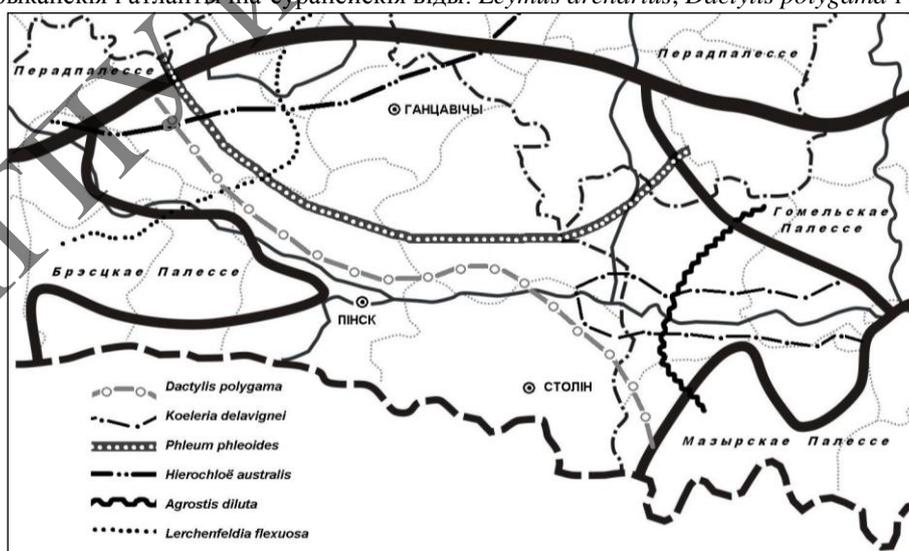
Малюнак 1. – Спектры вядучых родаў сямейства *Gramineae*

Разглядаючы размеркаванне абарыгенных відаў па геаграфічных элементах флоры (табліца 1), можна адзначыць, што віды сямейства *Gramineae* прадстаўлены амаль усімі геаграфічнымі элементамі, выдзеленымі ў складзе флоры Беларусі [3]. Сярод даўжынных элементаў (вызначаюцца, згодна з размеркаваннем відаў па мацерыках) найбольш шматлікімі з'яўляюцца еўрасібірска-аралакаспійскія (*Brachypodium pinnatum*, *Schedonorus giganteus* і інш.), еўрапейскія (*Holcus mollis*, *Leymus arenarius* і інш.), галарктычныя (*Deschampsia cespitosa*, *Poa palustris* і інш.) і еўразіяцкія (*Phleum pratense*, *Dactylis glomerata* і інш.) віды. Сярод шыротных геаэлементаў (выдзяляюцца, згодна з размеркаваннем арэалаў па салярна-кліматых зонах) самай шматлікай з'яўляецца група плюрызональных відаў, прадстаўленая 29 таксонамі (37,2 %), распаўсюджанымі ад арктычных да субтрапічных шырот: *Phalaroides arundinacea*, *Alopecurus aequalis* і іншыя. Даволі шматлікімі з'яўляюцца групы тэмператных (*Agrostis diluta*, *Sieglingia decumbens* і інш.) і барэальна-тэмператных (*Leersia orizoides*, *Agrostis stolonifera* і інш.) відаў, прадстаўленых 18 і 14 таксонамі адпаведна. Нешматлікімі з'яўляюцца аркта-барэальныя (*Hierochloë praetermissa*), аркта-барэа-тэмператныя (*Calamagrostis neglecta*) і барэальныя (*Drymochloa sylvatica*) геаэлементы, прадстаўленыя 3, 4 і 3 відамі. Субмерыдыянальных прадстаўнікоў налічваецца 7 відаў (*Crypsis alopecuroides*, *Hierochloë repens* і інш.), а мерыдыянальныя ўвогуле адсутнічаюць.

Табліца 1. – Размеркаванне абарыгенных відаў па геаэлементах

Даўжынныя элементы	Шыротныя элементы								усяго	%
	плоры- занальныя	аркта- барэальныя	аркта- барэальна- тэмпэратныя	барэальныя	барэальна- тэмпэратныя	тэмпэратныя	субмерыдыя- нальныя	мерыдыя- нальныя		
Касмапаліты і гемікаспапаліты	1	-	-	-	-	-	-	-	1	1,3
Галарктычныя	8	1	-	-	4	2	-	-	15	19,2
Еўраазіяцкія	8	1	2	1	1	1	-	-	14	18,0
Еўраамерыканскія	-	-	1	2	-	-	-	-	3	3,8
Еўрасібірскія	1	1	-	-	4	1	-	-	7	9,0
Еўрасібірска-аралакаспійскія	5	-	-	-	2	8	3	-	18	23,1
Еўрапейска-малаазійскія	1	-	-	-	-	-	2	-	3	3,8
Еўрапейскія	5	-	1	-	3	6	2	-	17	21,8
пан'еўрапейскія	5	-	1	-	-	1	-	-	7	9,0
атлантычныя	-	-	-	-	2	2	-	-	4	5,1
паўночныя	-	-	-	-	1	-	-	-	1	1,3
цэнтральныя	-	-	-	-	-	2	-	-	2	2,6
усходнія	-	-	-	-	-	1	2	-	3	3,8
паўднёвыя	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
усяго	29	3	4	3	14	18	7	-	78	110
%	37,2	3,8	5,1	3,8	18,0	23,1	9,0	-	-	0

Аналіз распаўсюджвання прадстаўнікоў сямейства *Gramineae* [12, 16] паказвае, што 26 відаў (33,3 %) з'яўляюцца харалагічна абумоўленымі, г.зн. знаходзяцца на межах арэалаў. Улічваючы, што сярод усіх відаў абарыгеннай флоры Прыпяцкага Палесся харалагічна абумоўленымі з'яўляюцца 18,0 % відаў [18], можна зрабіць выснову, што сямейства *Gramineae* характарызуецца высокай ступенню такіх таксонаў. Так, на паўднёвай мяжы распаўсюджвання (малюнак 2) знаходзяцца холадаўстойлівыя аркта-барэальна-тэмпэратныя і барэальна-тэмпэратныя віды: *Hierochloë praetermissa*, *Lerchenfeldia flexuosa* і іншыя. Цеплалюбівыя субмерыдыянальныя віды (*Festuca polesica*, *Phleum phleoides* і інш.), наадварот, знаходзяцца тут на паўночнай мяжы свайго арэала. Як правіла, далінай Прыпяці абмяжоўваецца распаўсюджванне некаторых усходнееўрапейскіх і еўрасібірскіх відаў (*Festuca arietina*, *Agrostis diluta* і інш.), якія знаходзяцца на заходняй мяжы арэала. На ўсходняй мяжы распаўсюджвання адзначаны еўраамерыканскія і атлантычна-еўрапейскія віды: *Leymus arenarius*, *Dactylis polygama* і іншыя.

Малюнак 2. – Межы арэалаў некаторых відаў раслін

Сярод адзначаных відаў (*Hierochloë australis*, *Lerchenfeldia flexuosa* і інш.) з'яўляюцца рэдкімі для тэрыторыі Прыпяцкага Палесся. Усяго толькі 2 абарыгенныя прадстаўнікі (*Bromopsis benekenii* і *Festuca altissima*) ўключаны ў Чырвоную кнігу Беларусі [19].

Адвентыўныя віды па цэнтрах паходжання размеркаваны наступным чынам: Еўропа з'яўляецца радзімай 63 з іх (*Bromus mollis*, *Aegilops ovata* і інш.), Азія – 18 (*Sorghum saccharatum*, *Bromus japonicus* і інш.), Паўночная Амерыка – 9 (*Agrostis scabra*, *Panicum capillare* і інш.), Афрыка – 3 (*Eragrostis tef*, *Sorghum sudanense*, *Pennisetum setaceum*). Па адным відзе маюць паўднёваамерыканскае (*Leptochloa fascicularis*), міжземнаморскае (*Macrobriza maxima*) і іран-туранскае (*Aegilops strangulata*) паходжанне.

Па часе заносу адвентыўных прадстаўнікоў сямейства *Gramineae* на тэрыторыю Беларусі выдзяляецца група неафітаў (72 віды, або 75,0%). Яе прадстаўнікі (*Sorghum technicum*, *Panicum virgatum* і інш.) былі занесены з XVI стагоддзя – пачатку Вялікіх геаграфічных адкрыццяў. Група археафітаў (занесеных да канца XV стагоддзя) налічвае 24 віды (25,0%): *Avena fatua*, *Digitaria sanguinalis* і іншыя. Па спосабе заносу пераважае група ксенафітаў, якая налічвае 54 віды (56,3%) і аб'ядноўвае выпадкова занесеныя расліны: *Eragrostis albensis*, *Echinochloa crus-galli* і іншыя. Астатнія 42 (43,7%) таксоны адносяцца да эргазіяфітаў, – мэтанакіравана занесеных чалавекам у якасці гаспадарча-карысных раслін. Сярод іх 38 таксонаў з'яўляюцца эргазіяліптафітамі, вядомымі толькі ў культуры як сельскагаспадарчыя ці дэкарэтыўныя расліны: *Spartina pectinata*, *Pennisetum glaucum* і іншыя. Толькі 4 віды (*Aegilops cylindrica*, *Arrhenatherum elatius* і інш.) адносяцца да эргазіяфітаў – раслін, якія здолелі «збегчы» з культуры і натуралізавацца ў дзікарослых умовах.

Адносна ступені натуралізацыі выдзяляецца 4 групы адвентыўных відаў. Да эфемерафітаў (сустракаюцца ў культуры альбо на працягу аднаго сезона ў дзікарослых умовах) адносіцца 54 віды (56,2%): *Phalaris canariensis*, *Miscanthus purpurascens* і іншыя. Група апекафітаў (натуралізуюцца ў парушаных экатопях) прадстаўлена 24 відамі (25,0%): *Digitaria sanguinalis*, *Panicum hillmanii* і іншымі. Да агрыяфітаў (здолелі натуралізавацца ў натуральных умовах) адносіцца 15 таксонаў: *Elytrigia repens*, *Zizania latifolia* і іншыя. Група каланафітаў прадстаўлена 3 відамі (*Agropyron imbricatum*, *Agropyron pectinatum*, *Avena fatua*), здольнымі непрацягла час знаходзіцца ў дзікарослых умовах. Такім чынам, 54 адвентыўныя прадстаўнікі сямейства *Gramineae* вядомы толькі ў культуры або як эфемерафіты. Гэта дазваляе зрабіць выснову, што рэальны ўзровень адвентызацыі разглядаемага сямейства складае каля 35%.

Біямарфалагічны аналіз сямейства *Gramineae* паказвае, што з улікам колькасці фаз цвіцення і плоданашэння раслін (табліца 2) самымі шматлікімі ў складзе спантаннай і абарыгеннай фракцый з'яўляюцца палікарпікі – шматгадовыя расліны: *Elymus sibiricus*, *Brachypodium sylvaticum* і іншыя. Сярод відаў адвентыўнай фракцыі дамінуюць манацыклічныя манакарпікі – аднагадовыя расліны (*Triticum aestivum*, *Imperata cylindrica* і інш.). Дыцыклічных манакарпікаў – двухгадовых раслін – толькі 5 відаў: *Agrostis scabra*, *Alopecurus aequalis* і іншыя.

Табліца 2. – Размеркаванне відаў па жыццёвых формах з улікам колькасці фаз цвіцення і плоданашэння

Жыццёвая форма	Спантанная фракцыя		Абарыгенная фракцыя		Адвентыўная фракцыя	
	колькасць відаў	%	колькасць відаў	%	колькасць відаў	%
Палікарпікі	104	59,8	73	93,6	31	32,3
Дыцыклічныя манакарпікі	5	2,9	2	2,6	3	3,1
Манацыклічныя манакарпікі	65	37,3	3	3,8	62	64,6
Усяго:	174	100	78	100	96	100

У сістэме жыццёвых форм па Раўнкіеру выдзяляецца толькі 3 групы (гемікрыптафіты, водныя гемікрыптафіты і тэрафіты), паколькі сямейства прадстаўлена травяністымі раслінамі. У складзе спантаннай фракцыі (табліца 3) самай шматлікай з'яўляецца група гемікрыптафітаў, пупышкі ўзнаўлення якіх у неспрыяльны час года знаходзяцца на ўзроўні глебы. Заканамерна, што прадстаўнікі гэтай групы (*Festuca rubra*, *Poa nemoralis* і інш.) самыя шматлікія і ў складзе абарыгеннай фракцыі (72 віды, або 92,3%). Для адвентыўнай фракцыі, наадварот, характэрна перавага тэрафітаў (63 віды, або 65,6%), прадстаўленых аднагадовымі відамі (*Aegilops cylindrica*, *Echinochloa crus-galli* і інш.). Толькі па 2 віды водных гемікрыптафітаў (пупышкі ўзнаўлення якіх знаходзяцца на паверхні глебы пад вадой) прадстаўлены ў складзе абарыгеннай (*Glyceria maxima*, *Phragmites australis*) і адвентыўнай (*Phragmites altissimus*, *Zizania latifolia*) фракцый.

Табліца 3. – Размеркаванне відаў па жыццёвых формах па Раўнкіеру

Жыццёвая форма	Спантанная фракцыя		Абарыгенная фракцыя		Адвентыўная фракцыя	
	колькасць відаў	%	колькасць відаў	%	колькасць відаў	%
Гемікрыптафіты	103	59,2	72	92,3	31	32,3
Водныя гемікрыптафіты	4	2,3	2	2,6	2	2,1
Тэрафіты	67	38,5	4	5,1	63	65,6
Усяго:	174	100	78	100	96	100

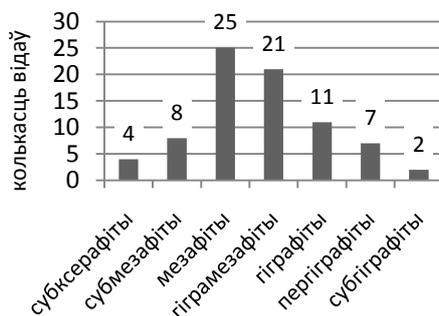
Найбольшая разнастайнасць жыццёвых форм назіраецца пры іх выдзяленні з удзікам экалага-марфалагічных прыкмет раслін (табліца 4). У складзе абарыгеннай фракцыі назіраецца перавага рыхладзернавінных (*Calamagrostis canescens*, *Agrostis tenuis* і інш.), доўгакарэнішчых (*Glyceria maxima*, *Holcus mollis* і інш.) і шчыльнадзернавінных (*Festuca ovina*, *Deschampsia cespitosa* і інш.) відаў. У складзе адвентыўнай фракцыі пераважае група аднагадовых раслін. Сярод шматгадовых адвентыўных відаў найбольш шматлікімі з’яўляюцца рыхладзернавінныя (*Bromopsis riparia*, *Puccinellia distans* і інш.), доўгакарэнішчаныя (*Elytrigia repens*, *Zizania latifolia* і інш.) і шчыльнадзернавінныя (*Festuca trachyphylla*, *Agrostis scabra* і інш.) віды. Групы кароткакарэнішчых (*Briza media*), наземнапаўзучых (*Agrostis stolonifera*), кісцэкарэнішчых (*Hordeum jubatum*) і клубневых (*Hordeum bulbosum*) раслін прадстаўлены адзінкавымі відамі.

Табліца 4. – Біямарфалагічныя групы, выдзеленыя па экалага-марфалагічных прыкметах

Жыццёвая форма	Спантанная фракцыя		Абарыгенная фракцыя		Адвентыўная фракцыя	
	колькасць відаў	%	колькасць відаў	%	колькасць відаў	%
Кароткакарэнішчная	8	4,6	6	7,7	2	2,1
Наземнапаўзучая	1	0,6	1	1,3	-	-
Шчыльнадзернавінная	19	10,9	12	15,4	7	7,3
Рыхладзернавінная	43	24,7	32	41,0	11	11,5
Доўгакарэнішчная	30	17,2	22	28,2	8	8,3
Гронкарэнішчная	3	1,7	-	-	3	3,1
Клубневая	1	0,6	-	-	1	1,0
Аднагадовая	66	37,9	3	3,8	63	65,7
Адна-двухгадовая	1	0,6	1	1,3	-	-
Двухгадовая	2	1,2	1	1,3	1	1,0
Усяго:	174	100	78	100	96	100

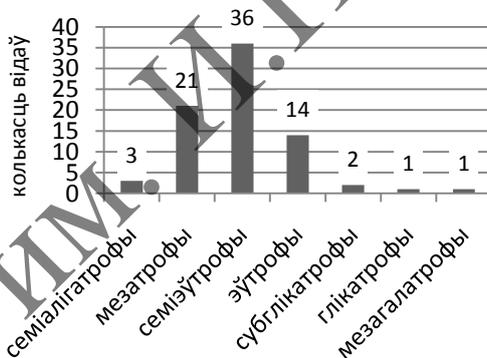
Аналіз ступені натуралізацыі і біялагічных уласцівасцей адвентыўных відаў паказвае, што 4 таксоны (*Schedonorus arundinaceus*, *Festuca trachyphylla*, *Phragmites altissimus*, *Zizania latifolia*) адносяцца да інвазійных, здольных пранікаць у натуральныя раслінныя супольнасці. Акрамя адзначаных відаў, значным інвазійным патэнцыялам валодаюць таксама *Arrhenatherum elatius* і *Miscanthus sacchariflorus* [20].

Экалагічны аналіз прадстаўнікоў сямейства *Gramineae* паказвае, што ў адносінах да вільготнасці глебы (малюнак 3) самымі шматлікімі з’яўляюцца мезафіты (25 відаў, або 32,0 %), характэрныя для сухіх лугоў: *Nardus stricta*, *Sieglingia decumbens* і іншыя. Група гіграмезафітаў – раслін вільготных лугоў – налічвае 21 від: *Holcus lanatus*, *Dactylis glomerata* і іншыя. Гіграфіты (*Agrostis canina*, *Phragmites australis* і інш.), пергіграфіты (*Alopecurus geniculatus*, *Poa palustris* і інш.) і субгіграфіты (*Glyceria maxima* і *Leersia orizoides*) – расліны вільготных умоў вырасцання – прадстаўлены 11, 7 і 2 відамі адпаведна. Расліны лугавастэпавых і сухастэпавых умоў вырасцання прадстаўлены 8 субмезафітамі (*Koeleria mollis*, *Poa angustifolia* і інш.) і 4 субксерафітамі (*Phleum phleoides*, *Koeleria glauca* і інш.). Такім чынам, у адносінах да вільготнасці эдафатопу сярод прадстаўнікоў сямейства *Gramineae* пераважаюць вільгацелюбівыя расліны.

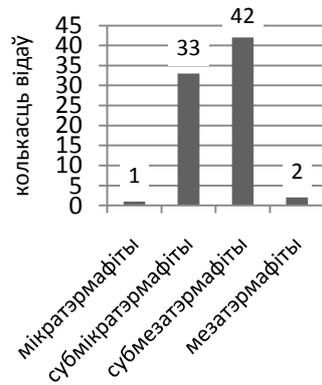
Малюнак 3. – Спектр гідроморф

У дачыненні да трэфнасці (ўрадлівасці) глебы (малюнак 4) самай шматлікай з'яўляецца група семіэўтрофаў – раслін, дастаткова багатых глеб (36 відаў, або 46,1 %): *Bromopsis benekenii*, *Melica nutans* і іншыя. Эўтрофаў, прымеркаваных да багатых глеб, сярод прадстаўнікоў сямейства *Gramineae* 21 від: *Molinia caerulea*, *Poa palustris* і іншыя. Адзінкавымі відамі прадстаўлены групы раслін, якія вырастаюць на найбольш багатых глебах: субглікатрофы (*Agrostis stolonifera* і *Festuca arietina*), глікатрофы (*Crypsis alopecuroides*) і мезагалатрофы (*Leguminosae arenarius*). Група мезатрофаў, якія прымеркаваны да небагатых глеб, больш шматлікая і прадстаўлена 21 відам раслін: *Elymus caninus*, *Lerchenfeldia flexuosa* і іншымі. Толькі 3 віды налічвае група семіялігатрофаў, якія вырастаюць на бедных пячаных глебах: *Anthoxanthum odoratum*, *Corynephorus canescens* і *Nardus stricta*. Такім чынам, у адносінах да ўрадлівасці глебы сярод прадстаўнікоў разглядаемага сямейства пераважаюць віды, якія вырастаюць на ўмерана ўрадлівых глебах, шырока распаўсюджаных на тэрыторыі Італесся.

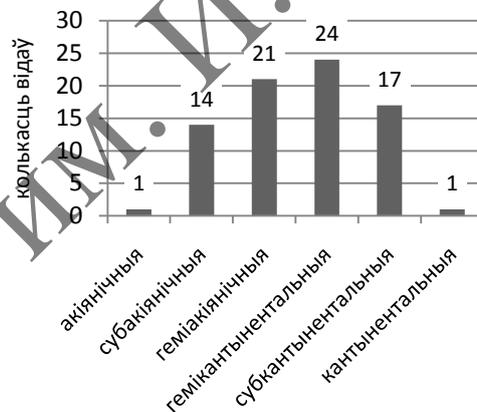
Малюнак 4. – Спектр трафаморф

Разглядаючы спектр тэрмаморф (малюнак 5), які характарызуе адносіны разглядаемых відаў да тэмпературнага рэжыму тэрыторыі, выдзяляецца група субмезатэрмафітаў – умерана-цеплалюбівых відаў (42 таксоны, або 53,9 %): *Dactylis polygama*, *Poa nemoralis* і іншыя. Даволі шматлікай (33 віды, або 42,3 %) з'яўляецца група субмікратэрмафітаў – умерана-халадаўстойлівых відаў: *Briza media*, *Calamagrostis epigeios* і іншыя. Да мезатэрмафітаў – найбольш цеплалюбівых відаў – адносіцца толькі 2 таксоны: *Brachypodium sylvaticum* і *Phleum phleoides*. А група мікратэрмафітаў прадстаўлена толькі 1 халадаўстойлівым відам (*Calamagrostis neglecta*). Такім чынам, спектр тэрмаморф паказвае перавагу ўмерана-цеплалюбівых відаў сярод прадстаўнікоў сямейства *Gramineae*.

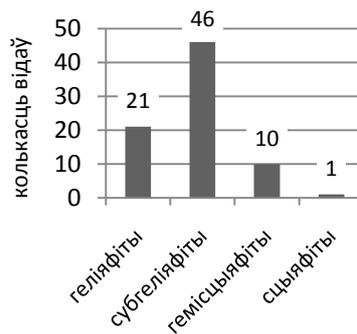
Малюнак 5. – Спектр тэрмаморф

У адносінах да кантынентальнасці клімату (малюнак 6) віды размеркаваны больш раўнамерна. Самай шматлікай з’яўляецца гемікантынентальная група, 24 віды якой прымеркаваны да шырот з умерана-кантынентальным кліматам: *Alopecurus geniculatus*, *Festuca polesica* і іншыя. Геміакіянічных відаў – характэрных для зоны пераходнага ад марскога да кантынентальнага клімату – 21 таксон: *Catabrosa aquatica*, *Hierochloa australis* і іншыя. Субкантынентальная амбраморфа прадстаўлена 17 відамі (*Calamagrostis arundinacea*, *Festuca valesiaca* і інш.), характэрнымі для субкантынентальнага клімату. Субакіянічная амбраморфа налічвае 14 відаў *Sieglingia decumbens*, *Nardus stricta*. Акіянічная (*Leymus arenarius*) і кантынентальная (*Crypsis alopecuroides*) амбраморфы аднавідавья. Адсюль вынікае адпаведнасць прадстаўнікоў разглядаемага сямейства клімату Прыпяцкага Палесся, які з’яўляецца пераходным ад марскога да кантынентальнага.

Малюнак 6. – Спектр амбраморф

У адносінах да асветленасці біятопаў (малюнак 7) найбольш шматлікай з’яўляецца група субгеліяфітаў, прадстаўленая 46 відамі (26,9%), якія могуць вытрымліваць кароткачасовае зацяненне (*Phleum phleoides*, *Glyceria fluitans*). Да групы геліяфітаў адносіцца 21 таксон: *Corynephorus canescens*, *Poa angustifolia* і іншыя віды, прымеркаваныя да адкрытых біятопаў – лугоў і балот. Група гемісцыяфітаў налічвае 10 ценевынослівых відаў (*Melica nutans*, *Brachypodium sylvaticum* і інш.), якія сустракаюцца па лясных палянах і ўзлесках. Толькі 1 від – *Millium effusum* – адносіцца да ценелюбівых сцыяфітаў. Такім чынам, спектр геліяморф паказвае прымеркаванасць прадстаўнікоў сямейства *Gramineae* да адкрытых біятопаў – разнастайных лугоў, балот, лясных палян і ўзлескаў.

Малюнак 7. – Спектр геліяморф

Вывады

Усебаковы разгляд сямейства *Gramineae* паказвае, што для абарыгенных відаў характэрны шырокі спектр геаграфічных элементаў і, разам з тым, высокая доля харалагічна абумоўленых відаў у параўнанні з усёй флорай Прыпяцкага Полесся. Бімарфалагічныя (перавага рыхладзернавінных і доўгакарэнішчых шматгадовых раслін) і экалагічныя (аднясенне большасці відаў да ўмераных груп у спектрах экаморф) уласцівасці абарыгенных прадстаўнікоў сямейства паказваюць іх адпаведнасць прыродным умовам Прыпяцкага Полесся: значная абводненасць тэрыторыі, глебы з нізкім узроўнем урадлівасці, пераходны ад марскога да кантынентальнага тыпу клімату, шырокае распаўсюджванне адкрытых біятопаў – лугоў і балот.

Большасць прадстаўнікоў сямейства *Gramineae* адносіцца да адвентыўнай фракцыі (55,2 %). Аднак аналіз іх экалага-біялагічных уласцівасцей і ступені натуралізацыі паказвае, што толькі 35 % відаў прымаюць непасрэдны ўдзел у складзе адвентыўнай фракцыі флоры. Пры гэтым некаторыя з іх, дзякуючы высокай вегетатывнай рухомасці і магчымасці хуткага размнажэння, аднесены да інвазійных.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Нацыянальны атлас Беларусі / Камітэт па зямельных рэсурсах, геадэзіі і картаграфіі пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь. – Мінск: Белкартаграфія, 2002. – 292 с.
2. Мялик, А. Н. Таксономический анализ флоры Припятского Полесья / А. Н. Мялик // Материалы XVII Респ. науч.-практ. конф. молодых ученых: в 2 ч., Брест, 15 мая 2015 г. / БрГУ им. А. С. Пушкина; редкол.: А. Е. Будько. – Брест, 2015. – Ч. 1. – С. 112–114.
3. Козловская, Н. В. Флора Белоруссии, закономерности ее формирования, научные основы использования и охраны / Н. В. Козловская. – Минск: Наука и техника, 1978. – 128 с.
4. Морозова, О. В. Таксономическое богатство флоры Восточной Европы: факторы пространственной дифференциации / О. В. Морозова. – Москва: Наука, 2008. – 328 с.
5. Шмидт, В.М. Статистические методы в сравнительной флористике / В. М. Шмидт. – Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1980. – 176 с.
6. Мялик, А. Н. Анализ географического распространения видов аборигенной флоры Припятского Полесья / А. Н. Мялик // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя біялагічных навук. – 2016. – № 2. – С. 15–21.
7. Протопопова, В. В. Синантропная флора Украины и пути ее развития / В. В. Протопопова. – Киев: Наукова думка, 1991. – 202 с.
8. Kornaś, J. Geograficzno-historyczna klasyfikacja roślin synantropijnych. Synantropizacja szaty roślinnej / J. Kornaś // Mater. Zakł. Fitosoc. Stos. UW. – Warszawa–Białowieża, 1968. – N 25. – S. 123–126.
9. Серебряков, И. Г. Экологическая морфология растений / И. Г. Серебряков. – Москва: Высшая школа, 1962. – 378 с.
10. Raunkiaer C. Plant life forms / C. Raunkiaer. – Oxford, 1937. – 104 p.
11. Didukh Ya. P. The ecological scales of the species of ukrainian flora and their use in synphytoindication / Ya. P. Didukh. – Kyiv: Phytosociocenter, 2011. – 176 p.
12. Meusel, H. Vergleichende Chorologie der zentraleuropaischen Flora / Bd 1: Text / H. Meusel, E. Jager, E. Weinert. – Jena: Fischer, 1965. – 583 s.
13. Meusel, H. Vergleichende Chorologie der zentraleuropaischen Flora / Bd 2: Karten / H. Meusel, E. Jager, E. Weinert. – Jena: Fischer, 1965. – 258 s.
14. Екофлора України: в 6 т. / відпов. ред. Я. П. Дідух. – Київ: Фітосоціоцентр. – 2010. – 6 т.

15. Флора БССР : в 5 т. / редкол. Б. К. Шишкин (глав. ред.) [и др.]. – Минск : изд-во Акад. наук Беларус. ССР. – 1959. – 5 т.
16. Цыганов, Д. Н. Экоморфы флоры хвойно-широколиственных лесов / Д. Н. Цыганов. – Москва : Наука, 1976. – 60 с.
17. Флора Беларуси. Сосудистые растения: в 6 т. / под общ. ред. В. И. Парфенова; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т эксперим. ботаники им. В. Ф. Купревича. – Т. 2. : Liliopsida / Д. И. Третьяков [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2013. – 447 с.
18. Мялик, А. Н. Ботанико-географические особенности полесской хорологической дизъюнкции / А. Н. Мялик // Современное состояние, тенденции развития, рациональное использование и сохранение биологического разнообразия растительного мира, Минск–Нарочь, 23–26 сент. 2014 г. / НАН Беларуси [и др.]. редкол.: А. В. Пугачевский [и др.]. – Минск, 2014. – С. 114–117.
19. Красная книга Республики Беларусь. Растения : редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды дикорастущих растений / гл. редкол. : И. М. Качановский (предс.), М. Е. Никифоров, В. И. Парфёнов [и др.]. – 4-е изд. – Минск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2015. – 448 с.
20. Мялик, А. Н. Инвазионные виды во флоре Припятского Полесья / А. Н. Мялик // Весті Нац. Акад. навук Беларусі. Сер. Біял. навук. – 2016. – № 1. – С. 117–123.

Паступіў у рэдакцыю 04.07.16

E-mail: aleksandr-myalik@yandex.ru

Mialik Aliaksandr

FAMILY GRAMINEAE JUSS. IN THE COMPOSITION OF THE FLORA
OF THE PRYPIACKAJE PALIESSE

The article provides analysis of members of the family Gramineae Juss., which is the largest family of plants in the Prypiackaje Paliesse. According to our research this family includes 174 species, 78 species of them are native and 96 species are adventive. Taxonomic, biomorphological and geographical analyses of the family Gramineae Juss. was performed. Analysis which considers the time and method of introduction and degree of naturalization of adventive species was made. It allows assessing their role in forming the flora of the region. For species of native faction also conducted Analysis of relation of native species to the edaphotop and klimatop was performed. Native species, which are essential in chorological and sozological aspects, as well as the most aggressive adventive species, which should be attributed to invasive, were recorded.

Keywords: Prypiackaje Paliesse, cereals, flora, analysis of the flora, taxonomic structure, analysis of the geographical distribution, biomorphological structure of the flora, ecological analysis, chorological features, invasive species.

УДК 574.4:504.054:666.94 (476)

А. М. Николайчук¹, М. Н. Вашкевич²

¹Кандидат биологических наук, лаборатория экологической физиологии растений ГНУ, старший научный сотрудник, «Центральный ботанический сад НАН Беларуси», г. Минск, Республика Беларусь

²Младший научный сотрудник, лаборатория экологической физиологии растений ГНУ, «Центральный ботанический сад НАН Беларуси», г. Минск, Республика Беларусь

ФЛУКТУИРУЮЩАЯ АСИММЕТРИЯ ЛИСТОВОЙ ПЛАСТИНКИ БЕРЕЗЫ ПОВИСЛОЙ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОГЕННОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ВЫБРОСАМИ ЗАВОДОВ ЦЕМЕНТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

С использованием методики оценки качества среды по флуктуирующей асимметрии листовой пластинки березы повислой проведено изучение морфологических показателей исследуемого объекта в точках, заложенных на различном расстоянии от заводов цементной промышленности нашей республики, а также определено качество среды. Результаты исследований показали, что уровень флуктуирующей асимметрии чувствителен к действию промышленного загрязнения. Огромное влияние на него оказывает расстояние от источника загрязнения, а также открытость и защищенность участка.

Ключевые слова: асимметрия, листовая пластинка, техногенное воздействие, устойчивость, предприятия цементной промышленности.

Введение

Актуальность экологического мониторинга приобрела особую значимость в конце XX в. с увеличением антропогенного воздействия на окружающую среду. Важный элемент биологического мониторинга – растения. Древесные растения выступают в роли своеобразного живого фильтра, поглощая из воздуха пыль и разнообразные химические загрязнения. Согласно исследованиям некоторых ученых, растительность поглощает из воздуха и связывает 50-60% токсических газов, в то время как атмосферная влага – 5-20%, почва – 5-10%, водоемы и животные – менее 5% [1]–[3]. Степень устойчивости растений даже к одному и тому же виду токсических газов зависит от многих причин: расстояния от источника загрязнения, времени суток, погодных условий, интенсивности выброса вредных примесей, а также от физико-географических условий.

Использование фитоиндикационных методов позволяет получить более объективную информацию о состоянии растений, произрастающих в зонах повышенной антропогенной нагрузки, а также дает основание для экологического прогноза на исследуемой территории. Одним из перспективных подходов для интегральной биологической характеристики среды является оценка состояния популяций по стабильности развития, которая характеризуется уровнем флуктуирующей асимметрии (ФА) морфологических структур [4].

Принцип метода основан на выявлении нарушений симметрии развития листовой пластины растения под действием антропогенных факторов. ФА представляет собой незначительные ненаправленные различия между правой и левой сторонами и является результатом ошибок в ходе индивидуального развития организма. При нормальном состоянии окружающей среды их уровень минимален, а при возрастающем негативном воздействии увеличивается, что ведет к повышению асимметрии. Показатель ФА позволяет фиксировать даже незначительные отклонения параметров среды, еще не приводящих к существенному снижению жизнеспособности особи [5].

При формировании листовой пластины, по мере накопления токсических веществ, происходит торможение ростовых процессов и деформация листа. При окончательном формировании листовых пластин на деревьях, испытывающих высокую техногенную нагрузку, их площади меньше, чем на деревьях, произрастающих в более благоприятных экологических условиях [6].

Стабильность развития, т.е. способность организма функционировать без отклонений от нормы, является чувствительным показателем состояния природных популяций. В свою очередь, оценка ФА представляет собой и способ формализации степени этих отклонений [6].

Кроме того, метод ФА достаточно прост с точки зрения сбора, хранения и обработки материала. Он не требует специального сложного оборудования, но при этом позволяет получить интегральную оценку состояния организма при всем комплексе возможных воздействий [4].

Цель и методы исследования.

Целью нашего исследования явилось определение качества здоровья среды путем изучения флуктуирующей асимметрии листьев березы повислой (*Betula pendula* Roth), произрастающей на различном удалении от цементных заводов нашей республики.

Для решения поставленной задачи нами были отобраны листья березы повислой из семи точек, характеризующихся разной удаленностью от основных источников загрязнения (цементных заводов):

Точка 1. Красносельский завод стройматериалов. Лесополоса у завода.

Точка 2. Красносельский завод стройматериалов (Росское лесничество, ПП-5). Лесополоса на расстоянии 2 км 300 м от завода.

Точка 3. Красносельский завод стройматериалов (Юго-восточнее от завода). Отдельно стоящие деревья березы повислой на расстоянии 2 км 600 м от завода.

Точка 4. Кричевский цементный завод (Краснобудское лесничество, ПП-2). Лесополоса на расстоянии 2 км 450 м от завода.

Точка 5. Кричевский цементный завод (Краснобудское лесничество, ПП-3). Лесополоса на расстоянии 3 км 380 м от завода.

Точка 6. Костюковичский цементный завод (Костюковичское лесничество, ПП-1). Лесополоса на расстоянии 2 км 260 м от завода.

Точка 7. Волковысский район (контроль). Точка была взята в качестве контроля на расстоянии 40 км от Красносельского цементного завода.

Сбор листьев проводился в июле 2016 г. Каждая выборка включала в себя 100 листьев (по 10 листьев с 10 растений) [6]. Для исследования выбирали деревья, достигшие генеративного возрастного состояния. Листья собирали из нижней части кроны, с укороченных побегов.

Методика определения стабильности развития *Betula pendula* Roth по величине флуктуирующей асимметрии листовых пластинок основана на системе промеров листа. Для этого на каждой листовой пластинке выполнялось по 5 измерений с левой и правой стороны листа. Никакой специальной обработки и подготовки материала не требуется. Материал был обработан сразу после сбора. Измерения проводились на свежесобранном материале в лабораторных условиях с помощью измерительного циркуля, линейки и транспортира. Расчет интегрального показателя стабильности развития производился по методике В.М. Захарова [6].

Все расчеты производились с помощью программы Microsoft Office Excel 2010. Для оценки качества среды использовалась пятибалльная шкала степени нарушения стабильности развития *Betula pendula* Roth, разработанная В.М. Захаровым и др. (таблица 1). Пока такая шкала предложена только для березы, поскольку для этого объекта собран достаточно обширный материал.

Таблица 1. – Балльная шкала оценки отклонений состояния организма от условной нормы по величине флуктуирующей асимметрии для листьев березы повислой (*Betula pendula* Roth) (по В.М. Захарову, 2000)

Балл	Качество среды	ФА
I	Условно нормальное	< 0,040
II	Начальные (незначительные) отклонения от нормы	0,040–0,044
III	Средний уровень отклонения от нормы	0,045–0,049
IV	Существенные (значительные) отклонения от нормы	0,050–0,054
V	Критическое состояние	> 0,054

Значения интегрального показателя асимметрии, соответствующие первому баллу, наблюдаются обычно в выборках растений из благоприятных условий произрастания, например, из природных заповедников. Пятый балл – критическое значение, такие значения показателя асимметрии наблюдаются в крайне неблагоприятных условиях, когда растения находятся в сильно угнетенном состоянии [7].

Результаты исследования и их обсуждение

Как видно из таблицы 2, интегральный показатель стабильности развития березы повислой во всех обследованных нами точках превышает величину условной нормы (<0,040). В районах Костюковичского цементного завода (в точке ПП-1) и Красносельского завода стройматериалов зафиксированы наиболее высокие показатели ФА (0,059 и 0,055), что соответствует V баллам по шкале оценки качества среды и характеризуется как критическое состояние.

Таблица 2. – Показатели ФА *Betula Pendula* Roth на обследованных объектах

Район исследования	Место сбора образцов	Интегральный показатель ФА	Балл состояния	Качество среды
Красносельский завод стройматериалов	Красносельский завод стройматериалов	0,055	V	Критическое состояние
	Юго-восточнее от завода	0,050	IV	Существенное отклонение от нормы
	ПП-3 Росское лесничество	0,047	III	Средний уровень отклонения от нормы
Кричевский цементный завод	ПП-2 Краснобудское лесничество	0,053	IV	Существенное отклонение от нормы
	ПП-3 Краснобудское лесничество	0,046	III	Средний уровень отклонения от нормы
Костюковичский цементный завод	ПП-1 Костюковичское лесничество	0,059	V	Критическое состояние
Волковысский район	ПП-9 Контроль	0,042	II	Незначительное отклонение от нормы

Существенное отклонение от нормы отмечается на расстоянии 2 км 450 м от Кричевского цементного завода в точке ПП-2, а также в районе Красносельского завода стройматериалов у березы повислой, произрастающей юго-восточнее от завода, соответствует IV баллу по шкале оценки качества среды.

Минимальным коэффициентом характеризуется выборка листьев березы повислой в Волковысском районе (0,042), качество среды здесь оценивается как «незначительное отклонение от нормы» и соответствует II баллам по шкале оценки качества среды. В точках ПП-3, расположенных в Росском и Краснобудском лесничествах, интегральный показатель стабильности развития для березы повислой составляет 0,047 и 0,046 соответственно и характеризуется как средний уровень отклонения от нормы.

Как видно из рисунка 1, на территории, прилегающей к Красносельскому заводу стройматериалов, прослеживается взаимосвязь показателей величины ФА от расстояния объекта исследования до источника загрязнения. Отмечено, что интегральный показатель стабильности развития уменьшается по мере удаления от источника загрязнения (в скобках показано расстояние от завода до точки отбора проб листьев березы для измерения ФА). Тем не менее, в юго-восточной точке от завода, которая находится на расстоянии 2 км 600 м, у отдельно стоящих деревьев березы повислой показатель ФА листьев выше, чем у листьев, отобранных в Росском лесничестве на расстоянии 2 км 300 м от завода, что может объясняться направлением преобладающих ветров, выпадением осадков и др.

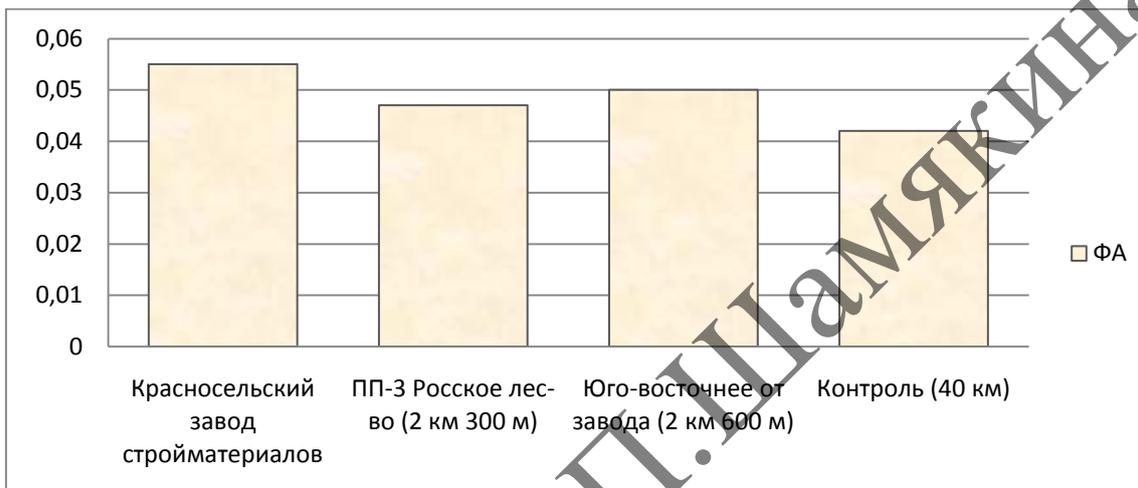

Рисунок 1. – Изменение величины ФА в зависимости от расстояния до Красносельского завода стройматериалов

На рисунке 2 показаны средние величины ФА листьев березы повислой в зависимости от завода, на территории которого были отобраны пробы листьев. Так, наиболее высокие показатели зафиксированы на территории Костюковичского цементного завода – 0,059, что соответствует критическому состоянию окружающей среды и V баллам по шкале оценки качества среды. На территории Красносельского завода стройматериалов данный показатель равен 0,051 (существенное отклонение от нормы). На территории Кричевского цементного завода качество среды соответствует III баллам и характеризуется как средний уровень отклонения от нормы (0,049).

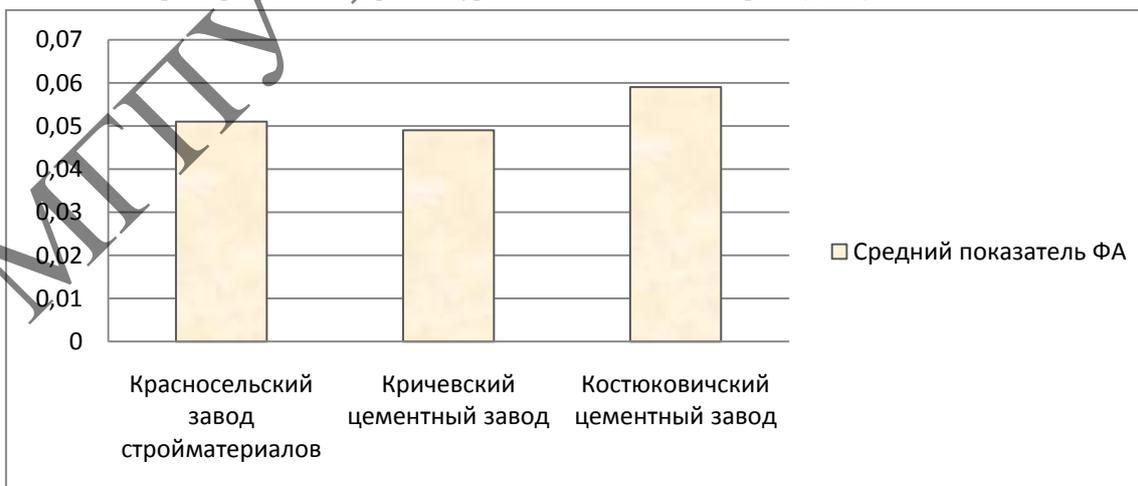

Рисунок 2. – Средние показатели ФА *Betula Pendula* Roth по районам исследования

Выводы

Показатели стабильности развития у выборок листьев березы повислой, взятых на различном удалении от заводов, указывают на высокий уровень техногенного воздействия и превышают условную норму в каждой из 7 исследованных выборок ($<0,040$).

В соответствии с условной шкалой отклонения от нормы определен уровень загрязнения выбросами цементной промышленности в исследованных районах.

Было установлено, что на показатель ФА в промышленной среде огромное влияние имеет расстояние от источника загрязнения, а также открытость и защищенность участка. Отмечено, что высокие показатели ФА наблюдаются не только вблизи заводов, но и на расстоянии более 2,5 км от завода, что вероятно, связано с выпадением осадков, направлением ветра, открытостью участка.

Согласно нашим исследованиям, предприятия белорусской цементной промышленности можно расположить в следующий ряд по уменьшению показателя флуктуирующей асимметрии листьев березы повислой и, следовательно, улучшению экологических условий: Костюковичский цементный завод – Красносельский завод стройматериалов – Кричевский цементный завод.

Перечень сокращений:

ГНУ – Государственное научное учреждение

НАН – Национальная академия наук

ПП – пробная площадь

ФА – флуктуирующая асимметрия

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Илькун, Г. М. Принципы подбора растений для озеленения промышленных предприятий / Г. М. Илькун // Растения и промышленная среда. – Киев, 1976. – С. 164–167.
2. Николаевский, В. С. Биологические основы газоустойчивости растений / В. С. Николаевский. – Новосибирск : Наука, 1979. – 280 с.
3. Сергейчик, С. А. Газопоглодительная способность растений и аккумуляция в них элементов промышленных загрязнений / С. А. Сергейчик // Оптимизация окружающей среды средствами озеленения. – Минск : Наука и техника, 1985. – С. 68–75.
4. Кряжева, Н. Г. Анализ стабильности развития березы повислой в условиях химического загрязнения / Н. Г. Кряжева, Е. К. Чистякова, В. М. Захаров // Экология. – 1996. – №6. – С. 441–444.
5. Здоровье среды: практика оценки / В. М. Захаров [и др.]. – М. : Центр экологической политики России, 2000. – 318 с.
6. Здоровье среды: методы оценки / В. М. Захаров [и др.]. – М. : Центр экологической политики России, 2000. – 65 с.
7. Криволицкий, Д. А. Биодикация и биомониторинг / Д. А. Криволицкий. – М. : Наука, 1991. – 288 с.

Поступила в редакцию 17.11.16

E-mail: alla_nik77@mail.ru.

Nikolaichuk A. M., Vashkevich. M. N.

Using the methodology for assessing the quality of the environment on the birch leaf fluctuating asymmetry *Betula pendula* studied the morphological parameters of the object at the points laid at different distances from the plants of the cement industry of our country, as well as to determine the quality of the environment. The results showed that the level of fluctuating asymmetry is sensitive to the effects of industrial pollution. A huge influence on him has a distance from the source of pollution, as well as the transparency and security of the site.

Keywords: asymmetry, sheet plate, technogenic influence, stability, enterprises of the cement industry.

УДК 504.5:546.296:553.981:614.876-047.43(476.5-37)Лиозно)

А. Л. Чеховский

Аспирант, кафедра зоологии, физиологии и генетики

УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь
Научный руководитель: Чунихин Леонид Александрович, кандидат биологических наук, доцент

ОЦЕНКА РАДОНОВОЙ ОПАСНОСТИ НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ЛИОЗНЕНСКОГО РАЙОНА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье на примере некоторых населенных пунктов Лиозненского района описан комплексный методический подход по оценке радоновой опасности территории и поиску критических зон радоноопасности. Представлен комплексный радоновый показатель территории, который учитывает ряд фундаментальных экологических и геологических факторов: концентрация урана в почве, мощность дозы дочернобыльского фона, коэффициент фильтрации почвы, глубина залегания водоносного горизонта. Показан переход от комплексного радонового показателя к объемной активности радона в жилых зданиях. Построено эталонное распределение объемной активности радона, которое использовано для расчета 99%-ого квантиля распределения объемной активности радона в населенном пункте, что необходимо для определения принадлежности населенного пункта к критической зоне радоноопасности.

Ключевые слова: радон, комплексный радоновый показатель, объемная активность, критическая зона радоноопасности.

Введение

Беларусь является территорией, пострадавшей от аварии на Чернобыльской АЭС, кроме того, на территории Беларуси неравномерно распределение радона в жилых помещениях [1]. Согласно оценке НКДАР ООН, радон и его дочерние продукты распада (ДПР) определяют примерно 2/3 годовой индивидуальной эффективной дозы облучения, получаемой населением от земных источников радиации, и примерно половину дозы от всех источников радиации [2]. Таким образом, радиационная обстановка на территории Республики Беларусь представлена в основном совокупностью из загрязнения чернобыльскими выпадениями и естественным радиоактивным газом – радоном. При этом территории, загрязненные чернобыльскими радионуклидами, находятся преимущественно в Гомельской и Могилевской областях, в то время как наиболее высокие концентрации радона в жилых зданиях определяются в северо-восточной части Могилевской, западе Гродненской и повсеместно в Витебской области [1].

Одним из основных тезисов Публикации № 65 МКРЗ [3] является необходимость введения понятия и критериев для оценки радоноопасных зон, что является очень важным в случаях недостатка ресурсов для проведения полномасштабных исследований, как, например, в Беларуси. Известно, что главным источником поступления радона являются почва, грунтовые породы и грунтовые воды [4]. Точное определение концентрации радона в жилых зданиях требует существенных финансовых и временных затрат. Учитывая это, можно провести оценку радоноопасности территории с использованием экологических и геологических (косвенных) показателей, определяющих концентрации радона и выделить на их основе критические зоны радоноопасности без проведения длительных и дорогостоящих исследований.

Для проведения исследований был выбран Лиозненский район Витебской области, в котором имеется ограниченное количество измерений концентраций радона в жилых зданиях с достаточно большой вариацией [1], что обуславливает необходимость углубленного анализа радоновой обстановки данной территории и требует дополнительных измерений.

Целью настоящей работы являлась оценка радоновой опасности некоторых населенных пунктов (НП) Лиозненского района Витебской области.

Задачами исследования были: оценка радоновой опасности по экологическим и геологическим показателям, определяющим концентрации радона в жилых зданиях; определение средних значений концентраций радона в исследуемых НП;

сопоставление измеренных значений концентрации радона в жилых зданиях со значениями расчетной модели;

выявление принадлежности исследуемых НП к критической зоне радоноопасности.

Материалы и методика исследований. *Исходные данные для определения комплексного радонового показателя.* Комплексный радоновый показатель (КРП) представляет собой величину, равную произведению значений факторов (в относительных единицах), оказывающих влияние на концентрацию радона в жилых зданиях: концентрация урана в почвах, мощность дозы дочернобыльского фона, коэффициент фильтрации почвы, глубина залегания водоносного горизонта. Обоснование применения указанных косвенных факторов и концепция КРП приводится в работах [5], [6]. Таким образом, комплексный радоновый показатель является численным выражением потенциальной радоноопасности территории, указывая на степень выраженности основных факторов, определяющих концентрацию радона (косвенные показатели радона). КРП определяется по формуле (1):

$$R = U_{отн} \cdot F_{отн} \cdot W_{отн} \cdot M_{отн}, \quad (1)$$

где R – значение комплексного радонового показателя, отн. ед.;
 $U_{отн}$ – относительная концентрация урана в почве, отн. ед.;
 $F_{отн}$ – относительный коэффициент фильтрации почвы, отн. ед.;
 $W_{отн}$ – относительная глубина залегания водоносного горизонта, отн. ед.;
 $M_{отн}$ – относительная МЭД дочернобыльского фона, отн. ед.

Одним из важнейших факторов КРП является концентрация урана в почвах. Учитывая, что уран является материнской породой для образования радона – концентрации урана в почвах будут определять и концентрацию радона. Для исследований использовалась геологическая картосхема Республики Беларусь, на которой показана концентрация урана в почвах [7].

Следующим важным показателем является мощность экспозиционной дозы (МЭД). Учитывая, что гамма-фон на местности определяется в основном радионуклидами 3 естественных радиоактивных рядов уранов и тория, а также калия-40 (мощность дозы от которого принята постоянной) – колебание МЭД определяется концентрацией естественных радионуклидов в почвах. Таким образом, МЭД может опосредованно указывать на наличие радона. Чтобы исключить влияние искусственных радионуклидов, выпавших на территории Беларуси после аварии на Чернобыльской АЭС, в исследованиях использовались дочернобыльские карты МЭД до 1986 года [8], [9]. В настоящий момент МЭД не используется, однако, карты первоисточников разработаны в дочернобыльский период и отображают устаревшие величины (МЭД). При этом с учетом нормирования значения МЭД могут быть использованы без перевода в величины, принятые на данное время (поглощенная доза), т.к. осуществляется переход к относительным единицам.

Необходимо учитывать, что эксхалация радона зависит от проницаемости почвы, т.е. ее коэффициента фильтрации [10]. Исходя из того факта, что период полураспада радона ^{222}Rn составляет около 3,8 суток, скорость его прохождения через слой почвы имеет важное значение и обуславливает концентрацию радона в жилых зданиях. Для определения коэффициента фильтрации использовалась карта четвертичных отложений Республики Беларусь (поверхностный слой почвы и подстилающей породы, сформировавшийся в современный геологический период: от 2,6 млн лет назад и до настоящего времени) [11].

Также важным фактором, определяющим концентрации радона, является уровень залегания водоносного горизонта. При уровне в 1–2 м от поверхности почвенный радон почти полностью поглощается, а при уровне более 10 м – весь выделенный радон остается в почвенном воздухе [12]. Значения глубины залегания водоносного горизонта были получены по гидрогеологической карте Республики Беларусь [13].

Исходные данные для экспериментального измерения и модельного расчета концентрации радона. В исследовании для построения математической модели были использованы результаты измерений среднегодовых значений объемной активности (ОА) радона в жилых зданиях НП Республики Беларуси за период 2004–2015 гг., проведенные специалистами ГНУ «ОИЭиЯИ-Сосны» НАН РБ [1], [14], [15] по методике, позволяющей проводить мониторинг радона: «Методики определения объемной активности радона в воздухе жилых и производственных помещений с использованием интегральных радонометров на основе

твердотельных трековых детекторов альфа-частиц» (МВИ. МН. 1808-2002) [16]. В методике применяются интегральные трековые радонметры радона (ИТРР), которые конструктивно состоят из: корпуса, крышки с отверстиями для поступления воздуха, камеры радонметра, диффузионного и тормозящего фильтров, палец и регистрирующего альфа-частицы твердотельного трекового детектора (ТТД) – нитратцеллюлозная пленка Kodak LR 115 Type 2. В основе данного метода измерения лежит регистрация и подсчет треков альфа-частиц от радона и его ДПР, образовавшихся на ТТД после длительного экспонирования (до 3 месяцев). При этом количество треков пропорционально средней ОА радона, которая определяется расчетным способом по соответствующим формулам. Суммарная относительная погрешность измерений данного метода составляет 20 % [16].

Учитывая, что КРП представлен косвенными факторами, определяющими ОА радона в жилых зданиях, между КРП и ОА радона предполагается тесная связь. Для определения данной связи были использованы результаты измерений среднегодовых значений ОА радона [1], [14], [15] и значения КРП в данных НП. В результате проведенного статистического анализа были получены следующие результаты: имеется сильная (коэффициент корреляции $r = 0,81 \pm 0,001$), достоверная ($t_{эм} = 810 > t_{ст} = 1,961$ при $p < 0,05$) корреляционная связь. Коэффициент детерминации $r^2 = 0,66$ обуславливает ошибку моделирования 34% [5]. Уравнение линейной регрессии имеет вид (2):

$$OA_{изм} = 6200 \cdot КРП + 40 \quad (2)$$

где $OA_{изм}$ – измеренные среднегодовые значения ОА радона в жилых зданиях НП Республики Беларусь, накопленные за период 2004–2015 гг, Бк/м³;
 $КРП$ – комплексный радоновый показатель, отн. ед.

Определение 99%-го квантиля распределения значений ОА радона в НП. С точки зрения МКРЗ первостепенное значение имеет определение критических зон радоноопасности, где концентрация радона в зданиях ожидается выше, чем типичные значения для страны в целом. Согласно Публикации № 65 МКРЗ [3]: «радоноопасная зона может быть определена как зона, в которой 1 % жилищ имеют концентрацию радона, в 10 раз превышающую среднее национальное значение». В нашем случае среднее национальное значение – это среднереспубликанское, которое, согласно результатам измерений среднегодовых значений ОА радона в жилых зданиях НП Республики Беларуси за период 2004–2015 гг. [1], [14], [15], составляет 40 Бк/м³. Исходя из тезиса Публикации № 65 МКРЗ, достаточным условием для отнесения НП к критической зоне радоноопасности является наличие 99% жилых зданий со значениями ОА радона ниже 10-кратного среднереспубликанского (<400 Бк/м³) и 1 % жилых зданий со значениями ОА радона, выше 10-кратного среднереспубликанского значения (>400 Бк/м³). В связи с этим, определив значение 99%-го квантиля распределения ОА радона в НП и сравнив его с десятикратным среднереспубликанским значением ОА радона, можно определить принадлежность данного НП к критической зоне радоноопасности.

Для определения значения 99%-го квантиля распределения ОА радона в НП были рассчитаны параметры эталонного распределения ОА радона, в основу которого легли наиболее представительные результаты экспериментальных измерений среднегодовых значений ОА радона в жилых помещениях НП Республики Беларуси за период 2004–2015 гг. [1], [14], [15]. Отбор данных для построения эталонного распределения проводился по ряду факторов: количество измерений в НП > 30, полный охват территории НП, специфика жилищного фонда (соотношение деревянных, кирпичных, панельных домов; одно- и многоэтажных) и т.д. Основные параметры эталонного распределения представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Основные параметры эталонного распределения значений ОА радона

Среднее арифметическое, Бк/м ³	Среднее геометрическое, Бк/м ³	Медиана Бк/м ³	Значение 99%-ого квантиля распределения ОА радона, Бк/м ³
70	55	60	210

Из таблицы 1 видно, что значение 99%-го квантиля распределения ОА радона в НП составило 210 Бк/м^3 , что в 3 раза больше среднего арифметического значения ОА радона в НП (70 Бк/м^3). При анализе параметров распределений ОА радона в отдельных НП данное соотношение находилось в интервале 2,9–3,3 и не имело достоверных различий от соотношения эталонного распределения (согласно дисперсионного анализа данных во всех случаях $F_{\text{эмп}} < F_{\text{крит}}$ при $p > 0,05$). Т.о. распределения значений ОА радона в любых НП будут подобны эталонному, а их параметры будут пропорционально больше или меньше параметров эталонного распределения. Учитывая это, измерив среднее значение ОА радона в НП или восстановив его по КРП через уравнение линейной регрессии (2), можно определить значение 99%-ого квантиля распределения ОА радона в любом НП по формуле (3):

$$P_{99} = OA_{\text{срнп}} \cdot 3 \quad (3)$$

где P_{99} – значение 99%-го квантиля ОА радона в НП, Бк/м^3 ;
 $OA_{\text{срнп}}$ – среднее значение ОА радона по НП, Бк/м^3 .

Результаты исследований и их обсуждение

Определение значений косвенных показателей, оказывающих влияние на ОА радона в жилых зданиях. Оценка радоновой опасности проводилась в следующих НП: Высочаны, Горелики, Добромысли, Крынки, Новое Село, Перемонт (Лиезненский район, Витебская область). Степень радоновой опасности территории выражается через КРП и определяется рядом косвенных показателей, оказывающих влияние на ОА радона в жилых зданиях. Непосредственно по картам [7], [8], [9], [11], [13], согласно географическим координатам исследуемых НП определены абсолютные величины косвенных показателей радона, которые были нормированы на их максимальные значения. Нормирование на максимальное значение проводилось для формирования единообразных шкал различных по количественным характеристикам показателей и перехода к относительной размерности величин для упрощения дальнейших вычислений.

Абсолютные и относительные величины косвенных показателей, оказывающих влияние на ОА радона, представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Абсолютные и относительные (в скобках) величины косвенных показателей радона для исследуемых НП

Наименование НП	Концентрация урана, $\text{г} \cdot 10^{-4} \%$; (отн. ед.)	Коэффициент фильтрации, м/сут; (отн. ед.)	Глубина водоносного горизонта, м; (отн. ед.)	МЭД, мкР/час; (отн. ед.)
Высочаны	0,75 (0,3)	0,8 (0,027)	5 (0,5)	7,5 (0,625)
Горелики	1,75 (0,7)	0,8 (0,027)	2,5 (0,25)	7,5 (0,625)
Добромысли	1,75 (0,7)	0,8 (0,027)	5 (0,5)	7,5 (0,625)
Крынки	1,75 (0,7)	0,8 (0,027)	5 (0,5)	7,5 (0,625)
Новое Село	2,5 (1)	0,8 (0,027)	7,5 (0,75)	7,5 (0,625)
Перемонт	1,75 (0,7)	0,8 (0,027)	2,5 (0,25)	7,5 (0,625)

Расчет комплексного радонового показателя. Для каждого из исследуемых НП были определены значения КРП по уравнению (1) (таблица 3).

Таблица 3. – Значения КРП для исследуемых НП

Наименование НП	КРП, отн. ед.
Высочаны	0,00253
Горелики	0,00295
Добромысли	0,00591
Крынки	0,00591
Новое Село	0,0127
Перемонт	0,00295

Таким образом, экологические и геологические косвенные показатели радона в исследуемых НП, представленные КРП указывают на низкий уровень потенциальной радоноопасности, и лишь НП Новое Село характеризуется средним уровнем потенциальной радоноопасности.

Определение среднегодовых значений ОА радона в жилых зданиях по КРП. При отсутствии или недостатке экспериментальных измерений ОА радона в НП можно определить теоретическую (ожидаемую) ОА радона по уравнению линейной регрессии (2), используя значения КРП. По представленному уравнению, используя значения КРП из таблицы 2, были восстановлены ожидаемые среднегодовые значения ОА радона в жилых зданиях НП Лиозненского района (таблица 4).

Таблица 4. – Ожидаемые среднегодовые значения ОА для исследуемых НП

Наименование НП	ОА, Бк/м ³
Высочаны	56
Горелики	58
Добромысли	77
Крынки	77
Новое Село	118
Перемонт	58

Сопоставление результатов моделирования с данными практических измерений. Для верификации модели в исследуемых НП проводились собственные экспериментальные измерения ОА радона в жилых зданиях по методике [16]. В каждом НП проводилось не менее 20 измерений ОА радона в жилых зданиях. При необходимости число измерений увеличивалось, чтобы охватить не менее 10 % жилищного фонда НП. Жилые здания в пределах НП выбирались таким образом, чтобы располагаться равномерно по территории НП, пропорционально типам строений в жилищном фонде (деревянные, кирпичные, панельные) и в соответствии с различными значениями КРП (при наличии разницы в факторах, обуславливающих ОА радона в жилых зданиях). Данные по измерению значений ОА радона в жилых зданиях исследуемых НП и результаты моделирования представлены в таблице 5.

Таблица 5. – Измеренные значения ОА радона в жилых зданиях исследуемых НП и результаты моделирования

Наименование НП	Модель, Бк/м ³	Измеренные значения ОА радона, Бк/м ³
Высочаны	56 ± 19	45 ± 9
Горелики	58 ± 20	64 ± 13
Добромысли	77 ± 26	75 ± 15
Крынки	77 ± 26	83 ± 17
Новое Село	118 ± 40	129 ± 26
Перемонт	58 ± 20	63 ± 13

Для проверки соответствия результатов моделирования практическим измерениям ОА радона проведен дисперсионный анализ данных. Эмпирическое значение F-критерия Фишера значительно меньше его критического значения ($F_{эм} = 0,0049 < F_{крит} = 4,96$) при уровне значимости $p > 0,05$. Это показывает, что различие между средними двух выборок не значимо. Статистические различия между модельными и экспериментальными результатами отсутствуют.

Расчет значения 99%-го квантиля распределения ОА радона в НП. По формуле (3) для каждого из исследуемых НП были рассчитаны значения 99%-го квантиля распределения ОА радона (таблица 6).

Таблица 6. – Значения 99%-го квантиля распределения ОА радона в НП

Наименование НП	Значение 99%-го квантиля ОА радона, Бк/м ³
Высочаны	168
Горелики	174
Добромысли	231
Крынки	231
Новое Село	354
Перемонт	174

Как видно из таблицы 6 ни одно значение 99%-ого квантиля распределения ОА радона в исследуемых НП не превышает десятикратное среднереспубликанское значение ОА радона ($P_{99} < OA_{срРБ} \cdot 10 = 400 \text{ Бк/м}^3$). Исследуемые НП не относятся к критической зоне радоноопасности.

Заключение

КРП является численным выражением потенциальной радоноопасности территории, указывая на степень выраженности основных факторов, определяющих концентрацию радона (косвенные показатели радона). Между КРП и ОА радона имеется сильная (коэффициент корреляции $r = 0,81 \pm 0,001$), достоверная ($t_{эмп} = 810 > t_{ср} = 1,961$ при $p < 0,05$) корреляционная связь. Коэффициент детерминации $r^2 = 0,66$ обуславливает ошибку моделирования 34%. При отсутствии или недостатке экспериментальных измерений ОА радона в НП можно определить теоретическую (ожидаемую) ОА радона по уравнению линейной регрессии (2), используя значения КРП. Рассчитаны параметры эталонного распределения: значение 99%-го квантиля распределения ОА радона составило 210 Бк/м^3 , что в 3 раза больше среднего арифметического значения ОА радона (70 Бк/м^3). При анализе параметров распределений ОА радона в отдельных НП данное соотношение находится в интервале 2,9–3,3 и не имеет достоверных различий от соотношения эталонного распределения (согласно дисперсионного анализа данных во всех случаях $F_{эмп} < F_{крит}$ при $p > 0,05$).

Оценка радоновой опасности проводилась в следующих НП: Высочаны, Горелики, Добромысли, Крынки, Новое Село, Перемонт (Лиозненский район Витебская область). Экологические и геологические косвенные показатели радона в исследуемых НП, представленные КРП, а также рассчитанные ожидаемые среднегодовые значения ОА радона указывают на низкий уровень потенциальной радоноопасности, и лишь НП Новое Село характеризуется средним уровнем потенциальной радоноопасности. Проведенная проверка соответствия результатов моделирования практическим измерениям ОА радона показала отсутствие достоверных различий между модельными и экспериментальными результатами (согласно дисперсионному анализу данных во всех случаях $F_{эмп} = 0,0049 < F_{крит} = 4,96$ при $p > 0,05$). Также ни одно значение 99%-ого квантиля распределения ОА радона в исследуемых НП не превышает десятикратное среднереспубликанское значение ОА радона ($P_{99} < OA_{срРБ} \cdot 10 = 400 \text{ Бк/м}^3$) – исследуемые НП не относятся к критической зоне радоноопасности.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Карта радонового риска Беларуси / А. К. Карабанов [и др.] // Природные ресурсы. – №2. – Минск : РУП «НПЦ по геологии», 2015. – С. 73–78.
2. Источники и эффекты ионизирующего излучения. Отчет НКДАР ООН 2000 года с научными приложениями. – М., 2002. – Т. 2. – 319 с.
3. Защита от радона-222 в жилых зданиях и на рабочих местах / Публикация № 65 МКРЗ. – М. : Энергоатомиздат, 1995. – 78 с.
4. Бекман, И. Н. Радон: враг, врач и помощник / И. Н. Бекман. – М. : МГУ, 2000. – 205 с.
5. Чеховский, А. Л. Обоснование применения компонентов радонового показателя для картирования радонового потенциала / А. Л. Чеховский // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – № 6 (87). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – С. 100–106.
6. Чунихин, Л.А. Картирование и оценка радоновой обстановки Гомельской, Могилевской и Витебской областей / Л.А. Чунихин, А.Л. Чеховский, Д.Н. Дроздов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – № 3 (90). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – С. 71–76.

7. Шагалова, Э. Д. Содержание урана-238 в почвах Беларуси / Э. Д. Шагалова // Почвоведение. – Минск : Институт почвоведения и агрохимии, 1986. – №2. – С. 140–145.
8. Оценка гидрогеологических параметров по данным геофизических исследований в скважинах: Методическое руководство / А. В. Беляшов [и др.]. – Минск: Фонды геофизической экспедиции, 2008. – 43 с.
9. Булыгин, Б. П. Инструкция по гамма-каротажу при массовых поисках урана: утв. Мин. Геологии СССР 01.09.81 г. / Б. П. Булыгин [и др.]. – СПб. : Министерство Геологии СССР, 1982. – 101 с.
10. Адушкин, В. В. Поля почвенного радона в восточной части Балтийского щита / В. В. Адушкин, И. И. Дивков, С. А. Кожухов // Динамические процессы в системе внутренних и внешних взаимодействующих геосфер / В. В. Адушкин, И. И. Дивков, С. А. Кожухов. – М. : Геос, 2005. – С. 173-178.
11. Karabanov, A. K. Impact of geological structures of Belarus on Radon Concentration in Air Workshop on Natural Radiation and Radon / A. K. Karabanov // Seminar on Radon, Stockholm, SSM, 25–27 January, 2009.
12. Выполнение комплексной геофизической съемки на площадке возможного размещения АЭС и прогноз миграции радионуклидов с подземными водами (Шкловско-Горецкий пункт, Кукшинская площадка) : Отчет о НИР (закл.) / Бел. геофиз. экспед; рук. А. В. Гаврилов. – Минск, 2008. – 257 с.
13. Гидрогеологическая карта четвертичных отложений Белорусской ССР / Г.В. Богомолов [и др.]. – Минск, 1963.
14. Внедрить в Гомельской области ЦГЭ и РЦЭ Минздрава Республики Беларусь комплексы средств измерений и разработанную в ГНУ ОИЭЯИ-Сосны методику для массовых измерений объемной активности радона в воздухе жилых и производственных помещений, основанные на использовании пассивных интегральных радонометров с ТГД, и провести мониторинг радона на территориях, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС: Отчет о НИР (закл.) / Объединенный Институт энергетических и ядерных исследований; рук. О. И. Ярошевич ; Минск ; Гомельский областной Центр гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья ; рук. В. Н. Бортновский. – Гомель ; Минск : ГНУ ОИЭЯИ-Сосны, 2008. – 170 с.
15. Радон и дочерние продукты его распада в воздухе зданий на территории Беларуси / А. К. Карабанов [и др.] // Природопользование. – Вып. 27. – Минск : Институт природопользования НАН Беларуси, 2015. – С. 49–53.
16. Методика определения объемной активности радона в воздухе жилых и производственных помещений с использованием интегральных радонометров на основе твердотельных трековых детекторов альфа-частиц. – МВИ. МН 1808-2002. – Минск, 2002. – 18 с.

Поступила в редакцию 10.10.2017

E-mail: chehovskii@mail.ru

Chekhovskiy Artur Leonidovich

EVALUATION DANGERS OF RADON BY EXAMPLE OF SOME SETTLEMENTS LIOZNO DISTRICT VITEBSK REGION

In article by example of some settlements Liozno district describes integrated methodological approach for evaluation dangers of radon area and search the critical radon zones. Presents complex radon index of territory, which take into account a number of fundamental environmental and geological factors: concentration of uranium in soil, dose rate before Chernobyl, soil filtration coefficient, depth of the aquifer. Shows a transition from complex radon index to radon volume activity in residential buildings. Built reference distribution of radon volume activity, which used for calculation 99%th quantile distribution of radon volume activity in settlements, it is necessary to determine affiliation settlements to critical radon zone.

Keywords: radon, complex radon index, volume activity, critical radon zone.

ПЕДАГАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 796.015.1

С. М. Блоцкий¹, В. А. Горовой²¹ Кандидат педагогических наук, декан факультета физической культуры,
МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Республика Беларусь² Кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики физического воспитания,
МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Республика Беларусь**АНАЛИЗ ПОСТРОЕНИЯ ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА
ЮНЫХ БЕГУНОВ НА СРЕДНИЕ ДИСТАНЦИИ**

В статье представлен сравнительный анализ объема и интенсивности выполнения юными бегунами нагрузок на выносливость с нагрузками, рекомендуемыми специалистами. Определены допустимые тренировочные нагрузки в годичном цикле тренировки юных бегунов. Представлены практические рекомендации по использованию тренировочных средств юных бегунов в годичном цикле подготовки.

Ключевые слова: спортивная тренировка, юноши 13–14 лет, бег на выносливость, годичный цикл тренировки, общая физическая подготовка, специальная физическая подготовка.

Введение

В последние годы быстро растут результаты в видах спорта, связанных с выносливостью. Значительно повысились результаты спортсменов на всех крупнейших международных соревнованиях. Отмечается неуклонное снижение возраста чемпионов. Многие специалисты (С.М. Блоцкий, Ю.В. Верхошанский, В.П. Губа, П.В. Квашук, А.В. Карпов, В.Г. Никитушкин, В.Н. Платонов) [1]–[3], [8], [10] как Республики Беларусь, так и зарубежные видят в этом свидетельство того, что большинство спортсменов в ранней юности или даже детском возрасте выполнили большой объем тренировочной работы. В то же время, воздействие на организм юных спортсменов тренировочных и соревновательных нагрузок на выносливость изучено еще недостаточно.

Важно отметить, что большое значение имеет рационально построенная спортивная тренировка, особенно в детском возрасте. Одной из важнейших проблем при этом является нахождение оптимальной структуры многолетнего тренировочного процесса. Однако в большинстве видов спорта еще не получены фактические данные о том, как изменяются основные параметры тренировки (объем и интенсивность нагрузки, соотношение общей и специальной подготовки и т.д.) на протяжении многолетних занятий спортом. Особенный дефицит имеют сведения о начальном этапе спортивной подготовки.

На практике выявить эффективность тренировочного процесса и управлять им можно только при помощи сведений о выполняемой спортсменом тренировочной нагрузке и об адаптационной перестройке организма под воздействием данной нагрузки. Прежде чем приступить к построению тренировки в годичном цикле подготовки, следует определить физическую работоспособность спортсмена и запланировать объемы тренировочных нагрузок по зонам интенсивности.

В настоящей работе ставилась следующая цель: на основе обобщения современного опыта тренировки юных спортсменов, специализирующихся в беге на средние дистанции, провести сравнительный анализ объема и интенсивности выполнения тренировочных нагрузок для развития выносливости.

В исследованиях были поставлены следующие задачи:

1. Установление оптимального соотношения средств общефизической и специальной подготовки, скоростно-силовых качеств и воспитание выносливости юных бегунов 13–14 лет.

2. Определить допустимые тренировочные нагрузки в годичном цикле тренировки юных бегунов.

3. Дать практические рекомендации по использованию тренировочных средств юных бегунов в годичном цикле подготовки.

Очевидно, объективность наших представлений о наиболее целесообразной структуре многолетнего тренировочного процесса будет зависеть от количества собранных данных. Ориентируясь на это, мы организовали учет и провели анализ данных о тренировке.

Организация и методы исследования

Нами были опрошены 120 юных легкоатлетов-бегунов на средние дистанции на предмет учета тренировочной работы в личных дневниках, отражающих характер тренировочного процесса и оценку личностного состояния занимающихся.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ дневников тренировочного процесса юных бегунов на средние дистанции показал, что в годичном цикле подготовки беговая нагрузка имеет довольно разнообразное целевое направление: беговая работа в аэробном, анаэробном и смешанном режимах, средства общей физической подготовки, совершенствование скоростно-силовых качеств, средства активного отдыха и восстановления; фиксировались также элементы режима дня спортсмена, самочувствие, отношения с окружающими и пр. В то же время установлено, что 9,8% спортсменов не ведут дневников тренировок, считая это делом тренера.

Но если беговая работа фиксируется в абсолютном большинстве дневников юных спортсменов, которые их ведут с точностью до километра, то отдельные составляющие виды спортивной тренировки многими из тренирующихся только затрачиваются, или оценивается их объем во временных единицах (часы, минуты), а некоторыми спортсменами лишь упоминается в дневниках об их использовании.

Так, кроме характера беговых нагрузок, 92,4% спортсменов в дневниках подробно описывают режим своего дня; у 73,9% спортсменов в дневниках отражены особенности скоростно-силовой подготовки; 47,9% спортсменов отразили в дневниках использование средств активного отдыха и 39,7% спортсменов – использование средств общей физической подготовки (ОФП).

Скоростно-силовая подготовка, фиксируемая в дневниках юных спортсменов, не всегда дает возможности объективно оценить объем и интенсивность используемых средств и выявить их направленность, тем не менее выборочный анализ позволяет установить общие закономерности в ее реализации.

При анализе дневников учитывались следующие параметры тренировочных нагрузок в годичном цикле:

- объем беговой подготовки;
- объем общей физической подготовки;
- объем упражнений скоростно-силовой направленности.

Анализ беговой нагрузки проводился в соответствии с принятой классификацией по трем зонам интенсивности [6]:

- нагрузки аэробного характера, имеющие восстановительно-развивающую направленность, их верхней границей является скорость бега, соответствующая порогу анаэробного обмена (ПАНО).

- смешанные (аэробно-анаэробные) нагрузки, имеющие развивающую направленность, их нижней границей является ПАНО, а верхней – скорость бега, соответствующая критической мощности.

- анаэробные нагрузки (субмаксимальной и максимальной мощности).

«Пороговая скорость» юных бегунов на средние дистанции характеризуется частотой сердечных сокращений (ЧСС) – 150–160 уд/мин; критическая скорость характеризуется ЧСС 180–195 уд/мин.

Нами был проведен сравнительный анализ годового режима тренировочной работы, выполняемой юными спортсменами, и режима, предлагаемого специалистами (см. таблицу 1).

Таблица 1. – Сопоставление годового режима тренировочной работы, выполняемой юными спортсменами, и режима, предлагаемого специалистами ($X \pm \sigma$)

№	Режимы выполнения нагрузок	Показатели, зарегистрированные спортсменами	Рекомендации специалистов
1.	Общий объем бега, км	1211±258	2050±235
2	Аэробный режим, км %	1090±150 90±12,2	1750±150 85,3±12,6
3	Аэробно-анаэробный режим, км %	97±10 8±1,7	200±20 9,8±1,4
4	Анаэробный режим, км %	24±2,5 1,9±0,5	100±15,0 4,9±1,1

На основе анализа данной таблицы нами выявлены следующие тенденции в распределении беговой нагрузки в годичном цикле тренировки бегунов на средние дистанции учебно-тренировочных групп:

- общий объем бега колеблется от 1080 до 1320 км, при среднем значении 1211 км (1 год);
- объем бега в аэробном режиме: от 990 до 1190 км при среднем значении 1090 км, т.е. 90 % от общего объема (1 год);
- объем бега в аэробно-анаэробном режиме: от 70 до 110 км при среднем значении 97 км, т.е. 8 % от общего объема (1 год).

Бег в анаэробном режиме в основном проводится на коротких отрезках, выполняемых повторно. Объем бега составляет от 20 до 30 км при среднем значении 24 км, т.е. 1,9 % от общего объема беговой нагрузки (1 год).

В процессе занятий с детьми необходимо придерживаться строгой последовательности как в направленности нагрузок, так и в их общем объеме. Так, для создания прочного фундамента общей и специальной подготовки необходимо уже в юные годы приучить будущих бегунов на средние дистанции к выполнению больших, но доступных тренировочных нагрузок. Общий объем беговых упражнений на начальном этапе подготовки должен составлять 45–50 % от объема работы мастеров спорта, что составляет к концу этапа начальной специализации 1700–2000 км в год. Особую важность имеет интенсивность выполняемых беговых упражнений. Большинство специалистов [3]–[7], [9] считает необходимым для начинающих бегунов на средние дистанции выполнение упражнений в так называемой компенсаторной зоне, т.е. на пульсе 120–140 уд/мин. Именно эти упражнения обеспечивают не только совершенствование аэробных возможностей организма начинающих бегунов на средние дистанции, но и играют роль восстановительных мероприятий после скоростных и силовых нагрузок. Отмечается, что при таком раскладе тренировочных средств число занятий в неделю у детей может быть таким же, как и у взрослых, но меньшей продолжительности и напряженности.

Управление процессом тренировки юных легкоатлетов предполагает осуществление тренером ряда действий: 1) получение исходной информации о состоянии подготовленности занимающихся; 2) уточнение общей направленности тренировочного процесса, его целей и задач; 3) выявление модельных характеристик лучших бегунов на средние дистанции и сопоставление их с индивидуальными параметрами юных спортсменов. В этом случае модельные характеристики являются своего рода эталонными показателями критерия эффективности.

Особое внимание должно уделяться такому построению тренировочного процесса, при использовании которого было бы возможным достижение как намеченных модельных характеристик, так и планируемых показателей в конкретных соревнованиях. Понятно, что при таком подходе первостепенное значение имеют вопросы планирования и нормирования тренировочных и соревновательных нагрузок, их эффективной структуры, соотношения основных компонентов подготовки, выбора рациональных средств и методов тренировки.

Большое значение приобретает в этот период совершенствование скоростно-силовой подготовки, особенно развитие силы нижних конечностей, и в частности, стопы. Однако, как

показывает опыт работы с юными бегунами на средние дистанции, применение в больших объемах бега и прыжков в гору в этом возрасте не приводит к желаемым результатам в развитии скоростно-силовых качеств, а лишь форсирует подготовку. Рекомендуется в учебно-тренировочных занятиях на этапе начальной спортивной специализации развивать скоростно-силовые качества, применяя круговую тренировку, прыжки с места, многоскоки, спрыгивания, силовую гимнастику, легкие отягощения и пр. Эти упражнения, укрепляя мышцы нижних конечностей, не ведут к перенапряжениям в деятельности вегетативных систем организма и способствуют формированию более стойких адаптивных реакций на беговые нагрузки.

Анализ дневников спортсменов показал, что в годичном цикле подготовки беговая нагрузка имеет определенную направленность по их годичному распределению. Так, явное преимущество отдается тренировочной работе, направленной на совершенствование общей выносливости, резко занижены объемы беговых нагрузок, направленных на совершенствование специальной выносливости бегунов на средние дистанции, и крайне мал объем беговых упражнений на совершенствование скоростных качеств.

Общая физическая подготовка положительно взаимодействует с другими видами спортивной тренировки и в многолетнем аспекте неизменно содействует росту спортивных результатов. Очевидно, на различных этапах многолетней тренировки ОФИ может иметь разную направленность – более широкую или более специализированную. В первом случае она создает более фундаментальные предпосылки для последующего совершенствования; во втором – содействует быстрой реализации созданных предпосылок. Предложенное нами распределение средств спортивной тренировки юных бегунов 13–14 лет в годичном макроцикле представлено в таблице 2.

Таблица 2. – Использование тренировочных средств в подготовке юных бегунов 13–14 лет на средние дистанции в годичном цикле подготовки

Показатели	Месяцы												Всего за год
	IX	X	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
Количество тренировочных дней	20	20	20	20	18	20	20	20	18	16	16	12	220
Затрачено часов	40	40	40	40	36	40	40	40	36	32	32	24	440
Средства специальной физической подготовки (час)	10	10	15	15	15	15	16	16	16	16	16	16	176
Средства общей физической подготовки (час)	18	26	21	21	17	21	20	20	16	13	12	8	213
Игры и игровые упражнения (час)	12	4	4	4	4	4	4	4	4	3	4	-	51

Таким образом, как видно из таблицы, более эффективно и разносторонне влияет на организм бегунов 13–14 лет такой вариант начальной тренировки, в котором 60 % времени уделяется применению общеподготовительных (48,4 %) и игровых упражнений (11,6 %) и 40 % времени отводится средствам специальной физической подготовки, развивающим выносливость.

Выводы

Увеличение объема упражнений скоростно-силового характера в тренировке юных бегунов способствует улучшению показателей быстроты, силы и выносливости, что является целесообразным для данного этапа подготовки юных спортсменов.

Данные проведенного анализа подтверждают мнение о том, что тренировка, направленная преимущественно на развитие общей выносливости, при рациональном сочетании с другими

средствами физического воспитания способствует повышению уровня не только показателей выносливости, но и других физических качеств: быстроты, силы, скоростно-силовых качеств.

Выявленные нами в результате проведенного анализа дневников юных бегунов количественные параметры тренировочного процесса и его динамики могут служить одним из объективных показателей для перспективного планирования тренировки.

Предлагаемая нагрузка должна полностью соответствовать возможностям юных бегунов, что достигается в результате тщательного анализа предшествующей подготовки, субъективных ощущений бегунов и объективных наблюдений тренера при строгом учете индивидуальных физиологических и психологических особенностей бегунов юношеского возраста.

Выполнение такой аналитической работы, включая анализ дневников спортсменов, будет способствовать повышению уровня специальной физической подготовки юных спортсменов и выступлению их на соревнованиях высокого уровня в течение годичного цикла подготовки.

При построении спортивной тренировки с юными бегунами чрезвычайно важен учет их индивидуальных особенностей, так как узкая специализация, проводимая в соответствии с индивидуальными наклонностями, позволяет наиболее полно удовлетворить спортивные интересы. Принцип индивидуализации спортивной тренировки, ориентирующий на возможно полное соответствие содержания, методов, форм занятий, величины и динамики нагрузки индивидуальным особенностям спортсмена, целесообразен и необходим в практической работе с юными спортсменами на различных этапах их подготовки.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Блоцкий, С. М. Легкая атлетика и методика преподавания : учеб.-метод. пособие для студентов, обучающихся по специальности 1-03 02 01 «Физическая культура» / сост. : С. М. Блоцкий, А. В. Карпов. – 2-е изд. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2014. – 290 с.
2. Верхошанский, Ю. В. Основы специальной физической подготовки спортсменов / Ю. В. Верхошанский. – М. : ФиС, 1988. – 331 с.
3. Губа, В. П. Индивидуальные особенности спортсменов / В. П. Губа, В. Г. Никитушкин, П. В. Квашук. – Смоленск : ТО ИКА, 1997. – 219 с.
4. Зацюрский, В. М. Вопросы теории и практики педагогического контроля в современном спорте / В. М. Зацюрский, В. А. Запорожанов, И. А. Тер-Аванесян // Теория и практика физической культуры. – 1971. – №4. – С. 39–42.
5. Матвеев, Л. П. Теория и методика физической культуры (Общие основы теории и методики физического воспитания, теоретико-методические аспекты спорта и профессионально прикладных форм физической культуры): учеб. для ин-тов физ. культуры / Л. П. Матвеев. – М. : Физкультура и спорт, 2001. – 543 с.
6. Набатникова, М. Я. Основы управления подготовкой спортсменов / М. Я. Набатникова. – М. : ФиС, 1982. – 226 с.
7. Никитушкин, В. Г. Подготовка юных бегунов / В. Г. Никитушкин, Г. Н. Максименко, Ф. П. Суслов. – Киев : Здоров'я, 1988. – 112 с.
8. Никитушкин, В. Г. Многолетняя подготовка юных спортсменов : монография / В. Г. Никитушкин. – М. : Физическая культура, 2010. – 240 с.
9. Озолин, Э. С. Спринтерский бег / Э. С. Озолин. – М. : Человек, 2010. – 176 с.
10. Платонов, В. Н. Подготовка квалифицированных спортсменов / В. Н. Платонов. – М. : ФиС, 1986. – 286 с.

Поступила в редакцию 13.09.17

E-mail: slava.gorovoi1980@mail.ru

S. M. Blotskiy, V. A. Gorovoy

THE ANALYSIS OF CREATION OF TRAINING PROCESS OF YOUNG RUNNERS ON AVERAGE DISTANCES OF REPUBLIC OF BELARUS

The comparative analysis of volume and intensity of performance of loads by young runners of endurance with the recommended experts is presented in article. Permissible training loads in a year cycle of a training of young runners are defined. Practical recommendations about use of training means of young runners in a year cycle of preparation are submitted.

Keywords: a sports training, young men of 13-14 years, run on endurance, a year cycle of a training, the general physical training, special physical training.

УДК (572.087:616-07):378/180.6

Д. Д. Жадзько¹, В. В. Григоревич²

¹Кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания и спорта, УО «Гродненский государственный медицинский университет», г. Гродно, Республика Беларусь

²Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой физического воспитания и спорта, УО «Гродненский государственный медицинский университет», г. Гродно, Республика Беларусь

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИНАМИКИ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ «ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ» В ТЕЧЕНИЕ УЧЕБНОГО ГОДА

В статье представлена сравнительная характеристика динамики физической подготовленности студентов учреждения образования «Гродненский государственный медицинский университет» в течение учебного года. В результате проведенного исследования установлено, что физические возможности студентов находятся на удовлетворительном уровне, необходимо увеличивать количество упражнений, направленных на развитие общей выносливости, скоростных и скоростно-силовых способностей.

Предлагается необходимым актуализировать нормативы по физической подготовленности для студентов учреждений высшего образования не физкультурного профиля в соответствии с их физической готовностью.

Ключевые слова: студенты, физическая подготовленность, контрольные нормативы.

Введение

Объективной оценкой содержания учебной программы по физической культуре у студентов учреждений высшего образования является информация об уровне их физической подготовленности, получаемая с помощью тестов или контрольных упражнений, при этом важная роль принадлежит информативности существующих нормативов оценки физического состояния организма для конкретного контингента занимающихся [1]. Оценить уровень физической подготовленности занимающихся можно только комплексно, опираясь на метрические критерии, в частности, на динамику показателей в условиях длительных систематических наблюдений в ходе учебного процесса [2].

Согласно исследованиям, проводимым в странах ближнего зарубежья по данной проблеме [3]–[5], у современных студентов наблюдается тенденция к снижению уровня физической подготовленности. В работе Э.Р. Салеева (2014) показано, что студенты-первокурсники 2013/2014 учебного года, проживающие в крупных городах, стали пробегать дистанцию 1000 м медленнее на 18 %, а их сверстники из сельской местности – на 22,7 % ($p < 0,05$) по сравнению с результатами, показанными студентами в 1998/1999 учебном году [3]. По данным Н.П. Батеевой (2014), студенты первого и второго курсов сдают контрольные нормативы по оценке выносливости, скоростно-силовых способностей, гибкости и силы в среднем на оценку «удовлетворительно», в целом же их физическая подготовленность находится на уровне «ниже среднего» [4]. Исследование И.Н. Ярошевич (2013) также свидетельствует, что основная масса тестируемых студентов имеет средний уровень развития физических качеств, а количество лиц на первом курсе, имеющих уровень физической подготовленности «ниже среднего» к концу учебного года возрастает на 16,7 % и с «низким уровнем» – на 16,7 % [5]. Согласно результатам аналогичных исследований, проведенных в России среди студентов, проживающих в умеренно континентальном климате, уровень физической подготовленности большинства девушек 18-20 лет – ниже среднего, а девушек 21 года – низкий [6]. По данным Н.А. Квятковской [7] у студенток не физкультурных ВУЗов Беларуси наблюдается низкий уровень скоростных и скоростно-силовых способностей, средний уровень силовой выносливости, а по уровню аэробной выносливости только 10 % испытуемых имеют высокий показатель, а 30 % – средний и 60 % – низкий.

В связи с вышеизложенным целью нашего исследования была сравнительная характеристика динамики физической подготовленности студентов Гродненского государственного медицинского университета в течение учебного года по нормативам, предлагаемым типовой учебной программой по дисциплине «физическая культура» для учреждений высшего образования Республики Беларусь.

Методы исследования. В исследовании применялись следующие методы: педагогическое наблюдение, тестирование физической подготовленности, статистическая обработка данных. Для оценки

образовательного уровня абитуриентов, поступающих в высшие учебные заведения медицинского профиля проведен анализ проходных баллов и конкурса на бюджетные места лечебного факультета (как самого крупного) в 2013–2016 годах. Тестирование физической подготовленности проводилось среди студентов мужского ($n=330$) и женского ($n=1453$) пола основного медицинского отделения 1–4 курсов разных факультетов. Для оценки уровня физической подготовленности использовались следующие тесты: у юношей – бег 100 и 1000 м, прыжок в длину с места, подтягивание на перекладине, сгибание-разгибание рук в упоре лежа; у девушек – бег 100 и 500 м, прыжок в длину с места, поднятие туловища из положения лежа на спине. Обработка полученных данных проводилась с помощью программного обеспечения Microsoft Excel. Статистический анализ количественных признаков осуществлялся в программной среде Statistica 10.0 (лиц. № AXAR207F394425FA-Q). При нормальном распределении количественных признаков данные представлялись в виде среднее \pm стандартное отклонение, а статистическую значимость различий оценивали по t-критерию для независимых выборок. При распределении, отличающемся от нормального, результаты представлялись в виде медианы [25 перцентиль; 75 перцентиль], при этом статистическая значимость различий определялась по критерию Вилкоксона. Различия считали статистически значимыми при $p < 0,05$.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе работы выявлялся средний балл при сдаче контрольных нормативов юношами и девушками. В нашей работе (Жадько Д.Д., Григоревич В.В. (2015)) выявлено состояние физической подготовленности студентов мужского пола при проведении контрольных нормативов в осеннем (сентябрь) и весеннем (май) семестрах 2013–2014 учебного года [8]. При сдаче теста «бег 100 м» были показаны результаты на уровне 4–6 баллов, при этом на первом, третьем и четвертом курсах в конце года произошло их снижение на 0,1, 0,6 и 0,4 сек, что обусловлено увеличением числа студентов, сдававших данный норматив, в сравнении с осенним семестром.

В то же время на втором курсе данный показатель улучшился на 0,3 сек. Средний результат при сдаче контрольного норматива «бег 1000 м» на всех курсах в осеннем и весеннем семестрах составил 1 балл, что характеризует неудовлетворительное развитие физического качества «выносливость» у студентов. Следует отметить снижение (на 18,7%) данного показателя на втором курсе в осеннем семестре по отношению к аналогичному периоду на первом курсе. На втором курсе в конце учебного года произошло сокращение времени бега по дистанции на 21,2% в сравнении с осенним семестром, что свидетельствует о росте общей выносливости в течение года. В то же время, на третьем и четвертом курсах данных изменений отмечено не было, что объясняется снижением числа обязательных занятий. Анализ теста «прыжок в длину с места» показал прирост результатов на первом и втором курсах на 1 балл в конце учебного года, на третьем и четвертом курсах наблюдалась относительная стабильность данного норматива (228–230 см). Низкий уровень силовых способностей показали студенты при проведении контрольного упражнения «подтягивание на перекладине» (3–4 балла). При выполнении норматива «сгибание-разгибание рук в упоре лежа» студентами были показаны достаточно высокие результаты (7–9 баллов), что свидетельствует, скорее всего, о недостаточной информативности данного теста, оценивающего силовые способности. Отмечено отсутствие положительной динамики результатов в данном упражнении на всех курсах на протяжении учебного года. При переходе на старшие курсы наблюдался рост количества повторений данного упражнения (на втором курсе на 14,3%, на третьем курсе – на 11,4%) в сравнении с первым курсом. При анализе результатов сдачи контрольных нормативов у студентов женского пола (Жадько Д.Д., Григоревич В.В., 2015) [9] выявлено, что средний результат в беге на 100 м на всех курсах в осеннем семестре составил всего 1 балл, что свидетельствует о неудовлетворительном развитии физического качества «быстрота» у студенток. В весеннем семестре на первом курсе произошло улучшение данного показателя на 0,4 с ($p < 0,05$), на третьем курсе – на 0,3 с ($p < 0,05$).

При сдаче контрольного норматива «бег 500 м» в начале и в конце учебного года студентки первого курса показали результат, равный 5 баллам, на втором курсе данный тест был сдан на 4 балла. Студенты третьего и четвертого курсов в осеннем семестре смогли показать результат, равный лишь 1 баллу, однако к концу учебного года смогли улучшить время бега по дистанции на 5,2 и 5,1% ($p < 0,05$), соответственно. Анализ результатов прыжка в длину с места свидетельствует об относительно низком уровне развития скоростно-силовых способностей у студентов. В осеннем и весеннем семестрах этот норматив был сдан на первом курсе на оценку 5 баллов, на третьем и четвертом курсах – на 4 балла, а на втором курсе результат был улучшен в течение года с 3 до 4 баллов ($p < 0,05$). Отмечены достаточно высокие результаты сдачи теста «поднятие туловища из положения лежа на спине». В начале учебного года данный норматив на первом курсе в среднем был сдан на оценку 8, на других курсах – на оценку 7, что свидетельствует о достаточно высокой степени развития силовых способностей у испытуемых или

же о недостаточной информативности данного теста. В конце года в этом виде тестирования на втором курсе отмечено улучшение выполнения норматива на 5,8% ($p < 0,05$), на остальных курсах значимых изменений не наблюдалось.

В связи с тем, что интерес представляют не только усредненные значения различных параметров функционального состояния организма, но и количество студентов, показывающих тот или иной уровень физической подготовленности, нами был выполнен детальный анализ вариативности результатов по каждому контрольному нормативу, так как средний балл не всегда отражает положительные или отрицательные сдвиги физических возможностей организма определенной категории испытуемых (Жадько Д.Д., Григоревич В.В., 2015 [10], [11]). Ниже представлено распределение оценок студентов-мужчин при сдаче контрольных нормативов по физической подготовленности в осеннем и весеннем семестрах. Эти данные представляют интерес для оценки динамики изменений состояния физических качеств в течение учебного года у лиц с различным уровнем функциональных возможностей. Так, выше мы указывали, что на втором курсе в конце учебного года произошло сокращение времени бега по дистанции 1000 м в среднем на 21,2 % в сравнении с осенним семестром, что свидетельствует о росте общей выносливости в течение учебного года. Вместе с тем, как представлено на рисунке 1, на 1 балл в начале года бежало 87,1 % испытуемых, а в конце – 61,5 %; на 2 балла – в начале года 7,1%, а в конце – 15,4%; на 3 балла – в начале года 2,4 %, в конце – 13,5 %; на 4 балла – в начале года 2,4 %, в конце – 5,8 %; на 8 баллов – в начале года на 1,2 %, в конце – 0%. Эти данные показывают, что, несмотря на общее улучшение времени бега по дистанции, количество лиц, сдававших его на 8 баллов, снизилось с 1,2 до 0 %. Это, очевидно, объясняется недостаточным использованием в учебном процессе циклических упражнений высокой интенсивности и длительности. При анализе результатов сдачи других нормативов также не представляется возможным говорить только о повышении либо снижении результатов.

В то же время на эту оценку в начале года сдали лишь 4,2 % студентов, а на 10 баллов – 52,1 % испытуемых. В конце года наблюдалась сходная ситуация: на 8 баллов данный норматив выполнили 5,6% студентов, а на 9-10 баллов – 72,2%. Как следует из изложенного, средний балл «8» не в полной мере отражает состояние силовых способностей данного контингента испытуемых.

На третьем курсе и в осеннем, и в весеннем семестрах средний балл при сдаче норматива «сгибание рук в упоре лежа» равен «8» (рисунок 2).

При изучении результатов сдачи норматива «прыжок в длину с места» отмечено (рисунок 3), что на втором курсе в осеннем семестре при среднем балле равном «5», на оценки 5, 6, 7, 8 выполнили данный тест 10,5, 4,7, 11,6, 10,5% студентов, соответственно. Эти результаты показывают, что на оценку 5 и 8 указанный норматив выполнило одинаковое количество студентов, а на оценку 7 – на 1,1 % больше, чем на оценку 5.

В весеннем семестре средний балл сдачи данного норматива повысился до 6. Вместе с тем, на оценку 6, 7, 8, 9 и 10 этот норматив выполнили 8,2, 11,2, 7,1, 13,3 и 11,2 % студентов соответственно, что отражает довольно высокий процент студентов, показавших результат выше среднего.

Представленные результаты свидетельствуют, что состояние физической подготовленности студентов следует анализировать комплексно, а не только исходя из средних значений результатов сдачи контрольных нормативов. При этом следует руководствоваться приростом либо снижением показателей физических возможностей студентов относительно их исходных значений по каждому виду тестирования.

Так, на первом курсе при сдаче теста «бег 100 м» оценку «1 балл» получило 132 испытуемых, что составляет 47,1 % от общего числа тестируемых, а процент студенток сдавших норматив от 2 до 10 баллов составляет 13,6 %, 14,3 %, 5,0 %, 3,9 %, 3,2 %, 2,1 %, 5,7 %, 2,5 % и 2,5 %, соответственно. На втором курсе в беге на 100 м при среднем результате сдачи данного норматива «1 балл» в начале и в конце года, количество студенток, получивших означенную оценку, снизилось с 65,8 до 48,1 % от общего числа испытуемых, что отражает положительную динамику физической подготовленности и, в частности, физического качества «быстрота».

На рисунке 4 представлено количественное распределение студенток при сдаче контрольных нормативов в беговых нормативах.

Так, на первом курсе при сдаче теста «бег 100 м» оценку «1 балл» получило 132 испытуемых, что составляет 47,1 % от общего числа тестируемых, а процент студенток сдавших норматив от 2 до 10 баллов, составляет 13,6 %, 14,3 %, 5,0 %, 3,9 %, 3,2 %, 2,1 %, 5,7 %, 2,5 % и 2,5 %, соответственно. На втором курсе в беге на 100 м при среднем результате сдачи данного норматива «1 балл» в начале и в конце года, количество студенток, получивших означенную оценку, снизилось с 65,8 до 48,1 % от общего числа испытуемых, что отражает положительную динамику физической подготовленности и, в частности, физического качества «быстрота».

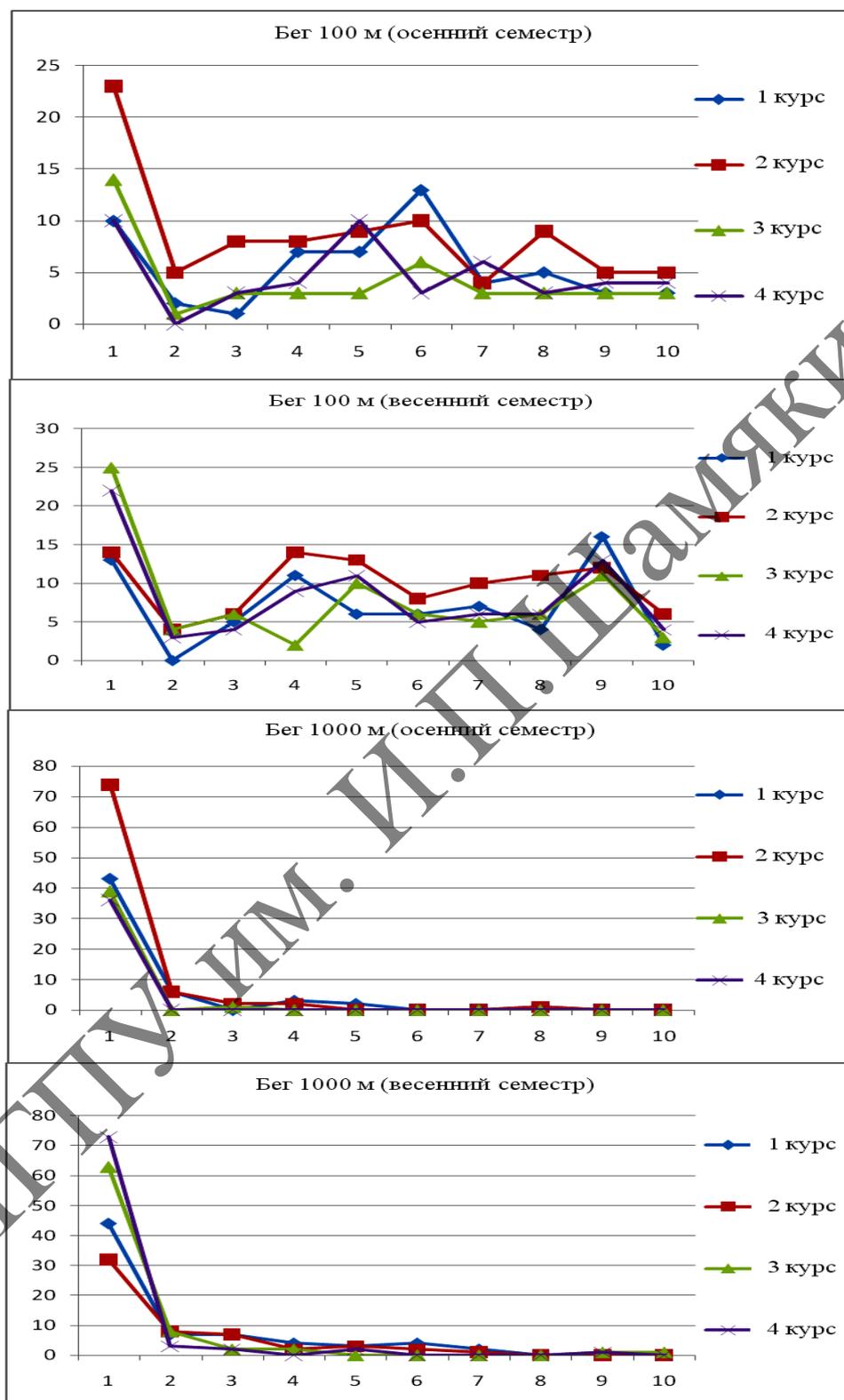

Рисунок 1. – Динамика результатов при сдаче беговых контрольных нормативов в осеннем и весеннем семестрах у юношей

Примечание: по оси абсцисс – оценка выполнения контрольного норматива по 10-балльной шкале, по оси ординат – количество студентов

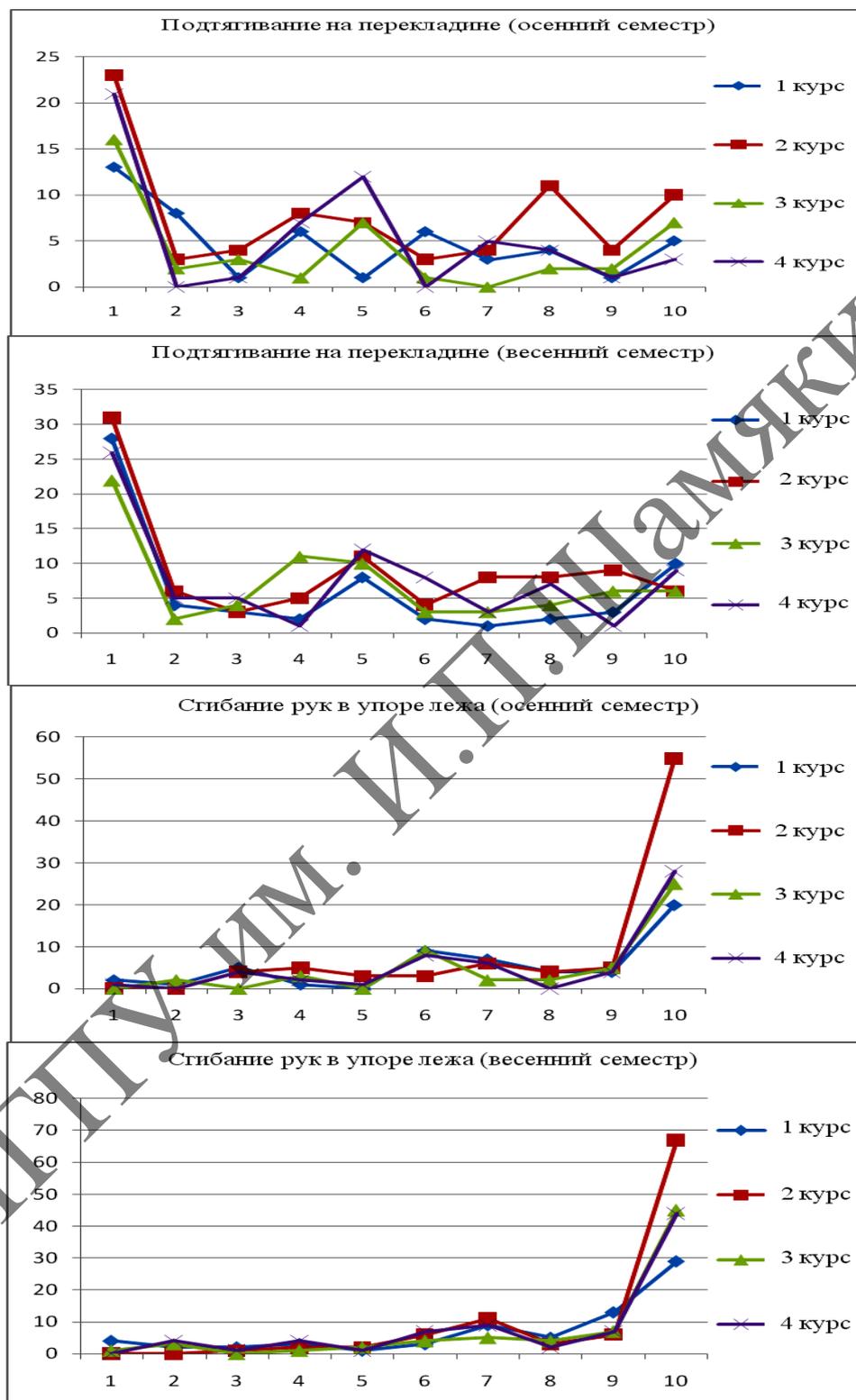

Рисунок 2. – Динамика результатов при сдаче силовых контрольных нормативов в осеннем и весеннем семестрах у юношей

Примечание: по оси абсцисс – оценка выполнения контрольного норматива по 10-балльной шкале, по оси ординат – количество студентов

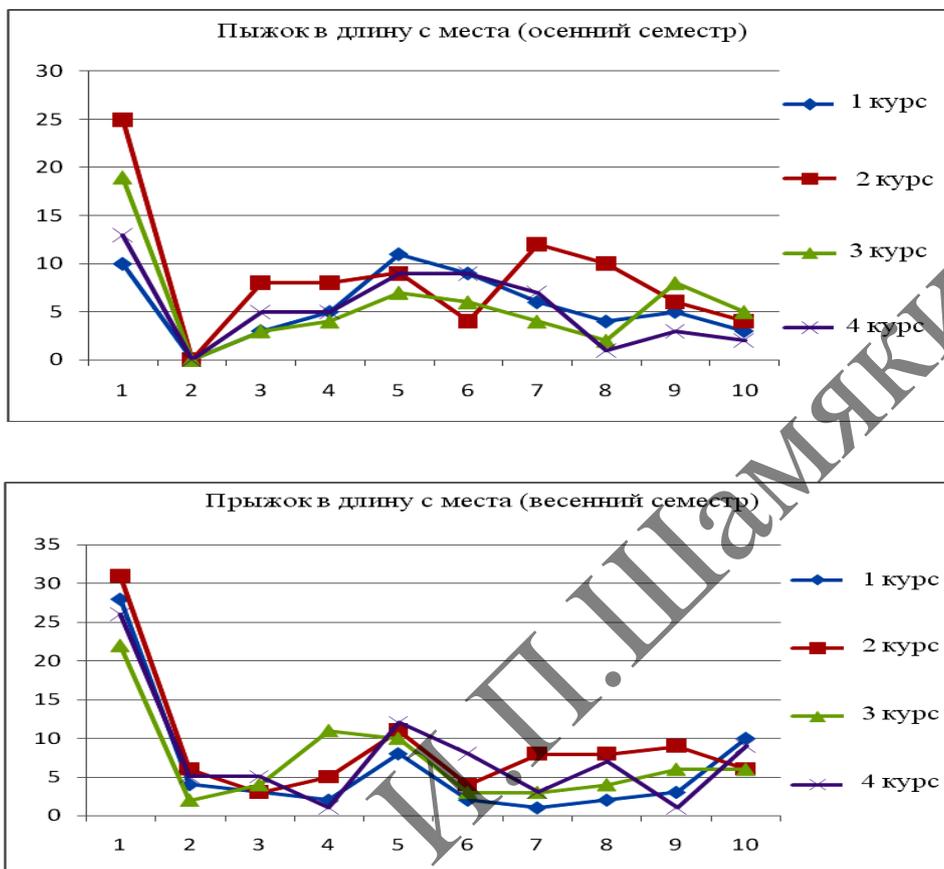

Рисунок 3. – Динамика результатов при сдаче прыжковых контрольных нормативов в осеннем и весеннем семестрах у юношей

Примечание: по оси абсцисс – оценка выполнения контрольного норматива по 10-балльной шкале, по оси ординат – количество студентов

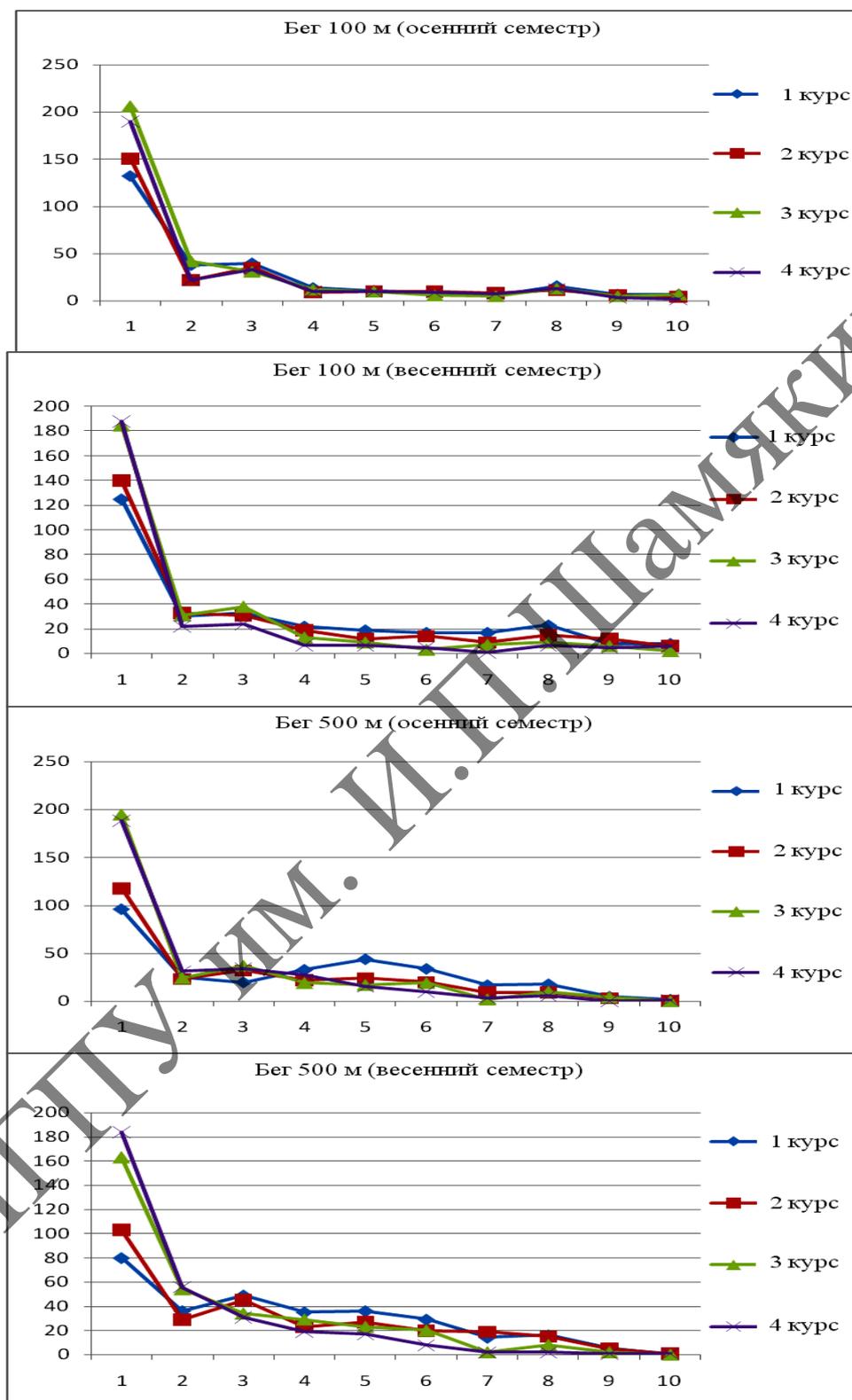

Рисунок 4. – Динамика результатов при сдаче беговых контрольных нормативов в осеннем и весеннем семестре у девушек

Примечание: по оси абсцисс – оценка выполнения контрольного норматива по 10-балльной шкале, по оси ординат – количество студентов

На четвертом курсе при среднем результате норматива «поднимание туловища из положения лежа на спине» равном 7-ми баллам в осеннем и весеннем семестре, количество студенток, получивших означенную оценку увеличилось с 32,8 до 38,4 % (рисунок 5), что также свидетельствует об улучшении физических возможностей организма занимающихся в течение учебного года.

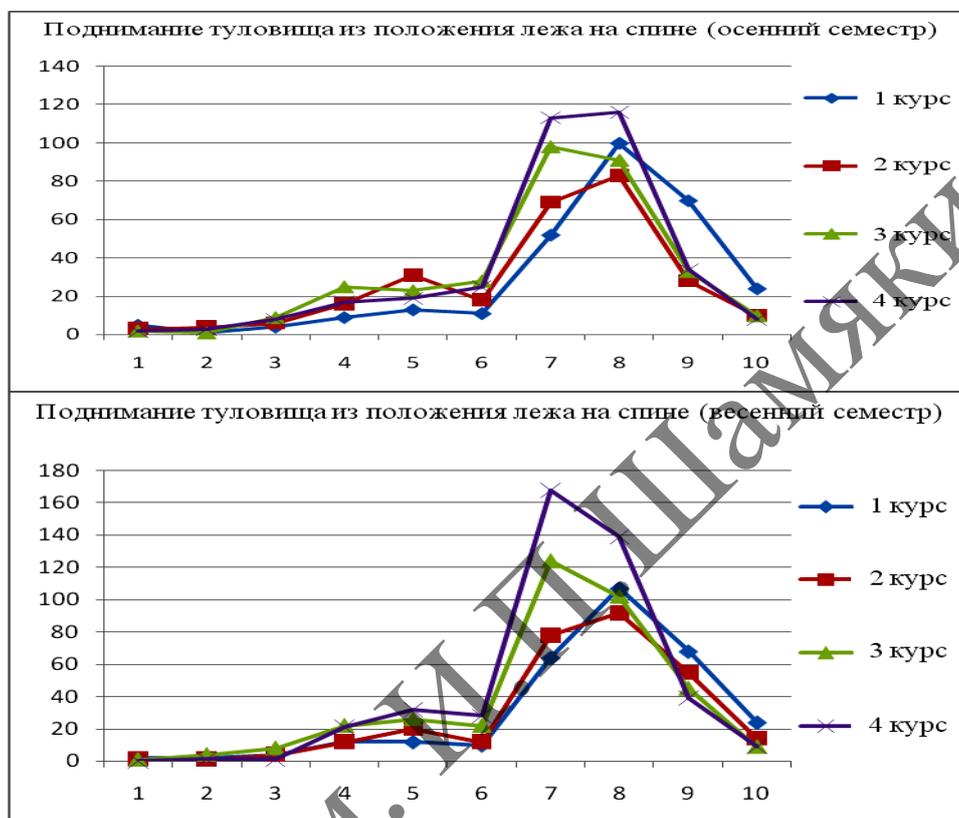

Рисунок 5. – Динамика результатов при сдаче силовых контрольных нормативов в осеннем и весеннем семестре у девушек

Примечание: по оси абсцисс – оценка выполнения контрольного норматива по 10-балльной шкале, по оси ординат – количество студентов

Согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 25 мая 2005 г. № 536 (ред. от 31.10.2013 г.) значительное количество работ медицинского персонала связано с опасными и вредными условиями труда. В этой связи физическая подготовленность и физическое развитие студентов учреждений образования медицинского профиля является важной и актуальной проблемой [12].

Выводы

Полученные результаты позволяют заключить, что в высшие учебные заведения по медицинским специальностям поступают абитуриенты с достаточно высокими баллами централизованного тестирования по общеобразовательным предметам при этом с изначально низким уровнем скоростно-силовых, силовых способностей, а также общей выносливости. Поэтому представляется необходимым разрабатывать и применять нормативы по оценке уровня физической подготовленности студентов учреждений высшего образования не физкультурного профиля в соответствии с их специальностью и будущей программой.

Физическая подготовленность студентов Гродненского государственного медицинского университета мужского и женского пола, в целом, находится на удовлетворительном уровне, при этом представляется необходимым на занятиях по физической культуре увеличивать количество упражнений, направленных на развитие общей выносливости, скоростных и скоростно-силовых способностей.

Также динамику физической подготовленности студентов следует оценивать комплексно, а не только исходя из средних значений результатов сдачи тестов.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Коляго, П. В. К проблеме оптимизации состава тестов физической подготовленности студентов ВУЗов / П. В. Коляго // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2014. – № 3. – С. 83-85.
2. Бака, Р. Физическая подготовленность как отражение сформированности физической культуры студентов / Р. Бака // Физическое воспитание студентов. – 2010. – № 2. – С. 14-17.
3. Салеев, Э. Р. Лонгитюдное сравнительное исследование физического развития и физической подготовленности у студентов-первокурсников / Э. Р. Салеев // Фундаментальные исследования (Москва). – 2014. – № 12. – С. 529-533.
4. Батева, Н. П. Состояние физической подготовленности студентов Киевского национального университета культуры и искусств / Н. П. Батева // Слобожанський науково-спортивний вісник. – 2014. – № 6. – С. 11-14.
5. Ярошевич, И. Н. Анализ уровня физической подготовленности студентов квалификации «бакалавр» для студентов строительного профиля / И. Н. Ярошевич // Современные технологии и научно-технический прогресс (Ангарск). – 2013. – № 1. – С. 55.
6. Артеменков, А. А. Физическое развитие и физическая подготовленность студентов экологически неблагоприятного города / А. А. Артеменков // Экология человека. – 2012. – № 4. – С. 39-44.
7. Квятковская, Н. А. Эффективность методики повышения общей выносливости у студенток не физкультурных ВУЗов / Н. А. Квятковская // Мир спорта. – 2011. – № 4. – С. 39-44.
8. Жадько, Д. Д. Физическая подготовленность студентов мужского пола ГрГМУ в 2013/2014 учебном году / Д. Д. Жадько, В. В. Григоревич // Актуальные проблемы совершенствования физического воспитания в учебных заведениях : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции / редкол.: В.К. Пестис [и др.]. – Гродно : ГГАУ, 2015. – С. 267-270.
9. Жадько, Д. Д. Состояние физической подготовленности студенток ГрГМУ В 2013/2014 учебном году / Д. Д. Жадько, В. В. Григоревич // Актуальные проблемы медицины : в 2 частях : материалы ежегодной итоговой научно-практической конференции (27 января 2015 г.) / отв. редактор В. А. Снежицкий. – Гродно : ГрГМУ, 2015. – Ч. 1. – С. 230-232.
10. Жадько, Д. Д. Анализ состояния физической подготовленности у студентов УО «ГрГМУ» в течение учебного года / Д. Д. Жадько, В. В. Григоревич // Проблемы физической культуры населения, проживающего в условиях неблагоприятных факторов окружающей среды: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию УО «ГТУ имени Ф. Скорины» / редкол. О. М. Демиденко [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – С. 65-68.
11. Жадько, Д. Д. Динамика физической подготовленности студентов ГрГМУ в течение учебного года / Д. Д. Жадько, В. В. Григоревич // Здоровье для всех: материалы VI международной научно-практической конференции, УО «Полесский государственный университет», г.Пинск, 23-24 апреля 2015 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: К. К. Шебеко [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2015. – С. 68-70.
12. Тимофеев, Д. А. Физическое развитие и физическая подготовленность врачей-интернов к работе в экстремальных условиях / Д. А. Тимофеев, Л. К. Мадзигон // Военно-медицинский журнал. – 2010. – Т. 331, № 4. – С. 33-34.

Поступила в редакцию 20.12.16

E-mail: sport-grsmu@mail.ru, zhadzko@mail.ru

Zhadko Dmitry Dmitrievich, Grigorevich Viktor Vladimirovich

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE PHYSICAL PREPAREDNESS DYNAMICS OF THE «GRODNO STATE MEDICAL UNIVERSITY» STUDENTS DURING THE YEAR

The article presents comparative characteristics of the dynamics of the physical preparedness of Grodno State Medical University students during the year. It was found that the physical capabilities of students are at a satisfactory level, but it is need to increase the number of exercises aimed at the development of general endurance, speed and power-speed abilities.

It is necessary to update the standards for physical preparedness for not sports higher education institutions is in accordance with their physical readiness.

Keywords: students, physical preparedness, control tests.

УДК 37.018.26

И. В. Журлова¹, О. Г. Шецко²¹Кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии,
УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Республика Беларусь²Магистрант кафедры педагогики и психологии,
УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Республика Беларусь**СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ
В РАБОТЕ С ЗАМЕЩАЮЩИМИ СЕМЬЯМИ**

В статье представлено содержание социально-педагогического проекта как эффективной формы работы с замещающими семьями (опекунскими, приемными) в условиях средней школы. Раскрыто содержание тренинговых занятий в работе с замещающими родителями в рамках проектной деятельности.

Ключевые слова: социально-педагогическое проектирование, замещающие семьи, приемные семьи, опекунские семьи, тренинг родительской эффективности.

Введение

На современном этапе социально-педагогическое проектирование является одной из самых востребованных технологий, используемых в системе образования. Под социально-педагогическим проектированием мы понимаем создание проектов, предусматривающих возможность преобразовывать социальные процессы, явления, условия с помощью педагогических средств. Каждый социально-педагогический проект имеет свою общественную миссию (назначение). Он рождается на основе социального прогнозирования и предвидения, ориентированного на изменение окружающей социальной среды (социальных условий) и требующего самоопределения участников проекта относительно качества этой среды. Его целью становится инициирование с помощью педагогически организованных действий процесса, способного привести к позитивным изменениям в социальной среде.

Специфический контекст социально-педагогического проекта формируют отношения социального партнёрства, то есть добровольного и равноправного взаимодействия в проектной деятельности различных общественных и государственных сил, людей разных возрастов и социального статуса. Педагогический потенциал данного вида проектов направлен на социализацию его участников, их осознанную адаптацию к существующим условиям; на формирование умений продуктивного взаимодействия с окружающим социальным пространством.

Многие исследователи в рамках социально-педагогического проектирования направляют усилия на решение специфических социальных проблем. На этой основе к основным направлениям содержания проектной социально-педагогической и психологической деятельности относятся выявление и формирование системы поддержки талантливой молодежи, вовлечение молодых людей в социальную практику и развитие социальной активности; обеспечение эффективной социализации детей и молодежи, находящихся в трудной жизненной ситуации; профилактика и снижение асоциальных проявлений в молодежной среде (алкоголизации, наркомании и др.); решение проблемы социальной адаптации и интеграции в общество социальных сирот, ликвидация беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних; профилактика школьной дезадаптации, девиантного поведения и правонарушений подростков и молодежи; реабилитация и ресоциализация несовершеннолетних осужденных; профориентационная работа в молодежной среде; профилактика и коррекция игровой и компьютерной зависимости обучающихся; обучение противостоянию виртуальной агрессии и виртуальному экстремизму, сопровождение различных категорий семей учащихся и оптимизация детско-родительских отношений и др.

Анализ социально-педагогического проектирования как способа управления педагогической средой позволил констатировать, что в условиях динамичных изменений, происходящих в обществе, проектирование становится принципиально новым и фундаментальным способом адекватных изменений в образовании и социально-педагогической

практике. Это позволило нам предположить, что социально-педагогическое проектирование как технологию можно успешно применять не только в работе с учащимися, но и в работе с родителями, в том числе в работе с замещающими семьями, что является на сегодняшний день весьма актуальным, так как в настоящее время в качестве одной из мер, позволяющих реализовать государственную политику в области защиты прав и интересов, полноценной реабилитации, социализации и успешной интеграции в общество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выступает развитие института замещающих семей (деинституализация жизнеустройства детей сиротской категории). Это подтверждается следующими данными Белстата: на начало 2017 года из 20,2 тыс. детей-сирот в семьях воспитывалось 16,3 тыс. (81%), в детских интернатных учреждениях – 3,9 тыс. детей-сирот (19%) [1].

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ социально-педагогической практики показывает, что в Республике Беларусь преобладают следующие альтернативные формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, замещающих биологическую семью:

– *опекунская семья* – семья, в которой семейная пара или отдельные граждане (опекуны, попечители) выполняют обязанности по воспитанию детей-сирот и (или) детей, оставшихся без родительской опеки, на основе решения органа опеки и попечительства об установлении опеки (попечительства) над ребенком (детьми) и назначении опекуна (попечителя);

– *приемная семья* – семья, в которой семейная пара или отдельные граждане (приемные родители) выполняют обязанности по воспитанию детей-сирот и (или) детей, оставшихся без родительской опеки, в соответствии с Положением о приемной семье на основе договора о передаче ребенка (детей) на воспитание в семью и трудового договора.

На современном этапе государственная политика Республики Беларусь в области семейного воспитания нацелена на поддержку различных категорий семей, в первую очередь, в аспекте охраны и защиты детства. Причем особое внимание уделяется замещающим семьям, воспитывающим детей, оставшихся без попечения родителей. Эти установки нашли отражение в содержании различных государственных программ, в частности: 1) Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2016–2020 годы: постановление Министерства образования Республики Беларусь 22.02.2016 № 9 (разделы «Социально-педагогическая поддержка и оказание психологической помощи обучающимся»; «Семейное и гендерное воспитание»); 2) Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь 14.03.2016 № 200 (Подпрограмма «Семья и детство». Задача 2. Развитие системы поддержки семей с детьми и улучшение условий их жизнедеятельности, укрепление института семьи; Задача 3. Обеспечение прав и законных интересов детей); 3) Национальный план действий по улучшению положения детей и охране их прав на 2017–2021 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь 22.09.2017 № 710 (Задачи: укрепление правовой защиты детства и формирование правовой культуры общества; осуществление охраны материнства и детства; совершенствование механизма реализации прав детей на социальную защиту и инклюзию; проживание и воспитание в семейном окружении (поддержка семьи и профилактика социального сиротства) и др.)

Основываясь на рекомендациях, изложенных в вышепредставленных программах (обеспечение активного взаимодействия семьи и школы; проведение мероприятий с родителями и иными представителями обучающихся, в том числе организация встреч с приемными семьями, принявшими на воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; включение родителей в совместную деятельность в процессе участия в мероприятиях, разработка и реализация Планов развития приемной семьи и т.д.) нами была предпринята попытка разработать и внедрить в воспитательный процесс средней школы проект по социально-педагогическому и психолого-педагогическому сопровождению замещающих семей.

Проведенный нами анализ работы специалистов социально-педагогических и психологических служб (СППС) учреждений общего среднего образования (СШ № 14 и СШ № 15 г. Мозыря) с замещающими (опекунскими и приемными) семьями показал следующее. Основными направлениями работы СППС и, в частности, педагога социального с замещающими семьями являются:

– организационно-административное (своевременная социально-педагогическая диагностика проблем замещающих семей; вовлечение опекунов и приемных родителей в воспитательно-профилактическую работу с детьми, направленную на нейтрализацию негативного влияния со стороны ближайшего окружения несовершеннолетнего через организацию досуговой деятельности и др.);

– индивидуально-интегративное (сочетание индивидуального подхода к каждой семье с организацией работы со всеми опекунами и приемными семьями в целом для развития сотрудничества и взаимоподдержки между семьями; взаимосвязь различных интерактивных форм и методов работы с такими категориями семей);

– ситуационно-средовое (учет своеобразия условий жизни каждой опекунской и приемной семьи, возраста опекунов, приемных родителей и детей; учет уровня компетентности замещающих родителей в вопросах воспитания; воздействие на личность ребенка из замещающей семьи через коллектив клубных объединений и др.);

– профессионально-личностное (взаимное доверие во взаимоотношениях между специалистами СППС и замещающими родителями);

– профессионально-компетентностное (профессиональная компетентность социальных педагогов, педагогов-психологов, осуществляющих социально-педагогическое и психолого-педагогическое сопровождение замещающих семей).

Приступая к социально-педагогическому проектированию, мы включились в систему работы с замещающими семьями, осуществляемой классными руководителями и специалистами СППС по ознакомлению с жилищно-бытовыми условиями жизни семей, их психологическим климатом, особенностями поведения детей в семье, отношением замещающих родителей к детям. Важным направлением работы выступило определение уровня педагогической культуры опекунов и приемных родителей, выявление трудностей, которые они испытывают в процессе воспитания приемных детей.

Поскольку специалистами учреждения образования в течение года поддерживается тесная связь с опекунами и родителями из замещающих семей, нами совместно с педагогом социальным осуществлялось посещение квартир учащихся с целью контроля за условиями проживания детей, расходом денежных средств, сохранностью жилья, состоянием жилищно-бытовых условий. В результате было определено, что все дети живут в хороших условиях, материально обеспечены, опекуны и приемные родители выполняют свои обязанности добросовестно. Дети из замещающих семей в течение всего учебного года пользовались библиотечным фондом и были обеспечены учебниками на весь учебный год. Однако законные представители детей в замещающих семьях отметили, что у них возникают периодически вопросы, касающиеся проблем взаимоотношений в семье, вопросы правового характера и др.

Исходя из этого, с целью повышения эффективности социально-педагогического и психолого-педагогического сопровождения замещающих семей и для успешной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в новых семьях нами был разработан и апробирован социально-педагогический проект «Под крышей дома твоего». В задачи проекта входила разработка и внедрение модели социально-педагогического и психолого-педагогического сопровождения замещающих семей, а также повышение уровня компетенции замещающих родителей в вопросах воспитания, физического, психического, духовного и нравственного развития приемного ребенка. Результатами проекта стало обобщение опыта по организации социально-педагогического и психолого-педагогического сопровождения замещающих семей и создание в рамках проектной деятельности клуба замещающих семей «Мы вместе».

Проект рассчитан на 1 учебный год. Целевой группой выступили дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, а также семьи опекунов, попечителей, приемных родителей. Также участниками проекта стали заместители директора школы по воспитательной работе, учебно-методической работе, специалисты СППС школы, учителя школы (классные руководители) и педагог-организатор.

На подготовительном этапе проектной деятельности проводилась актуализация нормативно-правовой документации и инструментальной базы, разработка диагностического инструментария, ориентированного на выявление психологического климата в замещающих семьях, системы мониторинга и оценки эффективности сопровождения семьи. На основании этой информации была составлена программа работы клуба замещающей семьи «Мы вместе».

В рамках подготовительной работы с педагогами СШ №14 проведён педсовет «Социально-педагогическое и психолого-педагогическое сопровождение замещающих семей: содержание, проблемы, эффективность».

Діагностический етап проектної роботи представляв собою сукупність різних дослідницьких процедур, на основі яких проводилась оцінка благополуччя замещаючих сімей: анкетування «Оцінка причин приєма дитини в сім'ю», стандартизоване інтерв'ю для батьків (модифікація В.Н. Ослон); моніторинг стану і розвитку дитини в замещаючій сім'ї на основі методики моніторингу положення дітей в замещаючих сім'ях В.В. Мартынової, В.А. Маглыш; оцінка благополуччя розвитку замещаючої сім'ї на основі опитувальників «Аналіз сімейних взаємозв'язків», «Шкала спілкування з дитиною». Необхідним аспектом виступила діагностика готовності педагогів до роботи з замещаючими сім'ями, визначення рівня загальної готовності до педагогічного супроводу прийманих дітей.

Основний етап передбачав реалізацію запланованих заходів по наступних напрямках:

1. Освітня підтримка замещаючих сімей (надання допомоги в навчанні і вихованні дитини; проведення інтерактивних лекцій, бесід і консультацій з членами сім'ї по питаннях виховання дитини; проведення батьківських зборів, семінарів-тренінгів; груп взаємної підтримки в межах клубу замещаючих сімей «Ми разом»).

2. Моніторинг виховання прийомної дитини в сім'ї і динаміка його адаптації.

3. Психолого-педагогічна підтримка батьків замещаючих сімей (інформування батьків про особливості пізнавальної і емоційної сфери дитини; тренінг по вироботці нових сімейних правил взаємодії замещаючих батьків з дитиною; психологічна корекція порушень спілкування і поведінки дітей і батьків; семінари і тренінги; консультування по питаннях дитячо-батьківських зв'язків). Так, наприклад, в межах клубу «Ми разом» для замещаючих сімей був проведений семінар «Профілактика шкільної дезадаптації учнів», тренінг по гармонізації дитячо-батьківських зв'язків «Батьківська ефективність», круглий стіл «Дитяче ложе: причини і способи корекції», бесіда «Причини неадекватної поведінки дітей і шляхи її запобігання» і др.).

4. Соціальна підтримка замещаючих сімей (організація консультацій со спеціалістами – юристом, лікарем, логопедом; допомога в оформленні запитів, документів, необхідних для звернення в різні служби при вирішенні проблем сім'ї; інформування по питаннях отримання соціальної і правової підтримки; проведення в межах клубу «Ми разом» батьківського збору для замещаючих батьків «Юридичні аспекти замещаючої турботи» з запрошенням юриста; здійснення соціального патронажу замещаючих сімей).

5. Організація святкувань для дітей і батьків в межах клубу «Ми разом» («День знань», «День матері», Новорічний утринник, «23 лютого», «8 березня» (для прийманих мам), конкурс для прийманих батьків «Мама, тато, я – спортивна сім'я», День сім'ї (святкування для замещаючих сімей району).

6. Підготовка для замещаючих сімей інформаційних брошури «Перша зустріч з дитиною»; «Успішна адаптація дитини в сім'ї»; «Ефективні способи вирішення конфліктних ситуацій в сім'ї» і др.

В межах роботи з педагогами на основному етапі реалізації проекту проводився семінар-практикум «Роль установ освіти в супроводі замещаючих сімей».

На *контрольно-аналітичному етапі* була проведена оцінка результатів супроводу замещаючих сімей і здатності сім'ї ефективно справлятися з проблемами виховання прийомної дитини.

Обобщення і аналіз результатів проекту проводились в формі круглого столу в межах клубу «Ми разом» спільно з замещаючими батьками. В заході, крім батьків, брали участь педагоги і співробітники СППС школи.

Робота з педагогами включала проведення заключного семінара для класних керівників «Ефективність класного керівництва в процесі супроводу замещаючих сімей».

В процесі реалізації проекту замещаючі батьки проявили особливий інтерес до проведення занять в межах тренінгу «Батьківська ефективність»: заняття № 1 «Я – батько» і заняття № 2 «Учимся вимагати і контролювати». Розглянемо їх зміст.

Заняття № 1 «Я – батько». Метою даного заняття було підвищення психологічної компетентності батьків в питаннях виховання і розвитку ефективних навичок спілкування з дітьми. Тренінг проводився в ігровій формі.

На этапе знакомства родителям предлагалось игровое задание с закрытыми глазами, обязательно молча, встретиться друг с другом руками: «познакомиться», «поссориться», затем «помириться» и «попрощаться». Задание было воспринято с юмором, многим участникам было сложно справиться, так как раньше не приходилось проявлять творческие качества. При обсуждении полученного опыта родители отметили, что сложно общаться без слов.

Для следующего задания участники были разделены на пары. Родителям предлагалось ответить друг другу на следующие вопросы: Каковы цели вашего воспитания? Каким вы хотите видеть своего ребенка? Что значит быть хорошим родителем и как им быть? Затем производился обмен ответами между парами. Основные моменты, одобренные группой, фиксировались на ватмане.

Упражнение «Родитель-ребенок». Родители попарно договаривались, кто из них будет родитель, а кто – ребенок. «Родителю» предлагалось сесть на стул, а «ребёнку» у его ног на гимнастический коврик. Далее осуществлялся диалог, после которого участники обсудили, приятно ли было общаться в таком положении. Тем самым родителей подводили к мысли, что ребёнку не комфортно, когда с ним разговаривают свысока. Физический дискомфорт, который участники испытывали, находясь в этом положении, отрицательно влияет на чувства и взаимоотношения. Был сделан вывод, что при общении с ребенком очень важен визуальный контакт и нахождение на одном зрительном уровне.

Упражнение «Слепой и поводырь». Участники разбивались на пары, в каждой паре одному из участников завязали глаза. Задача второго – помочь «слепому» пройти намеченный маршрут. Далее следовало обсуждение упражнения: Как вы себя чувствовали в роли «слепого», в роли «поводыря»? В какой роли вам было комфортнее? Какие сложности вызвало данное упражнение?

Упражнение «Возрастная регрессия» заключалось в том, что родителям предлагалось вспомнить, на что они были обижены в детстве и осмыслить свои чувства и впечатления. В завершении занятия родителям предлагалось групповое обсуждение.

Результатами занятия стали формирование доверительных отношений, а также осознание участниками родительской позиции и целей воспитания.

Занятие № 2 «Учимся требовать и контролировать». Целью занятия являлось знакомство родителей с формами контроля за жизнедеятельностью ребенка, расширение их представлений о дисциплине.

С целью разминки и создания установки на продуктивное взаимодействие было проведено упражнение «Ассоциации». Участники усаживались в круг, затем ведущий называл слово, следующий по кругу называл ассоциацию на это слово и т.д., пока круг не замыкался. После разминки следовал информационный блок, в ходе которого родители обсуждали правила и требования, которым дети должны подчиняться. На этой основе родителям предлагалось сформулировать главные принципы воспитания, которые после обсуждения были сформулированы следующим образом:

Принцип 1: правила (ограничения, требования, запреты) обязательно должны быть в жизни каждого ребенка.

Принцип 2: правил (ограничений, требований, запретов) не должно быть слишком много, и они должны быть гибкими.

Принцип 3: родительские требования не должны вступать в явное противоречие с важнейшими потребностями ребенка.

После обсуждения информационного блока, с родителями проводилось упражнение в парах «Зоны контроля». На основе предлагаемых психологом ситуаций необходимо было выделить «зоны контроля» и обозначить их в названиях. Родители определили следующие зоны:

- зона свободных действий ребенка: действия по его собственному усмотрению;
- зона относительной свободы: действия по собственному выбору, но в пределах определенных границ;
- зона особых обстоятельств: допускается, разрешается нарушение правил в силу особых обстоятельств;
- зона запретов: действия ребенка, неприемлемые ни при каких обстоятельствах («нельзя»).

Затем родители обсуждали, какие формы контроля они применяют для каждой из выделенных зон.

В ходе упражнения «Родительские требования», родителям предлагалось составить список своих требований к ребенку. Затем необходимо было определить, каких сфер жизни

ребёнка касаются требования. В основном родители указали следующие сферы: поведение в школе, дома, на улице; взаимоотношения со сверстниками, взрослыми; учебная деятельность, личная гигиена. Требования были связаны с тревогой за безопасность ребенка, приверженностью к абсолютному порядку дома. Далее родителям был предложен алгоритм выстраивания требований к ребёнку: описание ситуации; ожидания родителей; вера в возможности ребенка.

Родители были проинформированы, что следует различать конкретные и тотальные запреты. Тотальные запреты формулируются в безличной, безальтернативной форме по отношению к поступкам ребенка, представляющим опасность для его жизни, затрагивающим достоинство других людей, либо поступкам, которые наносят вред собственности. Конкретные запреты должны включать следующие компоненты: констатацию чувств и желаний ребенка; четкий запрет; предложение альтернативного действия вместо запрещенного.

В ходе упражнения «Испорченный телефон» нужно было запомнить и воспроизвести сложный текст. Далеко не все родители справились с предложенным заданием. В конце упражнения ведущим был сделан акцент на то, что дети также не всегда могут дословно запомнить требования родителей и следует относиться к этому с пониманием. Данное упражнение продемонстрировало особенности восприятия детьми требований взрослых.

В конце занятия родители получили домашнее задание – записать в дневнике, когда в течение недели они испытывали счастливые минуты и с чем они были связаны.

Результатами занятий стали осознание участниками родительской позиции и целей воспитания; сформированность умений регулировать свои требования к ребёнку, соизмерять его возможности с родительскими требованиями, учитывать возможности восприятия ребёнком требований.

Выводы

В целом, по итогам реализации проекта были отмечены следующие результаты:

- родители в замещающих семьях умеют самостоятельно решать психолого-педагогические, социальные и правовые проблемы, связанные с воспитанием ребенка;
- в замещающих семьях успешно прошла адаптация ребенка, улучшились детско-родительские отношения, снизилось количество конфликтов;
- родители в замещающих семьях самостоятельно организуют разнообразные позитивные виды совместной деятельности с детьми (игровой, досуговой, хозяйственно-бытовой и т.д.);
- замещающие семьи полностью удовлетворены социально-педагогической поддержкой и психолого-педагогическим сопровождением в рамках проекта;
- замещающие родители проявляют большой интерес к тому, чем занимаются их дети, могут сравнить их поведение и умения с поведением и умениями других детей, перенять у педагога социальные приемы обучения и воспитательных воздействий.

Таким образом, собственная социальная практика показала, что эффективность социально-педагогического и психолого-педагогического сопровождения замещающих семей обусловлена системой проектной деятельности, включающей диагностические, коррекционные, просветительские и аналитические мероприятия, повышающие профессиональную компетентность замещающих родителей.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белстат: в Беларуси стали больше усыновлять детей. – Режим доступа: <https://thinktanks.by/publication/2017/05/31/belstat-v-belarusi-stali-bolshe-usynovlyat-detey.html>. – Дата доступа: 10.09.2017.

Поступила в редакцию 03.10.17

Zhurlova Iryna, O. G. Sheczko

SOCIAL-PEDAGOGICAL PROJECTION IN TNE WORK WITH SUBSTITUTION FAMILIES

The article presents the content of the social-pedagogical project as an effective form of the work with substitution families (adoptive families, foster families) in the school. The content of the training with substitution parents in the process of designed activity are reflected in the article.

Keywords: social-pedagogical projection, substitution families, adoptive families, foster families, training of parents' effectiveness.

УДК 159.923.2:37.015.311:316.612:1(091)"715"

Н. Н. Зенько

Аспирант факультета психологии и педагогики, кафедра педагогики,
УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь
Научный руководитель: доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой педагогики УО «ГТУ им. Ф. Скорины» Ф. В. Кадол

ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСКОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ТРУДАХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Представления о смысле человеческого существования с целью поиска возможностей реализации личностного потенциала присущи всему ходу развития человечества и являются его неотъемлемой частью. Гуманистами эпохи Возрождения предпринята попытка определить источники и факторы, способствующие раскрытию природной индивидуальности и уникальности личности, что закономерно обратило внимание на проблему творческой самореализации в дальнейшем. В статье анализируются философско-педагогические идеи мыслителей Ренессанса и их вклад в развитие научных представлений о сущности творческой самореализации личности.

Ключевые слова: эпоха Возрождения, творческая самореализация личности, гуманизм, достоинство, свобода, совершенство.

Введение

Проявление творческой индивидуальности и самореализация личности рассматриваются в качестве основных социальных ценностей XXI века. Однако проблемы природного и духовного бытия человека, в котором он раскрывает природные дарования и реализует свое предназначение, волновали умы мыслителей с древнейших времен. Академик И. Ф. Харламов определял важность историко-педагогического анализа для современного развития педагогической теории и практики, указывал на необходимость всестороннего освещения «отдельных узловых проблем, ... эволюции наиболее существенных идей и концепций» изучаемого явления [1, 4]. Эпоха Возрождения (XIV–XVI вв.) относится к такому периоду в истории цивилизации, когда были сформулированы многие гуманистические положения, которые не теряют своей актуальности и в настоящее время.

Изучение научной литературы показало, что термин «самореализация» впервые употребил Ф. Г. Брэдли в труде «Этические исследования» (1876), определив его как наиболее общее выражение цели в себе и «реализацию индивидуальной самости» [2, 197]. До этого времени в исторических материалах не встречаются слова «самореализация», «самовыражение», «самопроявление» как понятия, характеризующие сущность поведения людей по осознанной реализации заложенных потенциалов. При этом в трудах мыслителей предшествующих эпох обращается внимание на отдельные стороны исследуемого феномена. Целью статьи является анализ ключевых идей философско-педагогической мысли в понимании сущности и содержания творческой самореализации личности в эпоху Возрождения и обоснование тенденций научного изучения данного феномена.

Результаты исследования и их обсуждение

Представление об идеале и стремление к его достижению составляют суть самореализации человека во всех сферах жизнедеятельности. Образ самореализующегося человека находит свое отражение и поступательное развитие в каждую историческую эпоху, объединяя в себе все богатство и разнообразие накопленных мыслей о человеке, его сущностных силах и способностях, возможностях и предназначении. Эпоха Возрождения занимает особое место в становлении и развитии истории человеческого общества. В отличие от религиозного Средневековья, убежденного в греховности человека, она провозгласила культ творчества и актуализировала возникновение интереса к личности творца и самому акту творчества, а не только к его результату и продукту. Взгляды мыслителей Ренессанса создали необходимые предпосылки

для дальнейшего научного обоснования феномена творческой самореализации личности в психолого-педагогическом знании.

Значение эпохи Возрождения состоит не только в том, что человек в ней возвышается в своем противостоянии природным и божественным силам. Итальянское Возрождение начало движение к идеям «личности», ее «индивидуальности» и «уникальности». А. П. Сманцер указывает, что данному периоду «было присуще признание права личности не только на свободу и независимость, но и на отличие, воплощенное в человеческой индивидуальности» [3, 42]. По мнению Ф. В. Кадола, самоутверждение личности напрямую связано с развитием чести и личного достоинства учащихся. Ученый отмечает, что возникновение идей о природном равенстве граждан в эпоху Возрождения отразилось на признании их личностной значимости, в связи с чем «понятия «честь» и «достоинство личности» начали рассматриваться как важнейшие нравственные добродетели каждого человека» [4, 51]. Философско-педагогическое содержание творческой самореализации в указанную эпоху раскрывается через категории «счастья», «свободы», «ответственности», «достоинства», «добродетели» и «совершенства».

Идея самосовершенства через самовоспитание. Первым мыслителем эпохи Возрождения по традиции принято называть Данте Алигьери (1265–1321), чьи идеи впервые не укладывались в русло традиционного схоластического философствования. Он попытался по-новому переосмыслить характер отношений Бога и человека, подвергая критике средневековую культуру. Своими произведениями он вселял веру в силы человека, призывал к ответственности за свое благо, которое определяется не богатством и унаследованным положением, а исключительной способностью овладеть теми свойствами, которые необходимы для достижения желаемой цели. Мыслитель показал сущность людей того времени в «Божественной комедии» и утверждал, что каждый человек «имеет склонность к собственному совершенству» [5, 110]. Достигнуть «законченного развития» можно лишь воспитав в человеке определенные качества личности: послушание, честность, ласковость, стыдливость, учтивость. Самореализованный человек понимается им как счастливый и удовлетворенный жизнью.

Разум – движущая сила саморазвития. Основоположник гуманистического направления Франческо Петрарка (1304–1374) в своих трудах провозгласил человека главным объектом познания, высшей целью и центром мироздания и призывал его обратить «взор на самого себя». По утверждению мыслителя, подлинной философии нужны науки о человеке, его природе и социальном общении, помогающие узнать смысл собственного существования: «...ведь какая польза, спрашиваю я, знать природу зверей и птиц и не знать природы людей, не знать и не стремиться узнать, для чего мы существуем, откуда идем и куда направляемся» [6, 27]. Гуманист повысил интерес к человеку как к главной ценности и поднял значение наук, изучающих человека, что для того времени было чрезвычайно смелым. Движущей силой саморазвития считал интеллектуальные возможности и способности человека. По его мнению, знание должно не только сообщать сумму сведений, но и заставлять человека меняться к лучшему, взвешивать и оценивать свои поступки в стремлении стать свободным и совершенным.

Свобода как необходимое условие проявления индивидуальности личности. Актуальные мысли высказывал итальянский педагог Пьетро-Паоло Верджерио (1370–1444). По его мнению, воспитание гуманно только тогда, когда оно выстраивается в соответствии с индивидуальными способностями ребенка. Поскольку человеку в своем становлении приходится начинать с нуля и полного непонимания природы и жизни, то к нему «следует приставить наставников, чтобы с помощью их ... совершенствовались» природные задатки и возможности личности [7, 79]. Близкую по содержанию творческой самореализации личности характеристику находим в трактате философа «О благородных нравах и свободных науках». Творчески самореализующийся человек – это «свободный человек», наделенный мудростью, который «с самого детства» в «свободных занятиях ... возделывается и совершенствуется» [7, 82]. Верджерио предпринял попытку научного обоснования свободы как необходимого условия наиболее полной реализации личностью своей индивидуальности и неповторимости.

В период раннего и зрелого Средневековья место человека в мире рассматривается с точки зрения грехопадения и спасения души. Показателем самореализации становится установка на религиозное, духовно-нравственное самосовершенствование путем противодействия и борьбы с собственной природой, подготовка к будущей неземной жизни. Основное достижение философов-гуманистов XIV–XV вв. в том, что они отстаивали право человека на развитие, самореализацию и счастье в реальной земной жизни, а не в обещанной церковью загробной.

Свобода личности, ее безграничные возможности и достоинство становятся актуальными и социально значимыми вопросами. Гуманисты говорят о ценности личности, ее способности к самосовершенствованию. Об этом свидетельствуют появляющиеся труды о достоинстве и благородстве человека как возможности возвыситься от «дикого» и «варварского» состояния до истинно человеческого облика, более всего проявляющегося в творческих способностях.

Труд и способности – основа творческой сущности человека. Флорентиец Джанотто Манетти (1396–1459) в прославившем его трактате «О превосходстве и достоинстве человека» рассуждает о природе человека и его творческих силах, доказывая, что из всех живых существ только человек способен дополнить уже существующее другой реальностью, созданной им самим исключительно «благодаря замечательным способностям» и «разнообразным своим трудам» [8, 15]. Произведения Манетти проникнуты верой в природу человека и его творческие силы. Понятие «творчество», относящееся до того исключительно к божественному, мыслитель применяет к человеческой деятельности: «мир и его красоты, изначально созданные всемогущим богом ... были сделаны ими (людьми) значительно более прекрасными и превосходными и отделаны с гораздо большим вкусом» [8, 26]. Именно в деянии, а не в красоте и наслаждении жизнью проявляется высшая цель бытия благородного и достойного человека.

Мысль о принципиальной незавершенности человека и его способности к свободному самотворчеству. Творческая сущность человека воплощается не только в создании культурных ценностей, но и прежде всего в его самосозидании. Подлинный гимн величию творческих способностей человека и его безграничных возможностей создает Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494) в «Речи о достоинстве человека». В представлении философа человек творит себя сам «по собственному желанию, согласно воле и решению»; нужно только, чтобы он сам «свободный и славный мастер сформировал себя в образе», который предпочтет [9, 216]. Концептуальное значение имеет положение мыслителя о «незавершенности» человека: Бог дал человеку свободу воли и тем самым – возможность самому творчески завершить свой образ и бытие вокруг себя. Мирандола главный вывод своей философской антропологии видит в свободе выбора, который является не столько условием и моральной оценкой всякого деяния, сколько по-новому определяет человеческую природу как деятельную и «самостоятельную».

Идея гармонизации внутренней и внешней природы. В ретроспективном анализе представлений о творческой самореализации личности нельзя не упомянуть итальянского гуманиста Леона Батиста Альберти (1404–1472), круг интересов которого касался философии, педагогики, искусства, архитектуры, поэзии и музыки. Основное предназначение человека Альберти связывал с творчеством, которое понимал широко – от труда ремесленника до высокой научной и художественной деятельности. Центральное место его гуманистической концепции принадлежит учению о гармонии, в соответствии с которой идеальный человек – это человек, обладающий гармонией внутренней и гармонией во взаимоотношениях с другими людьми. Идея Альберти о гармоничном сочетании многообразных способностей и потребностей с возможностями их удовлетворения, составляющие основу всесторонней самореализации личности, актуальна и по сей день. Изучение трудов и идей Альберти дает возможность представить творческую самореализацию личности как свободное самоосуществление изначально данных способностей к знанию, творческому труду, нравственному совершенствованию, которые гармонизируют отношения человека с самим собой и окружающими людьми. Этот вывод Альберти формулирует следующим образом: «всякий может приблизиться к счастью с помощью добродетели, действуя разумно и соразмерно» [10, 126].

К середине XV в. гуманистическая идеология проникла во все сферы жизнедеятельности. Не исключением была и педагогическая практика, которая пыталась создать условия для самораскрытия, транслируя общесоциальные ценности: человек – это центр и самотворец мироздания, творческо-преобразующий характер деятельности, свобода самовыражения. В этот период открываются новые школы, формируются и предпринимаются попытки внедрения и реализации прогрессивных для того времени педагогических идей. Проблемы обучения и воспитания были переосмыслены, изменились требования к организации образовательного процесса, который приобретает гуманистическую направленность.

Обучение и воспитание направляют личность в раскрытии своей индивидуальности. Выдающимся представителем европейского гуманизма был голландец Эразм Роттердамский (1469–1536). Источником всякого совершенствования и одновременно целью считал воспитание «тщательное и благочестивое». Педагог одним из первых высказал идею о значении и важности

воспитания с самого раннего возраста в формировании личности и становлении тем, кем она может стать: «людьми, поверь мне, не рождаются, но становятся путем воспитания» [11, 283]. Его педагогические положения базировались на фундаментальной идее о том, что врожденные способности и сущностные силы человека могут быть реализованы только посредством образования и самого тяжелого труда, который оберегает от пороков. Он считал недопустимыми телесные наказания и грубость, подчеркивая, что «наставлять детей по свободному методу – задача труднейшая и превосходнейшая» [11, 311].

Человек выступает субъектом собственного саморазвития и самосовершенствования. Свои педагогические воззрения и идеалы выразил французский гуманист Франсуа Рабле (1494–1553) в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль», показывая пути организации образования на основе свободных норм жизнедеятельности. На примере Телемского аббатства мыслитель доказывает, что человек обладает внутренним самоконтролем и поэтому в своих мыслях и проявлениях не нуждается в опеке, он способен проявлять волю и «самостоятельно управлять и вершить дела» [12, 143]. Мыслитель предложил систему обучения и воспитания, «искусно» развивающую силы «телесные» и «духовные». Результатом такого развития является готовность личности к саморазвитию и самореализации, стремление к самообразованию: «я хочу лишь тебя вдохновить на то, чтобы ты совершенствовался беспрестанно» [12, 188].

Вопросы развития и становления личности, реализации ею заложенного потенциала находились также в поле зрения просветителей Беларуси. Наиболее яркой и значимой фигурой эпохи Возрождения был Франциск Скорина (1490–1551). Мыслитель поднял глобальную для того времени проблему общественного и индивидуального блага. Он полагал, что воспитательные усилия необходимо направлять на формирование такой личности, которая бы видела *свое предназначение в служении «пожитку посполитому», т.е. на пользу обществу.* Только действуя в интересах общества, человек, по мнению гуманиста, обретает смысл жизни и может наиболее полно использовать все свои способности и природные дарования. «Единому каждому, – писал Ф. Скорина, – не хвалится самому в себе божественными духовными дарованиями. Но яко уды разны имущи в теле деание, вси вкупе себе суть помощни, тако каждый христианин, свое имея дарование, к посполитого доброго размножению да уделяеть» [13, 132]. Гуманист не противопоставлял общественное индивидуальному, а пытался установить между ними гармонию, которая достигается путем нравственного самосовершенствования каждого. Современный исследователь этико-педагогической мысли Беларуси X–XVIII вв. В.С. Болбас подчеркивает, что белорусам было свойственно самовыражение индивидуальности «ў рэчышчы дасягнення агульнага добра». При этом ученый указывает на взаимосвязь и взаимообусловленность влияния общества на духовно-нравственное становление личности и наоборот: «як высокадухоўны калектыў з’яўляецца ўмовай паспяховага маральнага выхавання асобы, так і маральнае станаўленне кожнага індывіда ёсць умова паспяховага развіцця высокамаральнага калектыву і грамадства ўвогуле» [14, 80].

Творческая самореализация личности мыслится гуманистами как самовыражение и самопроявление в художественно-эстетическом плане, которое в своей глубинной сущности рассматривается как творческое созерцание и результат предметно-практического преобразования. Современные исследователи эпохи Возрождения отмечают, что самовыражение творческих способностей человека в художественном искусстве становится «важнее и ценнее чем религия, мораль и философия» и актуализируют для личности право «устраивать жизнь сообразно своим потребностям» [15, 105]. Отличительной особенностью ренессансного индивида становится самоутверждение не в одном каком-либо искусстве или науке, а именно в разносторонности и стремлении все сделать и все познать, возможности «творить во всех без исключения областях, которые его привлекают и которые ему доступны» [16, 53]. В философском значении творческая самореализация может быть определена как самовыражение в творческой деятельности через реализацию отношения сознания к рассматриваемому объекту – это отношения творца, как носителя творческого начала, и творимого объекта. В педагогическом отношении гуманисты поставили вопрос гармоничного развития ребенка, воспитания свободной, высоконравственной личности, способной раскрыть все свои природные задатки в творческом труде.

Выводы

Эпоха Возрождения предприняла попытку определить источники и условия, способствующие раскрытию природной индивидуальности человека, тем самым совершив гуманистический прорыв в представлении о сущности человека, свободного от религиозных догм. Этот период по праву может считаться начальным этапом в разработке научных идей творческой

самореализации личности. Философы и деятели этого периода особо подчеркивали свободу человека как ценность, с помощью которой он реализует свою индивидуальность и творит себя. Анализ научных идей видных мыслителей эпохи Возрождения, оказавших в дальнейшем влияние на развитие научно-педагогической мысли, дает основание сформулировать ключевые тенденции в понимании творческой самореализации личности: а) вера в свободу духа и творческие возможности человека; б) представление о самоценности и самодостаточности личности, ее достоинстве; в) идея о гармоничном развитии сторон личности: умственной, нравственной, физической; г) признание самостоятельной и творческой роли человека в осуществлении своего предназначения на земле.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Харламов, И. Ф. Теория нравственного воспитания (Ист. и современ. проблематика и основные пед. идеи) / И. Ф. Харламов. – Минск : Изд-во БГУ, 1972. – 364 с.
2. Брэдли, Ф. Г. Этические исследования / Ф. Г. Брэдли ; пер. с англ. Д. Бабушкиной. – СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. – 421 с.
3. Сманцер, А. П. Гуманизация педагогического процесса в современной средней школе : учеб. пособие / А. П. Сманцер. – Минск : БГУ, 2010. – 335 с.
4. Кадол, Ф. В. Честь и личное достоинство старших школьников: теория и методика формирования / Ф. В. Кадол. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2002. – 282 с.
5. Алигьери, Д. Божественная Комедия / Д. Алигьери ; пер. с итал. О. Чюминой. – М. : ЭКСМО, 2007. – 760 с.
6. Петрарка, Ф. О невежестве своем собственном и многих других / Ф. Петрарка // Гуманисты эпохи Возрождения о формировании личности (XIV–XVII вв.) / Н. В. Ревякина, О. Ф. Кудрявцев. – М. : Когито-Центр, 2015. – С. 27–29.
7. Верджерио, П.-П. О благородных нравах и свободных науках / П.-П. Верджерио // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения : сб. текстов : в 2 ч. / предисл. и ред. С. М. Стама. – Саратов : изд-во Саратовского ун-та, 1988. – Ч. 2. – С. 71–107.
8. Манетти, Дж. О достоинстве и превосходстве человека / Дж. Манетти // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: сб. текстов : в 2 ч. / предисл. и ред. С. М. Стама. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1988. – Ч. 2. – С. 8–68.
9. Мирандола, Дж. П. делла Речь о достоинстве человека / Дж. П. делла Мирандола // Чаша Гермеса: Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция / сост. и авт. вступ. статей О. Ф. Кудрявцев. – М. : Юрист, 1996. – С. 214–218.
10. Альберти, Л. Б. Книги о семье / Л. Б. Альберти ; пер. с итал. М. А. Юсима. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – 416 с.
11. Роттердамский, Э. О воспитании детей / Э. Роттердамский // Гуманисты эпохи Возрождения о формировании личности (XIV–XVII вв.) / Н. В. Ревякина, О. Ф. Кудрявцев. – М. : Когито-Центр, 2015. – С. 277–337.
12. Рабле, Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Ф. Рабле ; пер. с фр. Н. Любимова ; вступ. ст. А. Дживилевова ; под ред. Н. Н. Ермолаевой. – М. : Художественная литература, 1973. – 783 с.
13. Скарына, Ф. Прадмовы і папяслоўі / Ф. Скарына. – Минск : Навука і тэхніка, 1969. – 237 с.
14. Болбас, В. С. Гісторыка-анталагічныя прынцыпы маральнага выхавання ў этыка-педагагічнай думцы Беларусі X–XVIII стагоддзяў / В. С. Болбас // Педагогическая наука и образование. – 2016. – № 4. – С. 75–83.
15. Основы философии : учеб. и практикум для СПО / В. Н. Лавриненко, В. В. Кафтан, Л. И. Чернышова ; под ред. В. Н. Лавриненко. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Юрайт, 2016. – 510 с.
16. Семенюк, В. А. Философия Средневековья и Возрождения : учеб. пособие ; учеб. электр. изд. [Электронный ресурс] / В. А. Семенюк. – Минск : БНТУ, 2008. – 83 с. – Режим доступа : <http://www.twirpx.com/file/2120910/>. – Дата доступа : 30.04.2017.

Поступила в редакцию 09.06.17

Nadezhda Nikolaevna Zenko

THE PROBLEM OF CREATIVE SELF-REALIZATION IN THE WORKS OF SCIENTISTS OF THE RENAISSANCE

Idea of the meaning of human existence with the aim of finding the possibilities of realization of personal potential inherent in the process of human development and are its integral part. Humanists of the Renaissance had a shot to identify the sources and factors contributing to disclosure of the natural individuality and uniqueness of personality that appropriately drew attention to the problem of self-realization in the future. The article analyses the philosophical and pedagogical ideas of the thinkers of the Renaissance and their contribution to the development of scientific ideas about the essence of creative self-realization.

Keywords: the Renaissance, creative self-realization of personality, humanism, dignity, freedom, perfection.

УДК 373.574(035.3)

А. М. КиптикАспирант, кафедра педагогики и методики дошкольного и начального образования,
УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Республика БеларусьНаучный руководитель: канд. пед. наук, заместитель начальника центра развития образования,
УО БГПУ им. М. Танка Невдах С. И.**ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
ГИМНАЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (1991–2011 гг.)**

Статья посвящена вопросам становления гимназического образования в Беларуси (1991–2011 гг.). Проанализированы научные публикации, затрагивающие изучение данной проблемы. Отмечено, что социально-экономические условия исследуемого периода в значительной степени повлияли на последующее развитие системы образования в целом, и в частности гимназического образования.

Ключевые слова: гимназия, реформирование, национальное образование, этапы.

Введение

Возрождение исторических форм национального образования – классических гимназий, лицеев – актуализировало обращение к педагогической мысли и опыту прошлого. Проблема гимназического образования во все исторические периоды развития человеческого общества уже не раз ставилась в отечественной педагогике. Многими исследователями замечено, что особое значение в реформировании отечественного образования на сегодняшний день имеет изучение и осмысление исторического опыта образовательных преобразований, который с позиции сегодняшнего дня, содержит значительное количество научных идей и практического опыта, необходимых для обогащения познавательного арсенала современной педагогической науки.

Неоспорим и тот факт, что развитие гимназического образования в Беларуси было теснейшим образом связано с социально-экономическими, культурными изменениями, происходящими в обществе анализируемого периода. В связи с этим правомерным являлось совершенствование структуры общеобразовательной школы и содержания образования в ней.

Необходимо отметить, что гимназии как вид образовательного учреждения прекратили свое существование в 1917 г. и возродились вновь в конце 80-х гг. XX в. В истории гимназического образования период 1991–2011 гг. занимает особое место. Именно в эти годы были предприняты первые попытки воссоздания в Беларуси современных гимназий. Определяющее значение при этом имело изучение, осмысление, обобщение отечественного и зарубежного исторического опыта в области гимназического образования.

Целью данной работы является историко-теоретический анализ проблемы становления и развития национального гимназического образования в Беларуси (1991–2011 гг.), выявление актуальных для современной науки и практики продуктивных педагогических идей развития гимназического образования в современных условиях.

Методы исследования. В процессе выполненной работы были использованы следующие методы: диалектический метод, согласно которому исследуемые явления рассматриваются в процессе их возникновения, непрерывного развития, в их органическом единстве и взаимосвязи; сравнительно-сопоставительный, историко-ретроспективный, хронологический методы, метод актуализации, обобщения и систематизации исторических фактов, анализа статистических данных, архивных и опубликованных материалов.

Результаты исследования и их обсуждение

В свете обновления системы образования ключевой задачей педагогической общественности стало оперативное реагирование на качественные изменения, которые произошли в общественно-экономическом устройстве суверенного государства в 1991–2011 годы. В эти годы получили научное обоснование принципы формирования школьного образования, разрабатывались концепции развития национальной школы, вводились в действие новые

положения об общеобразовательных школах, в которых закреплялся статус новых типов школ (гимназий, лицеев, колледжей, высших профессиональных училищ). В связи с этим важной областью научных исследований становится комплексное изучение интеграционных процессов, происходивших в сфере школьного образования в исследуемые годы.

В контексте рассматриваемой в статье проблемы необходимо подчеркнуть, что богатый материал для теоретических обобщений и выводов относительно становления и развития гимназического образования в Беларуси (1991-2011 гг.) содержат в себе труды белорусских ученых: С.А. Умрейко, В. Чапко, В.С. Поссе, Э.А. Пастуховой, Г.В. Радченко, А.В. Трухана, В.В. Чечета. В поле зрения их научной и практической педагогической деятельности были теоретические и прикладные направления развития национальной школы; исторический опыт и тенденции развития гимназического образования в Беларуси (XIX – начало XX в.). Эволюция содержания гимназического образования в исследуемый исторический период представлена в исследованиях Е.Л. Евдокимовой; сравнительный анализ различных моделей содержания гимназического образования во многих странах мира, в том числе и в дореволюционной России, содержат труды В.А. Капрановой; научно-методические аспекты гимназического образования представлены в монографии Р.И. Таран «Педагогика гимназического образования». В работе Р.И. Таран излагается «... концепция учебного заведения, дающего общее среднее образование на повышенном уровне, – гимназии, основанная на научно-исследовательском подходе к обучению и воспитанию, представлена структура управления гимназией, системный дифференцированный подход в работе с педагогическими кадрами, раскрываются особенности содержания гимназического образования, обеспечивающего индивидуальную траекторию развития личности на основе генотипа и фенотипа, анализируются результаты деятельности гимназии, нацеленной на воспитание личности интеллигентной, физически здоровой, с широкими интеллектуально-творческими возможностями» [1, 3].

В целом можно отметить, что научное осмысление отдельных сторон становления и развития национального гимназического образования, как показало исследование, имеет свою предысторию.

Необходимо признать, что изменение социокультурной ситуации с 1991 по 2011 г. повлекло за собой радикальные изменения в образовательной сфере, коснувшиеся общеобразовательной школы. Новые типы учебных заведений включались в единое образовательное пространство страны и являлись составной частью системы непрерывного образования Беларуси. Но основным типом учебного заведения в Республике Беларусь оставалась общеобразовательная школа (включая гимназии и лицеи различного профиля) с вариативным учебным планом и разноуровневыми программами. В отличие от средней общеобразовательной школы, в учебных заведениях нового типа учебный процесс осуществлялся на основе отдельных учебных планов, в которые, наряду с общеобразовательными предметами, были введены профилирующие курсы. Педагогический процесс в учебных заведениях нового типа отличался и формой организации обучения: наряду с классическими формами обучения (урок, учебные экскурсии, факультативные занятия), в гимназиях проводились лекции, семинарские, практические занятия, лабораторные работы, практикумы, контроль знаний учащихся в форме коллоквиумов, зачетов, экзаменов.

На основе документальных материалов установлено, что реформа, начатая в Республике Беларусь в 1994 году, предусматривала ряд мер по совершенствованию форм, содержания общеобразовательной школы, предполагала перевод школы на качественно новый уровень при сохранении лучших достижений советской школы. И, начиная с 90-х гг. XX века, в Республике Беларусь был начат активный законотворческий процесс в сфере образования, который непосредственно предопределил статус отечественного гимназического образования [2].

Комментируя данное положение, важно заметить, что законодательную базу данной области составляли: Конституция Республики Беларусь, Законы «Об образовании в Республике Беларусь», «Об общих началах государственной молодежной политики в Республике Беларусь», принятые в 1991–1992 гг. В 1993 г. в Беларуси – первой среди республик на постсоветском пространстве был принят закон «О правах ребенка», который стал своего рода национальной декларацией прав ребенка. Одновременно был разработан ряд важнейших документов, регулирующих и определяющих деятельность звеньев системы непрерывного образования: «Концепция реформы общеобразовательной школы» (Постановление Совета Министров РБ от 21.08.1996 г., № 554) и Программа ее реализации, в которой были определены и охарактеризованы организационно-управленческое и ресурсное обеспечение реформы, ведущие направления в

развитии ступеней общего образования (1996 г.); «Концепция образования и воспитания в Беларуси», «Концепция развития высшего образования в Республике Беларусь» (1996), «Концепция воспитания в национальной школе», «Концепция воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь» (1999), «Концепция развития педагогического образования в Республике Беларусь» (2000) и др. Национальная система образования развивалась в соответствии с Программами социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 гг., 2006–2010 гг., а также принятой в 2004 году Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года (НСУР-2020). Согласно с принятыми в Республике Беларусь основополагающими документами, новые типы учебных заведений включались в единое образовательное пространство страны и являлись составной частью системы непрерывного образования Беларуси.

Из анализа материалов исследования видно, что переход школы на новое содержание образования, начавшийся в 1994 учебном году, занял четырнадцать лет. В 2000 г. белорусские школы перешли на 12-летнее обучение, однако реформа 2008 года вернула школы к 11-лётнему обучению. Перестройка школьного образования требовала изменений в структуре гимназического образования. В условиях появления образовательных учреждений нового типа остро был поставлен вопрос о методологических, содержательных основах функционирования школ нового типа [3].

Таким образом, сама логика развития системы гимназического образования позволяет заключить, что внутри исследуемого периода необходимо обозначить более детальную периодизацию становления и развития гимназического образования в Беларуси (1991–2011 гг.), представляющую собой исторически и логически завершенные этапы решения проблемы. В структуре историографии по исследуемой проблеме нами условно выделено три основных этапа становления и развития гимназического образования в Беларуси: содержательно-регулятивный (1991–2002 гг.), содержательно-целевой (2002–2006 гг.), содержательно-деятельностный (2006–2011 гг.).

Первый этап – содержательно-регулятивный (1991–2002 гг.), наступил с придания Декларации о государственном суверенитете Белорусской ССР статуса закона (25 августа 1991 г.). Данный этап характеризуется появлением и распространением гимназии как нового типа общеобразовательной средней школы:

- 1991–1993 гг. – школы нового типа получают свое активное развитие. Центральной темой становятся вопросы определения сущности и характера деятельности инновационных структур, их типологии и содержания образования;
- 1994 г. – ознаменовался некоторым спадом роста сети гимназий на территории Беларуси, что объяснялось «перенасыщением» образовательного рынка учреждениями нового типа;
- 2002 г. – в Беларуси была принята новая редакция Закона «Об образовании в Республике Беларусь». В соответствии со ст. 14 Закона «Об образовании в Республике Беларусь» все государственные и негосударственные образовательные учреждения на территории республики стали относиться к национальной системе образования Республики Беларусь [4].

Будет уместно выделить, что «... в 1990-е годы в Беларуси возникало движение педагогов-исследователей под научным руководством докторов педагогических наук А.И. Кочетова, А.П. Сманцера. Открывались первые гимназии, каждая из них – авторская, экспериментальная, созданная на основе концепций их создателей и первых директоров Л.А. Лабодаевой, А.И. Добриневской, Б.Ф. Контаровича, Р.И. Можджер (Таран) и других» [1, 24].

Второй этап – содержательно-целевой (2002–2006 гг.). Это период качественных преобразований в формах, содержании гимназического образования. В общеобразовательных школах прочно закрепились гимназические классы, классы с углубленным (профильным) изучением отдельных предметов. Значительно выросла сеть учреждений нового типа: в 2004 году в Республике Беларусь действовали 115 гимназий и 100 школ с углубленным изучением предметов; в 2005–2006 учебном году в республике функционировало 160 гимназий (12 гимназий в 1990–1991 учебном году) [5]. Следует отметить, что Законом об образовании Республики Беларусь (2002 г.) была определена общая структура национальной системы образования РБ, принципы государственной политики в сфере образования, стандарты в сфере образования и требования к организации образовательного процесса. Начиная с 2002–2003 учебного года,

начался планомерный переход на обновленное содержание образования на II ступени общеобразовательной средней школы с 12-летним сроком обучения. Этот период характеризуется созданием нормативной и учебно-методической базы для гимназических классов и классов с углубленным (профильным) изучением отдельных предметов. В 2004 г. была разработана «Концепция профильного обучения». Ее апробация велась в течение нескольких лет на экспериментальных площадках [6].

Основой реализации профильного обучения стал Типовой учебный план для XI–XII классов общеобразовательных учреждений (2006), который вводился в действие в 2008–2009 учебном году. Данным документом были определены основные направления профессионального самоопределения старшеклассников (естественнонаучное, социокультурное, гуманитарное, профессионально-технологическое) с профилями для каждого направления. В эти годы широко развернулась работа по подготовке новых учебных планов и программ, новых учебников и учебных пособий. При разработке программ, пособий для гимназий, гимназических классов учитывался мировой педагогический опыт. При этом следует подчеркнуть, что в кругу проблем содержания гимназического образования предусматривалось нахождение оптимального соотношения его компонентов, способов дифференциации, степени использования новых информационных технологий.

Третий этап – содержательно-деятельностный (2006–2011 гг.) – начинается с принятия Программы развития национальной системы образования на 2006–2010 гг., утвержденной постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 25 мая 2006 г., Закона Республики Беларусь от 05.07.2006 г. № 141-3 «Об общем среднем образовании», Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 31.05.2007 г. №725 «Об утверждении Программы развития общего среднего образования на 2007–2016 годы». В 2007 году Министерством образования Республики Беларусь был утвержден и впервые введен в действие образовательный стандарт «Общее среднее образование». Этот нормативный документ содержал общие требования к уровням общего базового и общего среднего образования; срокам обучения, типам общеобразовательных учреждений; обязательному содержанию образования на базовом, повышенном и углубленном уровнях изучения учебных предметов; обязательному и максимальному объемам учебной нагрузки учащихся; уровню подготовки выпускников, итоговой аттестации учащихся (изменения и дополнения в данный документ были внесены в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь № 15 от 17 июля 2008 г.). Структурными компонентами образовательного стандарта являлись образовательные стандарты по учебным предметам, которые определяли цели, задачи, структуру и объем содержания образования на базовом, повышенном и углубленном уровнях изучения учебного предмета на I, II и III ступенях общего среднего образования в общеобразовательных учреждениях (классах) с белорусским и русским языками обучения и устанавливали соответствующие требования к уровню подготовки учащихся. Наряду с Законом «Об общем среднем образовании» стандарт являлся основным нормативным документом, несущим толкование определенной части Закона [7]. Этот этап (2006–2011 гг.) характеризуется внедрением в гимназическое образование разнообразных учебных планов и программ, новых дидактических средств и педагогических технологий, поиском оптимальных организационных форм и методов, новых механизмов нормативно-правового обеспечения и научных подходов к организации образовательного процесса, повышением профессионального уровня педагогических кадров, мониторингом инновационных процессов. Важным событием для системы образования в эти годы стало принятие 13 января 2011 года Кодекса Республики Беларусь об образовании. Тем самым, впервые в стране была решена задача кодификации общественных отношений в сфере образования [8].

В связи со сказанным правомерно отметить, что одним из приоритетных направлений развития школы нового типа в исследуемый исторический период, явилось вариативность образовательных систем, гуманизация, гуманитаризация и дифференциация образования. Обозначилась тенденция к расширению самостоятельности учебных заведений нового типа (свобода в создании учебных программ, составлении расписания, ориентации содержания обучения на развитие умений каждого ученика к поиску новых знаний, составляющих основу теоретического мышления). Но расплывчатость и неопределенность целевой установки проводимых школьных реформ в обозначенный исторический период (1991–2011 гг.), отсутствие четко сформулированных задач стало одной из причин, сдерживающих развитие гимназического образования, соответствующего статусу новой школы.

Выводы

Анализ проблемы становления и развития национального гимназического образования в Беларуси (1991–2011 гг.), позволил выявить наиболее актуальные педагогические идеи относительно развития национального гимназического образования в современных условиях. Так, в ходе исследования мы пришли к выводу, что образовательная политика в рамках исследуемого исторического периода в значительной степени сохраняла традиции и использовала опыт советской школы; активные поиски наиболее оптимальных путей развития гимназического образования были начаты без достаточного теоретического обоснования, отдельные аспекты реформирования требовали дальнейшей концептуальной проработки и корректировки; трансформационные процессы, происходящие в школьном образовании, в первую очередь были направлены на апробацию новых технологий обучения, создание нормативно-правовой базы, регламентирующей развитие национальной образовательной системы в новых условиях.

В рамках выполненной работы предложена и обоснована внутренняя периодизация развития гимназического образования в Беларуси на фоне выбранного исторического отрезка, исходя из совокупности условий и факторов, отражающих как внутренние, так и внешние аспекты исследуемой проблемы.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Таран, Р. И. Педагогика гимназического образования : монография / Р. И. Таран. – Гродно : ГрГУ, 2007. – 223 с.
2. Закон Республики Беларусь от 29 октября 1991 г. № 1202-XII «Об образовании» // Ведомости Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь, 1991 г., № 33, ст. 598; Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2002 г., № 37, 2/844.
3. Реформирование высшего образования в Республике Беларусь / сост. С. С. Ветехин. – Минск : РИВШ БГУ, 2001. – 70 с.
4. Закон Республики Беларусь 5 июля 2006 г., № 141-З «Об общем среднем образовании» // Национальный реестр правовых актов. – 2006. – № 99.
5. Система образования Республики Беларусь в цифрах 1990-2005 годы (статистический сборник) / Под ред. Листопада Н.И. – Минск : ГИАЦ Министерства образования, 2005. – 58 с.
6. Концепция профильного обучения в учреждениях, обеспечивающих получение общего среднего образования (11–12 классы) от 24.09.2004, № 893.
7. Образовательный стандарт. Общее среднее образование. Основные нормативы и требования. Постановление Министерства образования Республики Беларусь, 03.10. 2008, № 96.
8. Кодекс Республики Беларусь об образовании, 13 янв. 2011 г., № 243-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 13. – 2/1795.

Поступила в редакцию 13.09.17

A. M. Kiptik

HISTORICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF GYMNASIA EDUCATION IN REPUBLIC OF BELARUS (1991–2011)

Article is devoted to questions of formation of gymnasia education in Belarus (1991-2011). The scientific publications affecting studying of this problem are analysed. It is noted that social and economic conditions of the studied period, have substantially influenced the subsequent development of an education system in general, and in particular gymnasia education.

Keywords: gymnasium, reforming, national education, stages.

УДК 37.037

А. М. Киптик¹, Н. В. Зайцева²¹Аспирант кафедры педагогики и методики дошкольного и начального образования,
УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Республика Беларусь²Доктор педагогических наук, доцент,
УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Республика Беларусь**ПРАКТИКА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА
ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

В статье рассматривается проблема роли практики в профессиональной подготовке студентов факультета физической культуры. Отмечено, что особенностью профессиональной подготовки является актуализация теоретических знаний студентов (синтезируются педагогические знания с практической деятельностью); формирование ключевых профессионально-педагогических качеств; развитие педагогического мышления, творческой инициативы и активности студентов. Показана специфика поэтапного формирования у студентов целостного представления о профессиональной деятельности.

Ключевые слова: практика, профессиональная подготовка, теоретическое знание, физическая культура.

Введение

Современный вектор развития системы высшего педагогического образования характеризуется многочисленными изменениями: совершенствуются интеграционные механизмы педагогического образования, обеспечивается модернизация высшей школы с учетом ее практико-ориентированной направленности, активно внедряются методы интенсификации учебного процесса. В результате становления новой парадигмы высшего педагогического образования существенное значение приобретают вопросы формирования целостной личности выпускника, компетентного в своей профессиональной сфере и в смежных дисциплинарных областях знаний.

Комментируя данное положение, важно заметить, что в условиях актуализации проблем, связанных с профессиональной подготовкой специалиста сферы физической культуры и спорта в системе непрерывного педагогического образования, необходимость удовлетворения конкретных требований к квалификации специалистов определяет интеграцию теоретических знаний и практического опыта; в частности, создание новых подходов к организации различных видов практик в педагогическом процессе высшего физкультурного образования: учебной («Зимний учебный сбор», «Летний учебный сбор», «По лыжному спорту»), производственной (включая «Преддипломную (по специализации)», «Педагогическую в оздоровительном лагере»).

Принимая во внимание тот факт, что практика в вузе является составной частью педагогического процесса и представляет собой организацию самостоятельной практической деятельности по решению учебно-методических, учебно-практических задач, правомерно утверждать, что содержание каждого вида практики определяется через систему теоретических, практических, методических знаний и умений студентов, формируемых на разных этапах ее организации.

Это положение отмечается в публикациях многих исследователей, в которых авторы рассматривают различные аспекты практики, организуемой в вузе. Вопросы практической подготовки педагога представлены в работах таких ученых, как О. А. Абдуллина, О. В. Акулова, Э. В. Балакирева, Е. П. Белозерцев, И. А. Бочкарева, В. И. Загвязинский, А. К. Маркова и др. Выявлению эффективных путей решения проблем педагогической практики студентов педагогических вузов посвящены диссертационные исследования И. И. Волощенко, О. А. Коник, С. В. Милициной, Н. В. Неводниченко А. Н. Саврасовой и др. Различные вопросы формирования профессиональных умений и навыков в условиях педагогической практики исследовались И. В. Серопегиной, В. П. Симоновым, Р. М. Шипиловым, А. В. Коковкиным, М. Г. Шубик,

Ю. А. Янсон и др. Закономерности и принципы профессионального становления личности рассматривались Б. П. Ананьевым, Н. Ф. Добрыниным, В. Н. Мясищевым, С. Ю. Степановым, Ю. Н. Кулюткиным, Г. С. Сухобской, И. А. Колесниковой. В исследованиях Л. М. Куликовой непрерывная практика рассматривается как часть учебного процесса, как средство овладения студентами профессиональными умениями и навыками; как средство развития педагогического мышления, применения теоретических знаний в практической деятельности [1].

Однако, несмотря на наличие вышеперечисленных работ, вопросы комплексно-методического обеспечения практик, определенных учебными планами специальностей, рационального сочетания активных форм и методов практического обучения не рассматривались исследователями как условия, обеспечивающие интенсификацию процесса профессиональной подготовки. В контексте изложенного правомерно отметить, что во взглядах ученых прослеживается отсутствие единого методологического обоснования профессионально-практической подготовки специалистов сферы физической культуры и спорта.

Как показал анализ, данное обстоятельство обусловлено тем, что одной из причин сложившейся ситуации является недостаточная интеграция результатов исследований различных наук при изучении данного явления, недостаточная научная разработанность, фрагментарность логического обоснования подготовки специалистов сферы физической культуры и спорта в условиях практико-ориентированного обучения.

В этой связи важной представляется точка зрения Д. А. Садыхановой о том, что «... целью практико-ориентированного обучения является интенсификация процесса поиска, получения и накопления новых знаний, умений и профессиональных компетенций. Результатом практико-ориентированного подхода в обучении должен являться специалист, способный эффективно применять в практической деятельности имеющиеся у него компетенции» [2, 2].

Суть приведенного высказывания дает основание полагать, что ключевой задачей практико-ориентированного обучения должна стать направленность практической подготовки студентов в сфере высшего физкультурного образования к самостоятельности, конкурентоспособности, высокой мобильности и готовности творчески мыслить, активно принимать решения в нестандартных педагогических ситуациях в рамках профессиональной компетенции, на основе реализации совокупности специальных умений [1, 3].

Будет уместно выделить еще одно обстоятельство, которое подчеркивает несовпадение во взглядах ученых на проблему профессиональной подготовки студентов в сфере высшего физкультурного образования: анализ многообразных подходов к смысловому значению понятия «профессиональная подготовка» показал, что на сегодняшний день в научной литературе пока нет его однозначного определения. Поэтому исследователи вкладывают в него разный смысл. Но в целом можно отметить: «... понятие «профессиональная подготовка» в современной науке связывается с профессиональным обучением и отражает процесс овладения знаниями, умениями и навыками, необходимыми для самостоятельной профессиональной деятельности» [4, 223].

Развивая данное положение, мы предлагаем рабочее определение понятия «профессиональная подготовка студентов в сфере высшего физкультурного образования» рассматривать в триаде: как целостную педагогическую систему, как результат профессионально-педагогического образования, как интегральный критерий профессиональной обученности. Именно такой подход, по нашему убеждению, диктует необходимость лорнировать практику в профессиональной подготовке студентов, с одной стороны, как активное практико-ориентированное обучение, обеспечивающее подготовку специалиста к самостоятельной деятельности (в рамках избранной специальности); с другой стороны, как актуализацию педагогических знаний в рамках деятельности, результатом которых выступает самореализация личности в образовательном пространстве.

Представляется, что изложенного более чем достаточно, чтобы прийти к выводу о том, что проблема практической подготовки специалистов сферы физической культуры и спорта на сегодняшний день является весьма актуальной.

Цель статьи – выявить особенности практической подготовки студентов факультета физической культуры в системе высшего педагогического образования.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ состояния исследуемого вопроса позволяет констатировать, что практика (учебная, производственная) в вузе выполняет системообразующую роль в профессиональной подготовке; имеет поэтапный и интегрированный характер; создает оптимальные условия для

понимания студентами сущности и значения собственно-педагогической деятельности; активизирует самостоятельную познавательную деятельность посредством включения студентов в проектирование собственной учебно-методической деятельности. Отдельно хотелось бы отметить, что действенным фактором в подготовке специалиста сферы физической культуры и спорта практика становится в том случае, если она через собственное содержание помогает студенту углубить и закрепить в практической деятельности полученные в вузе теоретические знания. В этом случае процесс организации всех видов практик, определенных учебными планами специальностей, приобретает характер педагогической системы, имеет комплексный характер и включает несколько этапов. В связи с этим логичным и оправданным в методическом отношении является выделение следующих этапов организации практик: пропедевтического (подготовительного), основного и заключительного.

Пропедевтический (подготовительный) этап – учебная практика студентов 1-2 курсов. Целью данного этапа практики является формирование у студентов общепедагогической направленности получаемого высшего физкультурного образования. Руководящая деятельность педагога на этом этапе носит информационно-направляющий характер, а деятельность студентов – познавательно-ориентированный. Реализация содержательного компонента практики предполагает: актуализацию знаний, полученных студентами при изучении комплекса психолого-педагогических, спортивно-педагогических дисциплин учебного плана; овладение первоначальными формами педагогической деятельности; формирование совокупности мотивов, ориентирующих практикантов на предстоящую профессиональную деятельность; диагностику сформированности учебных умений, навыков; выявление специфики педагогического процесса в условиях практики.

Интерактивными методами (технологиями) обучения, адекватно отвечающими задачам этого этапа, будут являться: традиционные (репродуктивные) технологии; коммуникативные технологии, основанные на активных формах и методах обучения; игровые технологии, в рамках которых студенты участвуют в деловых, ролевых, имитационных и других играх; технологии учебно-исследовательской деятельности. На этом этапе практика выполняет адаптационную, обучающую, диагностическую функции. Во время прохождения практики студент может определиться, насколько правильно он выбрал для себя сферу профессиональной деятельности.

Основной этап – производственная практика студентов 3 курса. Целью основного этапа практики является формирование у студентов общепедагогических, профессиональных (специальных) умений и навыков. Руководящая деятельность педагога носит информационно-направляющий характер, а деятельность студентов – познавательно-ориентированный. Специфической особенностью этапа является то, что в ходе его прохождения студент-практикант непосредственно включается в профессионально-педагогическую деятельность. Содержание деятельности студентов определяется задачей формирования мотивационно-ценностного отношения к предстоящей педагогической деятельности, осознания необходимости самообразования и самоподготовки к практической работе, которая включает: самостоятельное проведение учебных, учебно-тренировочных занятий, спортивно-массовых мероприятий, ознакомление с методикой судейства соревнований по видам спорта, разработку документов планирования учебной работы, написание конспектов мероприятий, оформление протоколов соревнований. Кроме того, практиканты овладевают умениями и навыками рефлексирования и самооценки, методами и формами контроля и самоконтроля собственно-практической деятельности; в процессе практики происходит проверка теоретической и практической подготовленности студентов к самостоятельной работе. В ходе прохождения практики у студентов формируются система методического инструментария, необходимого для усвоения профессиональных знаний; потребность в активном отношении к практическому обучению; творческий, исследовательский подход к педагогической деятельности.

Интерактивными методами (технологиями) обучения, адекватно отвечающими задачам этого этапа, будут являться: технологии компенсирующего обучения (педагогической коррекции, поддержки, выравнивания и т.п.); технологии на основе методического усовершенствования и дидактического реконструирования учебного материала; личностно-ориентированные технологии; технологии учебно-исследовательской деятельности; технологии контекстного профессионального образования (ведущая цель – формирование целостной модели будущей профессиональной деятельности студента); поисково-исследовательская технология обучения (ведущая цель – построить учебное познание как систему задач); технология учебного

проектирования (ведущая цель – решение проблемы, предусматривающей, с одной стороны, использование разнообразных методов, а с другой – интегрирование знаний, умений из различных областей науки) [5].

На этом этапе содержание практики выражается в реализации следующих функций: коммуникативно-обучающей (умение владеть технологией педагогического общения, речевым этикетом, профессиональной лексикой); конструктивно-планирующей (умение прогнозировать и планировать предстоящую деятельность); исследовательской (умение осуществлять научно-исследовательскую и методическую деятельность); социально-педагогической (умение продуцировать модель социального взаимодействия, рефлексировать результаты своей педагогической деятельности); деятельностной (умение выполнять дидактико-методическую работу, осваивать разнообразные технологии обучения и воспитания подрастающего поколения).

Заключительный этап (4 курс) – формирование собственно-педагогических умений и навыков. Центральным моментом данного этапа является проведение уроков по предмету, но в период прохождения практики студент должен выполнить, кроме учебно-методической работы, также организационную, воспитательную и, конечно же, научно-исследовательскую работу. Поэтому целью практики заключительного этапа является формирование у студентов-практикантов специфических профессионально-педагогических умений и навыков (с учетом будущей специальности и специализации). Руководящая деятельность педагога студентами в это период практики носит вспомогательно-консультативный характер, а деятельность студента – активно-творческий. Содержанием этого этапа практики являются: активное включение студента в педагогический процесс образовательных учреждений; формирование системы основных умений и навыков по созданию учебно-методического сопровождения учебных, учебно-тренировочных занятий, спортивно-массовых мероприятий; овладение методами и формами контроля и самоконтроля, оценки учебного процесса, его эффективности; умениями и навыками рефлексирования и самооценки учебной работы.

В ходе прохождения студентами данного этапа практики выстраивается индивидуальный алгоритм педагогической деятельности студента-практиканта с учетом личностных способностей и интересов; формируется устойчивая интегральная совокупность общепедагогических и специальных (профессиональных) знаний, умений, навыков, обуславливающих эффективное осуществление профессиональной деятельности; начинает складываться стиль собственно-педагогической деятельности, происходит актуализация приобретенных в вузе знаний, умений, необходимых для будущей профессиональной деятельности.

Интерактивными методами (технологиями) обучения, адекватно отвечающими задачам этого этапа, будут являться: личностно-ориентированные технологии (ведущая цель – формирование в процессе обучения активной личности, способной самостоятельно строить и корректировать собственно педагогическую деятельность); развивающие технологии (ведущая цель – подготовка специалиста, способного проблемно мыслить, видеть и формулировать проблемы, выбирать способы и средства для их решения); деятельностные технологии (ведущая цель – подготовка профессионала-специалиста, способного квалифицированно решать профессиональные задачи); информационно-развивающие технологии (ведущая цель – подготовка эрудированного специалиста, владеющего стройной системой знаний, обладающего большим запасом информации) [5].

На этом этапе содержание практики выражается в реализации таких функций, как: аксиологическая (умение оценивать явления педагогической действительности с точки зрения различных ценностей – морально-нравственных, этических, социальных, идеологических и др.); ориентационно-прогностическая (умение определять направление педагогической деятельности на конкретные цели и задачи, прогнозировать её результаты); коммуникативно-стимулирующая (умение устанавливать и поддерживать с участниками педагогического процесса доброжелательные отношения и побуждать их своим примером к активной учебно-познавательной, трудовой и художественно-эстетической деятельности); аналитико-оценочная (умение анализировать собственно-педагогическую деятельность, сравнивать достигаемые результаты с теми целями и задачами, которые намечались, а также сопоставлять свою работу с опытом других студентов-практикантов); информационно-диагностическая (умение самостоятельно работать с информационными ресурсами, критически оценивать информацию); когнитивная (умение повышать свой образовательный уровень, самостоятельно приобретать новые знания и умения); исследовательско-творческая (умение анализировать, систематизировать,

сравнивать и объяснять, обобщать, классифицировать, оценивать, структурировать подлежащие исследованию явления, их связи и отношения).

Как показало исследование, в рамках обозначенных этапов прохождения практики студентам предоставляется возможность моделировать собственную педагогическую деятельность, что способствует развитию познавательного интереса, активности, возникновению желания самореализоваться в выбранной профессии.

С целью эффективной организации практики в структуре каждого из обозначенных этапов выделены дидактические единицы, различаемые по календарным срокам и содержанию деятельности практикантов (учебно-методическая; учебно-практическая работа), которые имеют специфическую характеристику, находятся в определенной логической последовательности и определяют конкретные задачи прохождения каждого этапа практики.

В связи со сказанным правомерно подчеркнуть, что практическая подготовка предусматривает выполнение студентом-практикантом не только определенной системы заданий, предусмотренных программой практик. Студенту приходится вступать в межличностные отношения с сокурсниками, педагогическим коллективом образовательных учреждений, родителями. В результате конструирования межличностных отношений развиваются необходимые педагогические способности, профессионально значимые качества личности, укрепляются профессиональная направленность; совершенствуются личностно-этические качества, приобретается педагогический опыт. Бесспорно также и то, что определенные свойства личности студента обусловлены социальными функциями высшего образования и содержанием процессов, происходящих в высшей школе (учебная, научно-исследовательская, воспитательная работа, социально-бытовые условия, межличностные отношения).

В этом случае мы разделяем теоретическую позицию В. В. Давыдова в отношении того, что «Изначальным и подлинным субъектом всех форм деятельности (особенно предметно-практической) выступает коллективный субъект; лишь включаясь во все многообразие коллективных форм деятельности, индивид приобретает форму носителя сознательной регуляции своей индивидуальной деятельности» [6, 404].

Отмеченное диктует, что основным содержанием собственно-педагогической деятельности в условиях практики должно стать: формирование у студентов целостного представления о профессиональной деятельности; закрепление и совершенствование психолого-педагогических и методических знаний, комплексное их использование при организации педагогического процесса; овладение умениями и навыками проектирования и эффективной организации учебных, учебно-тренировочных занятий, внеклассной работы в учреждениях образования различных типов.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование позволило установить:

практико-ориентированная направленность подготовки специалиста сферы физической культуры и спорта включает несколько этапов и в большей степени связана с организацией и проведением разного вида практик (учебной, производственной). В процессе прохождения каждого вида практики происходит поэтапное освоение образовательных программ по специальности, обеспечивающих формирование академических, социально-личностных, профессиональных компетенций, необходимых для подготовки выпускников к самостоятельному осуществлению собственно-педагогической деятельности;

основными компонентами практической подготовки студентов к собственно педагогической деятельности являются: интеграция методологической, теоретической, методической и практической составляющей профессиональной подготовки. Формирование специфических профессионально-педагогических умений и навыков (с учетом будущей специальности и специализации), как показало исследование, наиболее эффективно происходит в процессе непосредственной предметно-практической деятельности. Поэтому практика рассматривается нами как неотъемлемая составляющая учебно-воспитательного процесса высшего физкультурного образования;

содержательная взаимосвязь всех видов практик обусловлена комплексом педагогических условий, позволяющим максимально использовать возможности практического обучения в профессиональной подготовке студентов факультета физической культуры: непрерывность целостного образовательного процесса, в котором практико-ориентированное обучение выступает

как одно из приоритетных направлений профессиональной подготовки конкурентоспособного специалиста сферы физической культуры и спорта; рациональное сочетание активных и интерактивных форм и методов практического обучения, обеспечивающих интенсификацию профессиональной подготовки специалиста сферы физической культуры и спорта; обеспечение интеграции межпредметных связей (общетеоретических, психолого-педагогических, медико-биологических дисциплин, теории и методики физического воспитания), в практической подготовке студентов в сфере высшего физкультурного образования.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Куликова, Л. М. Модернизация содержания и организации педагогической практики в физкультурном вузе : монография / Л. М. Куликова. – М. : Изд-во «Теория и практика физической культуры», 2004. – 295 с.
2. Садыханова, Д. А. Функциональная модель эффективного практико-ориентированного обучения в высшем учебном заведении / Д. А. Садыханова, М. Ж. Арзаева // Модернизация образовательных программ: аккредитация и гарантия качества подготовки кадров : материалы 46-й научно-методической конференции, 14–15 января 2016 года. – Книга 4. – Алматы : Казах. университет. – С. 22.
3. Методические аспекты профессионально-педагогической подготовленности студентов факультета физического воспитания и организации учебной практики / Е. В. Данкеева [и др.] // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 5 (47). – Часть 4. – С. 33–35.
4. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. – С. 223.
5. Неудахина, Н. А. Современные образовательные технологии: модульный курс : учеб. пособие / Н. А. Неудахина, Т. С. Федорова. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2009. – 244 с.
6. Давыдов, В. В. Теория развивающего обучения / В. В. Давыдов. – М. : ИНТОР, 1996. – 544 с.

Поступила в редакцию 13.09.17

A. M. Kiptik, N. V. Zaitseva

PRACTICE IN THE TRAINING OF STUDENTS OF FACULTY OF PHYSICAL CULTURE

The article focuses on the role of practice in professional training of students of faculty of physical culture. It is noted that the feature of training is to actualize the theoretical knowledge of students (synthesized pedagogical knowledge with practical activities); the formation of key professional and pedagogical qualities, the development of pedagogical thinking, creative initiative and activity of students. The specifics of the gradual formation of the students a holistic view of professional activity; mastering psycho-pedagogical and methodological skills of organization of teaching process in their chosen specialty.

Keywords: practice, professional training, theoretical knowledge, physical culture.

УДК 796.82

В. А. КонопацкийСтарший преподаватель, кафедра физического воспитания и спортивных дисциплин,
УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Республика Беларусь**КРУГОВАЯ ТРЕНИРОВКА КАК ОСНОВА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ
КАЧЕСТВ ЮНЫХ БОРЦОВ 12–13 ЛЕТ
НА ЭТАПЕ НАЧАЛЬНОЙ СПОРТИВНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ**

В статье анализируется соревновательная деятельность юных борцов 12–13 лет на этапе начальной спортивной специализации по результатам выступления в спортивных соревнованиях. Проводится анализ результатов контрольных нормативов по общей физической подготовке с целью совершенствования физических качеств юных спортсменов упражнениями круговой тренировки.

Ключевые слова: физические качества, круговая тренировка, спортивная борьба, спортивные соревнования, соревновательная деятельность, юные борцы, учебно-тренировочный процесс.

Введение

В Республике Беларусь значительное внимание уделяется совершенствованию методики спортивной подготовки детей и подростков, как юношей, так и девушек, специализирующихся в спортивных единоборствах, что в значительной степени определяет положительный успех выступлений на международной спортивной арене.

Современные мировые достижения в спортивной тренировке единоборцев настолько велики, что без хорошей физической подготовки с юного возраста нельзя рассчитывать на высокие результаты в зрелом возрасте спортсмена. Поэтому подготовка юных спортсменов-борцов является одной из главных задач в формировании спортивного резерва и поднятии престижа спортивной борьбы в нашей стране. Вопросы, связанные с физической подготовкой юных спортсменов, являются наиболее актуальными при построении учебно-тренировочного процесса, и от того, насколько рационально они будут решены, зависит развитие физических качеств спортсменов, процесс становления технического мастерства и дальнейший рост спортивно-технических результатов.

Анализ научно-методической литературы показал, что данной проблеме уделяется значительное внимание. В научных трудах Л. П. Матвеева, Н. Г. Озолина, В. М. Гужаловского, В. Г. Никитушкина, В. С. Фарфеля, В. П. Филина, Н. А. Фомина, В. К. Бальсевича и др. представлена значительная роль спорта в физическом воспитании подрастающего поколения, научно обоснованы основополагающие положения детско-юношеского спорта, выявлены эффективные средства и методы спортивной подготовки детей [1]–[8].

Однако до настоящего времени в специальной литературе остаются недостаточно раскрытыми вопросы совершенствования физических качеств юных борцов 12–13 лет на этапе начальной спортивной специализации.

Физические качества совершенствуются в ходе физической подготовки. Физическая подготовка – это основа спортивной тренировки. Невозможно достичь высоких спортивных результатов даже при хорошей технической и тактической подготовленности, если недостаточно развиты такие физические качества, как сила и скорость, выносливость, гибкость, ловкость [1]–[8].

Одной из основных ошибок в подготовке юных спортсменов является форсированное обучение технике движений, тогда как физическая подготовка у них находится на удовлетворительном уровне. Так, при низком уровне развития физических качеств спортсмен часто не в состоянии даже начать разучивать упражнение. Например, при выполнении броска прогибом в греко-римской борьбе спортсмен должен при отрыве соперника от ковра, прогибаясь, падать назад, затратив при этом значительное напряжение. Если спортсмен не в состоянии это сделать, то разучивать этот прием ему рано; он должен повысить уровень развития физических качеств и только после этого приступить к разучиванию данного броска.

Приведенный выше пример показывает, что при разучивании спортивных упражнений борец должен иметь хороший уровень физической подготовленности, позволяющий ему выполнить данное упражнение. Этот уровень характеризуется пороговым значением степени развития физического качества, тесно связанного с результатом разучиваемого двигательного действия.

Постоянно растущая конкуренция в единоборствах требует разработки новых эффективных средств и методов спортивной подготовки, направленных на достижение высокого спортивного результата как в рамках учебно-тренировочной, так и соревновательной деятельности в целом.

Одним из условий повышения уровня физической подготовленности юных спортсменов является круговая тренировка с рациональными интервалами отдыха.

Цель исследования – обоснование целесообразности применения упражнений круговой тренировки с целью совершенствования физических качеств юных борцов 12–13 лет на этапе начальной спортивной специализации.

Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы исследования: анализ специальной научно-методической литературы, педагогические наблюдения, статистическая обработка данных официальных протоколов спортивных соревнований, анализ результатов по общей физической подготовке юных спортсменов. Проведено исследование с целью выявления возможностей совершенствования физических качеств юных спортсменов, занимающихся в учебно-тренировочных группах первого года обучения (УТГ–1).

Результаты исследования и их обсуждение

Установлено, что у борцов высокого класса хорошо развиты взрывная и мышечная сила, выносливость и ловкость, быстрота и гибкость.

В общей физической подготовке юных борцов, согласно программе для ДЮСШ, СДЮШОР (отделение греко-римская борьба), выделяют пять уровней подготовленности юных спортсменов:

- очень низкий;
- низкий;
- удовлетворительный;
- достаточный;
- отличный.

Закономерно, что, чем выше уровень развития физических качеств спортсмена, тем выше его работоспособность и выше спортивные результаты [9]–[11].

В целом спортивная подготовка единоборцев, обучение спортивным упражнениям включают три обязательных компонента:

1. Развитие физических качеств спортсмена до достаточного уровня.
2. Совершенствование техники движений.
3. Оптимальное использование двигательного потенциала спортсмена.

Эти компоненты, индивидуальные для каждого спортсмена, тесно связаны друг с другом. Поэтому особое внимание, уделяемое тренером-преподавателем развитию физических качеств юных борцов, будет направлено не только на повышение работоспособности, но и на достижение спортсменом высоких спортивных результатов в борьбе [9]–[11].

На протяжении учебного года в ДЮСШ г. Калинковичи (отделение греко-римская борьба) проводился анализ результатов выступлений юных борцов тренировочной группы на спортивных соревнованиях различного уровня (первенства, спартакиады, олимпийские дни молодежи, турниры) по греко-римской борьбе в Республике Беларусь. По результатам соревнований установлено, что спортсмены, проигрывавшие соревновательные схватки по баллам (в числителе – баллы выигравшего спортсмена, в знаменателе – проигравшего) распределились следующим образом (см. рисунок):

- 4/0 (проигрыш при чистой победе соперника «туше» – засчитывается, когда борец прижимает своего противника обеими лопатками на рабочей площади ковра, включая зону пассивности в течение короткого времени) – составляет 41,25 % от общего количества выступлений спортсменов за год;

- 5/0 (проигрыш без совершения технико-тактических действий) – 27 %;

- 8/0 (проигрыш без совершения технико-тактических действий) – 27,7 %;

- 4/1 (проигрыш с совершением технико-тактических действий) – 4,05 % от общего количества выступлений спортсменов за год.

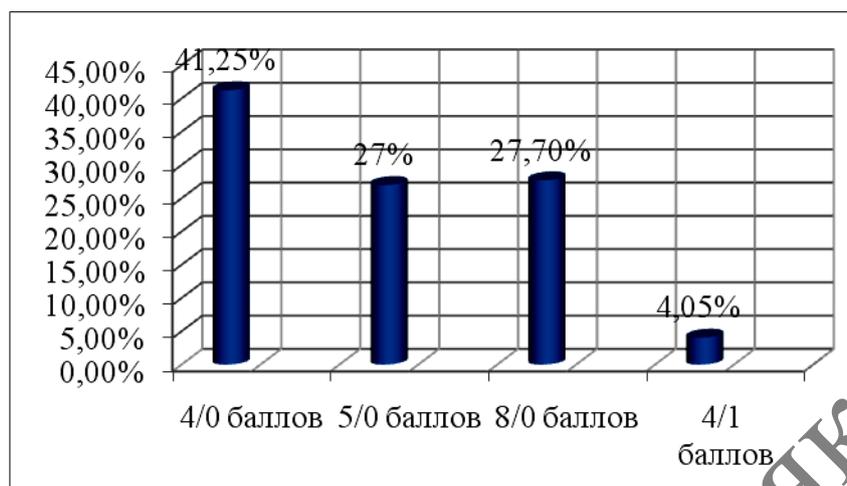

Рисунок – Результаты проигрышей соревновательных поединков юных единоборцев без совершения технико-тактических действий и с минимальным количеством баллов

Таким образом, процент проигрышей спортсменов, набравших в соревновательных поединках минимальное количество баллов (1) с совершением технико-тактического действия, остается очень низким и составляет 4,05 %, а число проигрывающих без совершения технико-тактических действий (с количеством баллов «0») остается высоким и составляет более 27 %.

Исходя из полученных данных, можно констатировать, что юные спортсмены, проигрывавшие соревновательные поединки по баллам 4/0; 5/0; 8/0 – (без совершения технико-тактических действий) и 4/1 (с совершением технико-тактических действий), имеют низкий уровень развития физических качеств, что определяет необходимость поиска более эффективных средств и методов спортивной тренировки, направленных на совершенствование физических качеств.

На этапе начальной спортивной специализации определение уровня развития физических качеств юных спортсменов необходимо проводить с помощью шести простых контрольных нормативов: 1) бег 10 м; 2) пятиминутный бег; 3) прыжок в длину с места; 4) подтягивание в висе на перекладине; 5) прыжок вверх с места; 6) наклон вперед. Результаты контрольных нормативов по общей физической подготовке до проведения эксперимента отображены в таблице 1.

Таблица 1. – Контрольные нормативы общей физической подготовки до эксперимента

Виды испытаний	Уровень подготовленности, %				
	Очень низкий	Низкий	Удовлетворительный	Достаточный	Отличный
	1	2	3	4	5
Бег 10 м, с	0 %	16,7 %	49,9 %	25 %	8,4 %
Бег 5 мин, м	0 %	8,4 %	41,6 %	33,3 %	16,7 %
Прыжок в длину с места, см	0 %	8,4 %	49,9 %	25 %	16,7 %
Подтягивание в висе на перекладине	16,7 %	41,6 %	33,3 %	8,4 %	0 %
Прыжок вверх с места, см	0 %	8,4 %	41,6 %	41,6 %	8,4 %
Наклон вперед, см	0 %	8,4 %	33,3 %	41,6 %	8,4 %

Результаты исследования общей физической подготовки юных борцов греко-римского стиля (таблица 1) свидетельствуют о преобладании удовлетворительного уровня физической подготовленности юных спортсменов на начало проведения эксперимента, что указывает на

необходимость повышения эффективности совершенствования физических качеств до достаточного и отличного уровня.

В этой связи актуализируется поиск новых научных подходов и оперативное внедрение в спортивную практику физической подготовки юных борцов упражнений круговой тренировки, которые, по мнению специалистов спортивной борьбы, должны повысить уровень развития физических качеств, что приведет к более успешному выступлению на спортивных соревнованиях.

Круговая тренировка – основной метод совершенствования физических качеств юных спортсменов. Она дает возможность приблизить характер деятельности при выполнении подготовительных упражнений к режимам работы, свойственным соревновательным упражнениям, создавая тем самым благоприятные условия для переноса тренированности в ситуацию соревнований (когда успешное выполнение определенных упражнений влияет на результат в других упражнениях).

Для проведения тренировки с использованием кругового метода заранее подбираются физические упражнения, определяются места и последовательность выполнения упражнений (станции).

Юные спортсмены переходят от снаряда к снаряду, от места выполнения одного упражнения – к другому, передвигаясь как бы по кругу. Выполнив последнее упражнение в данной серии (один круг), они вновь возвращаются к первому, таким образом, замыкая круг.

Средствами и методами круговой тренировки могут быть разнообразные общеразвивающие и специальные упражнения, обычно технически несложные, циклические и ациклические. Упражнения подбираются в зависимости от задач занятия, двигательных возможностей каждого юного спортсмена и с учетом переноса (процесса, при котором направленное изменение в уровне развития одной способности влечет за собой изменение в уровне развития другой) физических качеств и двигательных навыков. Индивидуальная дозировка нагрузки определяется в зависимости от структуры метода упражнения в круговой тренировке.

В серию круговой тренировки необходимо включать 8–10 упражнений, последовательность которых определяется таким образом, чтобы каждое последующее упражнение нагружало мышцы, которые не испытывали нагрузку в предыдущем упражнении. Каждое упражнение определяется числом повторений, частотой движений (интенсивностью), массой отягощений, временем нагрузки. По окончании первой серии приступают к следующей (через определенный интервал отдыха). Таким образом, круговую тренировку можно выполнить несколько раз. Примером здесь могут быть упражнения с отягощениями. Время выполнения каждого упражнения от 20 секунд и выше, в зависимости от уровня подготовленности занимающихся, с интервалами отдыха между упражнениями.

При проведении педагогического эксперимента на базе ДЮСШ г. Калинковичи (отделение греко-римская борьба) в учебно-тренировочный процесс юных борцов (12 спортсменов) была включена круговая тренировка из расчета 2 занятия в неделю в течение учебного года с целью определения ее эффективности.

В круговую тренировку юных борцов были включены следующие упражнения:

- 1) лазание по канату (с помощью и без помощи ног);
- 2) напрыгивания на высоту 0,5 м;
- 3) жим штанги лежа;
- 4) разгибание и сгибание туловища лежа лицом вниз на гимнастическом «козле», ноги закреплены;
- 5) перемещение штанги в левую и правую стороны из исходного положения стоя, захватив двумя руками конец ее грифа;
- 6) поднимание и опускание туловища на скамейке с поворотами на 90° (ноги закреплены, скамейка находится под углом 45°);
- 7) сгибание и разгибание рук в упоре лежа;
- 8) броски манекена из различных положений (вес манекена $2/3$ от веса спортсмена);
- 9) упражнения с резиновым жгутом на подвороты различных бросков;
- 10) упражнения со скакалкой.

Сравнительный анализ контрольных нормативов по общей физической подготовке юных борцов до и после проведения эксперимента представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Сравнительный анализ контрольных нормативов общей физической подготовки юных борцов 12–13 лет до и после эксперимента

Виды испытаний	Уровень подготовленности до проведения эксперимента (в %)					Уровень подготовленности после проведения эксперимента (в %)				
	Очень низкий	Низкий	Удовлетворительный	Достаточный	Отличный	Очень низкий	Низкий	Удовлетворительный	Достаточный	Отличный
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
Бег 10 м, с	0	16,7	49,9	25	8,4	0	12,7	36,1	38,6	12,6
Бег 5 мин, м	0	8,4	41,6	33,3	16,7	0	6,1	33,6	41,3	19,0
Прыжок в длину с места, см	0	8,4	49,9	25	16,7	0	5,3	41,1	36,2	17,4
Подтягивание в висе на перекладине	16,7	41,6	33,3	8,4	0	13,1	37,5	34,4	14,0	1,0
Прыжок вверх с места, см	0	8,4	41,6	41,6	8,4	0	7,1	36,4	43,6	12,9
Наклон вперед, см	0	8,4	33,3	41,6	8,4	0	7,6	35,3	46,7	10,4

Анализ полученных результатов после проведения педагогического эксперимента свидетельствует о том, что большинство показателей, характеризующих развитие физических качеств у борцов 12–13 лет, значительно повысились и находятся на достаточном уровне (см. таблицу 2), а именно: бег 10 м – 38,6% (до эксперимента – 25,0%) от общего количества юных спортсменов; бег 5 мин. – 41,3% (до эксперимента – 33,3%); прыжок вверх с места – 43,6% (до эксперимента – 41,6%); наклон вперед – 46,7% (до эксперимента – 41,6%).

Показатели прыжка в длину с места находятся на удовлетворительном уровне – 41,1% от общего количества спортсменов и в сравнении с показателями до эксперимента – 49,9% наблюдается их улучшение. Показатели подтягивания в висе на перекладине находятся на низком уровне – 37,5%, но в сравнении с показателями до эксперимента (41,6%) также наблюдается их улучшение.

Выводы

Педагогический эксперимент, осуществляемый на базе ДЮСШ г. Калинковичи в рамках учебно-тренировочного процесса по подготовке юных борцов, подтвердил эффективность метода круговой тренировки. Сравнение результатов общей физической подготовки юных борцов 12–13 лет до и после эксперимента подтвердило, что показатели физической подготовленности борцов после внедрения в учебно-тренировочный процесс круговой тренировки значительно превосходят показатели нормативов в беге на 10 м, в беге в течение 5 мин., прыжка вверх с места и наклона вперед до проведения эксперимента и находятся на достаточном уровне подготовленности.

Показатели в прыжках в длину с места соответствуют удовлетворительному уровню – 41,1% (до эксперимента – 49,9%), подтягивание в висе на перекладине – низкому 37,5% (до эксперимента – 41,6%), однако за время проведения педагогического эксперимента наблюдается их снижение, что свидетельствует об увеличении показателей достаточного и отличного уровней подготовки.

Таким образом, при совершенствовании общей и специальной физической подготовленности юных борцов эффективность учебно-тренировочного процесса можно повысить путем внедрения упражнений круговой тренировки, которые будут способствовать совершенствованию физических качеств, улучшению режима работы и отдыха при выполнении тренировочных заданий, расширению двигательных возможностей спортсменов.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Матвеев, Л. П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты: учебник для вузов / Л. П. Матвеев. – СПб. : Лань, 2005. – 384 с.
2. Озолин, Н. Г. Настольная книга тренера: Наука побеждать / Н. Г. Озолин. – М. : Астрель, 2002. – 864 с.
3. Гужаловский, А. А. Развитие двигательных качеств у школьников / А. А. Гужаловский. – Минск : Нар. асвета, 1978. – 88 с.
4. Никитушкин, В. Г. Современная подготовка юных спортсменов / В. Г. Никитушкин. – М. : Методическое пособие, 2009. – 112 с.
5. Фарфель, В. С. Развитие движений у детей школьного возраста / В. С. Фарфель. – М. : изд-во АПН РСФСР, 1959. – 67 с.
6. Филин, В. П. Становление и развитие теории и методики юношеского спорта / В. П. Филин // Юбилейный сборник трудов ученых РГАФК, посвященный 80-летию академии. – М., 1998. – Т. 2. – С. 50–56.
7. Фомин, Н. А. Возрастные основы физического воспитания / Н. А. Фомин, В. П. Филин. – М. : Физкультура и спорт, 1972. – 175 с.
8. Бальсевич, В. К. Очерки по возрастной кинезиологии человека: научно-популярная литература / В. К. Бальсевич. – М. : Советский спорт, 2009. – 220 с.
9. Зацюрский, В. М. Физические качества спортсмена: основы теории и методики воспитания / В. М. Зацюрский. – 3-е изд. – М. : Советский спорт, 2009. – 200 с.
10. Верхошанский, Ю. В. Основы специальной физической подготовки спортсменов / Ю. В. Верхошанский. – Москва : Физкультура и спорт, 1988. – 331 с.
11. Кочурко, Е. И. Подготовка квалифицированных борцов : учеб.-метод. пособие / Е. И. Кочурко, А. А. Семкин. – Минск : Вышэйшая школа, 1984. – 96 с.

Поступила в редакцию 13.09.17

E-mail: vity121280@yandex.ru

V. A. Konopatsky

CIRCUIT TRAINING AS A BASIS OF DEVELOPMENT OF PHYSICAL QUALITIES
OF YOUNG WRESTLERS 12-13 YEARS
AT THE STAGE OF INITIAL SPORTS SPECIALIZATION

In article competitive activity of young fighters of 12-13 years at a stage of initial sports specialization in results of a performance in sports competitions is analyzed. The analysis of results of control standards for the general physical training for the purpose of improvement of physical qualities of young athletes is carried out by exercises of a circular training.

Keywords: physical qualities, circular training, wrestling, sports competitions, competitive activity, young fighters, educational and training process.

УДК 378.037.1

Ю. В. Сак

Кандидат педагогических наук, старший преподаватель,
кафедра теории и методики физической культуры,
Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ НА ОСНОВЕ ЛЫЖНОЙ ПОДГОТОВКИ

В статье рассмотрен инновационный подход к проведению занятий по лыжной подготовке студентов специальности 1-01 02 01 «Начальное образование». Представлено содержание практических занятий, состоящих из двух дидактически взаимосвязанных частей: первая часть (без лыж) направлена на решение задач по формированию двигательных навыков путем применения имитационных упражнений, взаимосвязанных с основными задачами занятия по обучению технике лыжника, по развитию ведущих для лыжной подготовленности двигательных способностей; вторая – на решение специальных задач по передвижению на лыжах. Установлено положительное существенное изменение у будущих учителей начальных классов силовых способностей мышц плечевого пояса и рук, силовой выносливости мышц туловища.

Ключевые слова: физическое воспитание, будущие учителя, начальные классы, лыжная подготовка, физическая подготовленность, двигательные способности.

Введение

В образовательном стандарте Республики Беларусь по специальности 1-01 02 01 «Начальное образование» (2013) указывается на то, что целью подготовки будущих учителей начальных классов является формирование и развитие у них социально-профессиональной, практико-ориентированной компетентности, позволяющей сочетать академические, социально-личностные, профессиональные компетенции для решения задач в сфере профессиональной и социальной деятельности [1, 5]. Эффективность проведения ими уроков физической культуры и здоровья в начальных классах во многом зависит от качества их подготовки, уровня владения знаниями по методике обучения учащихся видам физических упражнений, входящих в содержание учебной программы «Физическая культура и здоровье» [2]. Поэтому образовательный процесс профессиональной подготовки студента к самостоятельной педагогической деятельности должен состоять не только из формирования у него специальных знаний, умений и навыков методики преподавания основ видов спорта, включенных в содержание школьной программы, в т.ч. и лыжной подготовки (ЛП), но и развития двигательных способностей, сопутствующих профессиональной деятельности.

Нами установлено, что подготовка педагогических кадров в учреждениях высшего образования не ориентирована должным образом на формирование у будущих учителей начальных классов умений и навыков организации и проведения с учащимися уроков по учебному предмету «Физическая культура и здоровье» и, в частности, по ЛП. Организация образовательного процесса по физической культуре с будущими педагогами осложняется тем, что образовательные задачи по ЛП решаются в условиях дефицита времени, выделяемого на освоение учебного материала при недостатке научно обоснованных методик обучения.

По мнению ученых, понятие физической подготовленности (ФП) характеризуется степенью развития двигательных качеств и форм тела, состоянием вегетативных функций организма, а также разнообразием приобретаемых двигательных навыков. Информация о ФП занимающихся может быть использована в качестве показателей эффективности отдельных этапов образовательного процесса [3], [4].

Сами по себе физические упражнения характеризуются специфической особенностью влияния на различные функции организма, развивая двигательные способности, формируя жизненно необходимые навыки, укрепляя здоровье. В этом отношении лыжный спорт признается как один из эффективнейших, предъявляющий высокие требования к техническому и физическому видам подготовленности занимающихся. Практические работники в области ЛП развивают мысль о том, что овладение техникой передвижения на лыжах должно учитывать уровень ФП занимающихся. Игнорирование требования о необходимом ее уровне приводит к возникновению многочисленных ошибок в технике передвижения на лыжах [5].

Результаты показателей ФП позволяют косвенно оценить уровень функционального состояния, мышечной силы и силовой выносливости, координационных способностей, подвижности нервных процессов. Это те системы, от состояния которых зависит эффективность профессиональной деятельности в области физического воспитания. Следует особо подчеркнуть специфическую особенность состава будущих учителей начальных классов, состоящую в том, что они, как правило, на 100 % представлены лицами женского пола, к тому же с низким уровнем ФП, что требует нетрадиционных подходов к подбору средств физического воспитания для решения образовательных задач по ЛП. В этой связи исследование по повышению ФП будущих учителей начальных классов на основе занятий ЛП является своевременным и актуальным.

Цель исследования заключалась в разработке методики повышения физической подготовленности будущих учителей начальных классов в процессе занятий лыжной подготовкой.

В этой связи была разработана экспериментальная методика организации образовательного процесса по ЛП с будущими учителями начальных классов. Методика, представляющая собой проект последовательно осуществляемой педагогической деятельности, направленной на достижение прогнозируемых результатов образовательного процесса, состояла из следующих взаимосвязанных этапов: *диагностического, предварительной ЛП, практико-деятельностного, контрольно-рефлексивного*, ориентированных на формирование структурных компонентов готовности будущих учителей к проведению уроков по ЛП [6].

Методы исследования. Основными методами исследования явились педагогические (анализ научно-методической литературы, контрольно-педагогическое тестирование, формирующий педагогический эксперимент) и математико-статистические (статистическое описание).

Оценка эффективности экспериментальной методики организации образовательного процесса по ЛП будущих учителей начальных классов осуществлена в ходе реализации формирующего педагогического эксперимента, который проходил во втором и третьем семестрах на базе учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» с участием студенток первого и второго курсов педагогического факультета, будущих учителей начальных классов, составивших экспериментальную (ЭГ) ($n = 43$) и контрольную (КГ) ($n = 37$) группы. Предполагалось, что экспериментальная методика проведения занятий по ЛП окажет положительное влияние на динамику ФП будущих учителей ЭГ.

На *диагностическом этапе* фиксировался исходный уровень ФП у будущих учителей ЭГ и КГ к проведению уроков по ЛП.

Этап предварительной ЛП (общий для исследуемых групп) позволил осуществить начальное обучение технике передвижения на лыжах и тем самым сформировать общее представление об основах техники. На усвоение учебного материала отводилось по 6 учебных часов практических занятий во втором семестре. При проведении занятий применялась единая методика начального обучения технике передвижения на лыжах – «школа лыжника» [7].

Основным этапом разработанной методики является *практико-деятельностный*, направленный на практическую подготовку будущих учителей к проведению уроков по ЛП. На усвоение учебного материала в ЭГ отводилось 32 часа практических занятий (по четыре часа в неделю) со второго по третий семестры (16 часов во втором и 16 часов в третьем семестрах).

В рамках формирующего педагогического эксперимента каждое практическое занятие с будущими учителями начальных классов в ЭГ состояло из двух дидактически взаимосвязанных частей: в первой части (*без лыж*) решались задачи по формированию двигательных умений и навыков за счет выполнения подводящих (имитационных) и подготовительных упражнений, связанных с основными задачами занятия по обучению технике лыжника, по развитию ведущих для лыжной подготовленности двигательных способностей. Вторая часть занятия проводилась

на лыжах и была посвящена непосредственно решению образовательных задач, адекватных по содержанию двигательным задачам первой части занятия. Особенностью занятий являлось то, что 50 % времени каждого практического занятия по ЛП проводилось без лыж и 50 % – на лыжах.

В первой части занятий (*без лыж*) для развития двигательных способностей применялись специальные подготовительные физические упражнения (*по 10 мин на 16 занятиях – 160 мин*) как важнейшие компоненты для овладения техникой передвижения лыжника на основе разработанных комплексов физических упражнений, с направленностью на развитие статического и динамического равновесия. Во второй части занятий (*на лыжах*) развитие двигательных способностей (координационных, скоростных, силовых и скоростно-силовых, скоростной и силовой выносливости) занимающихся ЭГ осуществлялось по общепринятой методике [5], [8].

У будущих учителей КГ двигательные навыки формировались непосредственно на практических занятиях по ЛП, проводимых только *на лыжах* в объеме учебных часов, аналогичных ЭГ (32 часа). Развитие двигательных способностей проводилось в основной части занятия по общепринятой методике [8].

В целом запланированное время занятий в рамках формирующего педагогического эксперимента в ЭГ и КГ было идентичным: на общую и специальную физическую подготовку отводилось 17 % времени каждого занятия. Отличие заключалось в том, что образовательный процесс в КГ осуществлялся только на лыжах и характеризовался технической подготовкой с использованием традиционных подводящих и подготовительных упражнений для освоения техники передвижения [8], [9].

В четвертом семестре с участием будущих учителей ЭГ и КГ проведены занятия по ЛП *на лыжах* (24 учебных часа – 12 занятий).

В указанных учебных семестрах до и после их окончания в ЭГ и КГ регистрировались показатели ФП занимающихся.

Воспитание физических качеств и обучение технике передвижения на лыжах осуществляются систематическим выполнением физических упражнений. Целесообразно для оценки двигательных способностей использовать средства, применяемые для их развития. Для определения ФП лыжников разработано и применяется большое число разнообразных тестов [5, 116–127], [10, 110–120]. В их число входит контроль за:

- функциональной подготовленностью сердечно-сосудистой системы и двигательного аппарата (характеризует уровень специальной выносливости);
- силовыми способностями;
- специальной подготовленностью (характеризует уровень развития двигательных способностей в условиях, специфичных для лыжников);
- двигательными способностями, среди которых особенно существенна оценка координационных способностей.

Ученые акцентируют внимание на том, что тесты по ФП должны характеризовать физические возможности занимающихся, иметь высокую валидность и надежность, состоять из минимального количества простых для выполнения и не требующих сложного оборудования тестовых упражнений, по своей направленности охватывающих наибольшее число физиологических систем, мышечных групп, для которых может быть обеспечена высокая степень регламентации и точность измерения результатов, представлять лицам с различными морфофункциональными особенностями относительно равные условия [11], [12]. Большинство тестов предназначено для контроля за двигательными способностями и технической подготовленностью [11], [13].

При выборе тестов для оценки ФП будущих учителей начальных классов мы руководствовались степенью их информативности об уровне развития двигательных способностей. Исследователи рекомендуют для оценки двигательных способностей студентов использовать следующие тесты для определения:

- скоростно-силовых способностей мышц ног – прыжок в длину с места;
- силы мышц туловища – поднятие туловища из исходного положения: лежа на спине, руки за головой;
- силы мышц плечевого пояса и рук – подтягивание на низкой перекладине из исходного положения – вис лежа. Установлено, что корреляционной взаимосвязи между этими тремя силовыми тестами не существует [14, 20].

С учетом вышеизложенного избранные упражнения, предлагаемые в качестве контрольных, входили в учебные программы по физической культуре для студентов учреждений высшего образования [15], [16] и положение о Государственном физкультурно-оздоровительном комплексе [17].

Комплекс тестов по ФП состоял из оценки:

- дальности прыжка в длину с места (см);
- количества подтягиваний на низкой перекладине высотой 90 см;
- количества подъемов туловища из исходного положения – лежа на спине, руки за головой, ноги согнуты в коленных суставах под прямым углом, партнер удерживает ноги за голеностопный сустав;
- длины наклона вперед из положения сидя (см);
- времени выполнения «челночного» бега 4x9 м (с);
- времени выполнения бега на 30 м (с).

Контрольно-педагогическое тестирование проводилось в спортивном зале Гродненского государственного университета имени Янки Купалы с 10⁰⁰ до 12⁰⁰ после стандартной разминки, состоящей из упражнений, обеспечивающих максимальное проявление занимающимися двигательных возможностей. В первый день испытуемые выполняли прыжок в длину с места, подтягивание на низкой перекладине и бег на 30 м, а во второй – «челночный» бег 4x9 м, поднимание туловища и наклон вперед.

Полученные количественные данные оценивались при помощи критерия значимости различий по Стьюденту (t), F-критерия Фишера для проверки нормальности распределения для средних выборок. Различия при использовании параметрических критериев считались статистически достоверными при уровне значимости с $p < 0,05$. Данные обрабатывались с помощью прикладной программы R version 3.0.2

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенный перед формирующим педагогическим экспериментом (*на диагностическом этапе*) педагогический контроль за ФП будущих учителей, включенных в состав ЭГ и КГ, не выявил достоверных различий между среднегрупповыми показателями по всем предложенным тестам ($p > 0,05$) (таблица 1), что указывает на относительную однородность групп.

Таблица 1. – Сравнение показателей физической подготовленности в экспериментальной и контрольной группах до начала экспериментальной работы

Контрольные тесты	Среднегрупповой результат		t	p
	M±σ (ЭГ)	M±σ (КГ)		
Подтягивание в висе лежа, к/раз	8,8±2,1	9,3±1,6	1,2	>0,05
Поднимание туловища, к/раз	32,7±5,9	33,1±4,2	0,4	>0,05
Прыжок в длину с места, см	172,0±10,1	173,4±8,0	0,7	>0,05
Наклон вперед, см	12,2±2,7	12,4±2,2	0,5	>0,05
Челночный бег 4x9 м, с	10,9±0,5	10,8±0,3	0,1	>0,05
Бег 30 м, с	5,71±0,4	5,58±0,4	1,5	>0,05

Методика проведения занятий по ЛП у будущих учителей начальных классов ЭГ и КГ во время исследования позитивно сказалась на результатах ФП в рамках второго, третьего и четвертого учебных семестров. Однако эти семестровые изменения носили недостоверный характер по всем показателям ($p > 0,05$). Анализ изменений показателей ФП, произошедших у будущих учителей ЭГ и КГ после завершения второго и перед началом третьего учебного семестра, а также после завершения третьего и перед началом четвертого учебного семестра достоверных различий не установил ($p > 0,05$), несмотря на наличие их позитивного прироста по абсолютной величине. В связи с вышеизложенным мы считаем целесообразным рассмотреть среднегрупповые показатели ФП у будущих учителей начальных классов ЭГ и КГ в более широком временном аспекте: от начала исследования M±σ (А) (начало второго семестра) и до его завершения M±σ (Б) (окончание четвертого семестра) (таблица 2).

Таблица 2. – Изменение показателей физической подготовленности в экспериментальной и контрольной группах за период исследования

Контрольные тесты	Группы	Среднегрупповой результат		Разница в %	t	p
		М±σ (А)	М±σ (Б)			
Подтягивание в висе лежа, к/раз	ЭГ	8,8±2,1	10,0±2,3	13,6	2,6	<0,05
	КГ	9,3±1,6	10,1±1,2	8,6	2,5	<0,05
Поднимание туловища, к/раз	ЭГ	32,7±5,9	35,8±5,1	9,5	2,5	<0,05
	КГ	33,1±4,2	35,3±3,5	6,6	2,6	<0,05
Прыжок в длину с места, см	ЭГ	172,0±10,1	175,6±10,6	2,1	1,5	>0,05
	КГ	173,4±8,0	176,1±7,4	1,6	1,7	>0,05
Наклон вперед, см	ЭГ	12,2±2,7	13,1±2,0	7,4	1,7	>0,05
	КГ	12,4±2,2	13,2±2,2	6,5	1,6	>0,05
Челночный бег 4х9 м, с	ЭГ	10,9±0,5	10,7±0,5	2,0	1,8	>0,05
	КГ	10,8±0,3	10,7±0,3	1,2	1,8	>0,05
Бег 30 м, с	ЭГ	5,58±0,4	5,51±0,8	1,8	0,5	>0,05
	КГ	5,58±0,4	5,51±0,8	1,8	0,5	>0,05

Предметный анализ каждого из показателей ФП указывает на то, что за период исследования у занимающихся ЭГ и КГ достоверно возросли результаты в подтягивании из виса лежа. В ЭГ данный параметр изменился на 13,6 % (с 8,8±2,1 раз до 10,0±2,3 раз, p<0,05), а в КГ на 8,6 % (с 9,3±1,6 раз до 10,1±1,2 раз, p<0,05). Согласно нормативным показателям комплексной базовой учебной программы по физической культуре для высших учебных заведений [15, 26], показатель развития мышц плечевого пояса и рук у будущих учителей начальных классов положительно изменился с отметки «два» до «трех» баллов.

Результат в поднимании туловища из положения лежа на спине в ЭГ улучшился на 9,5 % (с 32,7±5,9 раз до 35,8±5,1 раз, p<0,05), а в КГ на 6,6 % (с 33,1±4,2 раз до 35,3±3,5 раз, p<0,05). Показатель развития мышц туловища, по действующим нормативным показателям для студенток, оценивается в «три» балла [16, 45].

Прирост показателей, характеризующих силовые способности, был обусловлен применением упражнений силовой направленности, входящих в содержание способов передвижения на лыжах, и выполнением учебных заданий, предлагаемых занимающимся ЭГ в рамках экспериментальных комплексов упражнений. Двигательные действия на лыжах явились неспецифической для женского организма тренировочной нагрузкой, вызвавшей его положительную адаптационную реакцию.

Положительная динамика наблюдалась в показателях прыжка в длину с места: в ЭГ на 2,1 % (с 172,0±10,1 см до 175,6±10,6 см, p>0,05), а в КГ на 1,6 % (с 173,4±8,0 см до 176,1±7,4 см, p>0,05). Такой уровень развития скоростно-силовых способностей по действующим нормативным показателям для студенток оценивается в «шесть» баллов [16, 45].

Результат в наклоне вперед из положения сидя в ЭГ улучшился на 7,4 % (с 12,2±2,7 см до 13,1±2,0 см, p>0,05), а в КГ на 6,5 % (с 12,4±2,2 см до 13,2±2,2 см, p>0,05). Уровень развития гибкости оценивается в «пять» баллов [16, 45].

За период исследования у представителей ЭГ и КГ наблюдалась положительная, но не существенная динамика результатов в челночном беге 4х9 м, характеризующем координационные способности. В ЭГ данный параметр изменился на 2,0 % (с 10,9±0,5 с до 10,7±0,5 с, p>0,05), а в КГ на 1,2 % (с 10,8±0,3 с до 10,7±0,3 с, p>0,05). Уровень развития координационных способностей оценивается в «пять» баллов [17, 35].

По показателю ФП, характеризующему скоростные способности (бег 30 м), в рассматриваемых группах за анализируемый период динамика была несущественной.

Выводы

Разработанная методика повышения физической подготовленности будущих учителей начальных классов при занятиях лыжной подготовкой, составными элементами которой выступали имитационные упражнения для формирования техники лыжных ходов и подготовительные упражнения для развития двигательных способностей, обеспечивающих

рациональное овладение этой техникой, выполняемые в спортивном зале с чередованием занятий на лыжах, обеспечила подготовленность их организма к профессиональной деятельности в области физического воспитания.

Полученные результаты исследования могут быть использованы преподавателями учреждений высшего образования в учебном процессе по физической культуре с будущими учителями начальных классов и студентами других педагогических специальностей.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Образовательный стандарт по специальности 1-01 02 01 «Начальное образование»: постановление М-ва обр. Респ. Беларусь, 30 авг. 2013 г., № 87 – Минск : РИВШ, 2013. – 27 с.
2. Физическая культура и здоровье (I–IV классы) : учебная программа // Учебные программы для учреждений общего среднего образования с русским языком обучения. – Минск : НИО, 2012. – С. 198–239.
3. Бойко, В. В. Целенаправленное развитие двигательных способностей человека / В. В. Бойко. – М. : Физкультура и спорт, 1987. – 144 с.
4. Тер-Ованесян. Педагогические основы физического воспитания / Тер-Ованесян. – М. : Физкультура и спорт, 1978. – 206 с.
5. Лыжный спорт : учебник для ин-тов и техникумов физ. культуры / Ю. А. Абрамов [и др.] ; под общ. ред. В. Д. Евстратова, Г. Б. Чукардина, Б. И. Сергеева. – М. : Физкультура и спорт, 1989. – 319 с.
6. Сак, Ю. В. Методика формирования техники передвижения на лыжах у будущих учителей начальных классов / Ю. В. Сак // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2015. – № 1. – С. 109–115.
7. Донской, Д. Д. Техника лыжника-гонщика (техническое мастерство) / Д. Д. Донской, Х. Х. Гросс. – М. : Физкультура и спорт, 1971. – 136 с.
8. Пальчевский, В. Н. Лыжный спорт (общий курс) : учеб. пособие для студ. акад. физ. воспит. и спорта, ф-тов физ. воспит. вузов, уч-ся ТФК и УОР / В. Н. Пальчевский. – Минск : Полицвет, 1997. – 99 с.
9. Лыжные гонки. Теория и методика обучения в лыжных гонках : учеб. пособие / Н. А. Демко [и др.] ; под ред. Н. А. Демко. – Изд. 3-е., стер. – Минск : БГУФК, 2012. – 298 с.
10. Шапошникова, В. И. Многолетняя подготовка юных лыжников-гонщиков / В. И. Шапошникова. – М. : Физкультура и спорт, 1967. – 135 с.
11. Благущ, П. К. К теории тестирования двигательных способностей (сокр. перевод с чешского) / П. К. Благущ. – М. : Физкультура и спорт, 1982. – 165 с.
12. Кряж, В. Н. Методика тестирования физической подготовленности учащихся / В. Н. Кряж // Вестник спортивной Беларуси. – 1994. – № 1. – С. 42–45.
13. Спортивная метрология : учебник для ин-тов физ. культуры / под ред. В. М. Зациорского. – М. : Физкультура и спорт, 1982. – 256 с.
14. Желобкович, М. П. Дифференцированный и индивидуальный подходы к построению и организации физического воспитания студенческой молодежи : учеб. пособие / М. П. Желобкович, Т. А. Глазко, Р. И. Купчинов. – Минск : ЗАО «Армита-Маркетинг, Менеджмент», 1997. – 112 с.
15. Физическая культура : комплексная базовая учебная программа для высших учеб. заведений Респ. Беларусь / сост.: С. В. Макаревич [и др.]. – Минск : БГУ, 2000. – 30 с.
16. Физическая культура : типовая учебная программа для высших учеб. заведений / сост.: В. А. Коледа [и др.] ; под ред. В. А. Коледы. – Минск : РИВШ, 2008. – 60 с.
17. Положение о Государственном физкультурно-оздоровительном комплексе Республики Беларусь : постановление Мин-ва спорта и туризма Респ. Беларусь, 24 июля 2008 г., № 17. – Минск, 2008. – 49 с.

Поступила в редакцию 29.11.16

E-mail: u.sak@grsu.by

U. Sak

DEVELOPMENT OF PHYSICAL TRAINING OF FUTURE ELEMENTARY SCHOOL TEACHERS BASED ON SKI TRAINING CLASSES

The article tells about the influence of the innovation approach how to carry out a ski training class upon the physical training of the students whose specialty profession is “Elementary school teacher” 1-01 02 01. The approach is based on carrying out practical classes consisting of two parts interconnected on the didactic level. The first part (with no skis) is devoted to problem solving when forming motor skills using imitation exercises interrelated with the basic lesson tasks when teaching ski techniques. The second part is directed to special problem solving tasks while skiing. Essential positive changes in future elementary school teachers shoulder girdle and arms muscles abilities have been found as well as muscles strength endurance.

Keywords: physical education, future teachers, elementary school, ski training, physical training, motor skills.

УДК 796.011.2:316.628.2:796

В. Н. Старченко¹, А. Н. Метелица²¹Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики физической культуры, ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель, Республика Беларусь²Аспирант кафедры теории и методики физической культуры, ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель, Республика Беларусь**СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЦЕЛЕВОЙ ПОТРЕБНОСТНО-МОТИВАЦИОННО-ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕКА И МЕТОДИКА ЕЁ ДИАГНОСТИКИ**

В статье представлена структурно-функциональная модель потребностей человека, индуцированных потребностью в двигательной деятельности. Раскрыта структура и содержание потребности в телесности. Выявлено значение биогенного, социогенного и культурогенного факторов, определяющих структуру потребности человека в телесности. Представлена уточненная модель потребностно-мотивационно-ценностной сферы физической культуры человека. Разработана методика диагностики уровня сформированности потребностно-мотивационно-ценностной сферы физической культуры человека.

Ключевые слова: потребность в движении, телесность, потребность в телесности, двигательная деятельность, эстетика тела, модель, потребностно-мотивационно-ценностная сфера, диагностика.

Введение

Потребность в движении (двигательной деятельности) является фундаментальной потребностью человека, удовлетворение которой является необходимым условием его физического развития и существования. Потребность в движении удовлетворяется двигательной активностью человека в форме той или иной деятельности. Степень выраженности потребности в движении у людей индивидуальна и зависит от целого ряда факторов. Как отмечает Е. П. Ильин, потребность в движении обусловлена биологическими и социальными факторами [1].

Потребность в движении (двигательной деятельности) находится в тесной связи с другими потребностями человека, так как только благодаря совершению движений возможно их удовлетворение. Средством реализации потребности в движении является тело человека. При этом непосредственным исполнителем функции движения является двигательный аппарат, состоящий из костей скелета, связок и мышц.

Несмотря на очевидную значимость потребности в телесности в составе потребностей человека, её структура и содержание не получили должного научного изучения. Осталась без внимания и проблема диагностики уровня актуализации потребности в телесности.

Целью нашего исследования стало уточнение структурно-содержательной модели целевой потребностно-мотивационно-ценностной сферы (ПМЦС) физической культуры человека путем включения в нее потребности в телесности. А одной из задач исследования стала разработка на основе уточненной модели ПМЦС методики её диагностики.

Результаты исследования и их обсуждение

Представляет интерес определение «телесности», данное И. М. Быховской. Она обосновывает ее как «преобразованное под влиянием социальных и культурных факторов тело человека, обладающее социокультурными значениями и смыслами и выполняющее определенные социокультурные функции» [2]. Очевидно, что центральным для понятия «телесность» является понятие «тело».

В нашей работе мы определяем телесность как соматическую компоненту человека, рассматриваемую не только в контексте ее двигательной функции, но и в контексте ее социального значения. В контексте рассмотрения телесности как инструмента (средства) двигательной деятельности она может быть описана антропометрическими характеристиками и

двигательными возможностями тела, а в социальном контексте – характеристиками эстетическими и социально-статусными.

Тело человека как исполнительный компонент двигательной деятельности представляет собой опорно-двигательный аппарат, основными элементами которого являются кости, мышцы и сухожилия, придающие телу форму и обеспечивающие его движения. Телесность характеризуется и антропометрическими показателями (ростом, весом, объемами частей тела, осанкой, пропорциональностью развития тела и его частей).

Следует отметить, что телесность имеет также эстетическое значение. Эстетика тела определяется не только его формой, но и красотой движения. Эталоны телесной красоты человека достаточно изменчивы, зависимы от многих факторов, но прежде всего от социокультурных традиций общества. Эстетические и социально-статусные эталоны весьма изменчивы в культурно-историческом аспекте.

В связи с необходимостью использования человеком своего тела в качестве инструмента двигательной (физкультурной) деятельности телесность является также и его потребностью. В соответствии с теоретической моделью потребностно-мотивационно-ценностной сферы (ПМЦС) физической культуры человека, разработанной В. Н. Старченко, к целевым физкультурным потребностям автор относит потребность в физкультурной деятельности, в физкультурных знаниях, в физкультурном мышлении, в физической подготовленности, в двигательных умениях и навыках и физкультурной среде [3], [4]. В данной модели потребность в телесности присутствует «по умолчанию», однако нам представляется необходимым дополнить модель потребностью в телесности в явном виде (рисунок 1).

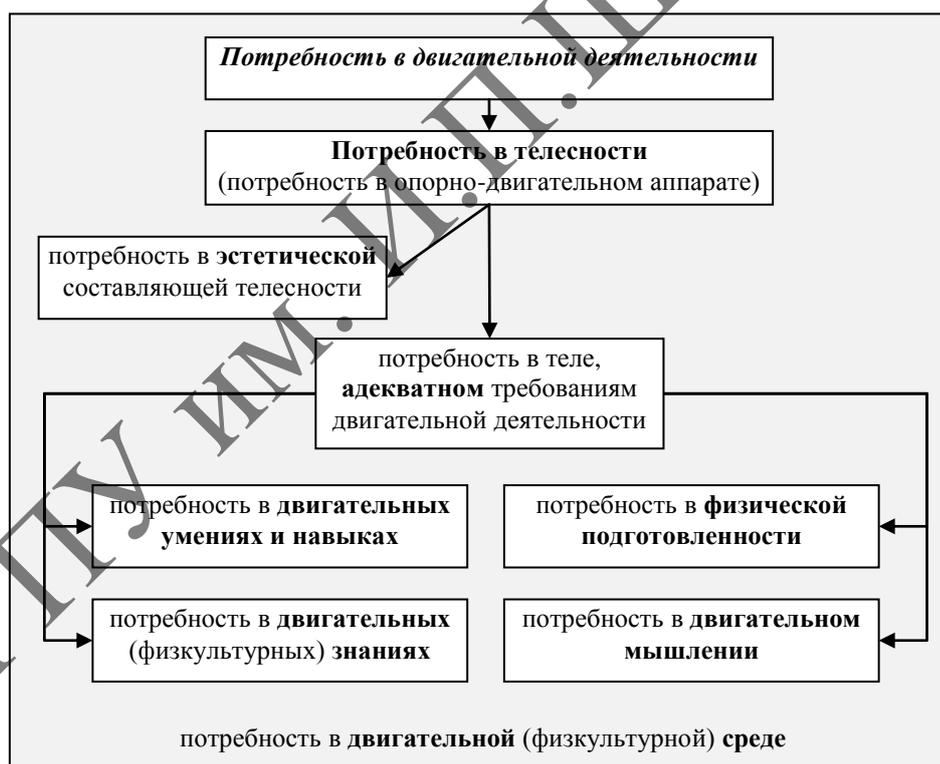

Рисунок 1. – Структурно-функциональная модель потребностей человека, индуцированных потребностью в двигательной деятельности

Из модели следует, что потребность в адекватной двигательной деятельности индуцирует потребность в опорно-двигательном аппарате (потребность в телесности). В свою очередь, потребность в телесности актуализирует потребность в теле, адекватном условиям двигательной деятельности, что, в свою очередь, обуславливает потребность в двигательных умениях и навыках и потребность в физической подготовленности, а также потребность в физкультурных знаниях

и физкультурном мышлении. В то же время потребность в телесности определяет потребность в эстетической составляющей телесности, что обусловлено социальной природой человека и человеческой деятельности. Поскольку существование и удовлетворение указанных потребностей возможно только в соответствующей двигательной (физкультурной) среде, то потребность в адекватной двигательной деятельности по необходимости индуцирует также потребность в соответствующей физкультурной среде.

Телесность, являясь потребностью человека, также является и ценностью. Ценностное отношение человека к своему телу преимущественно определяется степенью его адекватности требованиям двигательной деятельности. Здоровое, физически развитое тело, без физических недостатков, является необходимым условием осуществления человеком эффективной двигательной деятельности. Причём, ценность представляют такие параметры телесности человека, которые являются наиболее значимыми в осуществляемой деятельности.

Исходя из представленных выше характеристик телесности, рассмотрим структуру этой потребности и факторы, на неё влияющие, более подробно. В структурном отношении потребность в телесности состоит из двух компонентов: потребности в эстетической составляющей тела и потребности в теле, адекватном требованиям двигательной деятельности (рисунок 2).

Рисунок 2. – Структура потребности человека в телесности

Потребность в опорно-двигательном аппарате индуцируется биогенным фактором, связанным с тем, что человеку для того, чтобы осуществлять двигательную деятельность, необходимо тело, являющееся средством движения.

Потребность в эстетической составляющей телесности порождается преимущественно социогенным фактором. При этом эстетическая составляющая телесности характеризуется не только особенностями формы тела, но и красотой движений и поз. Эстетические характеристики телесности непосредственно связаны с антропометрическими, являясь их качественными оценками с позиций представлений человека о красоте. Возможность посредством физических упражнений улучшить свою телесность является одним из сильнейших побуждающих факторов, позволяющих включать различные группы населения в физкультурно-спортивную деятельность.

Оказывать влияние на телесность человека можно с помощью различных видов двигательной деятельности. Большими возможностями в изменении телесности человека располагают различные направления физической культуры и спорта. Исследования авторов, изучающих мотивацию занимающихся физкультурно-спортивной деятельностью, также подтверждают, что из всех мотивов, большую побуждающую силу имеют мотивы, связанные с возможностью посредством выполнения физических упражнений улучшить свою телесность [5], [6]. При этом А. К. Верховцев в результате своего исследования установил, что для женщин мотивы, связанные с улучшением и коррекцией своей телесности, более актуальны, чем для мужчин [6].

У занимающихся физкультурно-спортивной деятельностью потребность в телесности может быть конкретизирована в разнообразных мотивах. Например, потребность в телесности может быть опредмечена такими мотивами, как: желание иметь тело, адекватное требованиям двигательной деятельности, желание иметь эстетически привлекательное тело, желание, чтобы

тело соответствовало физкультурному идеалу: желание уменьшить (увеличить) вес, желание поддерживать своё тело в хорошей физической форме и т.д.

Потребность в теле, адекватном требованиям двигательной деятельности, индуцируется культурогенным фактором. Исторически так сложилось, что основной формой существования человека являются разнообразные виды деятельности. Человеческая деятельность осуществляется посредством культуры, которая может быть представлена как совокупность способов деятельности. Человек буквально формируется, существует и утилизируется в социокультурной среде, им же и создаваемой. При этом как сама деятельность приспособливает под свои условия тело человека, так и особенности телесности человека обуславливают саму деятельность. Человеческая культура, развиваясь, предъявляет все новые и новые требования к телесности человека, изменяя способы его деятельности. Естественным образом возникает необходимость в изменении содержания двигательных умений и навыков, физической подготовленности, знаний и двигательного мышления человека.

Способность человека осуществлять с необходимыми параметрами двигательную деятельность во многом зависит от биогенного компонента телесности. Здоровое, физически развитое тело, способно выполнять двигательную деятельность с большей эффективностью, чем тело больное, имеющее различные физические недостатки.

Адекватность тела требованиям двигательной деятельности определяется также способностью человека управлять своим телом при выполнении различных движений, проявляя силу, быстроту, точность, выносливость и координированность движений.

Исследования подтверждают взаимосвязь антропометрических показателей тела с результатами осуществляемой человеком двигательной деятельности, проявлением физических качеств и двигательных способностей [7]. Также выявлено влияние массы тела и роста на уровень работоспособности человека и уровень его самооценки [8]. В этом плане интересно исследование Н. В. Ероховой, определившей, что одним из ведущих факторов, влияющих на проявление у студентов физических качеств и двигательных возможностей, является тип телосложения. Так, например, для студентов нормостенического типа конституции ведущими физическими качествами оказались скоростно-силовые и выносливость, для астенического типа – быстрота и координационные способности, для гиперстенического типа – сила [9]. Учёт типологических особенностей занимающихся в процессе их физического воспитания позволяет соотносить нормативные требования программы учебного заведения в двигательных тестах с потенциальными возможностями представителей разных типологических групп.

Уточняя структуру и содержание модели ПМЦС физической культуры, разработанной В. Н. Старченко, путем включения в нее потребности в телесности, соответствующих ей мотивов и ценностей, мы разработали новый вариант структурно-содержательной модели ПМЦС физической культуры человека (таблица).

В таблице приведены целевые физкультурные потребности, некоторые соответствующие им физкультурные мотивы и физкультурные ценности.

Таблица – Структурно-содержательная модель целевой ПМЦС физической культуры человека

№	Физкультурные потребности	Физкультурные мотивы	Физкультурные ценности
1	Потребность в физкультурной деятельности	Желание быть физически культурным	Физкультурная деятельность
		Желание соответствовать идеалу физически совершенной личности	
		Желание быть адекватным в двигательном отношении требованиям жизни, учёбы, профессии	
2	Потребность в двигательных умениях и навыках	Желание выполнять различные (в том числе жизненно необходимые) двигательные действия	Двигательные умения и навыки
		Желание научиться распространённым и популярным физическим упражнениям	
		Желание выполнять физические упражнения технически правильно и красиво	

Продолжение таблицы

3	Потребность в физической подготовленности	Желание быть сильным, выносливым, быстрым, ловким, гибким...	Физическая подготовленность
		Желание быть самым сильным, выносливым, быстрым, ловким, гибким...	
		Желание выполнять некоторые физические или соревновательные упражнения лучше (интенсивнее) других	
4	Потребность в физкультурных знаниях	Желание знать ответы на вопросы, связанные с теорией и практикой физической культуры, её историей	Физкультурные знания
		Желание самому управлять своим (или чужим) физическим развитием и физическим совершенствованием	
		Желание овладеть физкультурной грамотностью	
5	Потребность в физкультурном мышлении	Желание понимать и уметь анализировать знаковые системы физкультурного пространства	Физкультурное мышление
		Желание заниматься научно-исследовательской деятельностью в области физической культуры	
		Желание овладеть логикой физкультурного мышления и деятельности, стать теоретиком физической культуры	
6	Потребность в физкультурной среде	Желание пользоваться спортивными сооружениями	Физкультурная среда
		Желание обладать спортивной формой и атрибутикой (вымпелами, значками, медалями...)	
		Желание общаться (в том числе играть и соревноваться) с другими физкультурниками и спортсменами	
		Желание получать и передавать информацию о событиях в физкультурно-спортивном пространстве	
		Желание чувствовать причастность к физкультурной группе, команде, коллективу	
		Желание получать удовольствие от движений	
7	Потребность в телесности	Желание иметь тело, адекватное требованиям двигательной деятельности	Телесность
		Желание иметь эстетически привлекательное тело	
		Желание иметь здоровое тело	

На основе представленной модели ПМЦС физической культуры человека мы разработали методику диагностики, направленную на определение степени актуализации физкультурных потребностей человека.

Бланк диагностической анкеты представлен на рисунке 3. Анкета в соответствии с целевой структурой ПМЦС сферы физической культуры человека состоит из 21 вопроса и четырёх вариантов ответов (никогда, иногда, часто и всегда). Причём каждая физкультурная потребность представлена в анкете тремя вопросами. За каждым из вопросов скрывается один из аспектов проявления данной потребности. При этом вопросы 1-3 направлены на определение степени актуализации потребности в физкультурной деятельности, 4-6 – в физкультурных знаниях, 7-9 – в физкультурном мышлении, 10-12 – в двигательных умениях и навыках, 13-15 в физической подготовленности, 16-18 – в физкультурной среде, 19-21 – в телесности.

Респондент после внимательного прочтения каждого вопроса должен выбрать один из четырёх предложенных вариантов ответов по шкале (никогда, иногда, часто и всегда). При этом:

– ответ «никогда» означает отсутствие значимости проявления данной потребности для респондента;

- ответ «иногда» означает низкую значимость проявления данной потребности;
- ответ «часто» означает среднюю значимость проявления данной потребности;
- ответ «всегда» означает высокую значимость проявления данной потребности.

Ответам приписываются следующие числовые значения:

- ответу «никогда» приписывается значение «0»;
- ответу «иногда» приписывается значение «1»;
- ответу «часто» приписывается значение «2»;
- ответу «всегда» приписывается значение «3».

№	Честно и взвешенно ответьте на предложенные вам вопросы. В графе «Ответы» выберите из предложенных вариантов (никогда, иногда, часто, всегда) тот, который наиболее Вам подходит и напротив каждого вопроса под выбранным вариантом ответа поставьте знак (V).	Ответы			
		Никогда	Иногда	Часто	Всегда
1	Тебе нравится посещать уроки физической культуры в школе?				
2	В свободное время ты выполняешь самостоятельно физические упражнения?				
3	Ты посещаешь какую-либо спортивную секцию?				
4	Ты задаёшь вопросы учителю физкультуры, тренеру или себе, как правильно заниматься физической культурой или спортом?				
5	Ты желаешь получать новую информацию об открытиях в физкультурной или спортивной деятельности?				
6	Ты читаешь книги или смотришь учебные фильмы о физической культуре и спорте?				
7	У тебя возникает желание научиться разбираться в вопросах теории физкультуры и стать специалистом в области физической культуры и спорта?				
8	Ты задумываешься о сути того, что ты делаешь на уроках физической культуры и здоровья или в спортивной секции?				
9	Ты пытаешься самостоятельно подобрать упражнения, выполняя которые ты сможешь стать сильнее, выносливее, быстрее?				
10	Ты огорчаешься, если у тебя не получается технически правильно выполнять гимнастические упражнения?				
11	Возникает ли у тебя желание овладеть техникой физических упражнений лучше всех?				
12	Хотел бы ты освоить технику новых для тебя физических упражнений?				
13	Ты желаешь стать более сильным, выносливым, быстрым?				
14	Тебя огорчают ситуации, в которых ты оказываешься недостаточно сильным, выносливым, быстрым?				
15	Ты расстраиваешься, если оказывается, что твои товарищи быстрее тебя бегают, дальше прыгают, больше раз способны подтянуться и пр.?				
16	Ты испытываешь необходимость в посещении спортивных сооружений (бассейна, стадиона, спортзала, спортивной площадки и др.)?				
17	Ты нуждаешься в спортивном инвентаре (велосипеде, коньках, мяче, боксёрской груше, турнике или в чём-либо другом)?				
18	Тебе нравится выполнять физические упражнения?				
19	Ты следишь за своим весом, ростом или другими параметрами тела?				
20	Стремись ли ты иметь красивое, гармонично развитое тело?				
21	Ты желаешь иметь физически крепкое, пригодное для труда и жизнедеятельности тело?				

Рисунок 3. – Бланк анкеты для определения степени актуализации физкультурных потребностей

Методика качественной интерпретации результатов анкетирования следующая. Каждая из семи физкультурных потребностей считается проявленной (актуализированной) в случае, если у респондента медиана ответов оказалась выше нуля (больше, чем «никогда»). Соответственно каждая из семи физкультурных потребностей считается не проявленной (неактуализированной) в случае, если медиана ответов оказалась равной нулю (равной «никогда»).

Адекватной статистической характеристикой центральной тенденции выборки при использовании ранговой шкалы измерения является медиана (Me). Медиана полученных результатов анкетирования вычисляется следующим образом: полученные числовые значения ранжируются, а затем определяется центральный элемент упорядоченной выборки. Отсюда метрологически корректная схема количественной интерпретации и оценки результатов нашего теста должна быть следующей:

- медиана ответов на вопросы 1-3 показывает степень актуализации потребности 1;
- медиана ответов на вопросы 4-6 показывает степень актуализации потребности 2;
- медиана ответов на вопросы 7-9 показывает степень актуализации потребности 3;
- медиана ответов на вопросы 10-12 показывает степень актуализации потребности 4;
- медиана ответов на вопросы 13-15 показывает степень актуализации потребности 5;
- медиана ответов на вопросы 16-18 показывает степень актуализации потребности 6;
- медиана ответов на вопросы 19-21 показывает степень актуализации потребности 7.

Полученные медианы степени актуализации физкультурных потребностей могут сравниваться между собой, что даёт возможность определить более актуализированные потребности и, соответственно, менее актуализованные.

При этом, если медиана ответов по трём вопросам каждой потребности оказалась равной «0», то это означает, что данная потребность у респондента не актуализирована, «1» – означает низкую степень актуализации данной потребности, «2» – означает среднюю степень актуализации данной потребности, «3» – означает высокую степень актуализации данной потребности.

Медиана уровней актуализации каждой из семи целевых потребностей позволяет определить итоговый уровень актуализации у респондента всей ПМЦ сферы физической культуры. Итоговый уровень актуализации ПМЦ сферы физической культуры может быть интерпретирован следующим образом:

Если медиана значений уровней актуализации всех целевых физкультурных потребностей оказалась на низком уровне, то уровень сформированности ПМЦ сферы физической культуры определяется как низкий.

Если медиана значений уровней актуализации всех целевых физкультурных потребностей оказалась на среднем уровне, то уровень сформированности ПМЦ сферы физической культуры определяется как средний.

Если медиана значений уровней актуализации всех целевых физкультурных потребностей оказалась на высоком уровне, то уровень сформированности ПМЦ сферы физической культуры определяется как высокий.

Выводы

1. Потребность в телесности непосредственно индуцируется потребностью человека в двигательной деятельности.

2. В структурном отношении потребность в телесности состоит из двух компонентов: потребности в эстетической составляющей тела и потребности в теле, адекватном требованиям двигательной деятельности.

3. Потребность в опорно-двигательном аппарате индуцируется биогенным фактором, связанным с тем, что человеку для того, чтобы осуществлять двигательную деятельность, необходимо тело, являющееся средством движения. Потребность в эстетической составляющей телесности порождается преимущественно социогенным фактором. Потребность в теле, адекватном требованиям двигательной деятельности, индуцируется культурогенным фактором.

4. Целевая ПМЦ сфера физической культуры человека включает в себя: потребность в физкультурной деятельности, потребность в физкультурных знаниях, потребность в физкультурном мышлении, потребность в физической подготовленности, потребность в двигательных умениях и навыках, потребность в физкультурной среде и потребность в телесности.

5. Представленная в статье методика диагностики ПМЦ сферы физической культуры может быть использована в практической деятельности физкультурно-спортивных педагогов в

качестве средства контроля над состоянием и динамикой ПМЦ физической культуры занимающихся в процессе их физического воспитания. Кроме того, упомянутая методика диагностики предлагается нами к использованию в качестве компонента педагогической технологии, направленной на формирование ПМЦ сферы физической культуры учащихся.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ильин, Е. П. Психология физического воспитания : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. / Е. П. Ильин. – М. : Просвещение, 1987. – 287 с.
2. Быховская, И. М. «Номо somatikos»: аксиология человеческого тела / И. М. Быховская. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 208 с.
3. Старченко, В. Н. Структура и содержание потребностно-мотивационной и ценностной сфер профессиональной культуры спортивного педагога / В. Н. Старченко // Управление развитием образования в русле акмеологии : сборник материалов междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 19-20 ноября 2009 г. : в 4 ч. / ГУО «Гомельский областной институт развития образования; редкол.: Н. В. Кухарев (отв. ред.) [и др.]. – Гомель, 2009. – Вып. 11, ч. 4. – С. 40–43.
4. Старченко, В. Н. Диагностика ПМЦ профессиональной культуры спортивного педагога / В. Н. Старченко // Актуальные вопросы научно-методической и учебно-организационной работы: инновационное управление вузом на основе системы менеджмента качества: материалы науч.-методической конф., Гомель, 11-12 марта 2010 г. : в 3 ч. / ГГУ им. Ф. Скорины ; редкол.: Семченко И. В. (отв. ред.) [и др.]. – Гомель, 2010. – Ч.3. – С. 202–206.
5. Борисевич, А. Р. Основные пути формирования мотивации учащихся молодежи к здоровому образу жизни / А. Р. Борисевич, В. И. Врублевская // Через физическую культуру и спорт к здоровому образу жизни : материалы III Международной научно-практической интернет конференции, посвящённой массовым спортивным движениям в России и в мире. – Уфа, 2015. – С. 113–117.
6. Верховцев, К. Н. Структура физкультурно-спортивных потребностей различных социально-демографических групп городского населения : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / К. Н. Верховцев. – Тюмень, 2001. – 160 л.
7. Сёмачкин, А. О. Влияние роста-весового показателя студентов СФ МЭИ на их уровень работоспособности и самооценку / А. О. Сёмачкин // Проблемы физической культуры населения, проживающего в условиях неблагоприятных факторов окружающей среды: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. – Гомель, 2009. – С. 158 – 161.
8. Моисеевская, К. А. Влияние длины стопы на физические качества студентов / К. А. Моисеевская // Проблемы физической культуры населения, проживающего в условиях неблагоприятных факторов окружающей среды: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. – Гомель, 2009. – С. 145 – 150.
9. Ерохова, Н. В. Формирование у студентов мотивационно-ценностного отношения физической культуры при индивидуально-дифференцированном подходе: дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Н. В. Ерохова. – Москва, 2011. – 121 л.

Поступила в редакцию 15.12.16

E-mail: Starch@narod.ru, metelitsa1985@mail.ru

V. N. Starchenko, A. N. Metelitsa

STRUCTURAL AND CONCEPTUAL MODEL OF TARGET NEED-MOTIVATIONAL-VALUE SPHERE OF HUMAN'S PHYSICAL CULTURE OF AND METHODOLOGY OF ITS DIAGNOSTICS

Article presents structural-functional model of human needs induced by the demand for motor activity. The structure and content of physicality needs are revealed. The value of nutrient, social and cultural factors is revealed, determining the structure of human needs in physicality. The improved model of need-motivational-value sphere of physical culture of the person is presented. The method is developed for diagnosing the level of formation of need-motivational-value sphere of physical culture of the person.

Keywords: need for movement, physicality, need for physicality, motor activity, body aesthetics, model, need-motivational-value sphere, diagnostics.

УДК 378.145; 378.147; 378.14.015.62

А. Н. Унсович¹, В. В. Климук²

¹Кандидат педагогических наук, доцент, первый проректор,
Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
г. Барановичи, Республика Беларусь

Кандидат экономических наук, проректор по научной работе,
Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
г. Барановичи, Республика Беларусь

МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В СЕТЕВОЙ ФОРМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Сетевое взаимодействие между учреждениями образования выступает механизмом реализации совместного ресурсного потенциала. Авторами представлен опыт поэтапной разработки учебного плана по образовательной программе I ступени высшего образования на основе формирования учебных модулей и использования технологии дистанционного обучения. Предложенные теоретические модели сетевого взаимодействия обуславливают рост конкурентоспособности каждого сетевого партнера за счет признания каждым из них своих преимуществ, мобилизации кадрового, материально-технического, учебно-методического, научного потенциалов. Результаты практической апробации данных моделей предполагается отразить в последующих исследованиях.

Ключевые слова: сетевое взаимодействие, образовательная программа, сетевой партнер, базовый партнер, учебный модуль, дистанционные технологии обучения.

Введение

Относительно новое явление для учреждений высшего образования Республики Беларусь – реализация образовательных программ посредством сетевой формы взаимодействия. Обусловлено это тем, что не разработаны подходы, отсутствуют четкие нормативно-правовые рекомендации, не определены теоретико-методологические основы и требования к организации образовательного процесса в сетевой форме. Сетевая форма реализации образовательных программ представляет собой освоение обучающимися образовательной программы с использованием ресурсов нескольких учреждений образования (организаций, реализующих образовательные программы высшего образования) и иных организаций, в том числе иностранных, обладающих ресурсами, необходимыми для осуществления видов образовательной деятельности, предусмотренных соответствующими образовательными стандартами [1], [2]. Основной целью такого взаимодействия является интеграция учебного, научного, кадрового, материально-технического и инновационного потенциала учреждений образования и организаций для повышения качества подготовки современных специалистов.

Цель и методы исследования

Целью настоящей статьи является разработка модели сетевого взаимодействия учреждений образования, организаций, реализующих образовательные программы высшего образования.

Информационной базой выступают учебные, научные материалы отечественных и зарубежных авторов по изучаемой проблеме, а также статистические данные за 2005–2015 гг. по показателям эффективности реализации сетевой формы обучения в Республике Беларусь и за рубежом.

Методами исследования выступают: компаративный анализ подходов к содержанию сетевого взаимодействия, статистический анализ данных по сформированной системе показателей, графический метод визуализации алгоритма процесса сетевого взаимодействия, динамики развития сетевого взаимодействия.

Новизной проведенного исследования является модель сетевого взаимодействия учреждений образования, организаций, реализующих образовательные программы высшего образования; введение в научный оборот таких новых категорий, как «сетевой партнер», «базовая сетевая организация», «сетевой модуль».

Результаты исследования и их обсуждение

Ведущими направлениями в осуществлении сетевой формы взаимодействия при реализации образовательной программы выступают: разработка порядка и условий реализации образовательных программ – договора о сетевой форме взаимодействия, учебного плана подготовки, представление содержания образовательной программы, основанного на группировании учебных предметов, учебных дисциплин в модули, модернизация форм, методов, технологий образовательного процесса, ориентированных на применение информационно-коммуникационных технологий.

Реализуя процесс обучения в сетевой форме, образовательные организации обеспечивают мобильность образовательных программ, более эффективное использование имеющихся образовательных ресурсов, расширение доступа к современным образовательным технологиям и средствам обучения, что приводит к повышению качества подготовки и конкурентоспособности специалистов и *актуализирует* направление разработки альтернативных моделей сетевого взаимодействия.

На основе мониторинга образовательных учреждений Российской Федерации, в которой в последнее 5-летие активно используются сетевые формы взаимодействия, по повышению эффективности своей деятельности 64,5% образовательных учреждений, представивших данные, осуществляют сетевое взаимодействие [3]. Это свидетельствует о том, что ресурсов только одной организации для удовлетворения растущих потребностей общества недостаточно. Данный вывод можно подтвердить и созданием в мировом образовательном пространстве международных сетей университетов (рисунок 1).

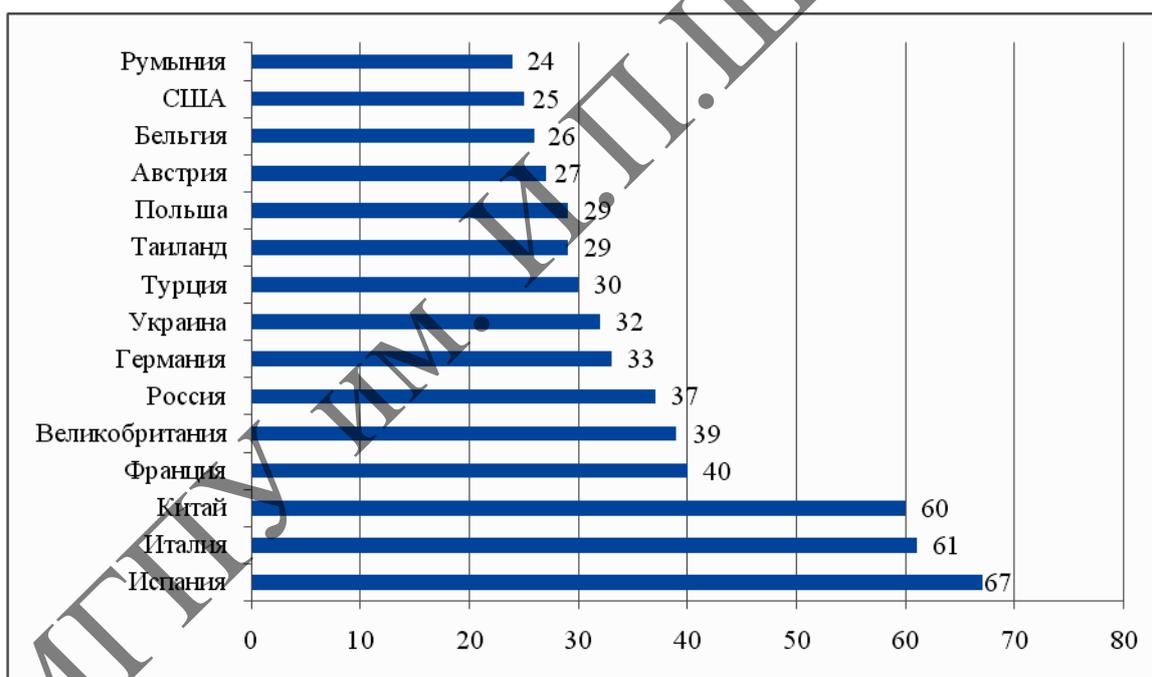

Рисунок 1. – Количество образовательных организаций, участвовавших в международном сетевом взаимодействии в 2015 г.

*Примечание – составлено авторами на основе [4]

Для описания процесса сетевого взаимодействия нами используется понятие «*базового партнера*» – организации, в которой осуществляется прием абитуриентов на обучение по образовательным программам, реализуемым в сетевой форме, и «*сетевого партнера*», представляющего собой организацию, действующую на основе заключенного договора о сетевой форме реализации образовательных программ.

Непосредственно перед началом процесса сетевого взаимодействия сетевым партнерам необходимо пройти организационно-подготовительные этапы от выбора актуальной образовательной программы до заключения договора о сетевом взаимодействии (рисунок 2).

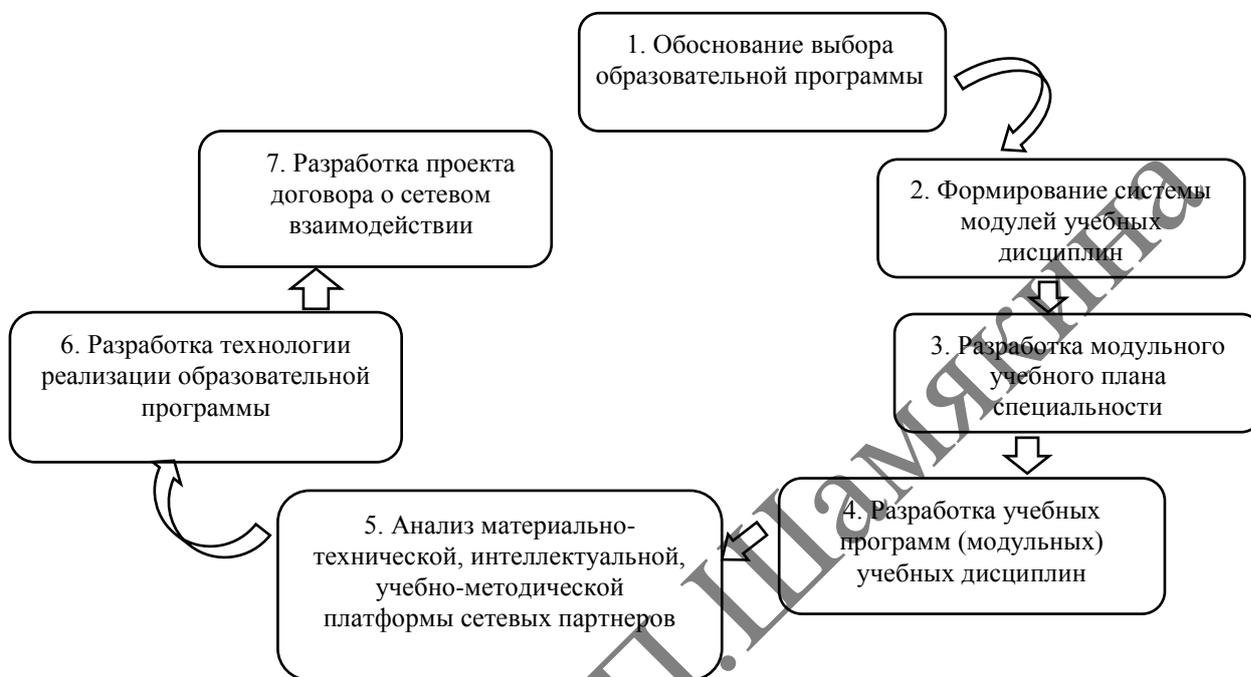

Рисунок 2. – Поэтапный процесс подготовки к сетевому взаимодействию

Начало процесса сетевого взаимодействия начинается с детального анализа текущего и прогнозного состояния рынка труда, актуальности рассматриваемых вариантов совместных (сетевых) образовательных программ. Под сетевой следует понимать образовательную программу, подготовка по которой ведется на основе заключенного договора о сетевом взаимодействии. Обоснование выбранной сетевой образовательной программы (выбранных сетевых образовательных программ) дает возможность совместной проработки подходов к формированию учебного плана подготовки для реализации образовательного процесса в сетевой форме, механизма его реализации, внедрения и сопровождения в образовательный процесс, а также организационно-правовых основ договорных обязательств.

В соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании, учебные планы являются составной частью учебно-программной документации образовательных программ высшего образования. Структура и содержание учебного плана подготовки специалистов напрямую влияют на формирование компетентностей специалистов в соответствии с образовательными стандартами по специальностям высшего образования I ступени.

При реализации образовательных программ в сетевой форме в рамках согласованного учебного плана возможны различные подходы к структурированию его содержания и реализации по отношению к сетевым партнерам, что позволяет создать условия применения альтернативных форм обучения и инновационных средств.

Ввиду экспериментального характера сетевого взаимодействия к простейшему варианту его реализации можем отнести традиционный подход к структурированию общего учебного плана по циклам дисциплин, включающим государственный компонент и компонент учреждения образования с семестровой реализацией образовательного процесса в одном из сетевых партнеров. В частности, образовательный процесс может быть организован по схеме «2 + 2»: срок обучения 4 года, обучение в каждом из сетевых партнеров в совокупности осуществляется в течение двух лет. При этом предусматриваются различные варианты определения семестра – с учетом потенциала каждого из сетевых партнеров. Подобная модель организации сетевого взаимодействия реализуется по специальности «Экономическое право» между учреждением образования «Барановичский

государственный университет», которое выступает базовым партнером и учреждением образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

При реализации сетевой образовательной программы приветствуются различные форматы взаимодействия: от традиционного обучения с размещением студентов на территории сетевого партнера для освоения обучающимися программ учебных дисциплин семестра с зачетом результатов образовательной деятельности до применения дистанционных образовательных технологий (рисунок 3).

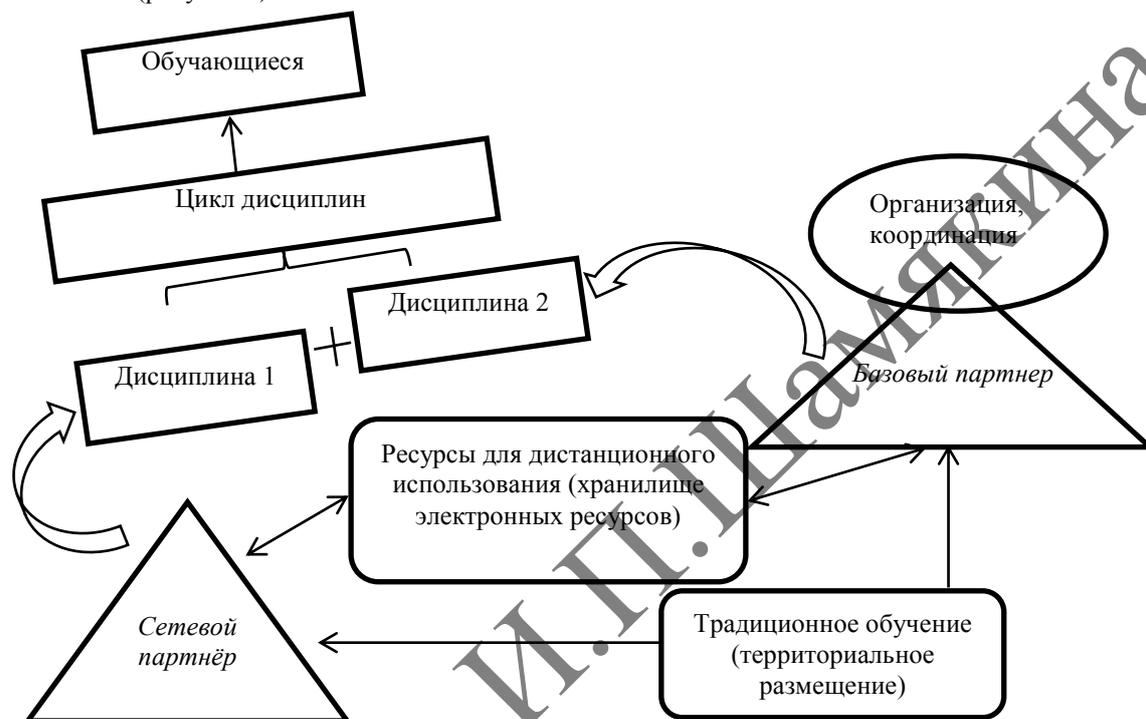

Рисунок 3. – Реализуемые формы сетевого обучения

При осуществлении образовательного процесса на основе дистанционных образовательных технологий возможны различные подходы к его реализации. Например, процесс обучения в дистанционной форме может быть реализован на сочетании лекционных онлайн-занятий, проводимых сетевым партнером в виртуальной аудитории и основанных на аудио-, видео-объяснении и комментариях преподавателя, которые базируются на использовании визуальных учебных материалов, продуктивных способах взаимодействия субъектов образовательного процесса, учете соотношения учебных материалов и практических заданий в режиме реального времени и практических (семинарских), лабораторных занятий, проводимых профессорско-преподавательским составом базового партнера, а также самостоятельной работы студентов посредством изучения учебно-методических материалов, размещенных в сетевых ресурсах сетевых партнеров и онлайн-консультированием субъектов образовательного процесса. Текущая аттестация проходит на территории сетевого партнера. Процесс обучения может быть реализован также путем распределения между сетевыми партнерами отдельных дисциплин в рамках одного учебного модуля (тем самым повышается ответственность ППС сетевых партнеров в отношении качества обучения соответствующей дисциплине).

Под виртуальной аудиторией будем понимать множество удаленных друг от друга рабочих мест обучающихся и преподавателей, объединенных на основе телекоммуникаций и сетевых компьютерных технологий для осуществления взаимодействия друг с другом в процессе изучения учебного материала [5]. Мониторинг уровня удовлетворенности потребителя образовательной услугой осуществлялся через анкетирование студентов БарГУ которые обучаются в дистанционной форме получения образования (таблица 1).

Таблица 1. – Уровень удовлетворенности потребителей

Критерий	Уровень удовлетворенности (%)
Степень удовлетворенности онлайн-занятиями	83%
Степень удовлетворенности онлайн-зачетами	76,3
Степень удовлетворенности содержательным наполнением электронных учебно-методических материалов	96,6
Средний показатель:	85,3

Результаты анкетирования, позволяют сделать вывод о том, что реализация образовательных программ с использованием дистанционных образовательных технологий позволяет создать эффективный инструмент синхронного и асинхронного управления образовательным процессом, эффективно поддерживает компоненты образовательного процесса, тем самым характеризуют актуальность и необходимость внедрения дистанционной компоненты в сетевую образовательную программу.

В рамках сетевого взаимодействия одним из эффективных считаем модульный подход к структурированию учебного плана. Под *модулем* следует понимать часть учебного плана или комплекс из нескольких дисциплин, обеспечивающих формирование у обучающихся одной или нескольких компетенций [6]. В свою очередь, разработка модулей может проходить путем объединения учебных дисциплин (разделов) по признаку логической последовательности и преемственности их изучения, тесных междисциплинарных связей.

Модульный подход ориентирован на взаимовыгодность сетевых партнеров, обоснованную рациональным распределением модулей между ними. Рациональность в этом случае должна базироваться на предварительном анализе имеющихся кадровых, учебно-методических, материально-технических, финансовых ресурсов у сетевых партнеров, которые определяют их относительные преимущества.

Наименования учебных дисциплин, входящих в модуль, определяет базовый партнер при разработке учебного плана по специальности.

Реализацию модульного обучения предлагаем осуществлять в следующих формах:

1. Односторонний цикл: один из сетевых партнеров реализует весь учебный модуль.

2. Комбинированный цикл: учебный модуль распределяется между сетевыми партнерами (например, лекционный блок реализует один сетевой партнер, практический блок – другой сетевой партнер).

Предложенные формы могут реализовываться по отдельным модулям (их составным частям, видам учебных занятий) на основе дистанционных образовательных технологий (рисунок 4).

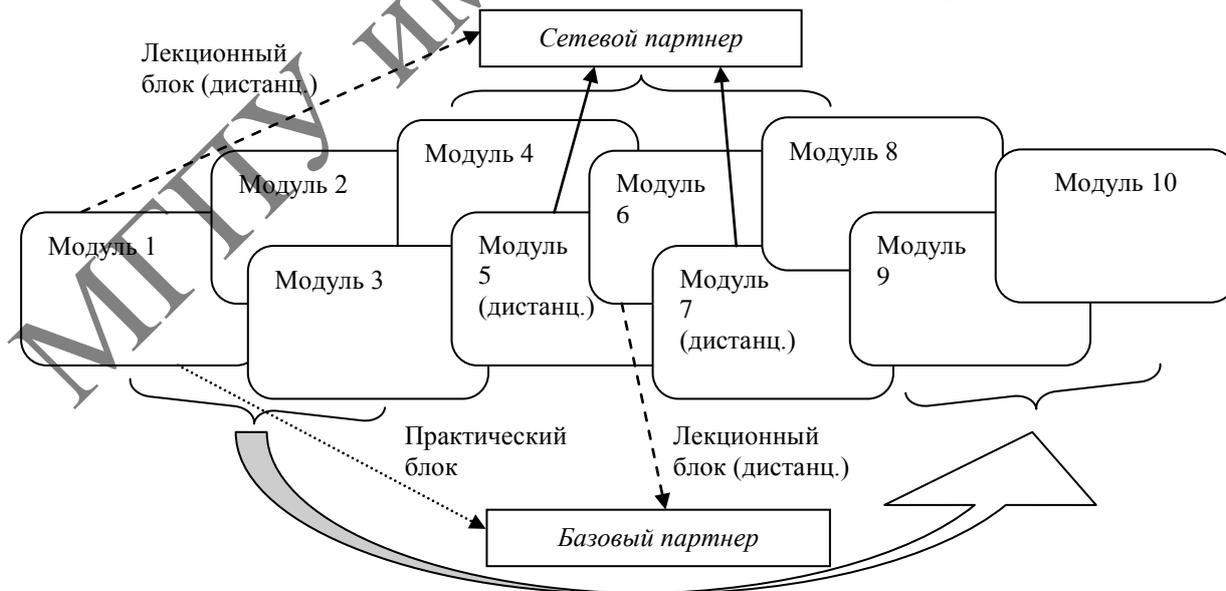

Рисунок 4. – Схема возможных вариантов реализации сетевого модульного обучения (в течение одного семестра)

Альтернативность применяемых форм в сетевом обучении создает возможность выбора наиболее эффективного варианта (и для сетевых партнеров, и для студентов), что найдет отражение в:

- оптимизации материальных средств;
- повышении уровня и качества знаний (при выборе способов реализации модуля учитывается кадровый потенциал сетевого партнера его учебно-методическое и материально-техническое обеспечение);
- повышении квалификации профессорско-преподавательского состава за счет применения информационно-коммуникационных и дистанционных образовательных технологий;
- расширении спектра реализуемых образовательных услуг и более полном удовлетворении индивидуальных образовательных потребностей участников образовательного процесса.

Для модуля можно выделить 2 подхода к его реализации:

- последовательный (после изучения одной дисциплины начинается изучение следующей);
- параллельный (изучение дисциплин, включенных в модуль, осуществляется одновременно).

Представим примерную карту распределения условных модулей по семестрам (таблица 2).

Таблица 2. – Использование карты семестрового распределения учебных модулей (типовой пример)

Учебный модуль	Трудоемкость, з.е.			
	1 семестр	2 семестр	3 семестр	4 семестр
Модуль 1: 1. Дисциплина 1 2. Дисциплина 2	Часть 1 Модуля 1 (дисциплина 1, дисциплина 2) 3 з.е.	Часть 2 Модуля 1 (дисциплина 1, дисциплина 2) 3 з.е.		
Модуль 2: 1. Дисциплина 1 2. Дисциплина 2			4,5 з.е.	
Модуль 3: 1. Дисциплина 1 2. Дисциплина 2			Часть 1 Модуля 3 (дисциплина 1) 4 з.е.	Часть 2 Модуля 3 (дисциплина 2) 4,5 з.е.
Модуль 4: 1. Дисциплина 1 2. Дисциплина 2 3. Дисциплина 3	Часть 1 Модуля 4 (дисциплина 1, дисциплина 2, дисциплина 3) 4 з.е.	Часть 2 Модуля 4 (дисциплина 1, дисциплина 2, дисциплина 3) 3 з.е.		
Модуль 5: 1. Дисциплина 1		4 з.е.	Часть 1 Модуля 5 (дисциплина 1) 4 з.е.	Часть 2 Модуля 5 (дисциплина 1) 4 з.е.
Модуль 6: 1. Дисциплина 1 2. Дисциплина 2			4 з.е.	
Модуль 7: 1. Дисциплина 1 2. Дисциплина 2			Часть 1 Модуля 7 (дисциплина 1, дисциплина 2) 4 з.е.	Часть 2 Модуля 7 (дисциплина 1, дисциплина 2) 3 з.е.
Модули...	...	...	...	...

Примечание – з.е. – зачетные единицы

Механизм сетевого взаимодействия представляет собой взаимосвязанный процесс последовательной реализации образовательной программы с дифференцированием

функционального аппарата между сетевыми партнерами, а применение различных форм изучения модуля (дисциплин в рамках модуля) позволит получить максимальный эффект в направлении качества подготовки будущих специалистов.

После подготовки согласованного сетевыми партнерами модульного учебного плана специальности по сетевой форме взаимодействия начинается процесс разработки учебных программ по учебным дисциплинам соответствующих модулей. На основе уже разработанного учебного плана и учебных программ целесообразно провести анализ материально-технической, учебно-методической составляющей, интеллектуального потенциала сетевых партнеров с целью дифференциации функций в рамках взаимодействия (распределения модулей между организациями). Такая дифференциация позволяет определить каждому партнеру наиболее эффективные методы, формы обучения, создавая технологию реализации сетевого взаимодействия. На последнем этапе формируется проект договора о сетевом взаимодействии, который после корректировки и согласования сетевыми партнерами утверждается в качестве нормативного документа, регулирующего правовую сторону совместного проекта.

Исходя из анализа факторов, сопутствующих процессу сетевого взаимодействия, можно выделить следующие *принципы его реализации*:

1. Доступность ресурсной базы (доступ к информационным; материально-техническим; учебно-методическим ресурсам участников сетевого взаимодействия).

2. Мобильность обучения (расширение академической мобильности ППС, аспирантов, магистрантов и студентов в целях повышения качества образования).

3. Инновационность (использование новых форм организации образовательного процесса, современных информационно-коммуникационных технологий обучения).

4. Рефлексия (наличие обратной связи между сетевыми партнерами и обучающимися по итогам промежуточного мониторинга).

5. Согласованность и взаимовыгодность (согласованность нормативно-правовой, учебно-программной документации, организационной составляющей участников сетевого взаимодействия, экономическая эффективность сетевого взаимодействия).

Выводы

В процессе исследования проблем, необходимости и роли сетевого взаимодействия были получены следующие выводы:

1. Введены в научный оборот новые понятия «сетевой партнер», «базовый партнер».

2. Разработан поэтапный алгоритм подготовительного процесса к реализации сетевого взаимодействия.

3. Представлены различные варианты реализации сетевого взаимодействия (в текстовой и графической форме).

4. Предложен примерный вариант карты семестрового распределения учебных модулей.

5. Определены принципы реализации сетевого взаимодействия.

Представленная модель поэтапной реализации сетевого взаимодействия позиционирует новый подход к обучению на основе альтернативных форм реализации учебных модулей. Образовательная среда, коррелируя с динамичной конъюнктурой на рынке труда, процесс глобализации и интеграции генерируют новые формы, средства, инструменты обучения, максимально используя свой интеллектуальный, материально-технический, финансовый потенциал, осуществляя систематический мониторинг потребностей, устойчивости и формируя мнение обучающегося о качестве, подготовке, отвечающей современным реалиям социально-экономической системы в национальном и международном формате.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О научной деятельности» и Кодекс Республики Беларусь об образовании : проект [Электронный ресурс] // Офиц. сайт М-ва образования Респ. Беларусь. – Режим доступа: edu.gov.by/doc-1219943. – Дата доступа : 13.06.2017.

2. Попов, А. Педагогические средства формирования интегрированных творческих компетенций экономистов-менеджеров (в условиях единого образовательного пространства Российской Федерации и Республики Беларусь) / А. Попов, В. В. Климук // Вопросы современной науки и практики. – 2015. – № 3 (57). – С. 131–139.

3. Тимергалеева, Ж. Г. Проблемы и перспективы развития сетевой формы реализации образовательных программ профессионального образования / Ж. Г. Тимергалеева, Р. М. Тимергалеев, О. В. Пуляевская // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – № 7 (102). – С. 237–243.
4. Меликян, А. В. Основные характеристики международных сетей университетов / А. В. Меликян // Вопросы образования. – 2014. – № 3. – С. 100–117.
5. Унсович, А. Н. Разработка учебных планов для дистанционной формы получения образования: проблемы и возможные пути решения / А. Н. Унсович // Вестник БарГУ. Серия Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки. – 2014. – № 2. – С. 34–42.
6. Бугрий, Е. П. Проблема качества образования: от образовательного стандарта к учебному модулю / Е. П. Бугрий, Н. А. Смолина, Н. В. Тихомирова // Мир человека. – 2007. – № 3. – С. 9–14.

Поступила в редакцию 20.06.17

E-mail: unsovich1970@mail.ru, klimuk-vv@yandex.ru

Unsovich Alexander Nikolaevich, Klimuk Vladimir Vladimirovich

MODELING OF REALIZATION OF EDUCATIONAL PROGRAMS IN THE NETWORK FORM OF INTERACTION

Networking between educational institutions is a mechanism for implementing joint resource potential. The authors presented an example of a step-by-step development of the curriculum for the educational program of the first stage of higher education on the basis of the formation of training modules and the use of distance learning technology. The proposed model of network interaction determines the growth of competitiveness of each network partner by offering each of them their advantages, mobilization of personnel, material, technical, educational, methodological and scientific potentials.

Keywords: network interaction, educational program, network partner, basic partner, training module, distance learning technologies.

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 821.161.3 – 31

А. І. Белая

Кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры філалогіі, прафесар,
УА БарДУ, г. Баранавічы, Рэспубліка БеларусьАДМЕТНАСЦЬ МАСТАЦКАЙ ПРАСТОРЫ І ХАРАКТАРАЎ
У РАМАНАХ Г. МАРЧУКА

Аналізуецца дылогія Г. Марчука (раманы “Крык на хутары”; “Прызнанне ў забойстве”). Мастацкая прастора разглядаецца як форма выяўлення непрасторавых адносін тэксту, адзін з прынцыпаў расстаноўкі вобразаў-характараў і фактар уплыву на іх канцэпцыю. Выяўляецца ўзаема сувязь суб’ектных характарыстык герояў і сацыяльна-палітычных абставін іх жыцця на “ўсходніх крэсах”; аналізуюцца матывы зямлі-ўласнасці і зямлі-Радзімы, праблема сувязі і пераемнасці пакаленняў.

Ключавыя словы: мастацкі час, прастора, вобраз-характар, мастацкая канцэпцыя асобы, ідэнтычнасць, талерантнасць.

Уводзіны

Працэс канцэптуальнага аналізу патрабуе пільнай увагі да формы і стылю літаратурных твораў. Форма, адзначае Г. Гачаў, — «гэта асваенне быцця і чалавека. Праз яе і фрагмент быцця, і ўсякі чалавек, што нараджаецца на свет, робяцца... пэўным зместам» [1, 36]. Ствараючы ўласны мастацкі свет, кожны пісьменнік разам з тым дадае новыя штрыхі да канцэпцыі нацыянальнай асобы і рэчаіснасці. Мастацкі час і прастора, вобразы персанажаў, узаемадзеянне свядомасці аўтара і персанажа — тыя элементы макраструктуры твора, да якіх мы звярнуліся ў кантэксце даследавання мастацкай канцэпцыі асобы ў раманах Г. Марчука «Крык на хутары» і «Прызнанне ў забойстве».

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

«Ідэаграма “этнас у сусвеце”» уключае ў сябе «характэрныя знакі, сімвалы, ключавыя ўяўленні, якія апісваюць пэўную рэальную прастору» [2, 6]. Кожны этнас мае сваю першасную тэрыторыю, якая вызначаецца нелаўторнасцю прыродных умоў. «Радзімай этнасу з’яўляецца спалучэнне ландшафтаў, дзе ён упершыню склаўся ў сістэму» [3, 190]. Лясы, лугі, балоты, крыніцы, рэкі, азёры заўсёды з’яўляліся каштоўнымі элементамі беларускага пейзажу. І куды б ні закідаў лёс чалавека, ён ведаў, што ў яго ёсць «сваё месца» — радзіма. Для герояў Г. Марчука гэта палескае мястэчка Нырча, якое знаходзіцца «за дзвюма рэкамі і чатырма балотамі» і ваколіцы якога абжыты і густа населены.

Адзін шляхетны персанаж рамана «Крык на хутары» даказвае сваім суразмоўнікам перавагу Палескага ваяводства перад іншымі ваяводствамі «ўсходніх крэсаў»: «У нервовым Віленскім мне хочацца гандляваць... будаваць, адным словам, дзейнічаць; у ненадзейным Навагрудскім баімся, каб цябе не забілі, не пакалечылі забастоўшчыкі... У Беластоцкім цябе апаноўвае жах ад галечы і поўнага хаосу. Затое ў Палескім хочацца жыць, адпачываць і піць сокі маці-прыроды» [4, 24].

Першы погляд на людзей, што насяляюць мастацкую прастору рамана, некампліментарны. «Здаецца, нідзе я не бачыў такога пакорлівага, маўклівага і інфантыльнага люду, як тут», — заўважае высокі госць пана Шыдлоўскага [4, 24]. «Тутэйшы» камуніст Якаў прызнаецца, што яму цяжка ў асяроддзі землякоў — людзей «замкнёных, асцярожных, як павукі, скупых на словы», якія «далей сваёй хаты нічога не бачылі, нічым, акрамя хлеба, газы, солі не цікавіліся» [4, 50]. Але такі погляд не падзяляе аўтар. Гэта вынікае з разнастайнасці створаных ім

характараў. Г. Марчуку бліжэй уяўленне пра «палешукоў усходніх крэсаў» як пра загадкавых і непазнавальных.

Змітро Лятун, галоўны герой рамана «Крык на хутары», — тыповы беларус з уласцівай яму ўкаранёнасцю свядомасці. У творы няшмат эпізодаў, якія вытлумачаюць яго прозвішча. Бадай, толькі адзін жыццёвы паварот акрыляе Змітра: калі на выгодных умовах ён набыў пашу, поле, хутар і сад, то яго «несла, як на крылах», «хада была вельмі лёгкай» [4, 31-32]. «Угору пайшоў», — скажуць аднавяскоўцы, але набыццё хутара паклала пачатак маральнаму заняпаду Летуна. Гэтае прозвішча таксама можа быць звязана з матывам эміграцыі. Дачка Уля бачыць «вярбоўку ў Варшаву і Амерыку» як сродак дабіцца годнага, у яе разуменні, жыцця. Сам Лятун у эміграцыі Мікіты бачыў уратанне: «пакуль час спакойны ўсталюецца», — хоць і не вельмі ханеў слабавольнага сына адпускаць «к чорту на рогі» [4, 162]. Думаецца, у прозвішчы Летуна адбіліся не так суб'ектыўныя характарыстыкі яго асобы, як аб'ектыўная адметнасць гістарычнага лёсу беларусаў, вымушаных пакідаць сваю «першасную» тэрыторыю ў сітуацыі пагрозы жыццю, свабодзе ці ўласнасці. Але тая ж укаранёнасць свядомасці зноў вяртала іх на радзіму.

Яшчэ М. Мантэнь пісаў, што можна шкадаваць аб лепшых часах, але нельга ўцячы ад свайго часу; можна марыць аб іншых правіцелях, але падпарадкавацца даводзіцца існуючым. Сервітуты, камасацыя, арандатарства... Змітро Лятун трапіў нават у саюз асаднікаў, дзе аднойчы мусіў удзельнічаць у акцыі супраць актывістаў Беларускай грамады, па сутнасці, такіх жа беззямельных і бяздомных сялян, як сам. Іх жорстка білі (біў і Лятун), а потым гналі босых па снезе... Назаўтра Змітро дакараў сябе: каго біў, за што? Але болей радаваўся, што «Бог не даў сведак». У цэлым жа ўражанне ад тых часоў засталася невясёлае: «Выкінуў дарма, што плюнуў, тыя гады Лятун, так і не акрэшылі на асадніцкай зямлі» [4, 10–11].

Матыў зямлі-ўласнасці цесна звязаны ў раманах з матывам зямлі-радзімы. Традыцыйны для беларускай прозы, ён канкрэтызуецца ў пэўных часе і прасторы. Прага зямлі абумоўлівае памкненні і супярэчнасці герояў, штурхае то на несамавіттыя, то на самаахвярныя ўчынкі, служыць каменем спатыкнення і апраўданнем. «Новая» зямля, да якой пачаў імкнуцца Змітро, павінна была даць яму не толькі харч і капітал, але і сілу. Аднак трагедыя героя ў тым, што ён не імкнецца да «новага неба». Чаго варты, напрыклад, яго план на выпадак вайны. «Меў намер першым дабежы да Шумахера і рабаваць лаўку і харчэўню» [4, 28]. Героі Я. Коласа чакалі ад «новай» зямлі не толькі сілы, а і волі. Плануючы набыць хутар, Лятун робіць сваіх дзяцей катаржнікамі, аднак і сам ён, як пісаў І. Мележ, камандзір катаржнай каманды. Калі пачынае пагаршацца здароўе, Змітро рашуча адмаўляецца ехаць у бальніцу: каб хаця дзеці не зрабілі ўрону гаспадарцы! У вобразе Летуна ўгадваюцца і рысы мележаўскага Карча, і брылёўскага Хамёнка. Ад'язджаючы «на лёды», ён наказваў дзецям не аб'ядацца, перабівацца, акрамя хлеба, шчаўем і затаўкай... Няпэўныя чуткі аб вайне не палохаюць Летуна. Ён упэўнены, што яго хутар «з краю». Тым больш што сам Змітро ўжо стары ваяваць, Юзік малады, Мікіта калека, а Ігнат у турме пераचाкае. Між тым, праб'е час, і вобраз Летуновага хутара, як хутара Багацькаў у быкаўскім «Знаку бяды», узбуініцца да маштабаў усёй шматпакутнай Беларусі, а ў лёсах яго дзяцей адаб'ецца, у кожным выпадку адметнае, адценне спектру пакутніцкага нацыянальнага быцця.

За сваё няпростое жыццё Змітро Лятун сфармуляваў не вельмі складаную філасофію, да чаго спрычыніліся ўрокі яго бацькі: «Чалавек мае трох гаспадароў: розум, душу і страўнік. Пакуль розум і душа будуць спрацаваць, хто з іх галоўнейшы, страўнік абаіх і з'есць» [4, 8]. На думку Змітра, вось што «пра гэтую жытку» ведаць трэба: «Баліць — значыць хворы, грошай няма — бедны, вачэй няма — сляпы» [4, 69]. Ён, у сваю чаргу, перадае навуку Мікіце: «... Пацкадуеш аднаго — пацягне шкадаваць і памагаць іншым. Як хвароба. Яны будуць мець, а ты не» [4, 54]. Да пэўнага часу было непакісным і яшчэ адно Летунова перакананне: нішто, акрамя ўлады і зямелькі, не корміць. Мусіць, ад немагчымасці атрымаць уладу Змітро пачынае выяўляць агрэсіўнасць: прыніжае «галоту з Колак», вымушае каляднікаў спяваць песню да канца, каб «заслужылі» ў яго грошай, «з дзікім азартам» лупцуе ў паводку безабаронных зайцоў, выклікаючы жах у Ігната; яго не цягне нават дапамагчы былому сябру і суседу Харашуну падтрымаць воз; непамерна жорстка хутаранец абыходзіцца з секвестратарам Балаболкам, жадаючы ўзвысіцца над ім; вынаходліва прыніжае некалі пыхлівага Руцкага... А чаму й не? Ён меў зямлю, чатыры добрыя каровы, тры цялушкі, бычка, двое коней, дзве механічныя касілікі і торбачку злотых пад прыпечкам. Стэрэатыпы вобраз кулака! Аднак Лятун не згодзен так называцца, бо сам лічыў кулаком «асадніка, пана, якім усё дала ўлада, а ён жа зарабляе ўсё гарбом» [4, 69]. Жывучы зусім недалёка ад Расіі, дзе, ён чуў, усё ў чалавека забіраюць, Лятун

здумваецца аб тым, што будзе, калі саветы прыйдуць сюды. Здаровы сэнс не даваў паверыць, што ўсё дабро забяруць без прычыны. Ён вырашае, што будзе абараняць сваю ўласнасць, і не адчувае наўнасці гэтага рашэння... Невыпадковым бачыцца той штрых да аблічча Летуна, што ён любіў і паважаў сабак. Можна, таму, што не бачыў адданасці і цяплінасці ў людзях вакол сябе. Але гэта і паказчык чалавечай адзіноты сярод людзей, «цягучай, як мёд, але горкай, як перац» [4, 92]. Асабліва не любіў Змітро сустракацца з людзьмі, «калі не было чым казыраць» [4, 27]. Зайздрасць — пачуццё, якое часта вызначае намеры герояў. І хоць «гасподзь, ствараючы свет, прадугледзеў і матэрыял», каб яе спатоліць, у жыцці ўсё атрымліваецца не так: «бедны зайздросціць багатаму, багаты — беднаму, скупы — добраму, добры — скупому, хворы — здароваму, а здаровы — хвораму...» [4, 68]. Усеахопная зайздрасць нават не шукае нейкіх лагічных падстаў для свайго ўзнікнення і запанавання над чалавекам, руйнуе саму магчымасць талерантнага супольнага жыцця.

Адзін з важных складнікаў канцэпцыі асобы — праблема сувязі і пераемнасці пакаленняў. Г. Марчук уважліва сочыць за тым, як, стаўшы гаспадаром хутара, Лятун з надзеяй, а больш з трывогай прыглядаецца да сыноў — каму з іх можна будзе даверыць справу свайго жыцця? Мікіту ён найбольш шкадуе — як калеку. У Ігната бацька часам з радасцю заўважаў прадпрымальніцкую жылку, але больш выразна бачыў, што сын змяніўся, паездзіўшы, пабачыўшы свету, і паступова страчваў цікавасць да бацькавай справы. Сам Ігнат аднойчы сказаў Мікіту: «...Мяне цікавіць адно таямства — жыццё <...> Каб зразумець усё і зрабіць неяк жыццё лепшым, я пайду сваім шляхам» [4, 84]. Адносіны з бацькам у Ігната няпростыя: «Цернім адзін другога» [4, 116]. Змітро ж стараўся кіравацца спрадвечным прынцыпам: «Як кажучы, ты бі не бі, лай не лай, а рады дай». Аднак часта гэта было яму не па сіле, і тады ў ім абуджалася яшчэ большая «нянавісць і злосць на ўвесь белы свет» [4, 147-148]. Супярэчлівыя пачуцці Змітра да зуха Юзкіка нарэшце прыходзяць да аднаго: «Не... яшчэ не перавяліся Летуны... Мая жылка. Мая надзея. Свайго ўжо нікому не аддасць... На яго ўсё запішу» [4, 56]. Юзкік мусіў кінуць школу і вучыцца пры бацьку гаспадарыць. На Мікітавы словы «Навука — лепшая капейка» адказаў: «Калекі вучацца, здаровыя працуюць». Брат горка падумаў: «Сапсаваўся хлопец, зусім сапсаваўся» [4, 124]. Але прыйдзе «Вялікая Псота» (М. Тычына), вайна, — і пахісне Мікітаву ўпэўненасць.

«Сітуацыя памежжа» абстрае праблему нацыянальнай ідэнтычнасці. На словы Ігната аб радзіме Змітро адказвае: «Ды за мой век няц радзім змянілася ...Прышоў у хату ...е табе што з'есці, дзе спаці — то і ўся радзіма» [4, 83]. Гвалт над душой беларуса пачынаўся са школы. Настаўнік Кандыба дакляраваў, што родную мову трэба ведаць, а любіць трэба польскую. Дасканалае веданне абедзвюх моў сам ён выкарыстоўваў на ніве «тайнага асведаміцельства». Следчы Саўчык пераконвае Ігната Летуна ў тым, што «тутэйшыя» яшчэ не маюць неабходных сіл кіраваць дзяржаўным апаратам, таму абавязак палякаў — дапамагчы, паклапаціцца аб іх. Пасля арышту Ігната Саўчык крывадушна раіць Змітру жыць спакойна, а ў размове са старым Шыдлоўскім кажа: «Больш бы нам такіх Летуноў. Можна, па мове ён і беларус, а па духу — ужо наш» [4, 83]. Вобраз упраўляючага Шыдлоўскіх Куніка — яскравы прыклад таго, як філасофска-псіхалагічныя праблемы талерантнасці і ідэнтычнасці трансфармуюцца ў этыка-эстэтычную праблему «сваіх» і «чужых». Аб магчымасці такой трансфармацыі дае ўяўленне ўжо адзін толькі жыццёвы прынцып Куніка: «...Словы “так” і “не” — небяспечныя словы. Катэгарычныя. Люблю шукаць вбійцы, нават каб пазбавіцца ад смерці...» [4, 104].

Як пісаў К. Крапіва, «спецыфічнымі рысамі светапогляду і характару беларускага селяніна мінулага часу ... з'яўляюцца адсутнасць рэлігійнага фанатызму», а Бог для яго — хутэй «...і не бог, а беларус-селянін у сусветным маштабе, руплівы і працавіты... увесь час заняты рознымі гаспадарчымі абавязкамі» [5, 425]. Выразнае ўяўленне пра «догмат веры» героя дае наступная яго рэпліка: «Ну, святая дзева Марыя, госпадзі, ці ёсць ты, ці няма, а прашу: памажы» [4, 32]. Змітро, як сапраўдны беларус, «парожняга вядра баяўся» [4, 27], мабыць, больш, чым бога. І свае погляды абгрунтоўваў так: «За мой век ужо змянілася пяць вер... А цвёрдая вера ў сілу капейкі засталася, бо яна вечна будзе, як сонца і неба» [4, 69]. Таму ў сваіх дачыненнях з богам ён даволі катэгарычны. На словы Кучаіхі «Е бог» стары Лятун буркнуў: «— Е, ды нам не дае» [4, 15]. Мікіце ў свой час параў: раз на тыдзень «пабудзь з богам і вяртайся на хутар, бо бог не корміць — зямелька корміць» [4, 69]. Аднак прыходзіць час, калі Лятун страчвае звыклы скептыцызм у адносінах да бога. Праўда, для гэтага трэба было здарыцца непапраўнаму — забойству сына. «“Сыно-о-ок!” — ірваліся з грудзей словы <...> Ля покуця ўпаў на калені. Маліўся і плакаў, плакаў і маліўся...» [4, 218].

«Ад кожнага твора кожны атрымлівае роўна столькі, колькі дазваляюць яго здольнасці і адукацыя», — пісаў А. Шапенгаўэр [6, 520]. Імкнучыся наблізіць раман да чытача, Г. Марчук робіць даволі празрыстай яго сімволіку, але часам гэта не на карысць твору: так, «прарочыя» сны герояў пазней дэталева супадуць з рэальнасцю. Аднак ёсць у рамане і сімвал, патэнцыял якога ўзрастае пакрысе. Сімвал — гэта рэч, узнагароджаная сэнсам. Такой рэччу з'яўляецца сякера. А тое, што назву «Сякера» мае трэцяя частка рамана, робіць лексему ключавой і прымушае паслядоўна адсочваць звязаныя з ёй матывы. «*Во, Ігнат, купі бацьку падарунак, — Мікіта падняў новенькую, вымазаную мазутам сякеру. — Радасці старому будзе на ўвесь век*» [4, 113]. Ігнат, які за ўсё жыццё нічога не падарыў бацьку, крануў сякеру пальцам... Сімвал, у адрозненне ад тропа, валодае наглядна-выяўленчай і з'яўляючайся функцыямі. Апошняя абумоўліваецца наяўнасцю супярэчнасці, парадокса, што бачыцца ў радзе «*падарунак — радасць — прылада забойства*». Развіццё і развязка дзеяння праецыруюцца ў мастацкім творы пры дапамозе нязначных, на першы погляд, дэталей тэксту, якія маюць сувязь са зместам дадзенага сімвала. Так, у адным з эпизодаў другой часткі рамана Г. Марчук адзначае: *ноччу Змітру «не давалі заснуць арліныя вочы Юзіка. Здаецца, пападзіся побач сякера — і засячы гатоў»* [4, 72].

Пахаваўшы сына, Лятун вырашае паквітацца і з уласным жыццём. Аднак, калі прамінуў першы выбух болю і пакут сумлення, ён вышуквае падставы не рабіць гэтага, імкнецца абгрунтаваць хоць «*кроплю права*» на існаванне. Паказальна, што асноўным жыццесцярджалым пачуццём выступае помста Шыдлоўскаму, а ўжо потым — клопат пра Юзіка, які сам «*не знойдзе золата і будзе гібець усё жыццё*» [4, 219].

Апісваючы пачатак вайны, Г. Марчук спалучае гістарычную і мастацкую праўду. Дакументальныя звесткі праламляюцца праз успрыманне выдуманых герояў. Гэта лірызуе апавяданне і надае яму мастацкую і жыццёвую пераканаўчасць. Стары карчмар Шымха ў рамане К. Чорнага «Пошукі будучыні» кажа: «*кожны... прышэлец ідзе на чужую зямлю не на тое, каб што-небудзь прынесці ёй, а каб сабе з яе ўварваць*», асабліва калі гэта зямля, як і Марчукова Нырча, «*у шчыліне паміж дзвюма дзяржавамі*» [7, 48]. Нырчане бачаць драпежны намер у знаку свастыкі: як ні павярні, ён усё да сябе грабе...

Актыўнай дзеючай асобай рамана «Прызнанне ў забойстве» з першых дзён вайны выступае Юзік Лятун. Час змусіў прымаць такія рашэнні, аб якіх хлопец наўрад ці меркаваў раней. Па волі абставін ён ідзе ў паліцыю, але свой асноўны выбар робіць усвядомлена: «*Удаўлюся, а не буду страляць у людзей*». Стараючыся з уласцівай яму вынаходлівасцю пазбегнуць граху забойства, Юзік штодзённа рызыкуе ўласным жыццём.

З пачаткам вайны спрабуе па-ранейшаму захаваць недатыкальнасць сваёй жыццёвай прасторы Змітро Лятун, але філасофія «Мая хата з краю» заканамерна і жорстка церпіць крах у часы вялікіх узрушэнняў. Пазіцыя Летуна «*мяне не чапаюць, і я нікога не чапаю*» змыкаецца з пазіцыяй быкаўскага Петрака, але абодвум героям не ўдаецца паслядоўна правесці яе ў жыццё, бо гэта жыццё пад акупацыяй — і першая ўмова заўжды пад пагрозай парушэння. Змітро ўсё ж вымушаны ўзяць у рукі зброю: спачатку падпарадкоўваючыся вар'яцкім ідэям Удо, потым — поклічу свайго сумлення, калі абараняе Кучаіху ад Гуль-Рыкоцкага.

Механізмы ўплыву літаратуры на чытацкую свядомасць вызначаюцца часам, станам і настроймі грамадства і інш. Гістарычныя, сацыяльныя, культурныя абставіны абумоўліваюць пэўныя супярэчнасці ва ўспрыманні аднаго і таго ж твора рознымі пакаленнямі чытачоў. Нягледзячы на гэта, кожны пісьменнік спадзяецца на адекватную інтэрпрэтацыю сваёй творчасці і мае на гэта права. У сваю чаргу, даследчык мае права так прачытаць твор, каб нешта ў ім па-новаму адкрылася нават для аўтара з улікам асаблівасцей жыцця твора ў чытацкай свядомасці пазнейшых пакаленняў.

«Другая сусветная вайна — апошні вялікі міф, — пісаў І. Бродскі. — ...Але міф ужо мадэрнісцкі. Змест папярэдніх міфаў — барацьба Добра са Злом. Зло апырэрае. Той, хто змагаецца з носьбітам Зла, аўтаматычна робіцца носьбітам Добра. But second World War was a fight of two Demons». («Але другая сусветная вайна была змаганнем паміж Злом і Злом») [9, 342]. З прызнаннем гэтага многія ідэалагічныя пазіцыі перацярпелі пэўную дэвальвацыю, няма манаполіі на ацэнку падзей Вялікай Айчыннай вайны. Аднак засталася нязменнай сутнасць асноватворных каштоўнасцей, нават калі яны азначаны новым эмацыянальна-слоўным радам. Паняцце «інтэрнацыяналізм» увасоблена ў рамане «Прызнанне ў забойстве» праз міжасабовыя зносіны герояў. У святле агульначалавечых каштоўнасцей гэтая з'ява можа быць названа інакш: агульнае імкненне ўсіх народаў, якім пагражаў фашызм, да свабоды. І гэта, па вялікім рахунку, не мяняе яе

сутнасці. Змагаюцца побач з беларусамі і гінуць рускія Фёдар Панкратаў, Сяргей Іваноў, украінец Грыцко Ішчанка. Ідэалагі фашызму (іх у рамане ўвасабляе Удо Вульфэрт) былі ўпэўнены, што *«трэба травіць рускага, беларуса і ўкраінца, каб яны ўзненавідзелі адзін аднаго»* [8, 152]. Аднак з вуснаў яго малодшага брата ў фінале рамана мы чуем нечаканае: *«Прыйдзе час...і мы, немцы, зразумеем, што, каб уратавацца, трэба немцу і рускаму быць разам»* [8, 210]. Час паказаў, што гэта сапраўды канструктыўная перспектыва суіснавання чалавечай супольнасці.

У ідэале адносіны да персанажаў павінны вызначацца не знешнімі абставінамі, а творчымі прынцыпамі, якія грунтуюцца на любові да герояў, веданні ўмоў іх жыцця, найтанчэйшых душэўных рухаў, дасканалым валоданні словам. Ствараючы вобразы-характары, Г. Марчук актыўна карыстаецца патэнцыялам малых фальклорных жанраў. Гэта прыказкі, прымаўкі, устойлівыя словазлучэнні і выслоўі, бажба, праклёны і інш. Яны робяць вобраз прадметна адчувальным і асацыятыўна гаваркім. Трапныя выразы ў раманым кантэксце «прыпісаны» пэўнаму персанажу і прызначаны для выяўлення адметнага ў яго асобе. *«Я купіў бы сяло, ды ў кішэні гало»*, — *намагаўся жартаваць Лятун»* [4, 31]. *«Не кліч ліха, покі на хутары ціха»*, — так ён перафразаваў вядомую прыказку. У раманах можна знайсці ўзоры фразеалагізмаў і афарызмаў, так сказаць, мясцовага паходжання: *«Хамуйла, — праклінаў сябе Ігнат, — палез з гарэлкай, як той Нонік да лярвы ў Шумахера»* [4, 13]. Фальклорная традыцыя выразна адчуваецца ў апісанні жаночай знешнасці, пазбаўленым дэталізацыі, уласцівай прафесійнай прозе. Аўтару важна перадаць уражанне ад характа, жывое чалавечае захапленне ім. Маня — *«не дзеўка, а кроў з малаком»*, *«працавітая і гаспадарлівая»*, якая заўжды *«галаву мела»*, і *«не будзе грэх на душу браць»* [4, 6]. Аўтарскае бачанне прыгажосці праецыруецца на няпростыя жыццёвыя абставіны, з якіх, насуперак смерці, гераіня выходзіць маральнай пераможнай. Раманы даволі багатыя на ўзоры аксюмараннага мыслення, напрыклад: *«Нявер'е, якое ўратае свет, знаходзіцца за восемдзясят кіламетраў на ўсход»* [4, 29]. Аднак на фоне аўтарскіх знаходак зрэдку сустракаюцца тропы, якія цяжка назваць удалымі. Так, у Гуль-Рыкоцкага, які трапіў у лагер, *«корань надзеі... не высах пад дулам вінтоўкі»* [7, 55]. Нельга сцвярджаць, што Г. Марчуку цалкам удалося пазбегнуць найўнай гераізацыі партызан, даволі пашыранай у літаратуры пра вайну. Часам намеры і ўчынкі герояў задужа выразна дэманструюць аўтарскую пазіцыю, або заглушаюць голас аўтара, або зліваюцца з ім. Большую эстэтычную значнасць мае імплікацыя аўтарскай пазіцыі. Так, Якаў кажа: *«Ігнат цудоўны хлопец... Па мне — хоць і з кулакоў»* [4, 82]. Аўтар калі-нікала дазваляе сваім героям выяўляць недапушчальную непапулярнасць намераў, нераўназначную супярэчлівасці характараў. Калі прайшла чутка, што ўзяты Гданьск, нырчане кінуліся на апошнія грошы скупляць цукар, соль, муку. *«Не любіў Лятун нырчан за гэтую дарэмную паніку, ой, як не любіў»* [4, 189]. Але, як адзначалася раней, ён і сам планаваў на выпадак вайны не больш не менш як рабаваць гандляра Шумахера.

«Пісьменнік з'яўляецца элементам духоўнай прасторы свайго часу, сваёй нацыі, гісторыі ідэй» [10, 172], — адзначае М. Кундэра. Сёння інтэрпрэтацыя асобных фактаў выклікае лёгкую іронію. Калі ў Баранавічах Пінсудскі хаваўся ў хаце бацькі Куніка, то чырвонаармейцы, якія прыбеглі і шукалі яго, *«далікатна пыталі»* (курсіў наш — А.Б.): *ці не забягаў хто-небудзь?»* [4, 104]. Грыцко прызнаўся Улі, што прасіў пракурора — і той паслухаўся! — не высылаць сям'ю Летуноў з Нырчы. Безумоўна, такія кампрамісныя рашэнні ўласцівы не толькі Г. Марчуку. Савецкія пісьменнікі мусілі выяўляць асцярожнасць у прыватнасцях дзеля таго, каб ажыццявіліся іх вялікія творчыя задумы. Справядлівасць вымагае прызнаць, што ў дыялогі няшмат элементаў, абумоўленых кан'юнктурнымі патрабаваннямі. Пажаданым вобразам у час напісання рамана з'яўляўся вобраз Леніна. Гэта стэрэатып масавай свядомасці тагачаснага грамадства: міфалагізаваны вобраз Леніна звязваўся з народнымі каранямі. Варта адзначыць канцэптуальную мэтазгоднасць і непафаснасць звароту аўтара да ленінскага выказвання ў эпизодзе сходкі ў вёсцы Мярлін: *«Война убивает и надламывает одних, закаляет и просветляет других, как и всякий кризис в жизни человека или в истории народов»* [8, 64]. І гэта выявілася ў лёсе эпічных герояў Г. Марчука.

Вывады

Нацыянальны пейзаж і нацыянальны характар — эстэтычныя аб'екты, якія ствараюць аснову беларускага слоўнага мастацтва і з'яўляюцца носьбітамі мастацкай канцэпцыі. Звяртаючыся да ісцін і каштоўнасцей, якія трывала замацаваліся ў сацыяльна-гістарычным вопыце народа, Г. Марчук не проста пацвярджае іх, а ажыўляе, актуалізуе, надае ім новае экзистэнцыйнае

напаўненне ў сувязі з грамадскімі ўскладненнямі. Аўтарская пазіцыя пазначаецца на выбары і групуванні персанажаў, прынцыпах адлюстравання мастацкай прасторы, асаблівасцях слоўнай формы. Вядучую ідэю дылогіі вызначае «гераізм цяперашняга». Раманы Г. Марчука з'яўляюцца важкім набыткам беларускай мастацкай прозы, што асабліва выразна відаць пры ўключэнні іх у кантэкст часу і традыцый. «Хутар ля пінскага шляху» стаў адметным пунктам на шляху ад палескага мястэчка да Беларускага Космасу.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Гачев, Г. Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. театр / Г. Д. Гачев. — М.: Изд-во Моск. ун-та; Изд-во "Флинта", 2008. — 288 с. — (Классика жанра).
2. Воран, І. А. Нацыянальныя асаблівасці светаадлюстравання ва ўкраінскай і беларускай мадэрнісцкай прозе пачатку ХХ стагоддзя: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10.01.03; 10.01.01 / І. А. Воран — Мінск: [б. в.], 2011. — 24 с.
3. Гумілёў, Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумілёў. — М.: Айрис-пресс, 2011. — 560 с.
4. Марчук, Г. Крык на хутары / Г. Марчук // Крык на хутары. Кветкі правінцыі: Раманы. — Мінск: Юнацтва. — 1998. — С. 3—219.
5. Крапіва, К. Збор твораў. У 3 т. / К Крапіва. — Мінск: Дзярж. выд-ва БССР; Мастацкая літ., 1956. — Т. 2: Проза. — 583 с.
6. Шопенгаўэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгаўэр; пер. с нем. ред. Е. В. Москвич. — Мінск: Попурри, 1999. — Т. 2. — 829 с.
7. Чорны, К. Збор твораў. У 8 т. / К. Чорны. — Мінск: Мастацкая літ., 1973. — Т. 6: Раманы. — С. 5—166.
8. Марчук, Г. Прызнанне ў забойстве: Раман / Г. Марчук. — Мінск: Мастацкая літ., 1985. — 216 с.
9. Бродский, И. Формы времени: Стихотворения, эссе, пьесы. В 2 т. / И. Бродский. — Мінск: Эридан, 1992. — Т. 2. — 480 с.
10. Кундера, М. Искусство романа: эссе / Милан Кундера; пер. с фр. А. Смирновой. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. — 192 с.

Паступіў у рэдакцыю 16.01.17

E-mail: alba.57@mail.ru

Elena I. Belaya

THE SPECIFIC FEATURES OF ARTISTIC SPACE
AND CHARACTERS IN GEORGE MARCHUK'S NOVELS

The article discusses the features of the artistic space and characters in the novel "Cry on the farm" and its sequel "A Murder Confession" written by G. Marchuk. Describing the characters the author as well projects their subjective characteristics onto the specifics of the objective socio-political situation. In definite time and space setting G. Marchuk accentuates the motifs of land-ownership and land-Motherland, analyzes the problem of communication and continuity of generations.

Keywords: artistic time, space, image, character, artistic conception of personality, identity, tolerance.

УДК 811.161.3

А. С. Буцько

Аспірант кафедры беларускай філалогіі,
ГрДУ імя Янкі Купалы, г. Гродна, Рэспубліка Беларусь
Навуковы кіраўнік: Даніловіч Мікалай Аляксандравіч,
прафесар, доктар філалагічных навук

СТРУКТУРА ФРАЗЕАСЕМАНТЫЧНАГА ПОЛЯ "АДНОСІНЫ ПАМІЖ ЛЮДЗЬМІ" Ў БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЕ

Артыкул прысвечаны структураванню фразеалагічнага матэрыялу з пункту гледжання фразеасемантычнага поля. Разгледжаны фразеалагічныя адзінкі з агульным значэннем "адносінны паміж людзьмі" ў беларускай літаратурнай мове, якія фарміруюць названае поле. Асабліва ўвага надаецца вызначэнню саставу даследаванага поля, яго іерархічнай арганізацыі, устанавленню субпалёў, мікрапалёў і семантычных груп.

Ключавыя словы і словазлучэнні: фразеалагічная адзінка, семантыка адносін, фразеасемантычнае поле, фразеасемантычнае субполе, фразеасемантычнае мікраполе, фразеасемантычная група, інтэгральная сема, дыферэнцыйная сема.

Уводзіны

Даследаванне фразеалогіі метадам семантычнага поля з'яўляецца актуальным у сучасным мовазнаўстве. Яно спрыяе больш глыбокаму раскрыццю сістэмных адносін унутры фразеалагічнага фонду мовы, а таксама больш дэталёвай семантычнай характарыстыцы фразеалагічных адзінак.

Чалавек ужо неаднаразова выступаў аб'ектам даследавання ў сістэме семантычных палёў: чалавек ўвогуле (Т. Сушко - у старабеларускай мове) [1], яго характарыстыкі (Е. С. Праскунова - у рускай мове) [2], характар (І. А. Валюшкіна - у французскай мове) [3], эмацыянальны стан (І. І. Сінельнікава - у французскай мове) [4], фізічны стан (І. К. Цівунчык - у беларускай і французскай мовах) [5]. Што да тэмы адносін паміж людзьмі ў фразеалогіі, то яна распрацоўвалася расійскім даследчыкам Д. А. Мазіркам толькі ў частцы адмоўных адносін чалавека да шэрагу з'яў на матэрыяле англійскай мовы [6], а ў беларускай мове свет чалавечых узаемаадносін разглядаўся толькі на матэрыяле фаўністычнай фразеалогіі (С. В. Мілач) [7]. Такім чынам, фразеасемантычнае поле "адносінны паміж людзьмі" да цяперашняга часу не было аб'ектам сістэмнага даследавання ні ў беларускай, ні ў іншых мовах. У дадзеным артыкуле мы ставім перад сабой мэту вызначыць і падрабязна апісаць структуру названага поля ў беларускай літаратурнай мове. Фактычны матэрыял даследавання быў назапашаны метадам суцэльнай выбаркі са "Слоўніка фразеалагізмаў" І. Я. Лепешава [8].

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Згодна з азначэннямі ў слоўніках, адносінны - гэта ўзаемныя сувязі паміж кім-, чым-небудзь (людзьмі, грамадствамі, краінамі і г. д.), якія ўтвараюцца ў працэсе зносін на якой-небудзь падставе [9]–[11]. Адносінны паміж людзьмі ўяўляюць сабой сувязі паміж асобамі ў працэсе іх зносін і (або) сумеснай дзейнасці.

Фразеасемантычнае поле (ФСП) "адносінны паміж людзьмі" з'яўляецца ў беларускай мове складанай сістэмай, якая ўключае ў сябе некалькі падсістэм. Кампанентамі гэтых падсістэм з'яўляюцца фразеалагізмы, якія аб'яднаны агульнай семай "адносінны паміж людзьмі". Гэта інтэгральная сема. Яна ўдакладняецца семамі дыферэнцыйнымі, якія паказваюць на характар адносін і пэўныя сувязі паміж людзьмі, разнастайныя праяўленні адносін, уздзеянне і ўзаемаўдзеянне, якое адбываецца ў працэсе чалавечых кантактаў. У састаў ФСП "адносінны паміж людзьмі" ўваходзіць пяць субпалёў: 1) "характар адносін", 2) "праяўленні адносін", 3) "уздзеянне ў адносінах", 4) "імкненне да адносін" і 5) "непажаданасць і адсутнасць адносін". У сваю чаргу

кожнае з гэтых субпалёў складаецца з мікрапалёў, а апошнія распадаюцца на фразеасемантычныя групы (ФСГ).

Субполе **"характар адносін"** налічвае 325 фразеалагічных адзінак (ФА), якія аб'ядноўваюцца інтэгральнай семай 'сутнасць (форма) адносін паміж людзьмі'. Гэтыя фразеалагізмы ўказваюць на чалавечыя ўзаемаадносіны ў залежнасці ад сферы іх існавання або паказваюць на іх сутнасны тып. У межах субполя "характар адносін" вылучаюцца наступныя мікрапалі: "сямейна-шлюбныя адносіны", "любоўныя адносіны", "аднадумства і сяброўства", "непрямельскія адносіны", "адносіны (не)залежнасці і (не)падпарадкавання", " апекаванне і заступніцтва", "адносіны, звязаныя з працай і дзейнасцю".

Мікраполе **"сямейна-шлюбныя адносіны"** прадстаўлена 21 ФА і называе адносіны паміж членамі сям'і і сваякамі: *звязваць сябе (звязвацца) вузамі Гіменя* - уступаць у шлюб; *свая кроў* - блізкі сваяк.

Мікраполе **"любоўныя адносіны"** прадстаўлена 26 ФА і характарызуе рамантычныя адносіны паміж людзьмі. Інтэгральныя семы фразеалагізмаў - 'любіць', 'кахаць' укладняюцца дыферэнцыйнымі семамаі: *аддаваць душу* - вельмі моцна, бязмежна любіць каго-небудзь; *завязваць вочы* - выклікаць у каго-небудзь любоў, прымушаць пакахаць каго-небудзь.

Мікраполе **"адзінадумства і сяброўства"** прадстаўлена 32 ФА і закранае чалавечыя адносіны, якія грунтуюцца на духоўнай блізкасці, агульнасці інтарэсаў і ўзаемнай прыхільнасці. Гэта мікраполе ўключае дзве ФСГ: "сяброўскія адносіны" і "адзінадумства і падабенства". Для ФСГ "сяброўскія адносіны" інтэгральнай семай з'яўляецца 'сяброўства': *на блізкую нагу (быць, сысціся)* - вельмі блізка. у блізкіх, сяброўскіх адносінах (быць з кім-небудзь); *не разлі вада* - вельмі здружаныя, неразлучныя. ФСГ "адзінадумства і падабенства" змяшчае ў сваім складзе адзінкі, якія характарызуюць згоду думак людзей, іх блізкасць, абумоўленую падабенствам у чым-небудзь: *стаяць на баку* - падтрымліваць каго-небудзь у чым-небудзь, падзяляць чые-небудзь думкі, перакананні; *адным (тым жа) мірам мазаны* - вельмі падобныя адзін да аднаго ў якіх-небудзь адносінах; адзін не лепшы за другога; з аднолькавымі недахопамі.

Мікраполе **"непрямельскія адносіны"** змяшчае 85 ФА і паказвае на такія адносіны паміж асобамі, якія характарызуюцца непрыязнасцю, недружалюбнасцю і варожасцю. У залежнасці ад наяўнасці адпаведных дыферэнцыйных сем у гэтым мікраполі вылучаецца тры ФСГ: "непрыязнасць", "саперніцтва" і "варожасць". ФСГ "непрыязнасць" уключае фразеалагізмы, якія паказваюць на непрыхільнасць аднаго чалавека да другога або ўзаемную непрыхільнасць: *не мець вока* - адчуваць непрыязнасць да каго-небудзь, ненавідзець каго-небудзь; *не ў ладах* - 1) у дрэнных, нацягнутых адносінах, у сварцы. Фразеалагізмы семантычнай групы "саперніцтва" паказваюць на імкненне перамагчы каго-небудзь у чым-небудзь: *зуб на зуб зайшоў (пойдзе)* - склаліся непрыемныя адносіны, пры якіх адзін не саступае другому; *наставіць нос* - апырэдзіўшы ў чым-небудзь, зрабіўшы што-небудзь раней за іншых, тым самым пасароміць, зганьбіць каго-небудзь. ФСГ "варожасць" аб'ядноўвае фразеалагізмы, якія ўказваюць на адносіны вельмі моцнай непрыязнасці і нянавісці: *халодная вайна* - непрыязныя варожыя адносіны паміж кім-небудзь; *(быць) на нажах* - у рэзка варожых адносінах.

Мікраполе **"адносіны (не)залежнасці і (не)падпарадкавання"** складаецца з 87 ФА і характарызуе адносіны, пры якіх адзін чалавек падпарадкоўваецца або, наадварот, не падпарадкоўваецца волі іншай асобы, а таксама адносіны раўнапраўнасці паміж людзьмі. У адпаведнасці з дыферэнцыйнымі семамаі мікраполе распадаецца на пяць ФСГ: "падпарадкаванне": *выкручваць сырыцу* - поўнасцю падпарадкоўваць сваёй волі, свайму жаданню; *муштравать; ісці на павадку (на павадзе)* - слепа падпарадкоўвацца чыёй-небудзь волі, дзейнічаць самастойна; "непадпарадкаванне": *адбівацца ад рук* - пераставаць слухацца каго-небудзь, не падпарадкоўвацца; *дзе сядзеш там і злезеш* - хто-небудзь не любіць падпарадкоўвацца каму-небудзь, выконваць чыю-небудзь волю; "залежнасць": *пад ботам* - 1) у поўнай залежнасці ад каго-небудзь (быць, знаходзіцца), 2) пад чыёй-небудзь уладай, прыгнётам; *(быць, трымаць, знаходзіцца) у кітцюрках* - у поўнай залежнасці, ва ўладзе, у падпарадкаванні; "незалежнасць": *з кітцуроў (вырваць, вырвацца)* - з-пад чыёй-небудзь улады, залежнасці; *скідаць (з шыі) ярмо* - вызваляцца з-пад чыёй-небудзь улады; "раўнапраўныя адносіны": *стаяць на адной дошцы* - займаць аднолькавае становішча, быць роўным у якіх-небудзь адносінах; *свая сястра* - чалавек, блізкі па поглядах, роўны па становішчы (пра жанчын).

Мікраполе **"апекаванне і заступніцтва"** прадстаўлена 40 ФА, якія ўказваюць на адносіны, у якіх адзін чалавек ахоўвае, даглядае іншага чалавека, забяспечвае яго сродкамі

існавання і ўсяляк спрыяе яго дабрабыту. Мікраполе распадаецца на чатыры ФСГ: " апека", "утрыманне", "пратэжыраванне" і "абарона". ФСГ " апека" скаладаецца з адзінак, якія характарызуюць догляд і выхаванне аднаго чалавека (людзей) іншым(і), давядзенне яго (іх) да самастойнасці: *пад крылом* - пад чыёй-небудзь апекай, пад прыглядам (жыць, знаходзіцца і пад.); *ставіць (станавіць) на ногі* - 2) расціць, даводзячы да самастойнасці. ФСГ "утрыманне" змяшчае фразеалагізмы, якія паказваюць на тое, што адна асоба забяспечвае другую сродкамі на жыццё: *сядзець на шыі (на карку, на гарбе)* - быць на чым-небудзь забеспячэнні, утрыманні; *есці хлеб* - 2) жыць за чый-небудзь кошт, знаходзіцца на чым-небудзь утрыманні. ФА, якія характарызуюць адносіны, пры якіх адным чалавекам робіцца пратэжыя каму-небудзь, аб'ядноўваюцца у ФСГ "пратэжыраванне": *закідаць слова* - хадайнічаць за каго-небудзь, аказваць яму падтрымку, намякаючы пра яго каму-небудзь; *валасатая рука* - 1) актыўнае садзейнічанне, аказанне пратэжы; блат, 2) хто-небудзь мае заступніка, які можа пасадзейнічаць; аказаць падтрымку. ФСГ "абарона" складаецца з адзінак, якія паказваюць на ахову з боку адной асобы ў адносінах да другой: *не даваць у крыўду* - заступацца за каго-небудзь, абараняць каго-небудзь; *ліць (праліваць) кроў* - 1) гінуць, паміраць ці пакутаваць, абараняючы каго-небудзь.

Мікраполе "**адносіны, звязаныя з працай і дзейнасцю**" змяшчае 34 ФА. Гэтыя фразеалагізмы называюць рознага роду адносіны, якія існуюць у сувязі з працоўнай або іншай сумеснай дзейнасцю людзей: *адбіваць хлеб* - пазбаўляць каго-небудзь заробку, беручыся за тую ж працу; *цягнуць жылы* - мучыць, знясільваць цяжкай працай ці празмернымі патрабаваннямі.

Акрамя пэўнага характару, адносіны паміж людзьмі адзначаюцца канкрэтнымі праяўленнямі, якія і дазваляюць меркаваць аб адносінах аднаго чалавека да іншага. Таму і ў межах ФСП "адносіны паміж людзьмі" вылучаецца субполе "**праяўленні адносін**". Яно прадстаўлена 194 ФА і складаецца з трох мікрапалёў: "пазітыўныя праяўленні", "негатыўныя праяўленні" і "ацэнка чалавека".

Мікраполе "**пазітыўныя праяўленні**" ўяўляе сабой сукупнасць фразеалагізмаў, якія паказваюць на рознага роду станоўчыя паказчыкі адносін паміж людзьмі і прадстаўлена 56 ФА. У залежнасці ад характару такіх праяўленняў мікраполе распадаецца на наступныя ФСГ: "дапамога і падтрымка", "добразычлівасць", "павага", "давер", "сімпатыя" і "(узаема)разуменне". ФСГ "дапамога і падтрымка" змяшчае фразеалагізмы, якія абазначаюць садзейнічанне, падтрымку ў адносінах да іншага чалавека: *падаваць (працягваць) руку (дапамогі)* - аказваць дапамогу ў цяжкую хвіліну, выручаць; *ісці насустрач* - спачувальна адносячыся да каго-небудзь, садзейнічаць, дапамагаць каму-небудзь. Фразеалагізмы, якія паказваюць на дабро, прыхільнасць, спагадлівасць у адносінах да іншай асобы, аб'ядноўваюцца ў ФСГ "добразычлівасць": *мець Бога ў сэрцы* - быць сумленным, спагадлівым, чулым да каго-небудзь, шкадаваць каго-небудзь; *балець (хварэць) душой (сэрцам)* - моцна перажываць, хвалявацца, трывожыцца за каго-небудзь. ФСГ "павага" складаецца з адзінак, якія характарызуюць пачцівасць да каго-небудзь, прызнанне высокіх якасцей, заслуг, важнасці іншага чалавека: *глядзець знізу ўверх* - адносіцца да каго-небудзь пачціва, з глыбокай пашанай; *здымаць (знімаць) шапку* - адносіцца да каго-небудзь з глыбокай павагай. ФА, якія нясуць ў сабе значэнне перакананасці ў чыёй-небудзь шчырасці, чэснасці, добрасумленнасці і заснаваных на іх адносін да каго-небудзь, аб'ядноўваюцца ў ФСГ "давер": *адводзіць душу* - выказваць каму-небудзь свае патаемныя думкі, дзяліцца перажываннямі, тым, што набалела; *верыць (паверыць) на слова* - давяраючы чыйму-небудзь запэўненню, без падцвярджэння фактамі, доказамі. ФСГ "сімпатыя" ўключае фразеалагізмы, якія абазначаюць прыхільнасць, цёплыя, ласкавыя адносіны: *западаць (упадаць) у вока (вочы)* - 1) выклікаць у каго-небудзь пачуццё сімпатыі да сябе, 2) падабацца, быць даспадобы; *да сэрца* - падабаецца. Фразеалагізмы са значэннем узаемага разумення і згоды ўваходзяць у ФСГ "(узаема)разуменне": *лёд чаго растае (раставаў)* - знікае пачуццё чаго-небудзь (недаверу, непаразумення, адчужанасці і пад.); *ставіць сябе на месца* - уяўляць сябе ў чым-небудзь становішчы.

Мікраполе "**негатыўныя праяўленні**" прадстаўлена 120 ФА, якія паказваюць на адмоўныя праяўленні адносін паміж людзьмі. Гэта мікраполе распадаецца на чатыры ФСГ: "ашуканства і крывадушнасць", "знявага", "зрада" і "выкарыстанне іншага чалавекі ў сваіх інтарэсах". ФСГ "ашуканства і крывадушнасць" змяшчае у сабе адзінкі, якія азначаюць няшчырасць і падман у адносінах: *туманіць галаву* - уводзіць у зман, падманваць каго-небудзь; *мудрыкі на хітрыкі* - супрацьдзеянне на чый-небудзь падман аналагічнымі сродкамі. Фразеалагізмы, якія характарызуюць абразлівыя паводзіны і ўчынкі ў дачыненні да іншага чалавека, аб'ядноўваюцца ў ФСГ "знявага": *выліваць бруд (памыі) на галаву* - несправядліва

абвінавчавць, незаслужана зневажаць каго-небудзь; *(і, ні) у грош не ставіць* - зусім не лічыцца з кім-небудзь, адносіцца з пагардай да каго-небудзь. ФА, якія называюць вераломныя паводзіны ў адносінах да іншага чалавека, фарміруюць ФСГ "зрада": *пацалунак Юды* - здрадніцкі ўчынак пад маскай добразычлівасці, дружбы; *усадзіць нож у спіну* - учыніць подласць, здраду ў адносінах да каго-небудзь. ФСГ "выкарыстанне іншага чалавека ў сваіх інтарэсах" складаецца з адзінак, якія абазначаюць спажывецкія адносіны да іншай асобы для дасягнення сваіх мэт: *пераступіць цераз труп* - загубіць каго-небудзь для дасягнення сваёй мэты; *ездзіць (ехаць) вярхом* - прыгнятаць, выкарыстоўваць каго-небудзь у сваіх інтарэсах, здэкавацца з каго-небудзь.

Меркаванні пра якасць, годнасць, значэнне каго-небудзь таксама з'яўляюцца паказчыкамі адносін аднаго чалавека да другога. Мікраполе "*ацэнка чалавека*" аб'ядноўвае фразеалагізмы, якія нясуць у сабе значэнне такіх меркаванняў, і складаецца з 18 ФА. У межах мікраполя былі вылучаны наступныя ФСГ: "ідэалізаваць і ўсхваляць", "негатыўная ацэнка" і "аднабаковасць ацэнкі". Фразеалагізмы, якія характарызуюць уяўленні пра каго-небудзь з завышанай станоўчай ацэнкай, фарміруюць ФСГ "ідэалізаваць і ўсхваляць": *глядзець праз ружовыя акулеры* - не заўважаючы недахопаў у кім-небудзь, ідэалізаваць каго-небудзь; *спяваць (пець) асанну* - празмерна ўсхваляць, узносіць каго-небудзь. ФСГ "негатыўная ацэнка" аб'ядноўвае адзінкі са значэннем адмоўнага меркавання аб кім-небудзь: *маляваць (мазаць) чорнай фарбай (чорнымі фарбамі, у чорных фарбах)* - падаваць, характарызаваць каго-небудзь у негатыўным плане; *наводзіць ценю* - няславіць, ачарняць, выстаўляць у непрыглядным святле каго-небудзь. ФСГ "аднабаковасць ацэнкі" змяшчае адзінкі, якія характарызуюць абмежаваную, вельмі суб'ектыўную ацэнку адным чалавекам другога: *глядзець са сваёй званіцы* - меркаваць аб кім-небудзь аднабакова, са сваіх пазіцый; *наवेशанне ярлыкоў* - неабгрунтаванае абвінавчванне з аднабаковай шаблоннай ацэнкай каго-небудзь.

Міжасобавыя адносіны прадугледжваюць уздзеянне, якое людзі непазбежна, наўмысна або незнарок аказваюць адзін на аднаго ў працэсе зносінаў. Субполе "*ўздзеянне*" змяшчае ў сваім саставе 291 ФА. Па сваёй сутнасці і характары ўздзеянне можа быць негатыўным і пазітыўным і адпаведна гэтаму субполе распадаецца на наступныя мікрапалі: "адмоўнае ўздзеянне" і "станоўчае ўздзеянне".

Мікраполе "*адмоўнае ўздзеянне*" ўключае 249 ФА, якія апісваюць любы негатыўны ўплыў аднаго чалавека на другога. Мікраполе складаецца з дзвюх груп "фізічнае негатыўнае ўздзеянне" і "псіхалагічнае і эмацыянальнае негатыўнае ўздзеянне". Першую групу фарміруюць фразеалагізмы, якія апісваюць прычыненне адной асобай шкоды здароўю або жыццю другой асобы: *заганяць на той свет* - даводзіць да смерці; *прыкладваць руку(і)* - 1) біць каго-небудзь. ФСГ "псіхалагічнае і эмацыянальнае негатыўнае ўздзеянне" аб'ядноўвае адзінкі, якія характарызуюць прычыненне адным чалавекам маральнай, псіхалагічнай і эмацыянальнай шкоды другому чалавеку: *зводзіць з трыпу (з пуці)* - адмоўна уздзеінічаючы на каго-небудзь, штурхаць на што-небудзь нядобрае; *іграць на нервах* - наўмысна раздражняць, нерваваць каго-небудзь.

Мікраполе "*станоўчае ўздзеянне*" прадстаўлена 13 ФА, якія маюць значэнне спрыяльнага ўплыву аднаго чалавека на другога: *добры геній* - чалавек, які аказвае на каго-небудзь дабратворны ўплыў, прыносіць каму-небудзь карысць; *выбіваць з галавы дур (дурасць, дурату)* - строга ўздзейнічаючы, адвучваць каго-небудзь ад дрэнных звычак, схільнасцей і пад.

Фразеалагізмы, якія ўказваюць на рознага роду імкненні аднаго чалавека мець пэўнае дачыненне да другога чалавека, фарміруюць субполе "*імкненне да адносін*". Іх колькасць складае 48 ФА. Адзінкі, якія апісваюць угодлівасць, падлізванне, дагаджанне ў паводзінах чалавека з мэтай дамагчыся прыхільнасці другога чалавека, фарміруюць мікраполе "*лісліваць*": *станавіцца на заднія лапкі* - пачынаць падлашчвацца, прыслужвацца, падлізвацца; *віляць хвостом* - 2) ліслівацца дамагацца чыёй-небудзь прыхільнасці. Астатнія 25 ФА гэтага субполя ўяўляюць сабай сукупнасць семантычна розных адзінак з агульнай семай 'імкненне да адносін', што не дазваляе размежаваць іх на больш дробныя групы ў межах дадзенага субполя: *вешацца на шыю* - навязвацца, настойліва дамагацца прыхільнасці, сімпатыі, узаемнасці (пра жанчыну ў адносінах да мужчыны); *лезці ў душу* - 1) даведвацца пра чыё-небудзь думкі, пачуцці, намеры і пад., 2) умешвацца ў асабістыя справы, выведваць што-небудзь з асабістага, інтымнага жыцця каго-небудзь, 3) дабівацца чыйго-небудзь даверу, прыхільнасці да сябе.

Нежаданне чалавека мець адносіны, яго імкненне пазбегнуць любой сувязі з другім чалавекам і, як вынік, адсутнасць такіх сувязей таксама выступае паказчыкам адносін паміж людзьмі. Таму невыпадкова ФСП "адносіны паміж людзьмі" мае ў сваім складзе субполе

"непажаданаць і адсутнаць адносін". Яно прадстаўлена 55 ФА і распадаецца на два мікрапалі: "непажаданаць адносін" і "адсутнаць адносін".

Мікраполе *"непажаданаць адносін"* змяшчае ў сваім складзе 28 ФА, якія характарызуюць ухіленне аднаго чалавека ад адносін, нежаданне мець сувязі з іншым чалавекам: *адгароджвацца кітайскай сцяной* - вельмі моцна, наглуха адасабляцца, адмяжоўвацца ад каго-небудзь; *надаваць гарбузоў* - шмат разоў адмовіць таму, хто сватаецца.

Адсутнаць любых сувязей і адносін паміж людзьмі прадстаўлена 27 ФА, якія ўтвараюць мікраполе *"адсутнаць адносін"*: *ні сват ні брат* - зусім чужы чалавек, ніяк не сваяк, не родны; *дарогі разышліся* - блізкія сувязі, адносінны спыніліся паміж кім-небудзь.

Акрамя азначаных пяці субпалёў, даследаванае поле ўключае яшчэ 68 ФА. Інтэгральнай для гэтых ФА з'яўляецца сема 'адносінны паміж людзьмі', што дазваляе ўключыць іх у склад даследаванага ФСП. Аднак, гэтыя фразеалагізмы маюць непаўторныя дыферэнцыйныя семы і, такім чынам, не ўваходзяць ні ў адно з вылучаных субпалёў і не фарміруюць асобнага субполя: *кашы не зварыш* - не дамовішыся, не дойдзеш да згоды з кім-небудзь; *змяняць глеў на міласць (на літасць)* - пераставаць злавацца на каго-небудзь; *даць трэшчыну (расколіну)* - пачаць разладжвацца, парушацца (пра дружбу, каханне і пад.). Гэтыя адзінкі ўяўляюць сабой перыферыю даследаванага ФСП.

Вывады

Фразеасемантычнае поле "адносінны паміж людзьмі" прадстаўлена 981 ФА, што дазваляе гаварыць пра яго значнасць у фразеалагічным фондзе беларускай літаратурнай мовы. Даследаванае поле характарызуецца разгалінаванай структурай і багатым сэнсавага напаўнення. Яно складаецца з пяці субпалёў, кожнае з якіх распадаецца на мікрапалі і далей - на групы. Найбольш шматлікім з'яўляецца субполе "характар адносін", яно ўключае 325 ФА. Гэтае ж субполе змяшчае ў сабе найбольшую колькасць мікрапалёў (7). Наступным па колькасці прадстаўленасці з'яўляецца субполе "ўздзеянне" - 291 ФА з двума мікрапалямі ў сваім складзе. За ім ідзе субполе "праяўленні адносін", якое прадстаўлена 194 ФА і складаецца з трох мікрапалёў. Значна меншым па колькасці адзінак з'яўляецца субполе "непажаданаць і адсутнаць адносін" - 55 ФА і два мікрапалі. Найменшае па колькасці адзінак - субполе "імкненне да адносін", якое налічвае 48 ФА і не распадаецца на мікрапалі. Такім чынам, фразеасемантычнае поле "адносінны паміж людзьмі" ў беларускай літаратурнай мове ўяўляе сабой цэласнае ўтварэнне, элементы якога аб'яднаны выразнымі сістэмнымі адносінамі.

Пералік скарачэнняў і ўмоўных абазначэнняў

ФСП - фразеасемантычнае поле

ФСГ - фразеасемантычная група

ФА - фразеалагічная адзінка

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Сушко, Т. Фразеасемантычнае поле "Чалавек" у старабеларускай мове / Т. Сушко // *Białorutenistyka Białostocka*. - Т. 4. - Białymstok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2012. - S. 301-321.
2. Мілач, С. В. Свет чалавечых узаемаадносін у люстэрку фаўністычнай фразеалогіі (на матэрыяле беларускай і нямецкай моў) / С. В. Мілач // *Studia Russica XXIII*. - Budapest, 2010. - С. 260-274.
3. Волошкина, И. А. Фразеосемантическое поле «Характер человека» : на материале французского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / И. А. Волошкина ; Белгор. гос. ун-т. - Воронеж, 2009. - 22 с.
4. Синельникова, И. И. Фразеосемантическое поле «эмоциональные состояния человека» : на материале французского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / И. И. Синельникова. - Белгород, 2008. - 226 с.
5. Цівунчык, І. К. Фразеасемантычнае поле "фізічны стан чалавека" ў беларускай і французскай мовах: дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.20 / І. К. Цівунчык. - Мінск, 2014. - 186 л.
6. Мазирка, Д. А. Фразеосемантическое поле отношений личности : на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. / Д. А. Мазирка ; Моск. гос. обл. ун-т. - Москва, 2009. - 24 с.
7. Праскунова, Е. С. Фразеологические единицы как средство характеристики человека / Е. С. Праскунова // *Международный журнал экспериментального образования*. - Пенза : Издательский Дом «Академия Естествознания», 2014. - С. 136-137.

8. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. - Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. - Т. 1-2.

9. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка : Толково-словообразовательный : Св. 136000 слов. ст., ок. 250000 семант. ед. : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. - М. : Русский язык, 2000. - Т. 1-2.

10. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. - М. : Азбуковник, 2000. - 940 с.

11. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. - М. : Альта-Принт, 2008. - 1239 с.

Поступила в редакцию 14.08.17

E-mail: alenka.butko@mail.ru

Alena Butsko

STRUCTURE OF PHRASEO-SEMANTIC FIELD "RELATIONS BETWEEN PEOPLE" IN THE BELARUSIAN STANDARD LANGUAGE

The article deals with the structuring of phraseological material from the point of view of phraseo-semantic field. Phraseological units with the general meaning "relations between people" are analyzed in the Belarusian standard language. Much attention is given to the revealing of the field structure, its hierarchical organization and finding of subfields, microfields and semantic groups.

Keywords: and phrases: phraseological unit, relations semantics, phraseo-semantic field, phraseo-semantic subfield, phraseo-semantic microfield, phraseo-semantic group, integral seme, differential seme.

МГІІУ ІМ. І. П. БРОЎКІНА

УДК 811.581.11

Гэн ЦзяньХунаньский университет, кандидат филологических наук, доцент,
Хунань, Чан Ша, Китайская Народная Республика**ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ**

В статье проводится комплексный двусторонний анализ семантики и сочетаемостных характеристик цветообозначений в современном китайском и русском языках: выявляется состав подсистемы основных наименований цветов в разноструктурных языках, определяется семантическая структура значений цветообозначений (категориальный признак и сравнительный оборот), устанавливается инвентарь устойчивых сочетаний, в которые входят цветообозначения в исследуемых языках, выявляются лексико-семантические свойства конститuentов устойчивых сочетаний с цветообозначениями, а также семантических структур значений цветообозначений; определяются общие и специфические свойства значений и устойчивых словосочетаний с цветообозначениями в современном китайском и русском языках, выделяются лексико-семантические группы, к которым могут быть отнесены составляющие устойчивых сочетаний с цветообозначениями в китайском и русском языках; устанавливаются лингвистические и культурологические закономерности, обусловленные национально-культурными особенностями носителей китайского и русского языков.

Ключевые слова: цветообозначение; семантика; устойчивое словосочетание; китайский язык; русский язык.

Введение

Интерес к проблематике, связанной с семантическими свойствами и сочетаемостными характеристиками лексических единиц, не ослабевает с древнейших времён до сегодняшнего дня. Каждая историческая эпоха, отрасль науки и практической деятельности углубляет и обогащает представления человека о мире и окружающей действительности. Этому во многом способствуют лексико-семантические исследования обозначений различных явлений и объектов. Лингвисты путем анализа состава и семантической структуры слов, построения семантических фреймов, моделей и полей, выявления стилистических функций исследуют представления народов мира о различных областях знания, выявляют как общие, так и национально-специфические лингвокультурологические особенности в различных языках. Правильный выбор объекта лингвистического анализа дает возможность наиболее точно решать поставленные цели и задачи. В данной работе в центре нашего внимания находится особый в любом языке класс лексических единиц – цветообозначения.

Цвет является объектом изучения различных наук: физики, химии, психологии, истории и др. Повышенное внимание языковедов и других ученых к цвету и цветообозначениям не случайно. Интерес к «цветовой» лексике обусловлен попытками понять менталитет и построить картину мира другого этноса, поскольку именно наименования цветов являются ярким отражением окружающего мира, индивидуального для каждого народа.

Попытки глубокого анализа цвета и цветообозначений привели к появлению разнообразных теорий и взглядов, находящихся на стыке различных отраслей наук. Так, согласно гипотезе Б. Берлина и П. Кея, языки «выстраивали» цветовые категории в строго определенной последовательности, включающей семь стадий развития [1]. Первая стадия включала слова, указывающие на белый и черный цвета [1, 7]. На второй стадии добавляется третий – красный цвет. Далее планомерно появляется синий, зеленый, желтый и коричневый цвета. Завершающая стадия характеризуется возникновением сразу четырех обозначений – розового, оранжевого, фиолетового и серого.

Возможности психолингвистического анализа при сопоставлении цветообозначений продемонстрированы в работах А. П. Василевича. В результате психолингвистических

экспериментальных исследований установлено, что ассоциативные реакции на цветообозначения различны. Так, жёлтый цвет вызвал сравнения с осенним листом у белорусов, с одуванчиком у русских, с подсолнухом у украинцев, с солнцем у англичан, с цветками тыквы у представителей китайской национальности [2, 21].

Этимологические исследования синологов показали, что большая часть цветообозначений китайского языка образовались от наименований деревьев, цветов, трав, злаков, овощей, фруктов [3, 101], а последовательность появления нового цветообозначения включает, в первую очередь, процедуру сравнения, например, *как молоко, как снег, как сажа, как кровь* [4, 36]. Параллельно с процессом появления основных терминов возникают лексические единицы, передающие оттенки цвета [5, 10].

Таким образом, несмотря на то, что существует множество работ, посвященных цветообозначениям в различных языках, в том числе в разноструктурных, проблема семантики и сочетаемости данной группы лексических единиц, особенно в китайском языке, в частности, в сопоставлении с русским языком, остается малоизученной. Более того, на сегодняшний день китайские цветообозначения характеризуются отсутствием специальных комплексных исследований как семантической стороны, так и сочетаемостных характеристик. Это делает данную работу новой и актуальной.

Цель исследования состоит в выявлении лексико-семантических и сочетаемостных характеристик лексических единиц – обозначений цвета – в китайском и русском языках. Научная новизна и теоретическая значимость данной работы заключается в том, что в ней впервые проводится комплексный двусторонний анализ отдельной подсистемы лексических единиц – цветообозначений в современном китайском и русском языках с точки зрения двух различных подходов: семантики и сочетаемости, выделяются как общие, так и национально-специфические особенности цветообозначений в исследуемых языках.

Результаты исследования и их обсуждение

Цветовосприятие в китайской лингвокультуре соотнесено с логико-философской картиной мира: пятью стадиями мирового цикла (водой, огнем, деревом, металлом и землей) [6], где центральную позицию занимает область желтого цвета 黃 *huáng*. Сине-зеленый цвет 青 *qīng* располагается в так называемой восточной зоне. Западная область представлена белым цветом 白 *bái*. Северной зоне соответствует 黑 *hēi* ‘чёрный’.

В отличие от синологи, в отечественной традиции принято выделять 11 основных цветообозначений: *красный, желтый, зеленый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, черный, белый и серый* [7, 48]. Однако, сопоставляя системы цветообозначений в разных языках, многие исследователи отметили особенность русского языка, где для области синего цвета существует два обозначения: синий и голубой [7]. Соответственно, в русском языке группа основных цветообозначений включает 12 слов.

Таким образом, инвентарь основных цветообозначений представлен 5 лексическими единицами в китайском языке (白 *bái* ‘белый’, 红 *hóng* ‘красный’, 青 *qīng* ‘сине-зеленый’, 黑 *hēi* ‘черный’, 黄 *huáng* ‘желтый’) и 12 словами в русском языке (*красный, желтый, зеленый, синий, голубой, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, черный, белый, серый*), что и составило объект нашего исследования.

Лексико-семантический анализ показал, что значения исследуемых единиц представляют собой набор семантических компонентов, отражающих необходимую информацию, заложенную носителями языка в каждое цветообозначение. Как в китайском, так и в русском языке значения цветообозначений состоят из двух семантических компонентов. Категориальный компонент – цвет – входит в состав значений всех исследуемых единиц, например, 白 *bái* ‘белый’ 像雪或雪的颜色 *цвет* инея или снега’. Вторым по представленности является семантический компонент – сравнительный оборот, например, 红 *hóng* ‘красный’ 像鲜血的颜色 *цвет крови*’. Таким образом, семантическую структуру цветообозначений в китайском языке можно представить в виде формулы «*категориальный признак + сравнительный оборот*».

В русском языке нами отмечается аналогичная семантическая структура, например, белый в русском языке обозначает цвет снега или мела, чёрный указывает на цвет сажи, угля, цветообозначение красный имеет значение цвета крови, спелых ягод земляники, яркого цветка мака.

Из представленных примеров видно, что относительно второго компонента семантической структуры значений цветообозначений китайского и русского языков могут быть выявлены как общие, так и различные специфические черты.

Цвет в китайской и русской лингвокультуре сравнивается с различными объектами окружающей действительности. Так, в сравнительный оборот значения китайского цветообозначения 白 *bái* 'белый' входят *иней* и *снег*. В русском языке сравнительный оборот также представлен двумя лексическими единицами. Как и в китайском языке, одной из таких лексических единиц является слово *снег*. Нами было установлено, что вторым словом, входящим в сравнительный оборот значения русского цветообозначения белый, оказалась лексическая единица *мел*. Следовательно, сравнительный оборот представлен лексической единицей *иней* только в китайском языке. Лексическая единица *снег* входит как в состав сравнительного оборота в русском языке, так и в состав сравнительного оборота в китайском языке. Сравнительный оборот выражен лексической единицей *мел* только в русском языке.

Сравнительный оборот значения китайского цветообозначения 紅 *hóng* 'красный' представлен одним словом *кровь*. Три элемента входят в состав сравнительного оборота значения соответствующего цветообозначения в русском языке. Первым, как и в китайском языке, является лексическая единица *кровь*. Вторым элементом является словосочетание *спелые ягоды земляники*. Третьим – *яркий цветок мака*.

В китайском языке сравнительный оборот цветообозначения 黑 *hēi* 'чёрный' представлен в виде двух лексических единиц: *уголь* и *тушь*. В русском языке сравнительный оборот состоит из двух лексических единиц. Как и в китайском языке, одной из таких единиц является слово *уголь*. Вторым словом, входящим в сравнительный оборот значения русского цветообозначения чёрный, является лексическая единица *сажа*. Из трёх составляющих, которые входят в состав сравнительного оборота значения анализируемого цветообозначения, только одна повторяется в обоих языках. Такой составляющей является лексическая единица *уголь*. Лексические единицы *тушь* и *сажа* отражены в семантике только одного из двух сравниваемых языков.

Сравнительный оборот значения цветообозначения 黃 *huáng* 'жёлтый' состоит из лексических единиц *люффа* и *подсолнух*. Сравнительный оборот значения соответствующего цветообозначения в русском языке образован словосочетанием *яичный желток*. Из трёх составляющих, образующих сравнительный оборот значения рассматриваемого цветообозначения в русском и китайском языках, ни одна не повторяется в обоих языках.

Таким образом, несмотря на общую для языков закономерность описания цветовой гаммы посредством сравнительного оборота, нами выявлены значительные различия в составе данных оборотов. Это свидетельствует о том, что представители разных национальностей связывают с представлениями о цвете разные объекты. Частично (33%) данные сравнительные конститuentы совпадают. Однако отмечены существенные различия в наполнении семантического компонента (67%). В китайском языке для представления человека о том или ином цвете достаточной является одна аналогия, что описывается с помощью одной лексической единицы, в русском языке – несколько аналогий, представленных несколькими словами соответственно.

Лексико-семантический анализ составляющей сравнительный оборот единицы показал, что китайцы и русские чаще всего сравнивают цвет с какими-либо веществами, в частности, пищевыми продуктами, а также предметами неживой природы, природными ископаемыми, растениями и др. Всего нами определены 7 лексико-семантических групп, куда могут быть отнесены такого рода слова.

Следующим этапом исследования стало определение сочетаемостных характеристик цветообозначений в китайском и русском языках.

Анализ устойчивых сочетаний с цветообозначениями показал, что наиболее частотным цветообозначением в китайском языке является 白 *bái* 'белый', наименее распространенной лексической единицей является – 黃 *huáng* 'жёлтый'.

Сочетаемостные свойства цветообозначений китайского и русского языков позволили выделить более широкий спектр лексических единиц, демонстрирующих ассоциативные соответствия представителей различных лингвокультур. Так, проанализированные конститuentы устойчивых сочетаний могут быть отнесены к таким лексико-семантическим группам, как «Вещества и материалы»; «Время»; «Животные»; «Инструменты и приспособления»; «Механизмы и приборы»; «Множество и совокупность объектов»; «Печатные издания»; «Психическая сфера»; «Природные явления»; «Продукты питания» и др., например, лексические единицы в устойчивых

сочетаниях с цветообозначением 白**ái** 'белый' могут входить в такие лексико-семантические группы, как «Животные» (白兔**áitù** 'заяц-беляк'), «Продукты питания» (白菜**áicài** 'капуста'), «Физиологическая сфера» (白血**áixuè** 'белокровие') и др.

В устойчивых сочетаниях с цветообозначением 红**hóng** 'красный' нами отмечены лексемы, входящие в такие лексико-семантические группы, как «Вещества и материалы» (红砖**hóngzhuān** 'кирпич'); «Продукты питания» (红糖**hóngtáng** 'бурый сахар'); «Растения» (红枫**hóngfēng** 'красное дерево') и др.

Устойчивые сочетания с цветообозначением 青**qīng** 'сине-зелёный' включают слова, относящиеся к 5 лексико-семантическим группам: «Животные» (青蛙**qīngwā** 'лягушка'); «Множество и совокупность объектов» (青年**qīngnián** 'молодёжь'); «Пространство и место» (青天**qīngtiān** 'чистое небо'); «Растения» (青草**qīngcǎo** 'трава').

Цветообозначение 黑**hēi** 'чёрный' сочетается с лексическими единицами, которые могут быть отнесены к следующим лексико-семантическим группам: «Инструменты и приспособления» (黑板**hēibǎn** 'доска'); «Продукты питания» (黑豆**hēidòu** 'чёрный соевый боб'); «Характеристика людей» (黑**hēi** 'преступник') и др.

Наиболее частотны сочетания со словами, которые могут быть отнесены к лексико-семантической группе «Природные явления», они составили 44% от общего количества исследуемых единиц.

Устойчивые сочетания с цветообозначением 黄**huáng** 'жёлтый' имеют в своем составе лексические единицы, которые входят в такие лексико-семантические группы, как «Вещества и материалы» (黄金**huángjīn** 'золото'), «Животные» (黄蜂**huángfēng** 'оса (желтая пчела)', 黄鸟**huángniǎo** 'канарейка (желтая птица)'), «Природные явления» (黄昏**huánghūn** 'сумерки'), «Продукты питания» (黄油**huángyóu** 'сливочное масло (желтое масло)'), «Растения» (黄花**huánghuā** 'жёлтый цветок') и др.

Таким образом, в состав устойчивых сочетаний с цветообозначениями в китайском языке наиболее часто входят лексические единицы, которые могут быть отнесены к лексико-семантической группе «Продукты питания». Однако, в устойчивые сочетания с цветообозначением 青**qīng** 'сине-зелёный' не входят лексемы, означающие продукты питания. Самым распространенным в китайских устойчивых сочетаниях является цветообозначение 白**ái** 'белый'.

В ходе исследования было также выявлено, что в китайском языке цветообозначения 绿**lǜ** 'зелёный', 灰**huī** 'серый', 蓝**lán** 'голубой, синий', 粉**fěn** 'розовый', 褐**hè** 'коричневый', 橙**chéng** 'оранжевый', 紫**zǐ** 'фиолетовый' характеризуются самой низкой частотностью.

Инвентарь анализируемых в русском языке сочетаний составил 114 структур. Конституэнты каждого сочетания различаются как по первому составляющему компоненту (цветообозначению), так и второму наименованию объекта. Анализ первого составляющего – цветообозначения – показал, что для устойчивых сочетаний наиболее характерным (частотным) составляющим является цветообозначение – белый, наименее частотным – голубой. Анализ второй составляющей устойчивых сочетаний в русском языке позволил выделить лексико-семантические группы объектов, наименования которых могут сочетаться с цветообозначениями различного типа. Данные обозначения могут быть объединены в такие лексико-семантические группы, как «Болезни»; «Вещества и материалы»; «Вместилища»; «Деятельность»; «Здания и сооружения»; «Место и пространство»; «Механизмы и приборы»; «Природные явления»; «Продукты питания»; «Транспортные средства»; «Физиологическая сфера»; «Характеристика людей»; «Эмоциональная сфера».

Обозначения объектов, входящие в отобранные устойчивые словосочетания с различными цветообозначениями, также различаются. Так, проанализировав устойчивые сочетания с цветообозначением белый, в русском языке были выделены 12 лексико-семантических групп: «Болезни» (белая горячка), «Животные» (белая ворона); «Одежда» (белый халат); «Природные явления» (белые ночи); «Профессии» (белый офицер, белые воротнички) и др. Наиболее частотны сочетания с наименованиями животных, природных явлений и продуктов питания.

В устойчивых сочетаниях с цветообозначением чёрный могут быть выделены лексемы, которые входят в такие лексико-семантические группы, как «Вещества и материалы» (чёрная нефть); «Вместилища» (чёрный ящик); «Деятельность» (чёрная работа); «Природные явления»

(чёрная дыра); «Пространство и место» (чёрный ход); «Речь» (чёрный юмор); «Сверхъестественные явления и существа» (чёрная магия) и др. Лексико-семантическая группа «Продукты питания» является самой многочисленной (30%) среди исследуемых.

С цветообозначением красный сочетаются слова, которые могут быть объединены в 11 лексико-семантических групп: «Документы» (красный диплом); «Здания и сооружения» (красная площадь); «Имена» (Красная шапочка); «Множество и совокупность объектов» (красная армия) и др. Наиболее широко представлена группа «Продукты питания» (31%).

Наименования объектов, входящие в устойчивые сочетания с цветообозначением зелёный в русском языке, чаще относятся к лексико-семантической группе «Растения». Наряду с данной группой могут быть выделены также такие лексико-семантические группы, как: «Животные» (зелёная лягушка, зелёный крокодил); «Инструменты и приспособления» (зелёная доска, зелёная купюра); «Место и пространство» (зелёная лужайка); «Продукты питания» (зелёный лук, зелёное яблоко, зелёный огурец, зелёный горошек, зелёный чай) и др.

Анализ устойчивых сочетаний позволил провести более глубокое исследование культурологических особенностей цвета и отражение их в языке. Так, китайское цветообозначение 白bái 'белый' имеет значение старости, печали или траура в китайской культуре, в языке данное цветообозначение сочетается с языковыми единицами, которые относятся к таким лексико-семантическим группам, как «Животные»; «Печатные издания»; «Психическая сфера»; «Продукты питания»; «Речь»; «Физиологическая сфера»; «Характеристика людей».

В культуре значение счастья, свадьбы или коммунизма имеет китайское цветообозначение 红hóng 'красный'. Языковые единицы, входящие в лексико-семантические группы «Вещества и материалы»; «Механизмы и приборы»; «Множество и совокупность объектов»; «Продукты питания»; «Растения»; «Свет», как правило, сочетаются с данным цветообозначением.

В культуре китайское цветообозначение 青qīng 'сине-зелёный' означает весну, новую жизнь, молодость. В языке рассматриваемое цветообозначение сочетается с языковыми единицами, которые входят в такие лексико-семантические группы, как «Время»; «Животные»; «Множество и совокупность объектов»; «Пространство и место»; «Растения».

Цветообозначение 黑hēi 'чёрный' в китайской культуре имеет значение мрака, упадка, темноты, в языке с китайским цветообозначением 黑hēi 'чёрный' сочетаются языковые единицы, которые относятся к лексико-семантическим группам «Инструменты и приспособления»; «Природные явления»; «Продукты питания»; «Пространство и место»; «Характеристика людей».

В культуре китайское цветообозначение 黄huáng 'жёлтый' имеет значение императора, богатства или невинности. Данное цветообозначение сочетается с языковыми единицами, входящими в лексико-семантические группы «Вещества и материалы»; «Животные»; «Природные явления»; «Продукты питания»; «Растения».

В культуре русского языка цветообозначение белый обозначает чистоту, невинность, сходно со значением китайского 黄huáng 'жёлтый', в языке данное цветообозначение сочетается с языковыми единицами, которые входят в состав лексико-семантических групп «Болезни»; «Вещества и материалы»; «Животные»; «Здания и сооружения»; «Музыкальные инструменты»; «Одежда»; «Природные явления» и др.

Русское цветообозначение чёрный имеет значение траура, горя, печали в культуре, в языке сочетается с языковыми единицами, которые относятся к лексико-семантическим группам «Вместилища», «Время»; «Множество и совокупность объектов»; «Речь»; «Сверхъестественные явления и существа» и др., схоже с китайским 白bái 'белый'.

В русской культуре цветообозначение красный обозначает радость, любовь и революцию. Данное цветообозначение сочетается с языковыми единицами, входящими в состав лексико-семантических групп «Имена»; «Инструменты и приспособления»; «Множество и совокупность объектов»; «Параметры»; «Продукты питания»; «Растения»; схоже с китайским 红hóng 'красный'.

Цветообозначение зелёный в культуре русского языка имеет значение молодости, жизни. Рассматриваемое цветообозначение может сочетаться со словами, которые относятся к лексико-семантическим группам «Животные»; «Инструменты и приспособления»; «Место и пространство»; «Механизмы и приборы»; «Множество и совокупность объектов»; «Продукты питания»; «Растения», схоже с китайским 青qīng 'сине-зелёный'.

В отличие от китайского языка в русской лингвокультуре цветообозначение жёлтый в культуре соотносится с золотом, в языке сочетается со словами, которые относятся к лексико-

семантическим группам «Болезни»; «Вещества и материалы»; «Животные»; «Положение, титул человека»; «Природные явления»; «Растения»; «Речь»; «Сверхъестественные явления и существа»; «Свет»; «Транспортные средства».

Выводы

Таким образом, значения цветообозначений в культуре и языке имеют как общие, так и специфические черты. Так, анализ устойчивых сочетаний с цветообозначениями в китайском языке, а также изучение роли цвета в национальной картине мира показали, что передача информации с помощью цвета основана на возникающих ассоциациях, имеющих несколько оснований: общие природные, влияние культурных традиций народа, к которому принадлежит человек, ассоциации личных переживаний и впечатлений. Значения цветообозначений в языке и культуре тесно взаимосвязаны.

Таким образом, устойчивые сочетания китайского языка, в состав которых входят цветообозначения, являются отражением национальной специфики культуры, ее самобытности. Цветообозначения в китайском языке обладают обширным диапазоном символических значений, что приводит к различному количественному составу основных цветообозначений в китайском и русском языках. Сравнительный оборот значений китайских цветообозначений образован при помощи сходных составляющих в 80% цветообозначений. Для китайского языка характерна более широкая семантическая распространённость сравнительного оборота в значениях цветообозначений. Лексические единицы, составляющие сравнительный оборот значений китайских цветообозначений, относятся к различным лексико-семантическим классам: «Вещества», «Пищевые продукты», «Предметы и явления неживой природы», «Природные ископаемые», «Растения», «Слова иной этимологии», «Фрукты». Самыми частотными являются лексические единицы, относящиеся к классам «Предметы и явления неживой природы» и «Растения». В китайском и русском языках состав компонентов (цветообозначение + наименование объекта) каждого устойчивого сочетания различен, как по первому составляющему компоненту (цветообозначению), так и второму – наименованию объекта. Для устойчивых сочетаний китайского языка самым частотным является цветообозначение *бái* 'белый', наименее – *huáng* 'жёлтый'. В китайском языке можно выделить лексико-семантические группы объектов, наименования которых могут сочетаться с цветообозначениями различного типа. Это лексико-семантические группы «Вещества и материалы»; «Время»; «Животные»; «Инструменты и приспособления»; «Механизмы и приборы»; «Множество и совокупность объектов»; «Печатные издания»; «Психическая сфера»; «Природные явления»; «Продукты питания»; «Пространство и место»; «Растения»; «Речь»; «Свет»; «Физиологическая сфера»; «Характеристика людей». Самой частотной лексико-семантической группой является группа «Продукты питания».

Выполнено при финансовой поддержке Фонда фундаментальных исследований для центральных университетов Китая (Supported by the Fundamental Research Funds for the Central Universities).

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Берлин, Б. Основные цветовые термины: их универсальность и видоизменения / Б. Берлин, П. Кей. – М., 1969. – 196 с.
2. Василевич, А. П. Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецов, С. С. Мищенко. – М. : КомКнига, 2005. – 216 с.
3. Делюсин, Л. П. Китай: традиции и современность / Л. П. Делюсин. – М. : Наука, 1976. – 335 с.
4. Петренко В. Ф. Взаимосвязь эмоций и цвета / В. Ф. Петренко, В. В. Кучеренко // Вестн. Моск. ун-та. – Сер 14, 1988. – 78 с.
5. Гуз, К. В. Экспериментальное исследование бытовых концептов цвета (на материале русского, английского, немецкого и китайского языков) / К. В. Гуз ; Алтайская гос. академия образования. – Бийск, 2010. – 361 с.
6. Шевчук, О. П. Цветообозначения китайского языка, их особенности и национальнокультурная специфика / О. П. Шевчук. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2005. – 25 с.
7. Василевич, А. П. Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ / А. П. Василевич. – М. : КомКнига, 2007. – 320 с.

Поступила в редакцию 14.09.17

E-mail: dianageng@mail.ru

Geng Jian

COLOUR WORDS IN THE CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGE
AND CULTURAL TRADITIONS

The article provides complex two-way analysis of semantics and compatibility characteristics of color words in the Chinese and Russian languages: the composition of the subsystems of the main color names in the languages of different structure is identified, the semantic structure of the color names (categorical attribute and comparative turnover) is determined, the combinations with the colour names are identified, the lexico-semantic characteristics of the constituents of the combinations with color terms, and semantic structures are identified. The general and specific properties of meanings and word combinations with color markings are determined in modern Chinese and Russian languages; lexico-semantic groups are distinguished, to which the components of combinations with color markings in Chinese and Russian can be assigned; linguistic and culturological regularities determined by the national and cultural characteristics of the speakers of the Chinese and Russian languages are established.

Keywords: color word; semantics; word combination; Chinese language; Russian language.

МДПУ імя І. П. Шамякіна

УДК 159.942:805.5

Т. М. Ігнацюк

Старший преподаватель, аспирант кафедры белорусского и русского языков,
Брестский государственный технический университет, г. Брест, Республика Беларусь
Научный руководитель: Сенкевич Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор

ПАФАС – КАТЭГОРЫЯ РЫТАРЫЧНАЯ

Даследаванне пафасу знаходзіцца ў рэчышчы энергетычнага (дзеяснага) вывучэння беларускай мовы. Антытэза мовы (слова) і маўлення паўстае як супярэчнасць статычнага па прыродзе стыхійнага слова і дынамічнага па сутнасці маўлення з яго эмацыянальна-ідэйным патэнцыялам – падставай трансляцыі пафасу. Разуменне мовы не толькі як сродку зносін, але і як культурнай інстытуцыі і ідэалагічнага інстытута адкрывае перад даследчыкам перспектыву інтэрпрэтацыі традыцыйных для мовазнаўства з’яў з пункту гледжання інстытуцыянальнай тэорыі, у якой акцэнт ставіцца на канструяванне мовай сацыяльнай рэальнасці. Галоўную ролю ў гэтай рэальнасці іграе інстытут імені. Аспект сцвярджэння ўласнай суб’ектыўнасці і станаўлення асобы не абыходзіцца без фундаментальнага складальніка маўлення – пафасу.

Ключавыя словы: пафас, рыторыка, артыкуляцыя, паэтыка слова, эмацыянальнасць, ідэалагічнасць.

Уводзіны

Пафас маўлення на сённяшні дзень не даследаваны не толькі ў беларускай, але і ў замежнай лінгвістыцы. Шматлікія падручнікі па рыторыцы змяшчаюць надзвычай лаканічныя і не разгорнутыя яго азначэнні, спасылаючыся на антычныя традыцыі. Між тым пафас выступае фундаментальным і неад’емным складальнікам дыскурсу – разважлівага маўлення, у якім халодная бясстрасная аргументацыя мяжуецца з эмацыянальным запалам прамоўцы. Трансляцыя пануючай у грамадстве ідэалогіі і маўленчая экспрэсія не абыходзіцца без таго, што ў рыторыцы называюць пафасам.

Гіпатэтычна можна дапусціць, што сучаснай беларускай літаратурнай мове з яе гаваркім сакавітым словам, якое жывіцца з крыніц народнай культуры, пафас не ўласцівы. У гаворцы запатрабавана этыка слова. Аднак адмаўляць пафас мовы – значыць адмаўляць яе сувязь з ідэалогіяй і яе дзейснасцю (энергетычную) сутнасць. У розныя перыяды гісторыі ў рознай ступені жыццё непазбежна падвяргаецца ідэалагізацыі, што не можа не адлюстравацца на мове. Таму даследаванне маўлення пафасу знаходзіцца ў рэчышчы фундаментальнай праблемы сувязі мовы і ідэалогіі. У сучасным свеце з яго прагрэсіруючай глабалізацыяй сувязі нацыянальнай ідэалогіі з мовай становяцца больш песнымі. Мова ўсведамляецца як дзейсны ідэалагічны інстытут – “дом быцця” (М. Хайдэгер).

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Г.І. Тэрмін *пафас*, як і іншыя складальнікі маўлення, – логас і этас, – вядомы з часоў старажытных рыторык. Словазлучэнні *рытарычны пафас*, *пафасная рыторыка* з’яўляюцца таўталагічнымі. Па сутнасці, пафас не можа не быць рытарычным. Пафас існуе нед’емна ад *рыторыкі* – тэорыі і практыкі пераканаўчага маўлення, аб’ект даследавання якой – “маўленне, маўленчая дзейнасць” [1, 4]. Паняцце маўлення фігуруе ва ўсіх існуючых дэфініцыях рыторыкі. Не выпадкова рытарам з моманту ўзнікнення рыторыкі як навуковай дысцыпліны называлі прамоўцу. Пафас – адзін з канстытутыўных складальнікаў маўлення. Рытар не гаворыць, а прамаўляе. Было б памылкай сцвярджаць, што рытар “прамаўляе слова”. Слова не прамаўляюць і не вымаўляюць, але гавораць і выгаворваюць: *Разумець трэба, для чаго якое слова гаворыцца...* (Львонькоў); *Ад усяго сэрца і душы гавару табе шчырае слова, вялікі мой, гераічны і слаўны народзе* (Купала); – *Казічак, сыночак...* – *паўтарае адно маці* – *больш ні слова не можа выгаварыць* (Васілевіч). Будучы маўленчым дзеяннем, прамова можа мець юрыдычную перспектыву: *Мітрапаліт Павел у Смаленску адважыўся на прамовы, якія не наважваецца прамаўляць у Беларусі* [2].

Паняцце слова стыхійна прысутнічае ў свядомасці носьбітаў мовы і не мае інстытуцыянальнага статусу. Слова супрацьпастаўляецца арганізаванасці дыскурсу – маўленню, якое само па сабе ёсць справа. Арганізаванасць маўлення вынікае з яго артыкуляцыйнай прыроды. Не толькі само маўленне, але і яго адзінкі артыкулявання. Так, момант артыкуляцыі (вымаўлення) акцэнтуюцца ва ўласных імёнах: *Людзі баяліся вымавіць імя Кадафі* (Наша Ніва); *Не раз і не два штоночы згадала яна /Маня/ Ганну з такой нянавісцю, што не магла вымавіць яе імя: не знаходзіла, здавалася, вартых слоў* (Мележ).

Артыкуляцыя – паняцце больш шырокае, чым проста вымаўленне: параўн.: *артыкуляваць* – “вымаўляць гукі”, але: рус. *артикулировать* “излагать по пунктам, по статьям”, *артикулированность* “смысл отдельной фразы” [3]. Артыкуляванае маўленне прадугледжвае наяўнасць “артыкулаў” – састаўных частах, параграфуў, пунктаў і г.д, якія арганізуюць яго структуру. Састаўныя часткі ўяўляюць пэўную дыспазіцыю (маўленне “з расстаноўкай”). Маўленне па азначэнні састаўное. Слова ж бывае простае ці складанае. Як феномен пластычнае, слова гаворыцца складна ці няскладна: *І пайшоў стары Несцер гаварыць у склад, улад* (Пестрак). Часткі слова скампанаваны ў адно цэлае. Слова непранікальнае – не дапускае разрыву іншымі элементамі; у слова нельга нічога ўстаіць. Маўленне ж дапускае ўстаўныя канструкцыі.

Ідэя дыферэнцыраванасці (раздзельнасці) маўлення ўвасабляецца прыназоўнікам “паміж” (інтэр). Ім сведчыцца ўстаноўленасць межаў – інтэрпазіцыйнасць адзінкаў маўлення. Варта адзначыць, што сэнс “інтэр” з’яўляецца фундаментальным для рыторыкі не толькі ў плане арганізацыі маўлення. Ён прысутнічае ў слове *інтарэс* (літаральна *inter* ‘між’, *-esse* ‘быць’). Не будзе перабольшаннем сказаць, што рыторыка пачынаецца з інтарэсу. Рыторыка як навука даказваць і пераконваць запатрабавана там, дзе прысутнічае маёмасны інтарэс, эканамічны інтарэс, нацыянальны інтарэсы і г.д. Тэрмін *інтарэс* мае сацыяльнае гучанне (*Класавыя інтарэсы. Інтарэсы грамадства*). Рытар звычайна выступае і прамаўляе “ад імя”, г.зн. атаясамлівае сябе з пэўнай сацыяльнай групай (“мы”), прадстаўляе яе, лабіруе яе інтарэсы. Маўленне як рытарычная катэгорыя непазбежна адбываецца не проста так, а “па інтарэсах”.

Ідэя заінтарэсаванага маўлення кантрастуе са словам, якое часцей гаворыцца “проста так” – без асаблівых прычын, без асаблівай мэты, намеру. Словам пераадольваюцца межы чужасці паміж людзьмі. Тое, што існуе лакальна, знаходзіцца не іначай як *сярод* чаго-небудзь падобнага ці іншага; існаванне не абыходзіцца без асяроддзя, якое яго жывіць. Менавіта так (у сувязі з лакалізацыяй) разумела модус існавання антычнасць: “Быць” – для антычнасці значыць знаходзіцца сярод іншых прадметаў. А яны існуюць, апіраючыся адзін на аднаго і складваючыся ў грандыёзны будынак сусвету” [4, 216].

У адрозненне ад імені, якое бывае гучным, слова не пафаснае. Наўрад ці будзе да месца пафас у словах *радзіма, край, кут*. Роднае (“маё”) пранікнута этычным пачуццём – перажываннем: *Радзіма мая; Край мой родны; Мой родны кут; Зямля пад белымі крыламі* і да т.п. Роднаму не характэрна грамадскае гучанне; на этычным узроўні яно ціхае (“тутэйшае”). Існуе этыка і эстэтыка ўтворанага слова – *добрае слова, прыгожае слова*. Актуальнае іманентнае “маё”, што называецца, “выходзіць у людзі”, атрымлівае статус суб’екта права і намінуецца “сваім” іменем. Так, імя Радзімы – *Беларусь* – ужо ўвасабляе пафасную моц, г.зн. здольна “гучаць”: *Беларусь – імя святое* (песня); *Перад тым, як вымавіць тваё імя, Радзіма, Я, быццам джангарчы, калі збіраецца спяваць. Свой рот крынічнаю вадю палашчу* (М. Танк); *І ты яе запомні імя, Як неба, сонца і зару. Твая зямля, твая Радзіма Названа светла: Беларусь!* (Юрась Свірка).

Слова пазбягае публічнасці і праяўляецца ў сітуацыі лакальнай. Яно заўсёды “тут” (*Вос вы тут гаварылі...*). Сутнасць жа маўлення дыслакатыўная (параўн.: *лакацыя і дыслакацыя*). Пад дыслакатыўнасцю маўлення разумеецца ўласцівая яму “расстаноўка” – дыскрэтнасць (ад лац. *discretus* – раздзелены, перарывісты). Прыстаўкай *дыс-* сведчыцца адасобленасць складальнікаў (артыкулаў) маўлення. Паняцце “дыкурс” як маўленне на публіку супрацьпастаўляецца слову, якое існуе ў постаці тэксту. Слова – тэкстатворчы сінтэтычны элемент мовы. Чалавек гаворыць і піша тэкстамі. Паняцці дыкурс і маўленне, па сутнасці, атаясамліваюцца. Дыкурс разумеецца як разважлівае маўленне. Разважлівасць уласціва аналітычнай разумовай дзейнасці – супастаўленне падзей, разбор абставін, здольнасць рабіць вывады (“выносіць прысуд”) і г.д. Дыкурсіўнае маўленне адпавядае статусу падзеі, ажыццяўляецца як прадпрыемства. Пафас – уласцівае дыкурсіўнае.

Рытарычнасць і пафас уласцівы адзінкам патэнцыяльным. Іх патэнцыяльнасць у патаемнай энергіі (“іскры”). Энергетычнага зараду няма ў слове. Гаворыцца пра сілу слова, яго

ўплывовасць, аднак энергія дзеяння слову не ўласціва. Адна з інтэрпрэтацый пафасу – *запал* (*Астыў запал. Гаварыць з запалам*). Не выпадкова гэтым тэрмінам называюць прыстасаванне і сродак для запальвання выбуховага рэчыва (*запал гранаты*).

1.2. Пафас належыць справе, г.зн. рыторыцы канструктыўнага маўлення, а не стылістыцы творчасці і яе кагнітыўнаму сродку – слову. Пафас – прыналежнасць культуры, слова ж адносіцца да мастацтва. Мастацтва, у тым ліку і славеснае, стварае антытэзу культуры, а не з’яўляецца, як іншы раз лічыцца, яе часткай; параўн.: бел. *культура і мастацтва*, рус. *культура и искусство*, пол. *kultura i sztuka*. Рытар перш за ўсё майстар маўлення, а не мастак гаварыць прыгожыя словы (параўн. пол. *literatura piękna* – мастацкая літаратура; *piękny* – прыгожы). Антытэза слова і маўлення карэлюе з супрацьпастаўленнем рыторыкі маўлення і паэтыкі слова. Паэтычнасць – неад’емная якасць слова. Для слова гэтая якасць тое самае, што рытарычнасць для маўлення.

Спраўднае слова не можа не быць паэтычным і этычным. Характарыстыка слова не абыходзіцца без пазітыўнага “як”: *Беларускае роднае слова, Пералівістае, як каменьчык, Вясёлкавае, як ручэй, Цёплае, як агеньчык, Светлае, як маланка, Гнеўнае, як пярун, Ціхае, як калыханка, Вечнае, як Беларусь!* (А. Канапелька). Паэт выходзіць з аналогіі. Не будзе перабольшаннем сказаць, што паэзія ўзнікае з пытання “*На што падобна?*” [5, 17]. Гэтае пытанне пры адпаведнай інтанацыі набывае і этычны сэнс: *Ну і на што гэта падобна!*? Дзякуючы аналогіі, слова абдымае ўсё большае сэнсавое поле. Аналогіяй ствараецца *кагнітыўная метафара*. Аднак аналогія – яшчэ не доказ (*Comparaison n’est pas raison* – франц.). Аналогія намаўляе, аднак не пераконвае. Перакананне – справа рыторыкі. “Рыторыка – навучка пераконваць” [6, 3]. Вербальная рытарычнасць хаця і можа быць рэалізаваная, але ўспрымаецца як з’ява, супярэчная этыцы слова, напр.: *Мова яго занадта рытарычная. Праўда, у той час у вершах Александровіча было не мала хібаў, часта яны былі залішне рытарычнымі* (Хведаровіч) (ТСБМ). Наўрад ці такія ўласцівыя слову этычныя і эстэтычныя характарыстыкі, як жыццёвае (жывое слова), прыгажосць (прыгожае слова), прастата (простое слова), сардэчнасць (сардэчнае слова), гонар (слова гонару) і да т.п. належаць да катэгорый рыторыкі.

Будучы кагнітыўным канцэптам, слова – феномен этычны і эстэтычны. Рытарычны пафас па сутнасці слову не ўласцівы. Але варта адзначыць, толькі па сутнасці. Выпадкі рытарычна-ідэалагізаванага слова, ужытага не паводле свайго этычнага і эстэтычнага прызначэння, нярэдка. Ідэалагізацыя слова адбываецца па меры ідэалагізацыі жыцця. У часы рэвалюцыйных пераўтварэнняў антытэза “паэт і грамадзянін” губляе выразныя контуры. Паэт займае актыўную грамадзянскую пазіцыю, становіцца трыбунам, і яго творы набываюць пафаснае гучанне. Так, заклікам да барацьбы з ворагам гучаць радкі верша Янкі Купалы “Беларускім партызанам!”: *Партызаны, партызаны, Беларускія сыны! За няволю, за кайданы Рэжыце гітлераў паганых, Каб не ўскрэслі век яны*.

Ва ўласнай этычнасці слова – гэта працэс; яно існуе “па ходу”, а не “па рэзультату”. Субстанцыяльная “цяжучасць” слова праяўляецца ў рухомасці таго, што ім мысліцца; адзін і той жа вобраз не толькі для розных людзей, але і для аднаго і таго ж чалавека ў розны час азначае рознае. Акты маўлення падымаюцца над тутэйшай лакалізаванасцю слова і яго культурнай валентнасцю да ўзроўню ідэалагічнага. На змену сэнсу і думцы “дамарошчанага” мудраслоўя прыходзяць шматлікія тыпы сацыяльна арыентаванага дыскурсу (палітычны дыкурс, судовы дыкурс і да т.п.). Рытар апелюе да свядомасці мас, аргументавана і доказна разважае, пераконвае, трансліруючы ідэі ў масы.

Падставовай якасцю слова з’яўляецца тое, што яно “гаваркое” [7]. У шырокім сэнсе гаварэннем дапушчальна называць не толькі вербальныя праяўленні чалавека, але і любую пазітыўна-эмпірычную эманцыю, так ці інакш звязаную з інфармаваннем. Слова – не адзіны вясгун. У адным кантэксце з дзеясловам *гаварыць* (у сэнсе вясчачы) знаходзяцца такія выразна этычныя арганічна-непадзельныя рэаліі, як сэрца, кроў, гора і да т.п.: *Калі кахаем – гавораць вочы Тугой і шчасцем выразней слоў* (Чарнышэвіч); *Да світання Мы з табою Гаварылі, Сэрца сэрцу Назаўсёды Падарылі...* (Дзержынскі); *А мыслі і сэрца гавораць: – Не вер яму, рыжаму, не!* (Колас); *Гэта не я гавару – гора маё гаворыць* (3 нар.); *Кроў гаворыць (загаварыла)* у кім – аб праяўленні чаго-н., уласцівага роду, народу і пад. (ТСБМ).

Палымяныя (пафасныя) прамовы не запатрабаваны на ўзроўні іманентнага слоўнага этасу. У адрозненне ад імені, якое “вешае ярлык” на дадзеныя вопыту, слова прадракае і прарочыць, але не наракае. Нараканне ў этычным кантэксце звязана з асуджэннем і абвінавачаннем. Аднак на ўзроўні свядомага быцця нараканне – маўленчы акт, які канструе інстытуцыянальную

рэальнасць. Эвалюцыйны этас і ціхі роздум мудрага слова змяняецца рэвалюцыйным пафасам з яго канструктыўнай ідэалогіяй. Біблейскі выраз і сотворімь себѣ імя трактуецца як супраціўны пакоры акт узнясення сябе над светам. Создати себѣ імя – значыць узаконіць сябе як суб'екта права – «узвесці ў Закон», стаць дачыненым да абсалютнага быцця, якое ўласціва толькі Богу. Нараканне – рэвалюцыйны акт свабоды і станаўлення чалавека як асобы. Гэты акт звязаны з катэгорыяй імені і інстытуцыяналізацыяй (устанаўленнем) сацыяльнай рэальнасці. У ёй адбываюцца падзеі, рэалізуюцца ідэі і сацыяльныя праекты. Інстытуцыяналізацыя – пераход ад стыхійнай, спантаннай (неарганізаванай) дзейнасці да ўстанаўлення арганізацыйных структур, якія рэгламентуюць сацыяльную дзейнасць і арганізуюць сацыяльныя стасункі.

Homo institutus (чалавек інстытуцыянальны) – асоба, якая маніфестуе сябе праз “Я”. Той ёсць “Я”, хто вымаўляе “Я”. “Я” – самы лаканічны маўленчы акт дэкларацыі ўласнай тоеснасці і пазіцыяніравання сябе як незалежнай асобы. Адначасова гэта і маніфестацыя свабоды ад жыццёвых арганічна-рэчыўных акалічнасцей, – “майго”, “роднага”, “матчынага”. У “Я” ўвасоблены пафасны патэнцыял, здольны з неабходнасцю рэалізавацца ў дыскурсіўным маўленні. За “Я” стаіць імя ўласнае, якое падывае чалавека на ўзровень грамадскага жыцця: “Да імені чалавек не ёсць яшчэ чалавек, ні для сябе, ні для другіх, не ёсць суб'ект асабовых адносін, значыць, не ёсць член грамадства, а толькі магчымасць чалавека, абяцанне такога, зародак” [8, 62].

У прарочым слове адсутнічае катэгорыя права. Гаворка рэгламентуецца звычайна. Чэснае слова – катэгорыя не юрыдычная. Катэгорыя права ўзнікае ў сувязі з іменем і актам намініравання. Закон выступае гарантыяй годнасці члена грамадства, увасобленай у імені. Слова творыць, але не “дзее” – ім не ажыццяўляюцца акты, якія маюць сацыяльныя (і юрыдычныя) наступствы. Слова “благое” (*благавенне, блажавешчанне*). Словам здымаюцца пытанні, аднак не вырашаюцца праблемы. Эфект слова “тэрапеўтычны”. Слова лечыць, напр., у заговоры, аднак яму бракуе апэратыўнай спраўнасці. Антытэза слова і імені ёсць антытэза этасу і пафасу.

Як літаратурны жанр слова вядома з часоў старажытнарускай літаратуры: “Слово в неделю всех святых”, “Слово в субботу сыропустную”, “Слово и откровение св. Апостолов” і да т.п. Характар слова апавядальны. Аднак апавядальнасць, у якой выказваюцца аўтарскія адносіны да прадмета рэфлексіі, перарываецца маўленнем персанажаў апавядання. Напрыклад, чытаючы “Слова пра паход Ігара”, мы не толькі даведваемся пра гісторыю бяслаўнага пахода наўгародскага князя на полаўцаў, створаную мастацкім словам таленавітага аўтара, але і знаёмімся з прамовамі ўдзельнікаў апісаных падзей. Пафасам пранікнута прамова князя Ігара да сваёй дружыны, ідэя братэрскага яднання гучыць у прамове Буй-Тура Усеваладавіча, сімвалічнасцю вызначаецца прамова Кончака [9, 5–14].

1.3. У літаратуразнаўстве пафас трактуецца як «ідэйна-эмацыянальная накіраванасць літаратурнага твора, якая вызначае спецыфіку мастацкага зместу ў сукупнасці ўсіх яго кампанентаў» [10, 264]. З часоў старажытнасці пафас разумелі як прыём трансляцыі пэўнай трагедыі персанажа, які здольны быць стымулам і ўзбудзіць эмоцыі глядачоў.

Эмацыянальным транслятарам пафасу выступае тон. Ад тону залежыць эмацыянальнае напружанне маўлення. Ён бывае рэзкім, здэклівым, катэгарычным, урачыстым і г.д. Тон маўлення сведчыць пра псіхічны стан прамоўцы. Паводле тону слухач мяркуюе, наколькі прамоўца сам перакананы ў тым, у чым ён імкнецца пераканаць іншых. Тэрмін *тон* звычайна азначаецца прыметнікам *эмацыянальны* (*эмацыянальны тон прамовы*). Нешта вымаўляецца і прамаўляецца пэўным тонам (*прамовіць <...> тонам*), напр., прамовіць *безапеляцыйным* тонам або *тонам*, які не прадугледжвае прарэчанняў. Указанне на тон звычайна прысутнічае ў азначэннях пафасу: “...а пафос – это не только воодушевление и страсть, но ещё и чрезмерная приподнятость тона речи, подъём, рассчитанный на публику” [11].

Шматлікія кантэксты сведчаць пра існаванне права на адпаведны тон. Права ёсць у кампетэнтнага прамоўцы, які надзелены пэўнымі сацыяльнымі паўнамоцтвамі – займае кіруючую пасаду: – *Трэба старацца, – тонам дырэктара школы прамовіў дзядзька; Пытаўся ў мяне, што ёсць цікавага ў Чэхіі, апроч “Златай Прагі, гатычнага горада на Влтаве”, – гэта ён прамовіў тонам агента турбюро “Neckermann”; – Ну добра, добра, – прымірэнным тонам прамовіў шэф кантрольнай службы* (Інтэрнэт).

Эмоцыя не праяўляецца актуальна, а прысутнічае патэнцыяльна. Так, гаворыцца пра “эмацыянальны зарад”, “эмацыянальны напал”, “эмацыянальнае напружанне” і г.д. У адрозненне ад пачуцця, эмоцыя – з’ява арганічна-хімічная. Адазвацца не тое, што адгукнуцца (адклікнуцца). У водзьве праяўляюцца пачуццёвыя адносіны: *адазвацца* “аднесціся спачувальна да чаго-н.;

адказаць якім-н. пачуццём на што-н.” *Сэрца яго /Мікалая/ адазвалася радасным стукам* (Дамашэвіч) (ТСБМ). Народныя песні з іх спрадвечным рэфлексійным “ой” – мастацкія водзвывы на шматлікія праявы жыцця (“*Ой, ляцелі гусі з броду...*”; “*Ой, у лузе каліна стаяла...*”; “*Ой, у зялёным садочку...*” і да т.п.). Да барацьбы, як і да ўсяго, што дзеецца, не завуць, а заклікаюць (гучыць дзіўна: *пазваць у бой, у атаку*). Вядомыя баявыя клічы (*Ура! Банзай!*), баявых жа зоваў не бывае. Водзыў – з’ява вербальная. На зоў адзваюцца, а на кліч адклікаюцца (адгучаюцца). Слова заве, але не кліча і не заклікае. Эксплазіўнасць (выбуховасць) не характэрна для рэфлексійнага пачуцця, аднак выступае істотнай прыметай эмоцыі, напр., гневу: *Жыў у тваёй маўкліваці прысуд. І, калі гнеў твой выбухнуў, раскуты, – Маё збавенне праз твае пакуты Прыйшло. Ды не пазбавіла пакут* (Грачанікаў); – *Ну і дэмагог жа ты!* – *узрвала Тацяну* (Пальчэўскі).

Эксплазіўнасцю сведчыцца пераход ад эктэнсіўнага (эвалюцыйнага) росту да рэвалюцыйнага развіцця. Рэвалюцыя, як карэнны пераварот у жыцці грамадства, выбухае. Тон здольны абудзіць свядомасць. Маўленне – як і пафас – удзел свядомых і мэтанакіраваных людзей. Падставай любой свядомасці выступаюць перакананні людзей як прадстаўнікоў пэўных класаў грамадства (*Грамадская свядомасць. Сацыялістычная свядомасць. Класавая свядомасць*); *Вялікі Кастрычнік узяў шырокія працоўныя масы да свядомага палітычнага жыцця, да будаўніцтва новай сацыялістычнай культуры* (Хведаровіч). Па сутнасці, любая прамова накіравана на тое, каб абудзіць свядомасць. У прамове павінен прысутнічаць пабуджальны стымул, параўн. польск. *bodziec, podnieta, zachęta; pobudzenie, pobudzenie*. Пераход да рэжыму “стымул-рэакцыя” – гэта пераход ад рэфлексійнага слова да актыўна-рэактыўнай дзейнасці – справы. Справай займаюцца людзі свядомыя – у прамым і пераносным значэнні абуджаныя. У шматлікіх кантэкстах пафас трактуецца як *узбуджэнне*. У адрозненне ад маўлення, слова не ўзбуджае інстынктыўнай асабістай зацікаўленасці ці інстытуцыянальнага (грамадскага) інтарэсу, але матывуе чалавека ў яго ўчынках.

Чалавек можа існаваць як у рэжыме свядомасці, так і цалкам несвядома. Метафарай несвядомасці выступае сон: *А вы, адродкі Белай Русі, Спіце, як быццам кат засек! До спаць! Паўстаньце грамадою...* (Купала). На думку філосафа М. Мамардашвілі, жыццё з логасам неабуджанай свядомасці напамінае сон. “Мы можам мысліць, то есть совершать логические операции, так и оставаясь в этой ирреальности, не приходя в реальность. <...> В данном случае слово “спать” означает не знать и не видеть реальности. Жизнь есть сон – в этом смысле слова” (“Психологическая топология пути”) [12, 9–10].

У тэорыі пафасу, распрацаванай В. Бялінскім, пафас трактуецца як “крыніца творчай дзейнасці асобы, яе дух» [13, 312–318]. Пафас ініцыіруецца ідэяй; ён чыста духоўны, маральны. Адна з трактовак пафасу – “сутнасць, асноўная ідэя, накіраванасць чаго-н.” (ТСБМ). Калі, напрыклад, прамоўца пачынае даклад пасахам *«Пафас майго выступлення ў тым, што...»*, то ён, несумненна, разумее пад пафасам галоўную ідэю даклада, якую імкнецца трансліраваць (нацыянальная ідэя, патрыятычная ідэя, ідэя добра, ідэя справядлівасці і г.д.). Пафас – катэгорыя ідэалагічная. Укараненне новых ідэй у жыццё не абыходзіцца без пафасных праяўленняў. Маўленне мае ідэалагічнае вымярэнне, якое не ўласціва для слова (мовы). Ідэя выступае канструктыўным складальнікам свядомасці. Ідэя перавагі аднаго над другім ёсць асноўная ідэя палітычнай прапаганды і рэкламы – прапаганда эканамічнай.

Ідэі не даносяцца (вяшчаюцца), але *трансліруюцца*. Трансляцыю можна зразумець на падставе з’явы *рэзанансу* (фр. *resonance*, ад лат. *resono* «адклікаюся»). Рэзананс выклікаецца: *Кніга выклікала пэўны грамадскі рэзананс*. Спецыяльнае значэнне гэтага слова: “узбуджэнне ваганняў аднаго цэла ваганнямі другога цэла з той жа частатой” (ТСБМ). Ідэя рэзаніруе, г.зн. здольна выклікаць шырокі грамадскі рэзананс, прабудзіць несвядомыя народныя масы да барацьбы. У тэрміне *рэзананс* такі ж корань, як і ў запазычаным слове *рэзон* – “сэнс, падстава, разумны довад; у множн. ліку: *рэзоны* “ доказы, аргументы”. *Адрэй, Насцін бацька, не прымаў пад увагу гэтых рэзонаў і стаяў на сваім* (Колас) (ТСБМ). У адрозненне ад слова, маўленне прадугледжвае тое, што называецца *рэзоном* (*рэзонны доказ*). Прамоўца павінен мець *рэзон*. Аднак не ўсе прымаюць *рэзоны* (аргументы) прамоўцы і паддаюцца перакананню. Менавіта таму прамова прадугледжвае дыскусію, якая звычайна не абыходзіцца без пафасу.

Вывады

Рыгарычная сутнасць пафасу вынікае з яго дыскурсіўнасці і рэзананснасці, эмацыянальна-ідэалагічнай накіраванасці, сувязі з формамі грамадскай свядомасці і інстытуцыянальнай рэальнасцю, якая канструіруецца маўленнем і мае суб’ектыўнае маральна-прававое вымярэнне.

Названымі рытарычнымі прыметамі інстытуцыянальны па сутнасці пафас адрозніваецца ад стыхійнага жывога слова – этычнага кагнітыўнага канцэпту, прырода якога паэтычная. Галоўнай апорай у трансляцыі і станаўленні пафасу маўлення выступаюць іменныя катэгорыі – перш за ўсё ўласнае імя і асабовыя займеннікі, што тлумачыцца іх суб'ектыўным і ідэяна-прававым установачным патэнцыялам.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Шишко, Н. Б. Риторика / Н. Б. Шишко. – Минск : Соврем. шк., 2007.
2. Інтэрнэтрэсурс: <https://charter97.org/be/news/2016/9/9/221724/>
3. Исторический словарь галлицизмов русского языка. – М. : Словарное издательство ЭТС, 2010.
4. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия. Культура / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Искусство, 1991.
5. Талов, А. Бухгалтерия мозга / А. Талов // Химия и жизнь. – 1974. – № 5. – С. 12–21.
6. Шейнов, В. П. Риторика / В. П. Шейнов. – Минск : Амалфея, 2000.
7. Янкоўскі, Ф. Само слова гаворыць: Філаля. эцюды, абразкі, артыкулы / Ф. Янкоўскі – Мінск : Маст. літ., 1986.
8. Флоренский, П. Имена / П. Флоренский // Малое собр. соч. Вып.1. – Имена. – М. : Купина, 1993.
9. Слово о полку Игореве. Перевод, комментарии и статьи А. К. Югова. – Москва, 1970. Словарь литературоведческих терминов / Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – С. 264.
10. Інтэрнэтрэсурс: <http://rus.stackexchange.com/questions/39621/>
11. Складаренка, Е. Мераб Мамардашвілі за 90 минут / Е. Складаренка. – Москва–Санкт-Петербург, 2006.
12. Белинский, В. Полн. собр. соч / В. Белинский. – М. : АН СССР, 1955. – Т. 8. – С. 312–318.

Поступила в редакцию 16.01.17

E-mail: tignatyuk@mail.ru

T. N. Ignatyuk

PATHOS – RHETORICAL CATEGORY

The research of pathos is situated in the field of energetic (current) study of the Belorussian language. The antithesis of language (word) and speech appears as a contradiction of the static by its nature spontaneous speech and dynamic speech with its emotional and ideological potential – the basis of translation of pathos. In view of the marked contradiction there understood the notions “text” and “discourse”, “word” and “name”; the problem of connection of the language and ideology acquires precise contours. The understanding of language not only like the means of communication, but also like cultural institution and ideological institute opens before the researcher the perspective of interpretation of traditional for language study phenomena from the point of view of institutional theory, in which the emphasis is put on the construction by the language the social reality. The main role in this reality plays the institution of name. With the help of language the men not only passively subscribes under the personal experience, but also really inscribes into new reality, in which positions himself like an autonomous unit. The aspect of confirmation of personal subjectivity and the personality formation can't exist without the fundamental compound of speech – pathos.

Keywords: pathos, rhetoric, articulation, the poetry of the words, emotionality, ideology.

УДК 811.161.1'373.611

И. О. КовалевичКандидат филологических наук, доцент, кафедра английского языка и МПИЯ,
УО МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Мозырь, Республика Беларусь**ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО
В РЕЧИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО И ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

В статье рассматриваются особенности окказионального словопроизводства в речи детей разных возрастных групп. Исследуются как универсальные направления окказионального словообразования, так и направления, характеризующие речь определённой возрастной группы. Устанавливается тенденция к развитию системы окказионального словопроизводства, что проявляется в структурном и семантическом усложнении окказиональных дериватов, использовании новых способов словообразования (композиция, аббревиация, сокращение), расширении инвентаря словообразовательных средств.

Ключевые слова и словосочетания: окказионализм, окказиональное словотворчество, дериват, детская речь.

Введение

Окказиональное словотворчество является неотъемлемой частью речевого развития детей. Авторы исследований по детскому окказиональному словопроизводству рассматривают данный процесс преимущественно как период «проб и ошибок», начальный этап овладения общелитературными нормами (А. Г. Арушанова, Ф. А. Сохин, Т. Н. Ушакова, С. Н. Цейтлин, А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева и др.). Поэтому, описывая окказиональные деривационные процессы, учёные ограничиваются, как правило, речью дошкольников. По их мнению, словотворчество постепенно «угасает» по мере того, как дети овладевают языковыми нормами в период школьного обучения [1, 266–267], [2, 54], [3, 125] [4, 12]. Наше исследование, проведённое на материале речи детей разных возрастов (преимущественно 2–14 лет), доказывает, что окказиональное словопроизводство присутствует в повседневной коммуникации и в дальнейшем, развиваясь вместе с детьми, однако сохраняя при этом нечто унифицированное, что позволяет судить о единстве и преемственности словотворческих процессов. Рассмотрим это подробнее на примере отдельных групп окказиональных дериватов*.

Результаты исследования и их обсуждение

В группе аффиксальных субстантивов большую группу составляют дериваты с деминутивной семантикой, демонстрируя тенденцию детей к созданию коррелятов к узуальным словам на основе со-противопоставления. Показательны в данном отношении производные имена существительные со значением детскости, образованные посредством форманта *-онок* (во мн. ч. *-ат- / -ят-*): *Мама/ дай мне большую матрёшку с маленькими **матрятами**//* (2 г.); *Папа/ мой супруг/ я папе/ супруга// – Я тогда вам кто? **Супрёнок?*** (3 г.); *Курочка высиживает цыплят/ а бабочка/ **бабчат**//* (4 г.). В качестве мотивирующих основ могут выступать и имена собственные: А: *У кота?* – Б: *Котёнок!* – А: *У орла?* – *Орлёнок!* – А: *У Барбоса?* – Б: ***Барбосёнок!*** (4 г.). В сознании ребёнка значение детскости коррелирует с уменьшительно-ласкательным значением, что объясняет образование окказионализмов посредством форманта *-онок* от основ неодушевлённых имён существительных самой разнообразной семантической принадлежности: *Какой интересный **мультиёнок!*** (3 г. 6 м.); *Это мой **сочонок!*** (ласково о соке) (3 г. 6 м.); *Я помыла свой **значонок!*** (3 г. 10 м.) и т. д. Однако в ряде случаев нами выявлены факты осознанного олицетворения детьми дошкольного возраста неживых объектов: *Жили-были танк и **тантёнок!***

© Ковалевич И. О., 2017

*Материалы для исследования были получены в результате личного общения с детьми дошкольного и школьного возраста, бесед с их родителями и педагогами, а также из Интернет-ресурсов, посвящённых вопросам речевого развития детей и особенностям их воспитания в целом (<http://det.org.ru>; <https://deti.mail.ru> и др.).

(2 г. 5 м.); *На столе большой арбуз/ а на грядке маленькие арбузята/ Это их мама//* (4 г. 4 м.). Данная генерализованная модель проявляет определённую продуктивность и в речи детей школьного возраста: *Был шар/ сдулся и стал шарёнком//* (7 л. 8 м.); *У детей должен быть свой Бог// Славный/ добрый Богинёнок//* (8 л.); *Это гриб/ а рядом/ грибочок//* (9 л.); *Посмотри/ велосипед и велосипедёнок//* (10 л. 3 м.); а также *апельсинёнок* (6 л. 4 м.) (пример В. К. Харченко), *ракушонок* (10 л. 1 м.) (пример В. К. Харченко) [5, 20], [5, 451].

В рамках упомянутой нами тенденции детьми активно производятся окказиональные слова со значением увеличительности [6, 47–48]. Как показывает наше исследование, в речи детей дошкольного возраста подобные дериваты создаются в большинстве случаев посредством обратной деривации, когда от производящей основы отделяется часть, выражающая, по мнению ребёнка, значение уменьшительности: *мизин* (от *мизинчик*) (2 г. 5 м.), *сусёл* (от *суслик*) (3 г.), *Чебуран* (от *Чебурашка*) (3 г.), *вороб* (от *воробышек*) (*Мама/ это воробышек-сын/ а папа/ это вороб/ потому что у него шея толстая//* (6 л.)) и др. Значение увеличительности также может выражаться посредством форманта *-иц-*, способного развивать коннотативное значение, выражающее нечто негативное и пугающее: *Если у чудовища светлые волосы/ то оно блондинице//* (4 г.); *Я злой червякице!* (7 л.); *Какой большой гранат! Это не гранат/ а гранатице// Просто бомба!* (8 л.) и т. д. Подобные новообразования характерны для речи детей в целом.

Аффиксальные окказионализмы со значением женскости активно производятся детьми всех возрастов и мотивируются субстантивными основами, соотносимыми с агентами и зоонимами (*-к-*, *-их-*, *-иц-*, *-ниц-*, *-ш-*): *Он/ негр/ она/ негорка//* (3 г.); А: *Это кто?* – Б: *Петух!* – А: *А это?* – Б: *Это его петучиха и петучата//* (3 г. 5 м.); а также *Колобиха* (3 г. 7 м.), *котиха* (4 г. 6 м.), *комариха* (6 л.); *Давай поиграем/ я буду твой сыночек/ бычонок/ а ты/ моя мама/ бычица/ я твой котёнок/ а ты/ котица/ я козлёнок/ ты/ козлица//* (3 г.); а также *ягница* (об овечке) (3 г.), *носорожица!* (4 г.); *коница//* (о лошади) (6 л.); *поварица* (10 л. 10 м.); *Посмотри/ моряк и его морячица//* (6 л.); *Папа/ ты рыбак/ а я рыбачица//* (12 л.) и др. В качестве мотивирующих основ могут выступать и имена собственные: А: *Или/ может/ хочешь с Петром сфотографироваться?* – Б: *Нет/ не хочу/ он очень большой/ а вот с Петрицей я бы сфотографировалась//* (5 л.); *У нас на даче этих Гвидонов... точнее Гвидони//* (11 л.) (в ответ на прочитанную детскую фразу: «Папа, не убивай комара, вдруг это князь Гвидон летит!»). В последнем случае мы наблюдаем выраженную установку на экспрессию и образность, что достигается посредством осознанного олицетворения насекомого. Интересную особенность окказионального словотворчества детей дошкольного возраста представляют случаи выражения значения женскости посредством флексии *-а*, которая прибавляется к субстантивной основе, обозначающей лицо мужского пола: *Ты будешь трубадур/ а я/ трубадура//* (4 г.); А: *Что здесь за хулиган такой?* – Б: *Я не хулиган/ Я хулигана//* (3 г.); *Мама/ носорога/ а малыш/ носорожек//* (4 г.). Подобные дериваты могут мотивироваться также и именами собственными: А: *Почему плачешь? Ты что/ Девочка?* – Б: *Да/ Девочка!* – А: *А как тебя зовут/ девочка?* – Б: *Олега!* (2 г. 6 м.).

Окказиональные новообразования со значением принадлежности к мужскому полу характеризуют, как правило, речь детей дошкольного возраста и образуются как посредством прибавления суффикса (*-ник*, *-ец*, *-чик*): *Ты/ бабушка/ корова/ я телёнок/ а деда/ коровник//* (4 г.); А: *Вот свинья!* – Б: *Сам свинец//* (4 г.); *Ах/ уходите! Я не люблю вас! Ко мне сейчас мой русалец должен приплыть//* (5 л.) (изображая Русалочку); *Ишь/ какой мадамчик нашёлся//* (6 л.) и т. д.), так и посредством отделения флексии *-а*. Ср.: *Жили-были старух со старухой//* (2 г. 4 м.); *Мама/ ты моя девица и бабушка моя девица// А папа/ мой девиц//* (3 г.); *Нет/ папа не добрая душа/ он/ добрый душ//* (3 г. 5 м.); а также *синичк* (3 г. 10 м.), *антилон* (5 л.), *умниц* (6 л.), *коров* (7 л.) и др.

Агенты со значением отношения к трудовой деятельности показательны для словотворчества дошкольников (*-ист*, *-ор* / *-ёр*, *-ец*, *-ник*, *-ниц-*, *-щик* / *-чик*, *-тель*, *-льщик* и др.): *паровозист* (3 г.), *шоферист* (3 г. 5 м.), *таксёр* (3 г. 5 м.), *тюрьмец* (3 г. 6 м.), *укольница* (4 г.) *самолётчик* (6 л.), *ремонтчиц* (2 г. 10 м.), *мытель* (4 г.), *лечитель* (4 г. 5 м.), *продавальщик* (3 г.), *торговальщик* (5 л.) и др. При этом некоторые суффиксы употребляются в нетипичном для них значении: *Мама/ а мы к шилице идём?* (3 г.) (ср.: модник – модница); А: *Кем хочешь стать/ когда вырастешь?* – Б: *Стиральником//* (3 г. 10 м.); *Папа/ ты играющий победильник!* (3 г. 11 м.) (ср.: напильник, кипятильник); А: *Кто шьёт одежду?* – Б: *Шьюха!* (5 л.) (ср.: большуха). Дериваты данной семантической категории образуются детьми и более старшего возраста, однако их количество невелико: *Он был пилотом... самолётчиком... ой/ летальщиком// Ну/ как его?*

лётчыком// (11 л. 8 м.); Он/ наверное/ работает... стучит по колёсам// Стучальщиком// Нет/ стукачом// (12 л.). Из представленных примеров видно, что говорящие создают новые слова в поисках необходимой номинативной единицы, осознавая новизну своих новообразований.

В детской речи отмечается активная тенденция к использованию новых слов в качестве характеризующих средств. Характеристика лица может осуществляться как по конкретному действию (-х-, -льщиц-, -тель, -к-, -лк-, -ак- / -як-, -льщик: *Мешахи всегда мешают/ а немешахи не мешают//* (3 г. 6 м.); *Мам/ гляди/ это девочка-падалыщица* (4 г.); а также *забыватель* (4 г. 4 м.), *пугалка* (5 л. 4 м.), *перепутка* (4 г. 6 м.), *непомнилка* (4 г. 6 м.), *сидяк* (4 г. 8 м.), *вертяк* (4 г. 8 м.), *купильщик* (12 л.), *катальщик* (13 л. 4 м.) и др.), так и по наличию у него определённого качества (внешнего либо внутреннего) (-ниц-, -ец, -овец, -овик, -ак / -як: *жадница* (3 г.), *плоховец* (4 г. 5 м.), *удобец* (от удобный) (5 л.), *черновик* (5 л. 3 м.) (о себе в одежде черного цвета) и др.). Подобные новообразования нередко выступают в качестве «обзывалок»: А: *Яра/ это моя коляска//* – Б: *Кричалка//* – А: *Сама кричалка//* (5 л. 4 м.); *Ты глупая//* – *Это ты глупяк//* (5 л. 7 м.); *Хватит ты спрашивала/ спрашивалка//* (10 л.); *Арина/ ты полный тупяк//* (13 л. 6 м.).

Отмечается универсальная тенденция к образованию отглагольных окказионализмов со значением орудийности. В качестве наиболее продуктивного форманта выступает суффикс -лк-: *Эта машина/ фонарильная чинилка//* (4 г. 3 м.); *Бабушка/ это процеживалка?* (5 л.); *Закудри меня на кудрилку// А теперь раскудривай//* (6 л.); *Где эта/ как её/ чистилка... для обуви?* (о губке для обуви) (11 л.); *Дай щёлкалку// Ну для грецких орехов//* (11 л.); *Ну/ где эта протыкалка?* (11 л. 3 м.) и др. Активность образования дериватов данного типа объясняется высокой продуктивностью и регулярностью подобных производных в языковом узусе, а также прозрачностью их структуры.

Орудийная семантика объединяет также многочисленные окказиональные глаголы, мотивированные субстантивами: *топорить* (2 г.), *скалить* (3 г.) (от скалка), *юлить* (4 г. 5 м.) (от юла), *насосить* (5 л. 2 м.), *лопатать* (2 г.), *палкать* (2 г. 9 м.). Подобные дериваты создаются довольно активно и в школьном возрасте: *Кто там весело молоточит?* (7 л.); *Я сейчас попланишечу и лягу спать//* (10 л.); А: *Тебе вилку или ложку?* – Б: *Я буду и ложкать/ и вилкать/ а ещё ножить//* (11 л. 4 м.) и др.

В окказиональном словотворчестве детей следует отметить большое количество отыменных глаголов, не вписывающихся ни в один словообразовательный тип нормативного языка. Подобные дериваты являются следствием свертывания глагольных словосочетаний, когда семантически значимая именная основа замещает нерелевантную глагольную (*за- + S + -и-(ть)*, *на- + S + -и-(ть) + -ся*, *за- + S + -и-(ть) + -ся*, *за- + ADJ + -и-(ть) + -ся*, *на- + ADJ + -и-(ть) + -ся* и др.): А: *Мама/ это что?* – Б: *Молния//* – А: *А как её надо замолнить?* (2 г. 3 м.); *Мама, спасибо! Я наелась/ напилась, навитаминилась//* (3 г.); *Мама, я уже закиндерилась!* (3 г.); *Мама/ меня петух напугал// Он так громко напетухал!* (3 г. 1 м.); *Мамочка/ одуванчики такие красивые/ а их всех сгазонили//* (5 л.); *Вот как я насарафанилась!* Ну/ прямо/ как чучело! (5 л.); *Что-то сегодня погода закурносила!* (4 г. 5 м.) (о дождливой погоде); *Папа/ я уже намокрился!* (3 г.); *Мам/ смотри/ как тётя на девочке распузатилась!* (о беременной женщине) (4 г.) и др. Отыменные глаголы, образованные по генерализованным моделям, сохраняются в речи детей и в дальнейшем, превращаясь постепенно в продукт осознанного словотворчества: *Мам/ ну и заглаголила ты меня!* (8 л.) (после проверки знания выученных глаголов); *Вот я сейчас накалькулячу!* (8 л.); Я теперь всё *отколейдоскоплю!* (9 л.); *Мама/ ну куда же ты так наверблюдилась?!* (10 л.) (о маме с пакетами в руках); *Вот мы в стольких многих квартирах пожили// Прямо обквартирились!* (11 л.); А: *Съела?* – Б: *Сфиникачила//* (12–13 л.) (ср.: съела финики) и т. д.

Особенностью словотворчества дошкольников является образование тавтологических предикативных конструкций, где в качестве производящей базы выступает субстантив, выполняющий роль подлежащего. Образование подобных дериватов может быть сопряжено с фактами ложной этимологии, актуальной для речи дошкольников в целом: А: *Бычок бычит//* – Б: *Нет/ сынок// Бычок мычит//* – А: *Нет/ мама/ бычит!* (2 г. 3 м.); *Вертолёт быстро вертолётит//* (3 г.); *Пингвин пингаёт:* «Пинг-пинг!» (3 г. 4 м.); *Орёл орёт/ осёл осит/ а дятел дятит//* (3 г. 5 м.); *Мамочка/ смотри/ как невалишка невалирует!* (3 г. 8 м.). Как видно из представленных примеров, дети младшего возраста не ощущают чётких границ между морфемами, что находит отражение в неправильном членении слов (ср.: *осить* – об осле и др.). В речи школьников подобные новообразования нами зафиксированы не были.

В области аффиктивной деривации основную часть составляют отсубстантивные окказионализмы. Наибольшее семантическое многообразие отмечается в области образования прилагательных, выражающих семантику подобия свойственности, наличия какого-либо признака и т. д. В качестве словообразовательных формантов выступают самые разнообразные суффиксы (-н-, -ин-, -ат- и др.): А: *Какой ты хочешь? Сердечком/ круглый/ как зайка?* – Б: **Нольный**// (о форме шарика) (3 г.); *Посмотрите/ у Артёма улитин нос!* (о форме носа) (4 г., 2 м.); *Мам/ смотри/ какая я поросятая!* (о себе в розовой одежде) (3 г.); А: *Я женатый// А вот ты действительно холостой!* – Б: *Нет/ я тоже не холостой! Я сестратый!* (5 л.); *Пират такой грязный/ лохматый/ пистолетый!* (4 г.); А: *Ну у тебя же есть кукла-футболист/ переодень его/ и он будет принцем!* – Б: *А у него модной принцевской одежды нету!* (6 л.) и др. Кроме того, нами выявлены окказиональные имена прилагательные, мотивированные субстантивными основами, которые образуются по единичным моделям: *Мам/ выключи этот мультик// Он для меня слишком кроличный!* (5 л.) (о мультфильме «Мешок яблок»); *Ну вот/ прошла! А бывают такие модные мамы// Они бы точно не прошли// А ты нормальная такая/ дырковая!* (5 л. 4 м.) и др. Чрезмерная диффузность семантики выше представленных окказиональных аффиктивов затрудняет их объединение в более или менее чёткие словообразовательные модели или типы.

Примеры отсубстантивных новообразований зафиксированы нами в речи детей школьного возраста, в том числе и подросткового: *У этой шоколадки арбузовый вкус* (11 л. 1 м.); *Это мясо свиновое?* (11 л. 4 м.); *Я готовлю хомяку огуреческий салат* (11 л. 4 м.); *А где папа взял это оливочное масло?* (12 л. 6 м.) и т. д. Как правило, подобные номинаты представляют собой результат смешения суффиксальных морфем и свидетельствуют о трудностях, с которыми сталкиваются дети при усвоении словообразовательной системы аффиктивов.

В целом следует отметить, что система аффиксальной деривации постоянно развивается, обогащается инвентарь словообразовательных единиц. По мере взросления ребёнка в его речи отмечается использование формантов, выражающих степень наличия того или иного признака. Примером тому служит префикс *супер-*, который отмечается в речи детей старшего дошкольного и школьного возраста: *суперрубитель* (6 л. 5 м.), *суперкусный* (10 л. 9 м.), *суперпельмень* (13 л. 5 м.), *суперлопатка* (13 л. 6 м.). Ближе к подростковому возрасту появляются новообразования с аффиксоидами: *Врач сказал/ что мне нельзя много есть/ а то у меня будет едомания!* (10 л. 5 м.); *Это мой мегахомяк!* (11 л. 4 м.) и др.

Окказиональные композиты появляются в речи детей ближе к школьному возрасту и в дальнейшем характеризуются достаточной продуктивностью. Сравнительно позднее появление новообразований данного типа в детском словотворчестве правомерно объяснить тем, что такого рода дериваты более характерны для книжных стилей, с которыми дети знакомятся в школе. Это, как правило, касается композитов, образованных на основе подчинительной связи типа *S + V + суффиксы* (-тель, -ка, -лк-, -тельн- и др.): А: *А как я тебе его (т. е. сок) сделаю?* – Б: *Купи банановыжиматель!* (5 л.); *Я тоже себе хочу такой попкорноделатель!* (11 л. 1 м.); *Мама/ ты неправильно меня моешь! Ноги нужно вон там/ в ногомойке помыть!* (6 л. 8 м.); А: *Не хочу мыть окно!* – Б: *Заведи себе окномойку тогда!* (13 л. 7 м.); *Я тебе не яблокособиралка!* (13 л. 5 м.) У нас борщеварочная кастрюля самая большая/ не считая компотозакрывательная (12 л. 7 м.) (пример В. К. Харченко) [5, 42]; *Какая же ты у меня работячная/ занавесостирательная!* (8 л. 3 м.) (пример В. К. Харченко) [5, 168]. Отмечается склонность детей к явно выраженной языковой игре с использованием окказиональных композитов: *И дедуля меня хочет съесть/ и бабуля// Вас дома не кормят/ что ли? Вы что/ Настеедки?* (5 л.); А: *Сына/ кем ты будешь/ когда вырастешь?* – Б: *Кошкотаскателем!* (6 л.) и т. д. Образование окказиональных композитов может осуществляться по модели конкретного узуального слова путём замены одной из основ (чаще аффиктивной или адвербиальной) на семантически противоположную: *Какие же это сухофрукты? Это мокрофрукты!* (6 л.); А: *Не кричи!* – Б: *Как не кричать/ если вы меня не слышите? Мне надоело быть громкоговорителем!* – А: *Тогда будь тихоговорителем!* (13 л. 3 м.) и др. Подобная деривация может сопровождаться ложной этимологией: А: *Мам/ как это называется?* – Б: *Левометицин!* – А: *А для другого глазика/ правометицин?* (7 л.).

Ближе к среднему школьному возрасту в речи детей начинают появляться первые аббревиатурные новообразования и усечения, например: *рюк* (сокр. от *рюкзак*) (10 л. 4 м.), *домтел* (сокр. от *домашний телефон*) (11 л. 5 м.), *кач* (сокр. от *качок*) (13 л.) и др. В данной группе новообразований выделяются аббревиатуры, образованные от имён собственных и представляющие собой прозвища людей (одноклассников или учителей): *Ямп* (от *Ямпольский*),

Чер (от *Черник*), *ГалПетра* (от *Галина Петровна*) и др. Также нами зафиксированы случаи создания сложносокращённых новообразований, которые могут совпадать с общеизвестными: [*КавЭн*]* (от *Колькова Валентина Николаевна*).

Для детского окказионального словотворчества являются показательными также слова образованные способами, не характерными для узуального словообразования. Это касается, прежде всего, контаминации и реэтимологизации. Первые контаминированные слова появляются в детском словотворчестве в достаточно раннем возрасте (до 3 лет). В данный период лексическая гибридизация носит характер номинативной деятельности. Наше исследование ПОДДЕРЖИВАЕТ утверждение Т. Н. Ушаковой о ведущей роли семантических связей при образовании контаминированных слов [7, 69]. Нами было установлено, что в подавляющем большинстве случаев понятия соотносятся по принципу семантической тождественности, а окказионализмы представляют собой случаи совмещения начала первой основы и конца второй: *жираблюд* (*жираф* + *верблюд*) (3 г.), *пиндюк* (*пингвин* + *индюк*) (3 г.), *фонары* (*фонарь* + *фары*) (3 г. 5 м.), *средельник* (*среда* + *понедельник*) (5 л.), *болтабесничают* (*болтать* + *балбесничают*) (≈ 7 л.) и др. Из представленных выше примеров видно, что не всегда можно проследить, являются ли подобные новообразования обозначениями гибридных, созданных воображением существ, либо контаминация носит чисто языковой характер (ср.: *пиндюк*, *жираблюд* и др.). По мере взросления детей образование контаминированных слов значительно сокращается в связи с более высокой осознанностью семантики морфем и правил их соединения, однако полностью не исчезает из детского словотворчества. Подобные дериваты приближены к соответствующим новообразованиям из речи взрослых и несут в себе функцию создания определённого комизма и образности: *Я не пойду на физкультуру/ у меня боленка!* (о большой коленке) (11 л. 11 м.) (пример В. К. Харченко) [5, 39].

Реэтимологизация тесным образом связана с контаминацией, а иногда сопровождается ею, т. к. в обоих случаях происходит взаимодействие двух слов. Детская реэтимологизация во многом схожа с народной этимологией, описанной в работах многих лингвистов (Л. А. Введенская, Б. Ю. Норман, Ю. В. Откупщиков и др.). Реэтимологизированные слова дошкольников, как правило, выражают функциональные характеристики обозначаемых ими объектов, что достигается посредством включения глагольной основы в структуру узуальных слов: *лизык* (*лизать* + *язык*) (2 г.), *копата* (*копать* + *лопата*) (3 г.), *плюни* (*плевать* + *слюна*) (3 г.), *гребесло* (*грести* + *весло*) (4 г.), *ходиум* (*ходить* + *подиум*) (4 г.), *замалента* (*заматывать* + *изолента*) (4 г.); *бродюр* (*бродить* + *бордюр*) (4 г. 5 м.) и т. д. Взаимодействующие понятия могут находиться и в семантических отношениях несколько иного характера (ассоциации по месту, качественным характеристикам и т. д.): *дупел* (*дупло* + *дятел*) (4 г.), *неблако* (*небо* + *облако*) (4 г. 1 м.), *банконасы* (*банка* + *ананасы*; о консервированных ананасах) (3 г.), *подаринчики* (*подарок* + *мандарин*; т. к. были принесены в качестве подарка) (5 л.), *железл* (*железо* + *жесл*) (4 г. 6 м.) и т. д. В некоторых из представленных окказионализмов акцентируются случайные признаки (ср.: *подаринчики*).

Уже в речи дошкольников нами зафиксированы случаи, когда дети осознанно производят новые слова, стараясь исправить существующие, по их мнению, языковые неправильности. В подобных случаях окказионализмы выступают в качестве ответной реакции на речь взрослых и употребляются в ответных высказываниях на соответствующие реплики-стимулы: А: *Правильно лепмени!* – Б: *Кто тебе такое сказал?* – А: *Никто// Просто бабушка сама их лепила/ значит/ лепмени!* / А у нас они из магазина// Значит/ пельмени! (5 л.) и др.

Реэтимологизации могут подвергаться также и имена собственные. Нами выявлены следующие случаи переименования имён и отчеств людей в речи дошкольников: *Очкана* (от *Оксана*; т. к. носила очки), *Кефировна* (от *Никифоровна*), *Янична* (от *Ильнична*), *Макароновна* (от *Макаровна*). В последних трёх случаях основу реэтимологизации составляет звуковое подобие взаимодействующих основ. Переименование имён собственных (чаще фамилий и отчеств, реже имён людей) находит активное продолжение и в школьном возрасте. Словообразовательные основы подобных окказионализмов часто указывают на какой-либо характерный признак носителей тех или иных имён: *Мидия Лихайловна* (от *Лидия Михайловна*), *Обезьянович* (от *Емельянович*), *Мухайлович* (от *Михайлович*, т. к. умеет ловить мух) и др.

*Приведённая инициальная аббревиатуры относятся к буквенному подтипу.

Выводы

Таким образом, можно заключить, что детское окказиональное словотворчество во многом обусловливается факторами возрастного порядка, т. к. протекает в общем русле развития речемыслительной деятельности. Первые детские окказионализмы отличаются деривационной и семантической диффузностью и свидетельствуют о неосознанности детьми отношений производящего – производного. По мере взросления детей количество окказионализмов с неопределённой семантикой в их речи убывает. Окказиональные деривационные процессы становятся все более упорядоченными. Наряду с превалированием в речи детей аффиксальных дериватов, количественное соотношение способов окказионального словопроизводства меняется. В речи детей школьного возраста увеличивается количество окказиональных композитов, усечений и аббревиатур. Контаминация и ретимологизация становятся средствами языковой игры в целях достижения необходимой экспрессии и образности, что также характерно и для окказионализмов других структурных типов. Показателем поступательного развития процессов окказиональной деривации является появление новых словообразовательных типов и моделей, обусловленное обогащением инвентаря формантных единиц. Тем не менее, несмотря на качественные и количественные изменения, в окказиональном словотворчестве сохраняются универсальные линии, благодаря которым данный процесс характеризуется цельностью и преемственностью (система способов окказиональной деривации, сквозные словообразовательные ряды окказионализмов, тенденции к образованию по аналогии, к генерализации словообразовательных типов и моделей, к парной симметрии на основе со-противопоставления и др.).

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арушанова, А. Г. Речь и речевое общение детей: Формирование грамматического строя речи : метод. пособие для воспитателей / А. Г. Арушанова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мозаика-Синтез, 2005. – 296 с.
2. Белянин, В. П. Психолингвистика : учебник / В. П. Белянин. – 2-е изд. – М. : Флинта : Моск. псих.-соц. ин-т, 2004. – 232 с.
3. Ушакова, Т. Н. О причинах детского словотворчества / Т. Н. Ушакова // Вопр. психологии. – 1970. – № 6 – С. 114–126.
4. Цейтлин, С. Н. Окказиональные морфологические формы в детской речи : учеб. пособие / С. Н. Цейтлин ; Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л. : ЛГПИ, 1988. – 77 с.
5. Харченко, В. К. Словарь современного детского языка : ок. 10000 слов : свыше 15 000 высказываний / В. К. Харченко. – М.: Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2005. – 637 с.
6. Ковалевич, И. О. Полярная симметричность детского мышления и её отображение в окказиональном словотворчестве / И. О. Ковалевич // Мова і культура (Науковий журнал). – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2013. – Вип. 16. – Т. II (164). – С. 46–51.
7. Ушакова, Т. Н. О механизмах детского словотворчества / Т. Н. Ушакова // Вопр. психологии. – 1969. – № 1 – С. 62–73.

Поступила в редакцию 30.06.17

E-mail: irina_kovalevich@list.ru

Irina Olegovna Kovalevich

NONCE WORD CREATION IN THE SPEECH OF PRESCHOOL AND SCHOOL-AGE CHILDREN

The article focuses on the peculiarities of nonce word derivation in the speech of children belonging to different age groups. Both universal and peculiar to some particular age group tendencies of nonce word derivation are studied. It is stated that the system of nonce word formation demonstrates a tendency to development which is observed in the structural and semantic complication of nonce derivatives, in the usage of new word-building ways (compounding, abbreviation, shortening), in the enrichment of the inventory of derivational means.

Keywords and phrases: nonce word, nonce word creation, derivative, children's speech.

УДК 801.311:81-23

А. І. Копач

Кандидат філолагічных навук, доцент,
доцент кафедры камп'ютэрнай лінгвістыкі і лінгвадыдактыкі,
Белорусский гасударственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

АБ'ЕКТЫЎНЫ, СУБ'ЕКТЫЎНЫ І ІМПЛІЦЫТНА-АБ'ЕКТНЫ ПАДЫХОДЫ ДА КАТЭГОРЫІ АДЗІНКАВАГА Ё ТАПАНІМІІ: АД ФІЛАСОФСКІХ АБСТРАКЦЫЙ ДА ЛІНГВІСТЫЧНАЙ КАНКРЭТЫКІ

У артыкуле апісваецца падыход да даследавання тапаніміі, які зыходзіць з дэнатацыйных уласцівасцей імянаў. Ён абапіраецца на феноменалогію Э. Гусэрля і выкарыстоўвае вопыт іншых навук (філасофіі, псіхалогіі, логікі). Падыход супрацьпастаўлены як традыцыйным даследаванням (Дж. С. Міль), так і даследаванням, арыентаваным на этналінгвістыку і лінгвакультуралогію (М. І. Талстой). Тапанім разглядаецца як цэласная сутнасць, якая рэалізуецца ў чатырох аперцэптыўна звязаных сэнсавых структурах.

Ключавыя словы: тапанім, адзінкавае, аб'ектыўны падыход, суб'ектыўны падыход, імпліцытна-аб'ектны падыход, дэнатацыя, феноменалогія, антрапацэнтрызм, кагнітыўная лінгвістыка, дэкларатыўнае і працэдурнае веданне, абстракцыя, аперцэпцыя, аснова і фармант, сэнсавая структура.

Уводзіны

Падыходы да вывучэння геаграфічнага ўласнага імяна, якія існуюць у сучаснай лінгвістыцы, у большасці сваёй зыходзяць з пошуку матывавальнай прыметы адзінкавага аб'екта. Як вынік гэтага, аналіз тапаніма, як правіла, зводзіцца да інтэрпрэтацыі прыметы ў межах моўнай кампетэнцыі папярэдніх або цяперашніх жыхароў рэгіёна (аб'ектыўны падыход) ці этнакультурнай спадчыны пражываючых тут народаў (суб'ектыўны падыход). Першы з падыходаў разглядае аб'ект і яго імя як супрацьпастаўлены чалавеку і адцягнены ад яго мэт, мыслення, пачуццяў і г.д. сутнасці, якія можна спазнаць праз матываванасць імяна іншымі словам мовы, другі – улічвае чалавечае вымярэнне намінацыі і неабходнасць перадаць у оніме не толькі сам аб'ект, але таксама адносіны да яго народа, адлюстраваныя ў этнакультурным кодзе.

Шматлікія даследаванні ўласных імянаў геаграфічных аб'ектаў звычайна абмяжоўваюцца адным класам імянаў ці разглядаюцца як роўныя, з пункту гледжання лінгвістыкі, аб'екты. Онімы дэнатуюць адзінкавыя аб'екты, а значыць, па сутнасці сваёй, не перадаюць паняцці, таму іх прынята разглядаць альбо як ідэальныя пустыя словы, у якіх выяўляюцца толькі фармальныя прыметы (афіксы) [1, 86], альбо як адзіны комплекс слоў, у сукупным аб'ёме матывацыі якіх можна адшукаць погляд на свет чалавека пэўнага этнасу [2, 17].

Структура імяна і / або семантыка яго асновы – вось два ў значнай меры адасобленыя ў даследаваннях бакі, якія апісваюцца з адной тапанімнай працы ў іншую. Пры гэтым у рэдкіх выпадках анамасты-лінгвісты спасылаюцца на працы, зробленыя ў іншых галінах ведаў – філасофіі, псіхалогіі, логіцы. Сведчанні гэтых навук маглі б калі не пераўтварыць асновы тэорыі імяна ўласнага, то як мінімум паглядзець на яго з адметных ад ужо распрацаваных пазіцый.

Мэта і метады даследавання. Мы абгрунтоўваем такі падыход да тапанімнага матэрыялу, пры якім структурныя элементы імянаў карэлююцца з іх функцыянальнымі ролямі, а паміж імянамі ў межах сістэмы існуюць відавочныя ўзаемаадносіны пераемнасці, што сведчыць аб складанасці вопыту і канструктыўнасці дзеянняў чалавека па азначанню адзінкавых аб'ектаў свету. Тэа сэнсы, якія нараджаюцца падчас узаемадзеяння элементаў імяна, існуюць у слове неўсвядомлена і выяўляюцца падчас аналізу і фіксацыі адрозненняў намінацыі розных тыпаў аб'ектаў. Таму падыход можна назваць імпліцытна-аб'ектным. Пры апісанні нашага падыходу мы абапіраемся, перш за ўсё, на працы класікаў філасофіі, логікі і псіхалогіі – Э. Гусэрля, Ч. Пірса, Л.С. Выгоцкага, А. М. Лявонцьева, Ж. Піяжэ і інш., а таксама работы лінгвістаў функцыянальнага і кагнітыўнага кірункаў – Я. Развадоўскага, К. Бюлера, М. Дакуліла і іншых прадстаўнікоў пражскага структуралізму, Р. Лангакера, Л. Талмі, А. С. Кубракавай, М. Д. Голева і інш. Сярод метадаў, якія

выкарыстоўваюцца аўтарам, адзначаюцца структурны, супастаўляльны, колькасны, а таксама метады кагнітыўнай лінгвістыкі, сутнасць якога была прадэкларавана ў постсавецкім мовазнаўстве А. С. Кубраковай: «пастаяннае суаднесенне моўных дадзеных з іншымі вопытнымі сэнсаматорнымі дадзенымі» [3, 5]. У якасці прыкладаў выкарыстоўваюцца імёны тапааб'ектаў Беларусі і ЗША.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Кансерватыўнасць анамастычных высноў і метадаў даследавання, з нашага пункту гледжання, зыходзіць у значнай ступені з прыняцця ўсіх уласных імёнаў за міфалагічны пласт адзінак, якія застаюцца нязменнымі ва ўсіх «магчымых светах» (Ю. М. Лотман, С. Крыпке і інш.) [4, 62], [5, 145]. Разам з тым, на думку вялікай па колькасці групы лінгвістаў, онімы могуць уключыць у свой склад шматлікія экстралінгвістычныя звесткі аб аб'екце (А. У. Суперанская, В. І. Супрун, А. Л. Беразовіч і інш.) [2, 17], [6, 11], [7, 20]. Як вынік – гатоўнасць большасці анамастаў «мірыцца» з такім становішчам спраў, пры якім онімам прыгатавана альбо роля семантычна пустога ярлыка (дадзенае разуменне сутнасці імёнаў ідзе ад філосафа Дж. С. Міля [8, 979]), альбо роля калектара «бязмежнага мора сэнсаў» (тут лінгвісты на першым этапе абпіраліся на працы класіка культурнай семіётыкі М. І. Талстога [9]).

Не адмаўляючыся ад важнасці гэтых двух альтэрнатываў даследавання онімаў, паспрабуем прапанаваць яшчэ адну. У кнізе К. Бюлера «Тэорыя мовы. Рэпрэзентатыўная функцыя мовы» адзначалася, што падыходы Дж. С. Міля (класічны для традыцыйнай анамастыкі) і Э. Гусерля да імёнаў аднолькава цікавыя: «Гаворка ідзе пра дзве праграмы, рэалізаваныя з прываблівай паслядоўнасцю» [10, 211]. Калі Дж. С. Мілю мы можам быць удзячны за апісанне імені «зыходзячы з аб'ёму, а не са зместу» [10, 208], то фенаменалагічны метады Э. Гусерля, які стаў вельмі папулярным у сувязі з паваротам навукі да антрапацэнтрызму, часта цытуецца кагнітыўнымі лінгвістамі, але не атрымлівае шырокага прымянення ў анамастычных штудыях. Ён заснаваны на вынясенні за межы даследавання ўсіх выпадковых прымет аб'екта, выяўленні сутнасці з'явы праз аналіз магчымасцей успрымання аб'екта чалавекам падчас намінацыі [11].

Перш чым перайсці да апісання прыніцыпаў нашага падыходу да ўласных імёнаў геаграфічных аб'ектаў, разгледзім тры падыходы, якія склаліся да іх даследавання і якія каротка прадстаўлены намі ва ўводзінах дадзенага артыкула.

Пошук структурных элементаў тапазнакаў і сэнсаў, якія прыпісваюцца імёнам іх стваральнікам, цалкам зразумелы. Вынік такой працы адлюстроўваецца ў дэкларатыўным веданні. Онім прысвойваецца аб'екту для таго, каб вылучыць яго сярод іншых падобных і таксама адзінак аб'ектаў, а значыць, у яго ёсць дзве значныя часткі: матывавальная аснова і словаўтваральны фармант. Пры гэтым кожная з частак атрымлівае сваю спецыялізацыю: фармант уводзіць у тапанімію рад, тапааснова адрознівае ўнутры раду [12, 12].

Элементы, якія афармляюць тапааснову, адыгрываюць ролю чыста граматычную, або «фармальную». Яны звычайна альбо дапасуюцца да граматычных характарыстык геаграфічных апелятываў: *Лагазінскі лес* (адз.л., м.р.), *Раішаткоўскае поле* (адз.л., ніякі.р.) і інш., – альбо канстатуюць суаднесенасць імені з катэгорыяй аб'екта, а не, напрыклад, з прыметай: *Вагараўшчына*, *Чапяліца* і інш. Разам з тым ва ўмовах абмежаванасці змястоўнага складніка тапаасноў (яны адлюстроўваюць якасці, сувязі з іншымі аб'ектамі і дзейнасць суб'ектаў) і іх патэнцыйна хуткай дээтымалагізацыі з прычыны дыфузнага сэнсу (адлюстроўваюць толькі адну з патэнцыйнага мноства характарыстык аб'екта) [13, 97] падобная характарыстыка становіцца ледзь не адзінай абавязковай для фіксацыі. Менавіта гэта дазваляе на першым этапе даследавання тапаніміі, якая разглядаецца як гістарычнае сведчанне перамяшчэння народаў, пакінуць за межамі даследавання яе сэнсавыя ўласцівасці. Накіраванасць на выкарыстанне лінгвістычных дадзеных для доказу гістарычных гіпотэз абумовіла цікавасць тапанімістаў да самых старажытных імёнаў – гідронімаў. Цікавасць да структурных асаблівасцей імёнаў іншых груп тапалексікі, якая рушыла ўслед за гэтым, і алгарытм працы з імі шмат у чым зададзены папярэднім – параўнальна-гістарычным – досведам працы з імёнамі. Нельга не пагадзіцца з высновай А. Л. Беразовіч пра тое, што «эталонны падыход» першых анамастаў задаў каштоўнае стаўленне толькі да асобных класаў і мікрасістэм анімічнай лексікі [14, 41].

Накіраванасць любога оніма на выражэнне індывідуальнай прыметы дае падставу меркаваць, што роля асновы ў ім з'яўляецца вядучай. Калі індывідуальныя прыметы ў межах лакальных тапасістэм (напрыклад, пэўнай вёскі і яе ваколіц) па логіцы не павінны дублявацца, каб мець магчымасць індывідуалізаваць, то «гэта з'яўляецца гарантыяй неперасячэння кантэкстаў» [15, 65] ідэнтычных імёнаў і выканання імі індывідуалізуючай функцыі. Па меры пераходу

анамастаў да аналізу менш «археалагічна арыентаваных» імёнаў – у асабліваці мікратапонімаў – аснова прыцягвае да сябе ўсё больш увагі як тая частка оніма, якая прыстасавана для таго, каб адлюстроўваць энцыклапедычнасць яго семантыкі, яе прынцыповую здольнасць акумуляваць вопыт і асацыяцыі, звязаныя з аб'ектам. Прычым цікавасць да імёнаў становіцца не столькі гістарычнай, колькі этнакультурнай. Аб імёнах усё часцей пачынаюць гаварыць як аб знаках, у якіх адлюстраваны наіўны погляд на свет чалавека пэўнай культуры. Цікавасць да сэнсаў спарадзіла у апошнія гады багатую бібліяграфію прац, «заклапочаных» выключна матывацый элементаў і пакінута «за кадрам» структурныя асабліваці імёнаў.

Такім чынам, змястоўная сувязь тапаасновы і тапафарманта імені, а шырэй таксама змястоўная спалучанасць усіх імёнаў у сістэме, да апошняга часу не служылі аб'ектамі спецыяльнага лінгвістычнага даследавання. Іх вывучалі, зыходзячы з інтарэсаў гісторыі (з дзевятнацатага стагоддзя) ці культуры этнасу (з канца двацатага стагоддзя). Аб'ектыўнасць структурнага падыходу (адзначаны ў 1960–2000-х гг.), які дазволіў выявіць страявыя адзінкі імені з апорай на мову і без сыходу ў этымалогію, абмежавалася, па сутнасці, аналітычным падзелам і апісаннем двух абавязковых кампанентаў тапанімнага знака (аснова і фармант) без іх наступнага сінтэзу або суаднесенасці з паслядоўнасцю мэтавых устаноў намінара.

З работ, прысвечаных функцыяльнай ролі марфем у агульнай лексіцы, найбольш бліzkую нашаму разуменню пазіцыю па пытанні прызначанасці знакавых адзінак займае Т. Р. Кіях. На яго думку, у рамках падыходу «мова – чалавек» унутраная форма – гэта «разумовы інтэрырызаваны вобраз, які патэнцыйна абстрагуе і адлюстроўвае ў выглядзе аперцэпцыйнага прадстаўлення адной або некалькіх істотных прымет дэнатата, выскіканых і зафіксаваных ў памяці носьбіта мовы марфемнай структурай слова або выразу» [16, 98]. Дадзенае меркаванне дазваляе пры аналізе анамастычнага матэрыялу звярнуцца не толькі да «відавочнага» дэкларатыўнага ведання (марфем), але таксама да ведання працэдурага (законы змястоўнай сувязі марфем ў канкрэтнай дзейнасці), звязаць уласна лінгвістычныя элементы з функцыяльна найбольш прыдатнай іх арганізацыяй у знаках і лагічна абгрунтаваць гэтую арганізацыю. Варта пры гэтым звярнуць увагу на словы *абстрагуе* і *аперцэпцыйнага* ў дэфініцыі лінгвіста, якія падкрэсліваюць адпаведна абавязковасць абагульнення ў слове і залежнасць элементаў знака ад папярэдняга вопыту і мэтанакіраванасці чалавечай дзейнасці.

Увогуле, пытанні сувязі мовы і свядомасці ці мовы і мыслення закраналіся анамастамі як наогул у навуцы аб уласных імёнах, так і ў тапаніміцы ў прыватнасці ў вельмі нязначнай ступені, «як бы між іншым». У перыяд панавання гістарызму навукоўцы малявалі па тапонімах гістарычныя карты, прыйшла эпоха пошуку адрозненняў культур – больш сталі захапляцца фіксацыяй этнакультурнай спецыфікі, адлюстраванай у імёнах.

Можна зразумець захопленасць мовазнаўцаў адметнымі ўласцівасцямі імені або разнастайнасцю сэнсаў унутры яго кампанентаў: тапонім індывідуалізуе, а значыць, знойдзенай матывавальнай прыметы будзе дастаткова для выяўлення яго функцыяльнай спецыялізацыі [17, 119], [18, 104]. Калі разглядаць імя аб'екта з такіх пазіцый, усе праблемы здымаюцца, а імя ўласнае як адзінае цэлае пераводзіцца ў разрад «дэфектыўных» [19, 42] у параўнанні з апелятывам, які здольны абагульняць. Аднак у такім выпадку мы забываем аб другім, не менш важным элеменце імені – яго фарманце.

Тапазнак як цэласная сутнасць апынуўся, па вялікім рахунку, за межамі інтарэсаў лінгвістаў, а пытанне аб семантыцы імені і характары яго абагульнення так і засталася «недаразгледжаным». Вынікам гэтага з'явілася пераважная індывідуальнасць да прадметных сувязей складнікаў адзінага знака, а не адасобленых элементаў і іх гістарычных і этнакультурных сэнсаў.

У пошуках адпаведнасці работ прызнаным узорам класікаў і новым павевам у навуцы аб уласных імёнах большасць аўтараў працягвае экстрэнсіўна асвойваць спісы імёнаў з гісторыка-структурным або этналінгвістычным ухілам. Пра неабходнасць тэарэтычнага, філасофскага асэнсавання ўжо наяўных у анамастыцы фактычных дадзеных даўно гаворыць філосаф і логік Д. І. Рудэнка: «Асноўнай задачай анамастыкі зараз павінна быць не столькі ўключэнне ў абарот новага фактычнага матэрыялу, колькі больш поўнае асэнсаванне ўжо наяўных фактаў і сфармуляваных пунктаў гледжання» [15, 58].

Прайдзем да апісання асноўных тэзісаў імпліцытна-аб'ектнага падыходу да тапонімаў.

Чалавек не можа не выказаць свайго стаўлення да розных аб'ектаў свету і не заўважаць падабенства ў аб'ектах аднаго роду і адрозненняў пры супастаўленні з іншымі аб'ектамі. Гэтыя

падабенства і адрозненні непрыметныя ў адзінкавых прыкладах, але відавочныя пры масавым супастаўленні лінгвістычных характарыстык імёнаў розных тапанімных палёў.

У працах тапанімістаў-структуралістаў не раз адзначалася, што імя ўласнае імкнецца адарвацца ад апелятыва, які яго матываваў. Звычайна ў гэтым выпадку да тапаасновы дадаецца тапафармант, прычым гэта можа быць як словаўтваральная марфема, так і элемент, які ў агульных імёнах адносіцца да ліку словазмяняльных. Так, род тапоніма можа не суадносіцца з родам геаграфічнага апелятыва (бел. *Кляпок*, поле; *Выгун*, паша і інш.), а форма множнага ліку не сведчыць пра рэальную множнасць аб'ектаў (бел. *Вынімкі*, урочышча; амер. *Beebe Springs*, крыніца і інш.). Такім чынам, граматычнае структураванне ў тапонімах ажыццяўляюць марфемны дэрыватары, а з'яўленне словаўтваральнага сродку (у т. л. флексіі) сведчыць аб асаблівай увазе да дадзенага аб'екта, аб жаданні адмежаваць яго ад зыходнага агульнага імені, пазбаўіцца ад «тапанімнай аманіміі».

Сведчаннем такога збавення з'яўляюцца выпадкі ўтварэння ўласных імёнаў ад іншых онімаў пры дапамозе марфем і слоў: бел. *Кемішаўцы*, населены пункт > *Кемішаўскі лес*, лес; амер. *Port Angeles*, населены пункт > *Port Angeles Reservoir* 'вадасховішча *Порта Анжэлес*', вадасховішча. Вытворнае слова ў такіх выпадках будзе на адну марфему даўжэйшым за ўтваральнае, а гэта значыць, што яно ў пэўным сэнсе будзе паўтараць адносіны паміж аб'ектамі, якія ўяўляюцца чалавеку актуальнымі. Як правіла, элемент макраўзроўню (моцны разрад населеных пунктаў) фіксуецца на мікраўзроўні (слабы разрад, у прыведзеных прыкладах гэта назвы лесу і вадасховішча), г. зн. мінімум на адзін словаўтваральны элемент будзе больш у назве мікрааб'екта.

У ліку вытворных імёнаў сустракаюцца таксама семантычныя дэрываты, дзе прыбаўлення матэрыяльна выражанага фарманта не адбываецца: бел. *возера* > *Возера*, возера; *Паўлюко́ва Гарá*, поле; амер. *Aberdeen Gardens* 'сады Абердзіна', населены пункт. Калі звярнуць увагу на сукупны аб'ём такіх адзінак у кожнай з падсістэм, то менш буйныя і менш ўстойлівыя аб'екты часцей надзяляюцца такімі імёнамі, чым аб'екты буйныя і ўстойлівыя. Ландшафт, у якім час ад часу адбываюцца змяненні, не заўсёды адлюстроўваецца ў онімах па прычынах таго, што мова не паспявае за змяненнямі найменш устойлівых аб'ектаў (напрыклад, балот) ці меншай здольнасці мікрааб'екта быць арыенцірам.

На падставе суаднесенасці дэнагатаў і тапонімаў, узаемаадносін значэнняў кампанентаў унутры імёнаў і функцыянальнай накіраванасці тапазнакаў вылучаюцца чатыры аб'ектыўныя сэнсавыя структуры тапаніміі: 1) трансляцыя акружэння, калі ў тапоніме фіксуецца ўласнае або агульнае імя іншага аб'екта: *Свая Пушча* (балота), *Белае балота* (лес), *Сямчонкаў хутар* (поле), *Чэрнікаў лес* (сенажаць); 2) канстатацыя прысутнасці, калі геаграфічны апелятыў выкарыстоўваецца намінатарам у якасці ўласнага імені аб'екта): бел. *Возера* (озера), *Горы* (горы), *Балота (болото)*, *Рака* (река); амер. *the Island* (востраў), *the Lagoon* (возера), *the Butte* (гара); свк. *Potok* (рака), *Hať* (гаць), *Močar (балота)*; 3) усведамленне адрозненняў, калі ў імені з'яўляецца дыферэнцыятар): *Бярозавае балота*, *Мядзведня*, *Чысцік*; 4) размежаванне падабенства, калі аднолькавыя назвы (ці адно з іх), каб пазбавіцца ад аднолькавасці, набываюць дадатковыя дыферэнцыятары: *Брускае* > *Брускае 2*, *Каменка* > *Гарэлая Каменка*, *Малое* > *Малое Ніжняе*. Структуры можна заўважыць ва ўсіх тапанімных палях, але ў кожным з іх суадносіны чатырох мадэлей паводзін чалавека пры намінацыі адзінкавых аб'ектаў будуць рознымі: мікратапонімы аддаюць перавагу трансляцыі акружэння і канстатацыі прысутнасці, а ўласна тапонімы звяртаюцца да індывідуальных адрозненняў. Апошні з варыянтаў паводзін чалавека назіраецца ў назвах аб'ектаў, якія складалі / складаюць частку цэлага ці знаходзяцца побач (назвы рэк ці іх прытокаў: *Левая Лясная – Правая Лясная* і інш.; назвы балот: *Каменка* > *Гарэлая Каменка* і інш.; назвы населеных пунктаў: *Вялікае Зарэчча – Малое Зарэчча* і інш.). Пры гэтым не ўлічваюцца адзінкавыя прыметы, якія матывуюць імя (яны выпадковыя, а таму суб'ектыўныя).

Калі паглядзець на паслядоўнасць ускладнення структур (1–4), лёгка заўважыць, што кожны крок дадае да ўжо існуючага разумення новы слой, не пазбаўляючыся ад папярэдняга: спачатку назва аб'екта арыентуе праз іншы арыенцір (1), потым заўважаецца сапраўдны від аб'екта (2), нарэшце, узнікае патрэба ў вылучэнні аб'екта пры дапамозе прыметы (3) і дадатковай прыметы для аднолькавых назваў аб'ектаў, якія знаходзяцца побач (4). У псіхалогіі для ўліку апоры на вопыт папярэдняга пазнання, які адрозніваецца ад прастой асацыяцыі і знаходзіцца ў падпарадкаванні законам псіхалагічнай прычыннасці (у т. л. залежнасці часткі ад цэлага) выкарыстоўваецца тэрмін *аперцэпцыя* [20, 44].

Вывады

Шлях аналізу уласных імёнаў геаграфічных аб'ектаў залежыць ад таго, якую з парадыгмаў даследавання мовы выбярэ навуковец: не выходзячы за межы мовы, мы можам толькі канстатаваць наяўнасць элементаў імені (аб'ектыўны падыход, які ідзе ад Дж. С. Міля); выбіраючы культурныя сэнсы і палажэнні цела адносна аб'ектаў, якія ляжаць у аснове імёнаў, мы бачым асаблівасці ўспрымання чалавекам прасторы (суб'ектыўны падыход, які ідзе ад М. І. Талстога); звяртаючыся да дэнагатыўных уласцівасцей імёнаў і абстрагуючыся ад адзінкавых прымет, мы адзначаем характар змястоўных сувязей паміж катэгорыямі аб'екта і прыметы і тым самым фіксуем асноўныя сэнсы, якія чалавек заўважае ў адзінкавым аб'екце (імпліцытна-аб'ектны падыход, прапанаваны аўтарам артыкула, які абгрунтаваны ў філасофіі Э. Гуссерлем).

Онімы здольныя перадаваць не толькі аб'ектыўную (унутрылінгвістычную) і суб'ектыўную (этнакультурную і індывідуальную) інфармацыю аб аб'ектах, але таксама адлюстроўваць ступень значнасці аб'ектаў свету для чалавека, паступова і ўзаемаабумоўлена сць развіцця схем успрымання тапааб'ектаў суб'ектам пазнавальнага працэсу. Гэтыя схемы дазваляюць не займацца вынаходніцтвам падчас намінацыі, а накіроўваюць вопыт знаёмства з адзінкавым аб'ектам у гатовыя зместавыя структуры вопыту. Як паказвае вопыт працы з імёнамі, характар рэалій уплывае на моўныя формы тапонімаў. Вядома, прасачыць усе этапы, якія праходзіць мысленне чалавека пры сустрэчы з адзінкавымі аб'ектамі, прасцей на прыкладзе тых адзінак, якія ў меншай ступені схільны да дээтымалагізацыі.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Суперанская, А. В. Как вас зовут? Где вы живёте? / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1964. – 95 с.
2. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Пространство и человек / Е. Л. Березович; под ред. А. К. Матвеева. – Изд. 2-е., испр. и доп. – М. : Либроком, 2009. – 328 с.
3. Кубрякова, Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) / Е. С. Кубрякова // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1999. – № 5–6. – С. 3–12.
4. Лотман, Ю. М. Мир – имя – культура / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3-х т. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1. – 480 с.
5. Kripke, S. Identity and Necessity / S. Kripke // Identity and Individuation / ed. by M.K. Munitz. – New York : New York University Press, 1971. – P. 135–164.
6. Суперанская, А. В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен / А. В. Суперанская // Антропонимика. – М. : Наука, 1970. – С. 7–17.
7. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В. И. Супрун. – Волгоград : Перемена, 2000. – 172 с.
8. Mill, J. S. The Collected Works : in 33 vol. / J. S. Mill ; ed. J.M. Robson, intr. by R.F. McRae. – Toronto : University of Toronto Press, London: Routledge and Kegan Paul, 1974. – Volume VIII : A System of Logic Ratiocinative and Inductive, Being a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation (Books IV–VI and Appendices). – P. 638–1251.
9. Толстой, Н. И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 509 с.
10. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М. : Прогресс, Универс, 1993. – 528 с.
11. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль // Язык и интеллект : сб. ст.: пер. с англ. и нем. / сост. и вступ. ст. В. В. Петрова. – М. : Прогресс, 1995. – С. 14–94.
12. Никонов, В. А. На пути к теории собственного имени / В. А. Никонов // Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений / Институт языка и литературы. Институт истории АН Латвийской ССР. – Рига, 1966. – С. 12–13.
13. Голев, Н. Д. Естественная номинация объектов природы собственными и нарицательными именами / Н. Д. Голев // Вопросы ономастики. – 1974. – № 8–9. – С. 88–97.
14. Березович, Е. Л. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки / Е. Л. Березович // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 2001. – Т. 60, № 6. – С. 34–46.
15. Руденко, Д. И. Собственные имена в контексте современных теорий референции / Д. И. Руденко // Вопросы языкознания. – 1988. – № 3. – С. 55–68.
16. Кияк, Т. Р. О видах мотивированности лексических единиц / Т. Р. Кияк // Вопросы языкознания. – 1989. – № 1. – С. 98–107.
17. Воронова, И. Б. Textoобразующая функция литературных имен собственных (на материале эпических произведений XIX–XX вв.) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И. Б. Воронова. – Волгоград, 2000. – 226 л.

18. Чеснокова, Л. Д. Имена числительные и имена собственные / Л. Д. Чеснокова // Филологические науки. – 1996. – № 1. – С. 104–113.

19. Уфимцева, А. А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная) // Языковая номинация: (Виды наименований) / А. А. Уфимцева [и др.] ; отв. ред. А. Н. Серебренников. – М. : Наука, 1977. – С. 5–85.

20. Величковский, Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания : в 2 т. / Б. М. Величковский. – М. : Смысл, Академия, 2006. – Т. 1. – 448 с.

Поступила в редакцию 16.05.17

E-mail: aleh@bk.ru

Korach Aleh Iharovich

OBJECTIVE, SUBJECTIVE AND IMPLICIT-OBJECT APPROACHES TO THE
CATEGORY OF SINGULARITY IN PLACE NAMES: FROM PHILOSOPHICAL ABSTRACTIONS
TO LINGUISTIC SPECIFICITY

An approach to the study of place names based on properties of their denotata is discussed. It relies on Husserlian phenomenology and utilizes experience of sciences other than linguistics (philosophy, psychology, logic). The approach is contrasted to both classical traditions (J.S. Mill) and new works oriented to ethnolinguistics and linguoculturology (N.I. Tolstoy). A place name is considered as an integral entity which is realized in four apperceptively related semantic structures.

Keywords: place name, objective approach, subjective approach, implicit-object approach, denotation, phenomenology, anthropocentrism, cognitive linguistics, declarative and procedural knowledge, abstraction, apperception, base and formant, semantic structure.

УДК 82.0

С. Ю. Лебедев

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры культурологии,
Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

**ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С «ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬЮ» ТЕКСТА
В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ**

Рассматриваются два взаимосвязанных аспекта: выражение национального самосознания в литературно-художественном произведении и вытекающее – или не вытекающее – из этого выражения отнесение произведения к той или иной национальной литературе, и шире – к культуре конкретного народа. Знаковые системы тех видов искусства, которые традиционно считаются «понятными всем» (танец, музыка, живопись и т.д.), кажется, не нуждаются в переводе. Язык же такого вида искусства, как литература, – слово – очевидно требует перевода. Рассматривается взаимоотношение типа сознания, представленного в произведении, и языка, на котором произведение создано.

Ключевые слова: искусство, художественная литература, национальный менталитет, двуязычие, язык художественного произведения.

Введение

Сегодняшнее изучение «национального» в искусстве затруднено тем, что в течение многих лет «национальное» отождествлялось с «народностью». Об этом дискутировали еще в XIX в. Н. Добролюбов и А. Григорьев. Но все-таки на современном этапе развития гуманитарной мысли понятие «национального» более или менее определено. В самых общих чертах, говоря словами Н. Гоголя (заметим: здесь писатель говорил о «народности»), оно заключается «не в описании сарафана, но в самом духе народа». То есть, когда речь идет о **национальном** вообще, то необходимо говорить о неких особенностях, присущих тому или иному явлению (в нашем случае – словесно-художественному) с точки зрения выражения в нем именно такого, конкретного, национального мироощущения, которое отличается от иных картин мира именно конкретными, национальными, но не сводимыми к «описаниям сарафана» особенностями, и которое «роднится» с другими картинками мира, родственными данному мироощущению именно в аспекте **национального видения мира**.

Очевидно, что любой образ, включая художественный, не может быть НАДнациональным и ВНЕнациональным. По той простой причине, что образ, будучи субъективным, чувственно порожаемым и чувственно воспринимаемым, будет изначально «заряжен» той интенцией, которая «окрашивает» деятельность любой личности, ибо личность как таковая не может развиваться вне общества, – интенцией особого отношения к действительности, интенцией, отличной от интенций иных общностей (народов, национальностей), в течение веков и тысячелетий на подсознательном уровне создавших ИНУЮ картину мира, выработавших ИНОЕ отношение и взаимодействие с действительностью. Лишь **понятие**, не имеющее, в отличие от образа, наличия субъективного в своей структуре, не «отягощено» ничем национальным (хотя даже в науке как форме общественного сознания серьезные исследователи находят некие национальные особенности (см. [1]). Заметим: вопрос этих **ОСОБЕННОСТЕЙ** – это вопрос психологии, политологии, культурологии. Литературоведение же, в частности, и культурологию, искусствоведение вообще могут интересовать лишь те аспекты данного серьезного вопроса, которые касаются произведения как явления **искусства**. И конкретно: необходимо перевести разговор из плоскости национальной психологии в плоскость **эстетическую**. Вся проблема в том, что зачастую в постсоветском (и постсоциалистическом – в особенности) литературоведении культивируется весьма странный с точки зрения логики критерий художественности произведения. «Степень» художественной ценности начинает определяться

«степенью» выраженности в нем национального менталитета или, что еще хуже, выраженности в нем того самого «сарафана».

Такой подход не сильно отличается от худших, утрированно однобоких вариантов вульгарного марксистского варианта советского литературоведения. Просто если раньше критерием художественной ценности объявлялось наличие или отсутствие в произведении позиции четкого классового подхода с целью построения социалистического общества, то сейчас таковым критерием становится наличие в произведении яркого (обязательно!) проявления национального самосознания.

Наша задача состоит в том, чтобы определить, **насколько, как и когда** «национальное» как таковое является фактором художественности, и, соответственно, обосновать некоторые критерии национальной принадлежности художественного произведения.

Результаты исследования и их обсуждение

В белорусском, украинском, русском и других национальных литературоведениях зачастую можно встретить вполне серьезные размышления по поводу того или иного произведения, где анализ его художественных достоинств подменяется констатацией факта выраженности в нем национального духа. Порой такие рассуждения граничат с карикатурностью, когда иногда невозможно разобраться, серьезен ли автор того или иного «текста о тексте», или он иронизирует.

«Владимир Личутин – писатель удивительный, редкостный. Он и в прежние-то, лучшие времена русской прозы стоял бы наособицу в строю духовидцев, а уж ныне, когда писательским званием украшают свой подол и профурсетки, он и вовсе похож на нерасчисленную комету. Во всяком случае, ни словаря такого самоцветного, ни синтаксиса затейного в духе “северного барокко” ни у кого другого ныне не сыщешь. Как и такой размашистой палитры, захватившей в свой окоём, кажется, все века русской доли – от сегой древности до взбаламученной злободневности <...> Притихшая, застывшая в ужасе разора и недоумения деревня, ныне сплошь и рядом вбирающая в свои щелястые, покосившиеся избы лихой перекасти-поле-люд, и обуянная диким накопительством и невиданной на Руси преступностью столица – эти два мира словно смотрятся в прозе Личутина друг в друга, догадываясь о своём тайном родстве, но и отшатываясь от него. Надежда на православное опаматование теплится здесь, но как она далека у писателя от дежурных, фанфарно-бодрых самолюбований и славословий!...» [2]. (Данную цитату не представляется возможным перевести на любой другой язык без серьезных потерь в коннотациях, вызванных целенаправленной, очень специфической манипуляцией русскими словообразованием, морфологией и диалектологией; её задача – вызвать в душе у русскоязычного читателя «самобытно-сарафанно-балалаечный» резонанс с автором, но не сообщить какую-либо информацию.) Такими словами вполне серьезно Ю. Архипов объясняет литературные достоинства произведений В. Личутина. (Заметим: мы не утверждаем, что проза В. Личутина плоха. Проблема в том, что критерии ее художественных достоинств или недостатков, как нам представляется, находятся в иной плоскости и выражаются иными словами.)

Если исходить из теории архетипов К. Г. Юнга, то национальное является не чем иным, как конкретной формой проявления «коллективного бессознательного», оно будет выражаться в наднациональных архетипах, однако выражаться будет всегда с некоей национальной окраской. «Национальное» и «архетипичное» соотносятся как «явление» и «сущность». Именно такое и именно в конкретном литературном произведении оно (национальное) может стать (или не стать) фактором художественности. «Вполне естественно, что коллективное бессознательное в шедеврах литературы по своему резонансу выходит далеко за национальные рамки. Такие произведения становятся созвучны духу целой эпохи» [3, 92]. Здесь налицо проблема «выраженности», или, вернее, ее «нормы». Как и любая другая «норма», «степень» выражения той или иной идеологической установки (будь то национальная, религиозная, политическая или иная) требует адекватности. Она – установка – будет или органично «растворена» в художественном тексте, или «выпирать» из него, «ломать» его. И тогда произведение перестает быть художественным, а становится религиозным или публицистическим – как, например, проповедь, памфлет, воззвание, статья и т.д.

То есть национальное начинает обладать истинно художественными достоинствами в произведении лишь тогда, когда сквозь него начинает четко «высвечиваться» общечеловеческое, когда выражение «национального» – не самоцель художника, а средство для выражения сквозь него чего-то большего. Настоящие шедевры любой национальной литературы становятся

достоянием **мировой** литературы именно потому, что они, оставаясь предельно национальными, «попадают в резонанс» с носителями других ментальностей, когда духовные проблемы, затрагиваемые в таких произведениях, перестают быть локальными и одномоментными, а выражают всеобщее и вневременное. Поэтому и происходит ситуация, когда произведения Ш. Руставели или У. Шекспира воспринимаются культурой, например, России или Франции, а произведения А. Чехова или Ф. Достоевского культурой, например, Англии или Японии. «У развитых народов, обладающих развитой литературой и культурой, арсенал образных средств беспредельно обогащается, изощряется, интернационализируется, сохраняя при этом узнаваемые национальные коды (преимущественно чувственно-психологического происхождения)» [3, 92]. При другой же ситуации (эдакое «варение в собственном соку») произведение литературы не вызывает художественного интереса у носителей «чужого» менталитета, даже при художественных достоинствах, признанных у себя на Родине (классический пример – творчество таких русских писателей, как Н. Лесков или А. Ремизов).

Проблема наличия «национального» в произведении искусства (заметим, о проблеме **отсутствия** оного речи по определению идти не может, так как очевидно, что «гены пальцем не раздавишь» – классическая, пусть и грубоватая, констатация неоспоримого факта, что при наличии в деятельности человека психической и психологической составляющей его национальная принадлежность будет в той или иной степени прослеживаться **всегда**) неизменно перетекает в следующую проблему: **проблему национальной идентификации произведения**.

Может показаться, что знаковые системы таких видов искусства, как музыка, живопись, танец и др., являются наднациональными или вненациональными. Для Майи Плисецкой, по ее неоднократным утверждениям, очевидно, что язык танца универсален (или интернационален). Можно утверждать, что русскому человеку не требуется «перевода» «Времен года» А. Вивальди, а итальянцу незачем «переводить» «Времена года» П. Чайковского. Все это как бы верно. Но – не совсем... Дело в том, что такие гениальные произведения становятся воспринимаемы носителями иной культуры именно потому, что они оказываются «созвучны» не только представителям своей национальности; их духовное содержание оказывается намного более глубоким, чем просто выражение национальной сущности как таковой. Заметим при этом, что интерес к «Калинке-малинке» и т. д. не у русского человека, у иностранца, – это элементарный интерес к экзотике, к самобытности, к «чему-то эдакому». Такой интерес сродни любопытству европейца к индийскому танцу: мы наблюдаем эстетику в чистом ее виде, как цветок в поле, не понимая всех смыслов, заложенных в движениях, не воспринимая это произведение как произведение **искусства**. Француз слушает произнесенное вслух хокку по-японски и говорит: «Боже, как красиво!»... Эстетическое восприятие состоялось, духовное восприятие **произведения искусства** – нет.

Звук, цвет, жест, конечно же, универсальны. Они не требуют перевода. Именно поэтому великие хореографические постановки, живописные полотна, музыкальные произведения, скульптурные композиции, архитектурные шедевры не требуют «конвертации» в иную культуру. Там ведь эти же виды искусства «говорят» на этих же языках, их семиотическая система та же! Однако если серьезно разобраться, то мы поймем, что всегда существуют (и не бывает, чтобы не существовали!) некие **особые** сочетания звуков, цветовые символы, жесты, которые несут в себе определенные смыслы, закодированную глубинную психологическую, архетипичную информацию, которая «резонирует» при восприятии одним национальным менталитетом и «молчит» при восприятии другим. Поэтому происходит невероятное. С одной стороны, великие художники, музыканты, скульпторы, танцоры «преодолевают» возможности «языка» своего вида искусства – и как бы становятся понятны всем. (Мировая слава ансамбля имени И. Моисеева или ансамбля «Эрисиони» – не столько заслуга техники исполнения, сколько умение донести некую мысль средствами одного из самых «психичных», нерациональных видов искусства; то самое умение «пробиться» сквозь национальное на более широкий простор.) Однако, с другой стороны, очевидным становится то, что по-настоящему «попадать в резонанс» с тем или иным произведением искусства в полном объеме возможно лишь в случае тотального «нахождения» с ним в одной системе ценностей, в том числе и национальных. Необходимо быть носителем данной культуры, быть представителем этой национальности. Тогда есть возможность понять, вернее, **воспринять**, всю полноту и глубину данного произведения во всей его красе. И вместе с тем одним из критериев ценности, духовной глубины, если угодно, «художественного качества» произведения может быть его возможная «конвертация» в другие национальные культуры. «Узконациональное» произведение не может быть действительно значимым. Здесь психика,

«душа», глубинные пласты человеческого сознания и подсознания главенствуют над мыслью, «духом» (и это касается произведения любого вида искусства). А, как гениально высказался по этому поводу Б. Шоу, «великое произведение искусства – это мучительная победа гениального ума над гениальным воображением».

В таких видах искусства (а так было, есть и, думается, будет) спор о национальной идентификации произведения – трудноразрешимая проблема. При отнесении к тому или иному национальному искусству, допустим, живописного шедевра все сводится, в основном, к критериям типа «где родился автор», «где жил», «кто по национальности», «кем себя считал», «какой менталитет выразил». И если все перечисленное, кроме последнего, установить обычно не составляет труда, то как раз последнее – самое «непонятное» и «раздираемое» на части представителями разных культур. При этом парадокс в том, что именно это последнее, по логике, и является определяющим и самым сложным по определению именно в силу того, что знаковая система этого вида искусства универсальна: **цвет** и **линия**. А вот национальный менталитет, который выразил данный художник универсальными цветом и линией, но **уникальной** техникой, отражающей **собственное** мироощущение – тот еще вопрос... Поэтому бесполезно говорить с французами или испанцами по поводу национальной идентификации творчества П. Пикассо. Одни апеллируют к национальности, другие – к «влиянию французской культуры» и даже ударение в фамилии переносят. Во французских источниках вы прочтете, что М. Шагал – французский художник, в российских – что это русский художник, в белорусских – что он белорусский художник. Таких примеров бесчисленное множество.

Трудности здесь понятны. Выявить особенности национального менталитета, который всего лишь «растворен» в образах, «окрашивает» их, который невозможно «определить», «поймать за хвост», трудно (но, заметим, возможно! Пример тому – труды Г. Гачева). Особенно это сложно, если, повторимся, принимать во внимание то, что язык большинства видов искусства по своей форме **универсален**. И вот здесь мы «подбираемся» к тому виду искусства, язык которого не универсален, а **абсолютно национален**, ибо это естественный язык общения, – к литературе.

Казалось бы, здесь не должно быть таких проблем, как в определении национальной отнесенности, например, произведений художника или композитора. Там нет «национального звукоряда» или «национальной цветовой палитры». Национальный же язык есть. Есть даже национальные алфавиты. Однако здесь, как ни странно, все оказывается еще запутанней (не по естественной своей, заметим, запутанности, а по перманентному стремлению гуманитарной мысли не «прояснить», а «запутать», «затуманить», в силу того, что эта сфера познания по-прежнему старается не научно, понятийно, рационально отражать объект своего изучения, а делать это образно, субъективно, интерпретационно, то есть так, «как хочется, удобно и душе угодно»).

Здесь сразу же следует отметить, что национальная принадлежность того или иного писателя чаще всего сегодня сомнению не подвергается. Что поделать: если человек русский, француз или грузин по рождению – этого не изменить. Однако принадлежность **художественных текстов** того или иного автора к той или иной национальной литературе по-прежнему остается предметом спора, причем, заметим, не научного, а чаще спекулятивного. То есть вопрос «Набоков – русский писатель или американский» не ставит под сомнение его национальность. Вопрос касается отнесения его произведений к русской или американской литературе и шире – к культуре.

Сегодня в Беларуси, например, А. Мицкевича относят к белорусским поэтам, в Литве – к литовским. Польское литературоведение по этому поводу справедливо снисходительно молчит, как молчало бы в такой ситуации русское, если бы, допустим, в украинском литературоведении стали бы называть Н. Гоголя украинским писателем. Основания белорусских и литовских литературоведов просты: родился на территории современной Беларуси, жил на территории современной Литвы. Иногда называл свой язык «литвинским» (Беларусь и Литва до сих пор не определяются, кто был «важнее» в составе Великого Княжества Литовского). В произведениях описывается природа Беларуси. То, что все это «делалось» А. Мицкевичем по-польски, никого не смущает (справедливости ради следует отметить, что лингвисты продолжают исследования по «отступлению от норм» польского языка в творчестве поэта в сторону диалектов – как белорусских, так и литовских).

«Электронная еврейская энциклопедия», например, относит к явлению еврейской литературы творчество Л. Фейхтвангера и И. Бабеля. А «патриотически» настроенная часть российских литераторов дружно вытесняет творчество Д. Рубиной из сферы русской литературы. Как быть в этих ситуациях?

Нам представляется, что необходимо абстрагироваться от «желаний» и предпочтений, а апеллировать к логике.

Во-первых, сама тематика литературно-художественного произведения явно не определяет его национальную принадлежность. Это уже давно очевидно всем. Англичанин может писать о Дании и при этом оставаться английским писателем, а русский – о Кавказе, при этом оставаясь русским. Проблема там, где как бы «скрещиваются» две относительно независимые субстанции – национальный менталитет и национальный язык. Возможно ли выражение одного менталитета другим, чуждым для него национальным языком? История литературы показывает, что возможно. Здесь достаточно упомянуть творчество Ч. Айтматова или лауреата французской национальной Гонкуровской премии 1995 г. А. Макина, по поводу творчества которого российские литературоведы чаще всего склоняются к мысли, что «все же считать его исключительно французским писателем на основании избранного им литературного языка было бы, пожалуй, не совсем правомерно. Все его романы обращены к России, а его проза, хотя и написана по-французски, основана не только на французской, но, несомненно, и на русской литературной традиции» [4, 208]. Подобные рассуждения «толкают» российских критиков на ту же зыбкую почву, на которой уже много лет «балансируют» (делая вид, что стоят прочно) белорусские литературоведы, «записавшие» А. Мицкевича в белорусские писатели.

Однако отнесенность произведения к той или иной культуре – это не выявление в нем того или иного менталитета или традиции. Отражение и того, и другого – вполне возможно. Но отнесение в конкретную национальную культуру на основании этого представляется не совсем корректным.

Выводы

Язык – один из основных носителей национальной культуры (наряду с другими семиотическими системами, но все же – главный). Есть, говоря словами языкознания, национальный **лингвистический универсум** (см. [5]), являющий собой целостную систему, которая включает в себя свод **всех** текстов, созданных на национальном языке, которая является, по большому счету, носителем национального самосознания в самом широком, объемном, полноценном смысле этого слова и тем самым отражает и выражает саму национальную сущность. (Мы здесь не говорим о других семиотических системах или о языках других видов искусства, которые, вне всякого сомнения, также являются носителями и выразителями национальной культуры, потому что они, как мы уже сказали выше, выражают национальное не непосредственно, а «вплетают» его в ткань образов, построенных средствами, например, музыки или живописи. Естественный же язык – **непосредственно** национален.) «Капнула» ли в этот «культурный океан» (например, русский) «капля» шекспировского «Гамлета» и растворилась ли в нем, когда великий англичанин создал свою трагедию? Очевидно, что **нет**. Потом, со временем, опосредованно – да. Немного. И лишь при возникновении достойных переводов на русский язык произведение стало **фактом** русской культуры. Оно воспринялось культурой, «растворилось» в ней, в «океане» стало на одну «каплю» больше. И так происходит с любым произведением литературы (заметьте – не обязательно художественной), которое «конвертируется» с одного языка в другой. Оно становится каплей национального культурного океана, оно в нем присутствует и оно является моментом его целостности. Но до тех пор, пока произведение существует на **ином** для данной культуры языке, оно не является ее фактом и фактором, оно не «растворено» в нем, оно может «плавать» на его поверхности подобно капле масла и не быть частью этого культурного пространства. Эта «капля» может быть той же температуры, что и океан, быть того же цвета, но у нее **другая структура**. Она не растворилась. Для этого нужно что-то наподобие химической реакции – **перевода**. Произведение может сколь угодно много нести в себе черт конкретной национальности, автор его может быть какой угодно национальности – написанное на «чужом» языке, оно не стало моментом данного лингвистического универсума и, соответственно, данной литературы. Поэтому относить польскоязычное произведение к белорусской литературе, русскоязычное – к киргизской, франкоязычное – к русской представляется не совсем корректным. **Пока эти литературы не обретут их**. В переводах. А здесь, как мы понимаем, говоря словами В. Жуковского, «переводчик в прозе – раб, переводчик в стихах – соперник». Иначе говоря, национальная литература в такой ситуации обретает не само произведение, а некий более или менее адекватный и более или менее художественный его эквивалент. «“Трансплантация” национальных образов в чужеродную словесную оболочку происходит с неизбежными искажениями» [3, 95]. Повторимся: литература «обретает» то или иное произведение лишь по факту его наличия на языке данной литературы, его «вхождения» в национальный лингвистический универсум, важнейшей составляющей которого именно художественная литература и является. Относить же «оригинал», написанный на одном языке, к литературе, являющейся частью

целостной системы другого языка, не совсем правомерно с точки зрения логики. То есть, «Лолита», написанная В. Набоковым по-английски, относится к американской литературе, «Лолита» на русском языке – к русской.

При рассмотрении ситуации двуязычия или, наоборот, единого для нескольких разных национальностей языка литературно-художественное произведение тоже не остается «бездомным» или «многодомным».

Если язык общий, то и критерии остаются, как в музыке или в живописи: это **выраженность общим языком своих, национальных особенностей**. Русско- или франкоязычный читатель может и не уловить (особенно в переводе) тонких отличий между произведениями немецкой и австрийской литературы. Однако для человека сведущего (а особенно для немца или австрийца) эти отличия будут очевидны. Несмотря на общий язык. То же – для англичанина и американца. Как неразличимые для, допустим, француза русский и украинский танцы имеют четкие различия для носителей русского и украинского менталитета. Опять же – несмотря на общий, казалось бы, язык танца.

Иногда интересные черты обретает проблема литературно-национальной терминологии в двуязычных литературах. В Беларуси на вполне «законных» основаниях существует **русскоязычная литература Беларуси**, она изучается, по ее поводу проводятся научные конференции, произведения, относящиеся к ней, входят в школьную программу и т.д. Однако и здесь ведутся споры по поводу адекватности именно такого определения белорусских писателей, пишущих на русском языке. Некоторые предпочитают определение «белорусская русскоязычная литература», другие – «русская литература Беларуси». Несмотря на действительно принципиальную разницу между этими определениями, факт остается фактом: белорусская культура «живет» в двух лингвистических универсумах – белорусском и русском. Поэтому отнесение писателя, пишущего по-русски, к русской или белорусской русскоязычной литературе, требует тех же оснований, что и «распределение», например, немецкоязычных писателей «между» немецкой и австрийской литературами.

По этому поводу профессор А. Андреев, яркий представитель современной русскоязычной литературы Беларуси, отмечает: «...Великие произведения становятся национальным достоянием не столько потому, что они выражают национальный менталитет, сколько потому, что этот менталитет выражен высокохудожественно» [3, 99].

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гачев, Г. Д. Наука и национальная культура (гуманитарный комментарий к естествознанию) / Г. Д. Гачев. – Ростов-на-Дону : Издательство Ростовского университета, 1993. – 320 с.
2. Архипов, Ю. Душа неизъяснимая / Ю. Архипов // Литературная газета. – 2010. – № 9 (6264). – 10 марта 2010. – С. 1.
3. Андреев, А. Н. Целостный анализ литературного произведения / А. Н. Андреев. – Минск : НМЦентр, 1995. – 144 с.
4. Рубинс, М. Русско-французская проза Андрея Макина / М. Рубинс // НЛО. – 2004. – № 2 (66). – С. 208–229
5. Карпов, В. А. Язык как система / В. А. Карпов. – Минск : Вышэйшая школа, 1992. – 302 с.

Поступила в редакцию 08.09.17

E-mail: sulebe@yandex.ru

Siarhei Lebedzeu

THE PROBLEM OF NATIONAL IDENTIFICATION OF A WORK OF ART AND ITS CORRELATION WITH THE «ARTISTRY» OF A TEXT IN CONTEMPORARY LITERARY SCHOLARSHIP

We consider two interconnected aspects: the expression of national consciousness in literary and art work and following – or not following – from this expression a possibility to refer the work to this or that national literature, and more widely – to the culture of the concrete people. **National** it can't but is shown in any «product» of personal art activity. It seems that symbolic systems of those art forms which traditionally are considered to be «clear to all» (dance, music, painting, etc.) don't need to be interpreted. The language of such art form as literature – **the word** – obviously demands interpretation. However a key problem here is a relationship between the national consciousness expressed in the literary work and a national identity of the work itself.

Keywords: art, fiction, national mentality, bilingualism, language of the work of art.

УДК 811.111'36 (043.3)

И. В. Лешкевич

Кандидат филологических наук, доцент, докторантура,
Минский государственный лингвистический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

**ПРОЯВЛЕНИЕ АВТОРСКОГО НАЧАЛА В ИНФОРМАЦИОННЫХ ЖАНРАХ
БРИТАНСКОГО МЕДИАДИСКУРСА**

Определяется сущность понятия «авторское начало», которое включает всех участников коммуникации, чьи мнения приводятся в информационных жанрах британского медиадискурса. Анализируются эксплицитные средства языковой репрезентации автора, к которым в информационном медиадискурсе относятся прежде всего лексические единицы, вербализующие эмоциональное/рациональное, негативное/позитивное отношение автора к описываемому событию. Выявлено их участие в языковой репрезентации различных участников коммуникации, а также определена роль в реализации авторской идеи.

Ключевые слова: дискурс, антропологический подход, автор, медиадискурс, участник коммуникации, оценка, лексическая единица, эмоциональная/рациональная оценка, положительная/отрицательная оценка.

Введение

Антропоцентрическая ориентация наук о языке, преодоление сугубо структурного подхода в исследовании языковых явлений стимулировали интерес к изучению языковых средств репрезентации в дискурсе его автора. Дискурс представляет собой не просто вербальную манифестацию субъекта, но также выступает показателем того, что этот субъект мыслит, познает и сообщает об этом.

В целом понятие **дискурса** является очень емким, включающим обширный спектр характеристик как лингвистического, так и экстралингвистического свойства, которые позволяют рассматривать его не только в качестве продукта речевой деятельности (текста) с присущей ему смысловой однородностью, актуальностью (уместностью), привязанностью к определенному контексту, жанровой принадлежностью, но и с учетом принадлежности целому слою культуры и социальной общности (Н. Д. Арутюнова, Т. ван Дейк, Е. С. Кубрякова, Ю. Н. Караулов, В. Е. Чернявская и др.). Дискурс затрагивает ментальные процессы участников коммуникации: этнические, психологические, социокультурные стереотипы и установки, а также стратегии понимания и порождения речи, определяющие при необходимости степень ее связности, соотношение общего и конкретного, нового и уже известного, субъективного и объективного, эксплицитного и имплицитного в содержании, выбор средств для достижения конечной цели коммуникации, фиксацию точки зрения говорящего и т.д.

Результаты исследования и их обсуждение

Актуальным для данного исследования представляется антропологический подход в изучении дискурса. Он базируется на мысли о том, что в **медиадискурсе** главным образом «отражается физическое пространство человека, поэтому первостепенная роль принадлежит автору, а сам дискурс антропоцентричен» [1, 26–27]. Кроме того, безмерность интерпретаций «**образа автора**» (термин В. В. Виноградова) и недостаточная изученность способов его манифестации в информационных жанрах медийного дискурса также обусловили выбор темы настоящего исследования.

Самым распространенным термином для обозначения глобальной категории субъектности, выражающей созидательное начало в речевых видах деятельности, является образ автора. Так же называют и категорию текстообразования, объединяющую смыслы говорящего-пишущего, и художественную категорию, формирующую единство всех элементов произведения, с одной стороны, и обозначающую роль в данном произведении автора, образ создателя текста,

с другой стороны [2, 50–51]. Концепция такой категории заложена в трудах Г. О. Винокура и Ю. Н. Тынянова [3], [4, 268], но свое четко выраженное оформление получила в монографии В. В. Виноградова «О теории художественной речи» [5]. В соответствии с его определением **образ автора** – это «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем-рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [5, 118]. На наш взгляд, понятие «образ автора» в большей степени принадлежит литературоведению, чем лингвистике, и, следовательно, способствует более глубокому постижению системы образов художественного произведения.

Существует множество попыток обрисовать объем и содержание автора как «языковой личности» [6, 7]. Исходя из таких работ, зависимость текста от автора определяется принадлежностью автора к одному из типов речевой культуры, а также его психологическими характеристиками. Так, Ю. Н. Карауловым описаны три основных элемента проявления автора как языковой личности (вербально-семантический, когнитивный, мотивационный) [6]. Н. С. Болотова за образом автора видит «авторскую личность, с присущим ей лексиконом, грамматиконом, прагматиконом» [7, 314].

Пара синонимичных словосочетаний «авторское начало» и «авторский узор» (термины Т. В. Шмелевой) исходят из предложенного ею понимания текста как метафоры ткани [8]. Подобно ткани текст состоит из «двух обязательных составляющих – тематической основы и рематического утка, а также факультативного в плане выражения авторского узора» [9, 6].

Взяв за основу определение Т. В. Шмелевой «авторское начало – смысловая часть текста, в которой проявляется речевое поведение автора и его рефлексия по поводу своего текста» [8, 69], О. Н. Копытов значительно расширяет его. Так, по его мнению, «авторское начало включает в себя единицы разного уровня, имеющие различные формально-категориальные способы своего выражения: оценка, темпоральность–локальность–лицо (актуализация), императивность, социальный модус, квалификация авторизации и достоверности, метааспект» [2, 21]. Таким образом, в соответствии с предложенной им концепцией, речевое поведение автора заключается не только в экспликации прямого авторского модуса («я, мне, меня, по-моему»), но может быть имплицитным, скрытым: от языковой игры и оригинальной метафоры до свободы в расположении фактов и композиционных приемов [2, 50–53]. Отношение автора чаще всего содержится во всей внутренней структуре текста, скрывается в «глубинах композиции и стиля» [5, 151].

В отличие от Т. В. Шмелевой, которая считает авторским началом только словесные проявления автора в тексте, мы вслед за О. Н. Копытовым придерживаемся более широкого понимания данного термина: от интенций, мотивов автора до его словесных проявлений в тексте, а также включаем в понятие «авторское начало» как непосредственно автора медиадискурса, так и других участников коммуникации, чье мнение приводится в том или ином информационном сообщении. В семантической структуре новостного дискурса они представляют так называемые «вербальные реакции» [10] политиков, экспертов, очевидцев и других участников (или комментаторов) происходящих событий. Такие реакции реализуются в поверхностной структуре дискурса эксплицитно посредством прямой или косвенной речи, которые содержат мнения и оценки коммуникантов [11]: *Umunna (Chuka Umunna of Labour MP) said: “Every major sector of our economy is linked to the single market and could be harmed through an arrangement that prioritises one sector over another”* (The Guardian. 28.11.16). ‘Умунна (член парламента от Лейбористской партии Чука Умунна) заявил: «Каждый главный сектор нашей экономики связан с единым рынком и может пострадать из-за соглашения, которое определяет первоочередность одной отрасли перед другой»’. В подобных включениях мнений других участников коммуникации, как правило, указывается автор данного оценочного высказывания, а также его статус (*Mark Carney, the Bank of England governor* ‘глава Банка Англии Марк Карни’; *Trump’s spokeswoman, Kellyanne Conway, and chief of staff, Reince Priebus* ‘представитель Трампа Келлиан Конвей и глава администрации Рейнс Прейбус’; *Vladimir Zhirinovsky, the head of the nationalist party LDPR* ‘лидер националистической партии ЛДПР Владимир Жириновский’).

В целом для текстов британского медиадискурса характерна развитая система **авторизационного модуса** (термин О. Н. Копытова). Помимо прямого указания на источник сообщения, используются нарицательные существительные (*the EU executive* ‘представитель ЕС’, *a government spokesperson* ‘представитель правительства’) и собирательные существительные (*the Kremlin* ‘Кремль’; *the television channel Rossiya 24* ‘телевизионный канал «Россия 24»’;

the Norwegian government 'правительство Норвегии'). Так, в статьях «Malta accused of being tax haven as it takes EU presidency» и «Hard Brexit would damage 'almost every sector' of UK economy» приводятся ссылки на отчеты, однако уточняются их авторы, будь то специалист в сфере экономики (*Malta could be deemed a tax haven according to EU's own criteria, concludes the report, which was written by accountancy lecturer Tommaso Faccio of Nottingham University Business School* (The Guardian. 11.01.17) '«Мальта может считаться налоговым раем в соответствии с собственным критерием Евросоюза,» – заключается в докладе Томмазо Фачио, лектора по бухгалтерскому учету в Бизнес школе Ноттингемского университета'), либо инициаторы проведения, например, представители трех партий: *Leaving the single market would be damaging to almost every sector of the British economy <...> according to a report commissioned by an alliance of Conservative, Labour and Liberal Democrat politicians* (The Guardian. 28.11.16) 'Выход из единого рыночного пространства нанесет ущерб почти каждому сектору британской экономики <...>', согласно докладу, подготовленному по распоряжению блока политиков Консервативной, Лейбористской и Либерально-демократической партий'.

Выявлено, что автор проанализированных статей может брать мнения иных субъектов в союзнники собственному. Например, в публикации «Donald Trump accuses US spies of leaking fake news about him» (The Guardian. 11.01.17) автор Алек Лун (Alec Luhn) разделяет точку зрения о необоснованности обвинений в адрес Москвы по поводу вмешательства в президентские выборы США с целью продвижения кандидатуры Дональда Трампа. Для убеждения читателей в правильности такой позиции по довольно интригующему вопросу в статье приводятся мнения десяти участников коммуникации, как самого Д. Трампа и его сторонников (*President-elect says emergence of allegations that Russia had material it could use to blackmail him is 'one last shot at me'* 'избранный, но ещё не вступивший в должность президент заявляет, что появление утверждений якобы о том, что Россия обладает материалом, который может быть использован для шантажа – это «последний выстрел в меня»'), так и Российской стороны (например, *Peskov said in a statement: «The Kremlin does not engage in collecting kompromat»* 'Песков официально заявил: «Кремль не занимается сбором компромата»').

Однако автор медиатекста может сослаться на мнения иных участников коммуникации не только с целью подтверждения собственной позиции по актуальному вопросу, он апеллирует к разнице между своей точкой зрения и иным источником информации для придания большей объективности изложению. Так, разрешение на привлечение иностранных граждан для работы в сельском хозяйстве Великобритании вызывает критические замечания со стороны министра окружающей среды Андреа Лидсом, поскольку может стать помехой в осуществлении миграционного контроля после выхода из Евросоюза: *<...> hints from the environment secretary, Andrea Leadsom, that the British farming industry is to be handed a major loophole to escape the promised restrictions on EU migration post-Brexit* (The Guardian. 11.01.17) '<...> намеки министра окружающей среды Андреа Лидсом на то, что сельское хозяйство Великобритании станет главной лазейкой в избегании обещанных ограничений на миграцию из Евросоюза после выхода из него Великобритании'. Далее в качестве обоснования такой политики приводятся аргументы министра иммиграции Роберта Гудвила о краткосрочности нахождения иностранных рабочих на территории Великобритании и очевидной пользе фермерству страны и сельскому хозяйству в целом.

Таким образом, автор информационного медиатекста может либо соглашаться с суждениями, исходящими из миров других авторов, либо не соглашаться с ними, либо уточнять чьи-то мысли, суждения, либо сопереживать участникам события. Однако мало кого-то процитировать, «автору необходимо построить целую перспективу, линию других миров» [2, 138], других высказываний и упорядочить их так, чтобы они выглядели достаточно автономными и самостоятельными. Далее «на эту перспективу цитируемого наложить перспективу своего отношения к нему (персуазивную, оценочную, актуализационную – прежде всего). <...> и все это поместить в ту перспективу своего текста, которая ведет к выражению его Идеи» [Там же]. Проанализируем отрывок из статьи, посвященной последствиям выхода Великобритании из единого рыночного пространства Евросоюза и подписанию соглашения о свободной торговле для отдельных отраслей экономики:

Theresa May has hinted she favours this so-called "sectoral" approach but the Cebr report warns that "all major sectors are linked to the EU and could be harmed if the UK government sought a free trade agreement which prioritised some sectors over others".

The prime minister has so far refused to reveal her vision for Brexit, but gave a rare newspaper interview this weekend, saying she just wanted to “get on with the deal”. <...> In a speech at the London School of Economics, he (Lord Kerr, Britain’s most experienced EU negotiator) claimed “the fog in the channel is getting thicker all the time” <...>. Emily Thornberry, the shadow foreign secretary, this weekend left the door open to supporting a second referendum on the terms, saying the Brexit process had to be taken “step by step”. <...> “I think that we need to take this in stages and at the moment we cannot even have a debate as to how it is that we are going to leave the European Union because the government claim they are keeping their cards to their chest”. She said the priority in negotiating a Brexit deal should be the economy <...> (The Guardian. 28.11.16) ‘Тереза Мэй дала понять, что она благосклонно относится к так называемому «секторному» подходу, но доклад Центра экономики и бизнес-исследований предупреждает, что «все важные сектора экономики связаны с ЕС и могут пострадать, если правительство Великобритании будет стремиться к соглашению о свободной торговле, которое уделяет приоритетное внимание одним секторам над другими». Премьер-министр до сих пор отказывается раскрыть свою точку зрения на выход Великобритании из ЕС, но на этих выходных дала редкое интервью газете, сообщая, что она намерена «продолжить в том же духе». В своем выступлении в Лондонской школе экономики он (Лорд Керр, самый опытный британский участник переговоров с ЕС) заявил «туман в туннеле становится все гуще». Эмили Торнберри, теневой министр иностранных дел, на выходных указала на возможность второго референдума, подчеркнув, что процесс выхода Великобритании из ЕС должен происходить «шаг за шагом». <...> «Я думаю, нам нужно осуществлять этот процесс поэтапно и на данный момент мы даже не можем проводить дебаты о том, как мы собираемся выходить из Евросоюза, потому что правительство держит свои карты в секрете». Она отметила, что приоритетом в переговорах по «брекситу» должна стать экономика».

Приведенный пример демонстрирует, как в информационных жанрах британского медиадискурса задаются прагматические, то есть направленные на адресата, векторы большой иллюкутивной силы (в ход могут идти все средства от лексических, синтаксических до стилистических), модальные поля большой силы (*could, have to, need, should* и др.), полярные точки зрения: Премьер-министр Великобритании Тереза Мэй и Майкл Гоув выступают за выход из Евросоюза и единого рынка; специалисты в области финансов, ряд политических деятелей, чьи заявления подкрепляются отчетом Центра экономики и бизнес-исследований – за сохранение единого рыночного пространства или постепенный выход. В результате незаметно оказывается, что правы вторые, чье мнение разделяет и автор статьи. Таким образом, даже сам подбор фактов, количество приводимых точек зрения (2 против 8) и их расположение также работают на выражение авторской позиции.

Анализ практического материала показал, что в общественно-значимом информационном медиадискурсе мало сообщить о событии, необходимо сказать, хорошо оно или плохо, если плохо – как его избежать в дальнейшем. Это неизбежно требует той или иной экспликации авторской позиции, что осуществляется с помощью оценочных языковых средств.

Категория оценки находит достаточно широкое отражение в проанализированных текстах СМИ. При этом общей чертой авторского информационного дискурса и не-авторского, т.е. дискурса других участников коммуникации, является использование оценочных языковых средств, представленных различными знаменательными частями речи (*blackmail* ‘шантажировать’, *ridicule* ‘высмеивать’, *deny* ‘отрицать’, *ignore* ‘игнорировать’; *fake* ‘подделывать’; *unproven* ‘непроверенный’, *laughable* ‘смешной’, *difficult* ‘трудный’; *poorly* ‘плохо’, *vehemently* ‘сильно’, *easily* ‘легко’, *closely* ‘внимательно’; *shock* ‘шок’, *obstacle* ‘препятствие’, *parody* ‘жалкое подобие’, *disgrace* ‘низость’ и др.). Отличием дискурса не-автора медиатекста является более широкая представленность эмоционально-оценочной лексики, а также образных стилистических средств (эпитетов, метафор, сравнений), несущих высокий прагматический заряд: *Soubry (Tory MP Anna Soubry) will accuse those backing of a sector-by-sector deal of pursuing a “simplistic fantasy”* (The Guardian. 28.11.16) ‘Субри (член парламента от Консервативной партии Анна Субри) выступит с обвинением в адрес тех, кто поддерживает соглашение о беспощинной торговле со странами Евросоюза применительно к отдельным торгово-промышленным секторам британской экономики. Она называет такой подход «примитивной фантазией»»; *“This is an absolute canard, an absolute fabrication, and it’s complete nonsense,” Peskov said in a statement* (The Guardian. 11.01.17) ‘«Это все слухи, абсолютная фальсификация и полная ерунда», – официально заявил Песков». Для авторского дискурса более характерно использование рационально-

оценочных единиц, сравните: *Norway has long felt the disadvantage – notably the expense – of getting FM signals to a relatively small population. <...> The move will be closely watched by other nations in Europe* (The Guardian. 11.01.17) 'Норвегия давно испытывает затруднение, главным образом, в связи с расходами на распространение FM сигнала для относительно небольшого населения. <...> За этим шагом будут пристально наблюдать другие европейские страны'.

Воздействие, в отличие от «чистого информирования» (если последнее вообще возможно), своим основанием имеет просто, а чаще сложно составленный рисунок положительных и отрицательных оценочных смыслов. Установлено, что по знаку оценки в информационных медиажанрах одинаково используются как негативные, так и позитивные оценочные средства: *But some have called the move premature, saying up to 2.3 million car users have no DAB sets. Critics have warned that emergency traffic messages – often vital in Norway's inclement winters – may be unheard* (The Guardian. 11.01.17) 'Но некоторые назвали этот шаг преждевременным, ссылаясь на то, что до 2.3 миллиона автопользователей не имеют DAB-радиоприемников. Критики предупреждают, что срочные дорожные сообщения, часто жизненно необходимые при суровых норвежских зимах, могут остаться неслышанными' <...> *a pilot scheme which currently allows three top British universities to make a more generous offer to overseas students could be introduced more widely* (The Guardian. 11.01.17) '<...> пилотный проект, который в данное время позволяет трем лучшим британским университетам делать более щедрое предложение заграничным студентам, может получить более широкое распространение'.

Следует отметить, что уже в заголовке и подзаголовке информационного медиатекста зачастую задается позиция автора по важной общественной проблеме, а в первых же абзацах текста – знак оценки (положительной или отрицательной) предмета речи:

Заголовок: *Malta accused of being tax haven as it takes EU presidency* 'Мальту, которая принимает председательство в ЕС, обвинили в том, что она является налоговым раем'

Подзаголовок: *Country helped multinationals avoid paying more than £12bn in taxes from 2012 to 2015, says report from Green MEPs* (The Guardian. 11.01.17) 'Страна помогала мультинациональным компаниям уйти от уплаты налогов на сумму 12 миллиардов фунтов стерлингов в период с 2012 по 2015 гг.' – сообщается в докладе, подготовленном членами Европарламента от партии «Зеленых»'.

Далее отдельные оценочные смыслы высказываний способствуют укреплению авторской позиции: дискретно накапливаясь, они образуют ее объем, глубину, а также иллюкативную, воздействующую на адресата силу.

Выводы

В результате теоретического обзора существующих исследований и концепций сформулировано и уточнено определение авторского начала. Так, нами оно трактуется достаточно широко: включает всех участников коммуникации, непосредственно автора медиадискурса, а также политиков, экспертов, очевидцев и др., чьи высказывания приводятся в статье, и выражается эксплицитным (средства оценки, модальные глаголы и наречия, личные и притяжательные местоимения, вводные слова и выражения и т.д.) имплицитным (подбор фактов и их расположение, структура, композиция и др.) способами. Несмотря на специфику информационных жанров, которые не должны содержать авторских комментариев, проведенный анализ показал, что для них также характерна высокая употребительность эксплицитных средств выражения оценки. Например, автор статьи отдает предпочтение рационально-оценочным лексическим единицам для придания большей объективности изложению. В то же время другие участники коммуникации могут быть не столь деликатны в выборе способа выражения своего отношения к происходящему, поэтому прибегают к использованию эмоционально-оценочной лексики. По знаку оценки выявлены случаи употребления как негативно-, так и позитивно-оценочных единиц, как автором, так и не-автором статьи. Однако общая тональность проанализированных статей скорее критическая, чем хвалебная. В этом прослеживается сходство информационных жанров британского медиадискурса с аналитическими.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Темнова, Е. В. Современные подходы к изучению дискурса / Е. В. Темнова // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред.: В. В. Красных, А. И. Изотов. – М., 2004. – Вып. 26. – С. 24–32.

2. Копытов, О. Н. Модус на пространстве текста / О. Н. Копытов. – Хабаровск : Хабар. ин-т искусств и лит., 2012. – 246 с.
3. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М. : Учпедгиз, 1959. – 492 с.
4. Тынянов, Ю. Н. Литературный факт / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М., 1977. – С. 255–270.
5. Виноградов, В. В. Проблема образа автора в художественной литературе / В. В. Виноградов // О теории художественной речи : учеб. пособие / В. В. Виноградов. – М., 1971. – С. 105–211.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов ; отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
7. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 520 с.
8. Шмелева, Т. В. Текст сквозь призму метафоры тканья / Т. В. Шмелева // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. / Ин-т рус. яз. и лит. при филол. фак. Сарат. гос. ун-та. – Саратов, 1998. – Вып. 27 : Человек и текст. – С. 68–74.
9. Шмелева, Т. В. Текст как объект грамматического анализа : учеб.-метод. пособие / Т. В. Шмелева. – Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 2006. – 63 с.
10. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т. А. ван Дейк ; сост. В. В. Петрова ; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 310 с.
11. Карпилович, Т. П. Формализация распознавания авторской позиции в проблемном медиадискурсе / Т. П. Карпилович // Контрастивные исследования: текст, предложение, слово : сб. науч. ст. преподавателей и аспирантов / Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 18–25.

Поступила в редакцию 20.02.17

E-mail: ms.lyashkevich@mail.ru

I. V. Leshkevich

THE AUTHOR'S MANIFESTATION IN INFORMATION GENRES OF BRITISH MEDIA DISCOURSE

The paper presents the study of the author's language representation in British news discourse. It has been found out that the author's position can be expressed with the help of explicit means of evaluation. The types of evaluation lexical units and their correlation with different participants of communication as well as the role in expressing the general idea have been revealed.

Keywords: discourse, anthropological approach, author, mediadiscourse, the participant of communication, evaluation, lexical unit, emotional/rational evaluation, positive/negative evaluation.

УДК 81'276.6:811.111

И. С. Лисовская¹, Ю. М. Парфинович²¹Кандидат филологических наук, доцент,

УО «ГрГУ им. Я. Купалы», г. Гродно, Республика Беларусь

²Магистр филологических наук,

аспирант кафедры белорусского и сопоставительного языкознания

УО «ГрГУ им. Я. Купалы», МГПУ им. И. П. Шамякина, г. Гродно, Республика Беларусь

Научный руководитель аспиранта: доктор филологических наук,

профессор Никитевич Алексей Васильевич, УО «ГрГУ им. Я. Купалы»

НЕГАТИВНАЯ ОЦЕНКА ПРОИСХОДЯЩЕГО КАК ФРАГМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАРЕСУРСОВ)

В данной статье представлен один из возможных аспектов исследования речевой агрессии с позиции коммуникативной лингвистики. Нами описывается «внутренний механизм» экспликации негативной оценки в политическом дискурсе на материале англоязычных и русскоязычных медиаресурсов, которые отражают коммуникативную направленность известных российских и зарубежных политиков.

Ключевые слова: медиаресурсы, коммуникативная деятельность, дискурс, политический дискурс, речевая агрессия, средства речевой агрессии, типы речевой агрессии, речевое поведение, негативная оценка.

Введение

Несмотря на значительное количество современных исследований, «речевая агрессия по-прежнему нуждается не только в оценочной констатации, но и в комплексном изучении» [1, 83]. Определений, что является речевая агрессия, множество. Однако лингвисты, как правило, речевую агрессию характеризуют как использование языковых средств для выражения неприязненности, враждебности. Это манера речи, которая оскорбляет чьё-либо самолюбие, достоинство. По мнению лингвистов, в наибольшей степени речевая агрессия находит воплощение в разговорных и публицистических сферах коммуникации. Всплеск внимания к речевой агрессии означает, что возникшая проблема в общении остро ощущается как специалистами-языковедами, так и простыми носителями языка. «Активное изучение агрессии как явления речевой коммуникации связано в первую очередь со сменой приоритетов в языкознании второй половины XX века: структурная лингвистика уступает место функциональной, господствующим принципом становится принцип антропоцентризма. Лингвистика активно обращается к междисциплинарным проблемам. В частности, проблема оптимизации общения становится одной из центральных в лингвистических исследованиях, а речевая агрессия рассматривается как один из наиболее актуальных ее аспектов. Практически любая работа, посвященная вопросам коммуникации, так или иначе касается проблемы агрессии в речи» [1, 83].

Предметом нашего исследования стала речевая агрессия в политическом дискурсе, представленная в англоязычных и русскоязычных медиаресурсах. Попытка исследования данного вопроса нами уже была предпринята ранее [2, 41–46]. В поле нашего исследования оказывается «человек говорящий» с его представлениями о коммуникативных действиях, намерениях, коммуникативной среде и принципах коммуникации. По мнению лингвистов, составной частью когнитивного сознания нации является коммуникативное сознание. Под коммуникативным сознанием понимается «совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека» [3, 30].

Речевая агрессия включается в сферу исследований теоретических проблем речевой коммуникации, речевого взаимодействия и воздействия. Лингвистическая наука в Беларуси ещё только вводит знания о возможностях системной организации языка и его единицах в парадигму своей когнитивной сферы. Вместе с тем, современный уровень развития языкознания требует осмысления природы языковых средств выражения речевой агрессии в современных медиаресурсах и законов общезыкового и национального моделирования на этом этапе развития

языковой картины мира. «С одной стороны, пафосом большинства работ, так или иначе связанных с данной проблемой, является явный или скрытый призыв к борьбе с речевой агрессией во всех ее проявлениях, с другой, – речевая (вербальная) агрессия рассматривается как вполне приемлемое речевое действие, способствующее эмоциональной разрядке или как проявление «пробивных» стратегий в деловой коммуникации. Все эти противоречия, список которых можно продолжить, свидетельствуют о том, что речевая агрессия – это гораздо более сложное и многоаспектное явление, чем иногда кажется лингвистам» [1, 83].

По мнению лингвистов, достаточно распространённым видом речевой агрессии является речевое манипулирование, которое используется для «завуалированного» внедрения в психику адресата необходимых для адресанта целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент. «Речевое манипулирование используется во всех видах агитационного дискурса, в СМИ, рекламе, политике, предвыборных кампаниях, дебатах, в определенных ситуациях межличностного и семейного общения, в отношениях между взрослыми и детьми» [4, 5]. Рассматривая типы и виды речевой агрессии, необходимо отметить, что её истоки берут начало в прагматике, которая утверждает, что любую речевую ситуацию можно разложить на компоненты и увидеть необходимые смыслы. С точки зрения прагматики, в основе речевой агрессии лежит однонаправленное эмоциональное воздействие на адресата. И.А. Стернин под речевым воздействием понимает коммуникативное воздействие, которое осуществляется средствами языка при помощи языковых единиц. «Релевантными для вербального речевого воздействия являются: выбор языковых средств выражения мысли, само содержание речи – её смысл, приводимая аргументация, расположение элементов текста относительно друг друга, использование приёмов речевого воздействия и др. В результате речевого воздействия возникает подтекст – скрытый смысл сообщения, косвенно передаваемый текстом» [5, 75]. В лингвистических исследованиях выделяют шесть типов речевой агрессии, к которым относятся: негативная оценка, ирония, насмешка, обвинение, восхваление себя и угроза. Более подробно мы остановимся на первом типе.

Результаты исследования и их обсуждение

В качестве примеров речевой агрессии представим фрагменты выступлений англоязычных и российских политиков – Д. Кэмерона, Д. Трампа, Х. Клинтон, Т. Блэра, а также С. Лаврова, В. Жириновского, И. Хакамады, Г. Онищенко и др., – в которых эксплицитован такой тип речевой агрессии, как негативная оценка. Обратимся к англоязычным контекстам и их переводам на русский язык:

– *I will never forget, watching George with his shirt off for the TV cameras. There he was, shouting his head off, talking about Shell gas companies producing **filthy** energy and getting **filthy** rich* [6]. – *Я никогда не забуду тот момент, когда на Джордж не было рубашки и его запечатлели телекамеры. Он кричал во всю глотку, говорил о газовых компаниях, производящих **отвратительную** энергию и становящихся **неприлично** богатыми.*

– *When I read what some young people born and brought up in this country are doing, **it makes me feel sick to my stomach*** [7]. – *Когда я читаю, что некоторые молодые люди, родившиеся и выросшие в этой стране, делают, **меня начинает тошнить.***

– *These **tyrannical states do not care** for the sanctity of human life”* [8]. – *Эти **тиранические государства не заботятся** о святости человеческой жизни.*

Сравним с русскоязычными контекстами:

– *Мы не пытаемся делать ставку на то, чтобы «ИГ», который за время работы американской коалиции укрепил свои позиции и расширил территории, и Правительство Б. Асада друг друга истощили, а потом, когда они все будут ослаблены и Правительство **рухнет**, «Исламское государство» можно будет **«добить»*** [9]. – *Вы упомянули Болонский процесс. Сразу скажу, что это зависит от позиции Евросоюза. Вы знаете, какова его позиция в отношении давнего проекта документа об отказе от визовых требований. Его, грубо говоря, **«замуржили»** в ЕС, причём заняли негативную позицию задолго до того, как разразился украинский кризис, поэтому у нас тут иллюзий не было [9]. – *Ну совесть надо иметь! Руководитель партии сидит во фракции другой партии. Это полный **маразм, идиотизм*** [10]. – *Во всех странах были революционеры, но таких **наглых**, как у нас, – нигде не было [10].**

Негативная оценка происходящего может быть представлена как нейтральными, так и стилистически окрашенными лексемами:

– существительными, например, англ.: **abomination** (мерзость), **bastard** (ублюдок), **jihaadists** (джихадисты) и т.д.; русск.: **размазня**, **идиотизм**, **маразм**, **бандит**, **уголовник**, **наркобарон**, **кривотолки** и т.д.;

– прилагательными (и/или причастиями), например, англ.: **tyrannical** (тиранический), **filthy** (отвратительный), **crazy** (сумасшедший), **murderous** (кровавый), **poisonous** (ядовитый), **stupid** (глупый) и т.д.; русск.: **чужой**, **наглый**, **тупой**, **агонизирующий** и т.д.;

– наречиями, например, англ.: **nastily** (гадко), **unpleasantly** (неприятно), **badly** (плохо), **mean** (порочно), **tough** (тяжело), **nasty** (противно) и т.д.; русск.: **резко**, **тяжело**, **неприятно**, **пофигу** (пофиг) и т.д.;

– глаголами: **incite** (подстрекать), **recruit** (вербовать), **clean out** (обворовывать), **rob** (грабить) и т.д.; русск.: **убирать** (в значении 'отстранять'), **затормозить** (в значении 'приостановить'), **навязывать** (в значении 'принудить, заставить силой делать что-либо') и т.д.

Особенно ярко в политическом дискурсе представлены словосочетания, которые имеют устойчивый характер, а также гиперболы – стилистические фигуры явного и намеренного преувеличения с целью усиления выразительности. Обратим внимание на англоязычные примеры: **to go med** (сходить с ума), **a headache** (головная боль), **filthy rich** (неприлично богатый), **it makes me feel sick to my stomach** (меня начинает тошнить), **shouting his head off** (кричать во всю глотку), **network of terrorists** (сеть террористов), **poisonous ideology** (ядовитая идеология) и т.д. Сравним с русскоязычными употреблениями: **разменная карта** (вместо разменная монета), **головная боль**, **отрицательная роль**, **гнилая начинка**, **искалеченная логика**, **зверские способы**, **всплеск насилия**, **политический подкаблучник**, **международный терроризм**, **ходить вокруг да около** и т.д.

Для подтверждения сказанного обратимся к политическому дискурсу:

– *If you listen to her for more than five minutes straight, you get a headache* [6]. – *Если вы будете слушать её в течение более пяти минут, вы получите головную боль.*

– *ISIS and global jihadists are recruiting, training, and inciting violence on social media—breeding a growing network of terrorists around the world* [11]. – *ИГИЛ и мировые джихадисты вербуют, обучают, а также подстрекают к насилию в социальных сетях – растяг сеть террористов по всему миру.*

– *They pledge to wipe out tough rules on Wall Street, rather than rein in the banks that are still too risky, courting future failures* [12]. – *Они обязуются уничтожить жесткие правила на Уолл-стрит, а не приструнить банки, которые все еще слишком рискованно навлекают будущие неудачи.*

– *There is nothing easy about running for president, I can tell you. It's tough, it's nasty, it's mean, it's vicious, it's beautiful* [6]. – *Нет ничего легкого в баллотировании на пост президента, я могу вам сказать. Это тяжело, это противно, это есть, это порочно, но это прекрасно.*

– *No, this mic is terrible. This stupid mic keeps popping. Do you hear that, George? Don't pay him. Don't pay him. You know, I believe in paying, but when somebody does a bad job, like this stupid mic, you shouldn't pay the bastard* [6]. – *Нет, это страшный микрофон. Этот глупый микрофон все чаще появляется. Слышите это, Джордж? Не оплачивайте его. Не оплачивайте его. Вы знаете, я верю, что необходимо оплачивать, но когда кто-то делает работу плохо, как этот глупый микрофон, вы не должны платить ублюдку.*

– *I really believe the Republicans are just too crazy* [6]. – *Я действительно считаю, что республиканцы просто слишком сумасшедшие.*

Сравним с русскоязычными высказываниями:

– *Украина была разменная карта* [13]. *Мы окажем экономическую помощь новому государству и новому президенту, но им ни в коем случае не должен быть этот размазня, политический подкаблучник* [14]. – *Грузию зачем взяли – головная боль 200 лет.* [15]. – *Латыши в первых органах ВЧК самые такие зверские способы использовали против арестованных. Поэтому Латыши сыграли отрицательную роль.* [16]. – *При этом мы убеждены, что на таком раунде пора перестать ходить вокруг да около, а необходимо сконцентрироваться на рассмотрении конкретных вопросов в полном соответствии с повесткой дня, которая обозначена в резолюции 2254, включая работу над конституцией* [17]. – *Ну, юристы... У юристов своя, искалеченная логика. Понимаете?* [18] – *Поэтому мы убираем чужих, убираем «паровозов», никаких знаменитостей, никаких олигархов* [19]. – *Попытки Запада во главе с США затормозить объективный процесс становления нового, более справедливого полицентричного и*

устойчивого мироустройства, продолжить **навязывать** другим странам рецепты преобразований ведут к нарастанию **хаоса, анархии** и встречаются **растущее неприятие** и, порой, откровенное **отторжение** со стороны многих государств [9]. – Вокруг проекта конституции, который был распространен на встрече в Астане, ходит много **кривотолков** [17]. – Многие участники сессии Генассамблеи ООН делали акцент на том, что самую серьезную угрозу для всего международного сообщества представляет сегодня **международный терроризм и экстремизм...** [9]

Таким образом, очевидно, что авторы англо- и русскоязычных высказываний довольно часто используют грубую, стилистически сниженную лексику, лексемы, денотативное значение которых не совпадает с их прямым лексическим значением. Обилие фразеологических оборотов в политической речи свидетельствует о том, что политик пытается сослаться на народную мудрость и опыт, накопленный на протяжении долгого временного отрезка, тем самым «спрятаться» за него, выставить фигуру речи в качестве защитного барьера. С этой же целью часто используется разговорный стиль, эффект экспромта в собственной речи. Так, учёные, исследуя формы речевого поведения В.В. Жириновского, утверждают, что именно этот политик первым в российском политическом дискурсе «ввел в устную публичную речь то, что считалось возможным только в бытовой разговорной речи и было абсолютным недопустимым в публичной. Он всегда нацелен на бытовую речевую игру, составляющую одну из основных особенностей разговорной речи» [20].

По мнению лингвистов, «речевая агрессия является «первым шагом к агрессии физической» [20]. Обратимся к контекстам:

– *We are in the midst of a long struggle against **murderous terrorists** and the **poisonous ideology** that supports them* [21]. – Мы находимся в середине долгой борьбы против **кровожадных террористов и ядовитой идеологии**, которая поддерживает их.

– *В некоторых странах и само государство оказалось разрушено. Попытки осуществления политической и геополитической инженерии, свержения «неугодных» режимов привели к слову механизмов обеспечения безопасности, **хаосу** и **анархии*** [9].

Для экспликации негативной оценки авторы высказываний используют распространённые в риторической практике приёмы. Одним из таких приёмов является повтор слов, частиц, союзов и т.д., например: – *We all know what is wrong with the EU – it's got **too big, too bossy, too interfering*** [7]. – Мы все знаем, что не так с ЕС – он стал **слишком большим, слишком властным, слишком много вмешивается**. – *На протяжении шести лет растут цены. Сейчас под выборы товарищи постарались. Кто? Есть антироссийские силы, им выгодно обстановку обострить, и они будут стараться **всякие пакости делать, всякие пакости...*** [20].

Для передачи негативной оценки и уничижительного отношения к кому или чему-либо довольно часто используется префикс экс-, который используется в политическом дискурсе в значении 'бывший', которое приравнивается к семе 'неудачливый' например:

– *One of the **officials** – actually, one of the **ex-officials** from Mexico had a news conference* [6]. – Один из чиновников – на самом деле, один из бывших чиновников из Мексики был на пресс-конференции.

– *The **lunches, the hospitality, the quiet word in your ear, the ex-ministers and ex-advisors for hire, helping big business find the right way to get its way*** [7]. – Трапезы, гостеприимство, тихие слова на ушко, бывшие министры и бывшие советники по найму помогают крупному бизнесу найти правильный путь и встать на свой путь.

Сравним с контекстами русскоязычных медиаресурсов: «**Экс-депутат** от "Партии регионов" Елена Бондаренко, выступая на программе одного из российских каналов, в который раз **полила грязью** украинскую власть и украинский народ» [22].

Нередко в ораторской деятельности для субъективного отражения внеязыковой действительности используется ненормативная и стилистически сниженная лексика, например:

– *We can see **the results: the government cronies get rich – some beyond their wildest dreams of avarice – while the people stay poor*** [7]. – Мы можем видеть результаты: **дружки** правительства становятся богаче – так, **как и не снилось** – в то время как народ остается бедным.

Сравним с русскоязычными контекстами: – *Министерство финансов Российской Федерации до нуля **зарезало** программу работы с соотечественниками* [9]. – *Поэтому мы убираем **чужих**, убираем «паровозов», никаких знаменитостей, никаких олигархов* [16]. – *Народу **пофигу** Сирия. Народу, да, важен Крым, Донецк, и все, что происходит с Украиной. А вот Сирия **пофиг**, я вам серьезно говорю* [23].

Таким образом, победа в процессе борьбы за власть зависит зачастую от умения политика выиграть поединок в красноречии, т.е. от его таланта «оказать посредством выступления желаемое воздействие, привлечь на свою сторону как можно больше электората, который в конечном итоге проголосует за него, обеспечив тем самым его успех и популярность» [24, 14].

Выводы

Проанализировав современные теоретические источники, связанные с речевой агрессией, а также выступления политиков, можно сделать вывод, что примеры речевой агрессии широко используются в средствах массовой информации. Они стали частью речевого поведения современного общества в целом и частью комплекса коммуникативной деятельности отдельной личности и заняли прочное место в политическом дискурсе, а оценочная лексика стала ярко выраженным аспектом политического дискурса.

Очевидно, что данное явление требует соответствующего анализа и оценки, поиска решений выхода из создавшейся коммуникативной ситуации. Перед лингвистами встает вопрос: «Что это за явление? Это время допускает возможность такого экспрессивного поведения или же человечество спустя столетия вернулось к изначальному способу взаимодействия, где употребление грубых слов и грубой силы являлось нормой?». Разобраться в этом и дать свою оценку ещё предстоит лингвистам.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОНИКОВ

1. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискуссионной парадигме / Т. А. Воронцова // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистическая и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 1. – С. 83–86.
2. Парфинович, Ю. М. Экспликация негативной оценки в политическом дискурсе (на материале англоязычных медиаресурсов) / Ю. М. Парфинович, И. С. Лисовская // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 3. Філологія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2017. – Т. 7, № 1. – С. 41–46.
3. Шаманова, М. В. Моделирование коммуникативной категории общение на основе экспериментальных данных / М. В. Шаманова // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы 1 Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.) / Кемеровский государственный университет; отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: КемГУ (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8). – Кемерово, 2006. – 1002 с.
4. Петрова, Н.Е. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 160 с.
5. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 252 с.
6. Donald Trump Hates Republicans But Praises Mexicans, Obama, Pro Choice, Healthcare And Hillary. – Lybio [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lybio.net/donald-trump-hates-republicans-but-praises-mexicans-obama-pro-choice-healthcare-and-hillary/people/>. – Дата доступа: 11.04.2016.
7. Prime Minister David Cameron's speech to the World Economic Forum in Davos. – GOV.UK [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gov.uk/government/speeches/prime-minister-david-camersons-speech-to-the-world-economic-forum-in-davos. – Дата доступа: 11.04.2016.
8. Тони Блэр Famous-speeches-and-speech-topics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.famous-speeches-and-speech-topics.info> – Дата доступа: 11.04.2016.
9. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в рамках «правительственного часа» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 14 октября 2015 года. – Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1852611. – Дата доступа: 25.02.2017.
10. Жириновский, В. В. Выступление Владимира Жириновского на митинге 15 сентября 2016 года / В. В. Жириновский. – ЛДПР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ldpr.ru/leader/speech/Vladimir_Zhirinovskiy_at_a_meeting_on_September_15/. – Дата доступа: 20.09.2016.
11. Kane, K. Hillary Clinton just outlined a plan to defeat ISIS and global terror. 3 things you need to know: “We have to reject fear and instead choose resolve.” / К. Кэте // Hillary for America [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hillaryclinton.com/post/hillary-clinton-just-outlined-plan-defeat-isis-and-global-terror-3-things-you-need-know/>. – Дата доступа: 11.04.2016.
12. Hillary Clinton held the first major rally of her campaign on Saturday // Time [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://time.com/3920332/transcript-full-text-hillary-clinton-campaign-launch/?iid=sr-link1>. – Дата доступа: 13.06.2016.

13. Кипишинова, Е. Украинский язык придумали в Вене – Жириновский / Е. Кипишова // Биржевой лидер [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-sng/ukraine/entry1008198380.html>. – Дата доступа : 22.02.2017.
14. Жириновский, В. В. Витёк – Главарь банды, а не Президент Украины! / В. В. Жириновский. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ok.ru/video/27193905538>. – Дата доступа : 16.01.2017.
15. Колесова, А. Жириновский: Россия не должна помогать Украине, а должна ждать, когда она сама приползет к стенам Московского Кремля / А. Колесова. – Накануне. RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nakanune.ru/news/2014/1/22/22338527/#sthash.A15YpypM.dpuf>. – Дата доступа : 16.02.2017.
16. Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «К парламентам государств-членов Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе». Пленарное заседание, 18 марта 2016 года. – ЛДПР [Электронный ресурс]. – Дата доступа : 17.01.2017.
17. Вступительное слово Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на встрече с представителями сирийской оппозиции, Москва, 27 января 2017 года // Международная жизнь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://interaffairs.ru/news/show/16804>. – Дата доступа : 20.02.2017.
18. «Принцип действия». Геннадий Онищенко. – Вести ФМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?time_continue=2573&v=u14obY3_Ptc. – Дата доступа : 15.02.2017.
19. Шесть месяцев до выборов в Думу: партии изучают новые правила, примеряют новые стратегии // ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tass.ru/politika/2747570>. – Дата доступа : 01.02.2017.
20. Тортунова, И. А. Агрессия как форма речевого поведения политика (на примере выступлений В.В. Жириновского) / И. А. Тортунова // INTER-CULTUR@L-NET. – 2008. – № 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/74/>. – Дата доступа : 14.01.2017.
21. David Cameron makes swipe at Starbucks as he promises focus on tax. – The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.theguardian.com/politics/2013/jan/24/david-cameron-starbucks-focus-tax>. – Дата доступа : 11.04.2016.
22. Скандальные заявления экс-регионала на российском телевидении: появилось видео / 24 канал [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://24tv.ua/ru/skandalnye_zajavlenija_jeksregionala_na_rossijskom_televidenii_pojavilos_video_n744788. – Дата доступа : 14.01.2017.
23. Хакамада, И. Людям пофигу Сирия / И. Хакамада. – Радио Свобода [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.svoboda.org/a/28020350.html>. – Дата доступа : 25.02.2017.
24. Блох, М. Я. Средства эмоционального воздействия политических выступлений / М. Я. Блох, Н.А Резникова // Вестник ГПИУ. Выпуск 9 (60). Сер. Гуманитарные науки (филология). – 2006 г. – С. 14–19. <http://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-emotsionalnogo-vozdeystviya-politicheskikh-vystupleniy/> – Дата доступа : 22.01.2017.

Поступила в редакцию 03.03.17

E-mail: i.lisovskaya@grsu.by, anikit@inbox.ru.

Lisovskaya Ina Samsovna, Parfinovich Julia Miroslavovna

NEGATIVE ASSESSMENT OF WHAT IS HAPPENING AS A FRAGMENT OF THE POLITICAL DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF ENGLISH AND RUSSIAN MEDIA RESOURCES)

This article deals with one of the possible aspects of the research of verbal aggression from the point of view of communicative linguistics. The “inner mechanism” of the negative assessment explication in the political discourse is described on the material of English and Russian media resources which represent communicative orientation of famous Russian and foreign politicians.

Keywords: media resources, communicative activity, discourse, political discourse, verbal aggression, verbal aggression devices, types of verbal aggression, verbal behavior, negative assessment.

УДК 1751

Т. С. Лобанова

Преподаватель, кафедра немецкого языка,
Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель: Алла Андреевна Кожина,
доктор филологических наук, профессор

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТИЯ В СОСТАВЕ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В БИБЛИИ КОРОЛЯ ИАКОВА

Настоящая статья посвящена исследованию автономных причастий в составе фразеологических единиц. В качестве источника текстовой выборки используется Библия короля Иакова – литературный памятник, отражающий становление современного английского языка. В результате анализа были выявлены устойчивые словосочетания, а также идиоматические сочетания, некоторые из которых возникают непосредственно в тексте анализируемого священного писания.

Ключевые слова: автономные причастия, фразеологические единицы, Библия короля Иакова, устойчивые словосочетания.

Введение

В данной статье речь пойдет о самостоятельных причастиях английского языка в составе фразеологических единиц.

Несмотря на то, что в лингвистике фразеология является давно разрабатываемым и достаточно популярным направлением исследования, среди языковедов нет единства мнений по многим важнейшим ее вопросам. Так, Б. А. Плотников к актуальным проблемам этого направления относит следующие: «что такое фразеологизм и каковы критерии его выделения; соотношение между фразеологизмом и словом, фразеологизмом и словосочетанием, фразеологизмом и предложением; принципы классификации фразеологических единиц; семантические и грамматические свойства фразеологизмов; принципы составления фразеологических словарей; проблема переводимости фразеологизмов с одного языка на другой и др.» [1, 78].

В различного рода исследованиях также широкий спектр взглядов на объем фразеологии и характер входящих в этот объем единиц.

Известно, что основоположник фразеологии Ш. Балли различал свободные словосочетания и фразеологические единства, т.е. словосочетания, компоненты которых, постоянно употребляемые в данных сочетаниях для выражения одной и той же мысли, утратили всякое самостоятельное значение [2, 57].

В.В. Виноградов, автор фундаментальных работ по русской фразеологии, в свою очередь, выделял три типа ФЕ (фразеологических единиц) по семантической слитности: 1) фразеологические сращения, или идиомы, – немотивированные единицы, выступающие как эквиваленты слов; 2) фразеологические единства – мотивированные единицы с единым целостным значением; 3) фразеологические сочетания – обороты, в которых у одного из компонентов фразеологически связанное значение [3, 341].

Н.Н. Амосова указывает на существование двух типов ФЕ – фраземы и идиомы, где фразема – это единица постоянного контекста, в которой указательный минимум, требуемый для актуализации данного значения семантически реализуемого слова, является единственно возможным, не варьируемым, т.е. постоянным, второй компонент является указательным минимумом для первого. Согласно мнению Амосовой, идиомы, в отличие от фразем, – это единицы постоянного контекста, в которых указательный минимум и семантически реализуемый элемент оставляют тождество и оба представлены общим лексическим составом словосочетания. Идиомы характеризуются целостным значением, например, *red tape* ‘волокита, бюрократизм’; *play with fire* ‘играть с огнем’ и т.п. [4, 139].

Однако при очевидной многополярности существующих мнений по перечисленным выше вопросам достаточно четко обозначены критерии определения того, относится ли та или иная

языковая единица к фразеологизмам. К ним относятся сверхсловность, т.е. эта единица должна состоять более чем из одного слова, а также воспроизводимость или устойчивость, под которой понимается повторяемость данных сочетаний слов в речи в одном и том же качестве и использование их в виде готовых, не создаваемых вновь каждый раз, компонентов для построения речевых высказываний [1, 81]. То есть, под фразеологизмами понимаются используемые для построения речевых высказываний сверхсловные, воспроизводимые в готовом виде единицы языка, обладающие в целом постоянным и не зависимым от контекста значением [1, 82].

Известно, что обогащение словарного состава любого языка происходит, в том числе, и за счет фразеологизмов. Не является здесь исключением и английский язык – его лексикон в различные исторические периоды вбирал в себя не только отдельные слова, но и устойчивые словосочетания, причем некоторые из них включали в себя в качестве составляющего самостоятельное причастие.

В качестве основы исследования участия определенных выше фразеологических единиц в формировании словарного состава английского языка послужила Библия короля Иакова – наиболее точный перевод Библии, который одновременно является литературным памятником, отражающим становление современного английского языка, который входит в так называемый «золотой фонд» английской классической литературы [5, 5]. «Историки английской литературы считают, что во время формирования английского литературного языка наибольшее влияние на него оказали сочинения Уильяма Шекспира и Библия короля Иакова I» [6, 46–63].

Кроме того, как известно, Библия является важнейшим литературным источником ФЕ [7, 57]. Несмотря на согласие большинства исследователей с этим неоспоримым фактом, среди них не существует единого мнения о том, как именно текст священного писания влиял на возникновение фразеологизмов в национальных литературных языках. Так, З.И. Семенова указывает на то, что все фразеологизмы библейского происхождения возникли путем пословного перевода с греческого и латинского языков и распространены во всех языках народов, исповедующих христианскую религию [9, 87], в то время как Н.Л. Щадрин относит большинство фразеологизмов библейского происхождения к национальным заимствованиям, созданным каждым народом самостоятельно из обширного лингвистического материала, заключенного в переводе Библии на собственный язык [9, 81]. А.В. Кунин подчеркивает, что фразеологизмы библейского происхождения часто во многом расходятся с их библейскими прототипами [7, 59]. Таким образом, интересно проанализировать, как перечисленные гипотезы могут соотноситься с функционированием автономных причастий в составе ФЕ анализируемого священного писания.

Результаты исследования и их обсуждение

Из текста Библии короля Иакова были отобраны 1236 причастий в самостоятельной функции, 171, или 14% от общего количества исследуемых явлений, принимают участие в формировании фразеологических единиц.

Все ФЕ рассматриваемого текста Священного писания, в состав которых входит автономное причастие, условно можно разделить на две группы: а) устойчивые сочетания и б) идиомы.

Первая группа включает в себя такие сочетания, как *burnt offering* [Лев. 4.10] ‘всесожжение’ [10, I, 263], *springing water* [Быт. 26.19] ‘ключевая вода’ [11, X, 1747], *creeping thing* [Быт. 1.24] ‘рептилии, пресмыкающиеся’ [12, 752], *dwelling place* [1 Цар. 8.49] ‘местожительство’ [13, III, 1541] и др. Принадлежность единиц указанной группы к собственно устойчивым сочетаниям не вызывает сомнений: все они употребляются в одном и том же составе, не конструируются в предложении, а вносятся в него в готовом виде, кроме того, рассматриваемые устойчивые сочетания лишены образности и эмоциональной экспрессивности. В устойчивых сочетаниях данного типа возникает тесная связь между компонентами, в результате чего их значение становится фразеологически связанным. Все единицы данного типа представлены в качестве устойчивых словосочетаний в исторических словарях [10], [12], [13].

Указанная группа включает 170 образований и лишь одно словосочетание можно отнести к идиомам, а именно *flaming sword* (0,59) [Быт. 3,24] ‘надежная охрана’ [12, 740]. В данном случае постоянное функционирование в составе сочетания привело к образованию целостного значения и полной потере единицами их самостоятельной семантики, ср.: *flaming* – ‘пламенеющий, пылающий; яркий’ [14, 711] *sword* ‘меч; шпага, рапира; палаш; шашка; сабля’ [14, 1826].

Составление более четкого представления об этимологии данного сочетания не представляется возможным без обращения к греческому первоисточнику^{*13}, послужившего основой перевода Библии короля Иакова. В Textus Receptus указанному словосочетанию соответствует *flcginow = omfablan* – ‘огненный меч’. Первая фиксация рассматриваемого словосочетания в письменных источниках относится к 1400 г. [13, III, 282], опережая тем самым появление библейского текста. Все перечисленное дает основание предположить, что в результате метафоризации, т.е. расширения смыслового объема слов, у сочетания *flaming sword* – ‘надежная охрана’ возникли переносные значения, что и обусловило формирование в английском языке данной идиомы.

В процессе работы с причастными фразеологическими единицами и обращению к историческому словарю удалось также установить, что практически все устойчивые словосочетания вносились в контекст священного писания в готовом виде, и лишь некоторые из них возникли непосредственно в тексте Библии короля Иакова.

Так, самое частотное устойчивое сочетание *burnt offering* – ‘всесожжение’, употребленное в священном писании 116 раз, впервые фиксируется историческим словарем в 1382 г. [10, I, 1195]. Первое употребление словосочетания *dwelling place* – ‘местожительство’ относится к 1380 г. [13, III, 733], в то время как первое употребление словосочетания *springing water* – ‘ключевая вода’ в письменных источниках относится к 1535 году [11, X, 697].

Аналогично выглядит ситуация и с другими устойчивыми сочетаниями – большинство из них появляется до создания текста Библии короля Иакова.

В процессе анализа ФЕ с входящими в них причастными единицами удалось установить возникновение двух устойчивых словосочетаний непосредственно в Библии короля Иакова. Так, первая фиксация словосочетания *creeping thing* – ‘рептилии, пресмыкающиеся’ согласно историческому словарю, относится к 1611 году [13, III, 1161], данная особенность действует и в отношении словосочетания *anointing oil* – ‘елей’, впервые употребленного в указанном священном писании в Книге Бытия [10, I, 346].

Благодаря анализу глав и стихов, в которые входит словосочетание *creeping thing* в Textus Receptus удалось констатировать, что во всех стихах и главах греческого первоисточника указанному фразеологическому обороту соответствует греческое существительное *Γρρετсn* [Быт. 1.24], [Быт. 1.26], [Быт. 8.19]...– ‘пресмыкающееся’, это, в свою очередь, дает основание предположить, что создатели англоязычного текста Библии использовали причастие I *creeping* – ‘пресмыкающийся’ [14, 452] (от глагола *creep* – ‘ползать; пресмыкаться’ [14, 451]), обозначив тем самым активного носителя действия, а также многозначное существительное *thing* – ‘вещь; предмет; создание, существо’ [14, 1878]. В результате образовавшееся в тексте словосочетание передает смысл существительного, заложенного в первоисточнике, при очевидном расхождении образовавшейся грамматической формы с формой греческого текста.

Иначе обстоит с устойчивым словосочетанием *anointing oil* – ‘елей’, также впервые зафиксированном в Библии короля Иакова. В процессе работы с Textus Receptus выяснилось, что в двух первых из четырех стихов, в которых присутствует данное словосочетание, в греческом тексте ему соответствует словосочетание *!laion t°w xrb!sevw* – ‘масло (для) помазания’ [Лев. 10.7], [Лев. 21.10], в то время как в двух последующих стихах наблюдается непосредственно фиксация греческого существительного *!laion* – ‘елей’ [Лев. 21.12], [Исх. 35.15]. Здесь, вероятно, первые два стиха повлияли на появление указанного устойчивого словосочетания в английском языке.

Гипотеза ученых о возникновении ФЕ в библейском тексте благодаря пословному переводу, как видно из приведенных примеров, не может соотноситься с фразеологическими единицами, в состав которых входят автономные причастия исследуемого текста, поскольку 169 из выявленных 171 устойчивых сочетаний вносятся в контекст священного писания в готовом виде: их существование к моменту написания Библии уже зафиксировано в английском языке. Лишь два словосочетания создаются в контексте средствами языка для передачи аналогичных понятий без использования калькирования, или буквального перевода соответствующих языковых

^{*} под таковым понимается Textus Receptus, легший в основу Библии короля Иакова. Также для анализа адъективированных причастий в настоящей статье используется не только вышеназванный греческий первоисточник, в исследование включены также LXX (Septuaginta) [15] и «The Greek New Testament» [16] под редакцией К. Аланда, представляющий собой наиболее точное издание Нового Завета.

единиц. В данном случае, скорее, может быть применима гипотеза Щадрина, согласно которой большинство фразеологизмов библейского происхождения относятся к национальным заимствованиям, созданным каждым народом самостоятельно из обширного лингвистического материала, заключенного в переводе Библии на собственный язык.

Выводы

В результате анализа самостоятельных причастий в Библии короля Иакова можно сделать следующие выводы. Прежде всего, при анализе исследуемых грамматических единиц в составе ФЕ не было выявлено устойчивых выражений, при этом обнаружено достаточно большое количество устойчивых сочетаний, о чем свидетельствуют количественные данные: 171 устойчивое сочетание при общем количестве автономных причастий, равном 1236. Практически все обнаруженные устойчивые словосочетания появились в английском языке до создания текста священного писания и вносятся в текст в готовом виде. При этом два устойчивых сочетания с автономным причастием в составе имеют библейское происхождение: *steering thing* – ‘рептилии, пресмыкающиеся’ и *anointing oil* – ‘елей’ обязаны своим появлением именно тексту Библии короля Иакова.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Общее языкознание. Структура языка. Типология языков и лингвистика универсалий: учеб. изд., 2-е изд., перераб. / Н. Б. Мечковская [и др.]. – Минск : Выш. шк., 1995. – 336 с.
2. Французская стилистика / Ш. Балли ; пер. с фр. К. А. Долиннина. – Москва : Эдиториал. УРСС, 2001. – 392 с.
3. Русский язык. Грамматическое учение о слове: учеб. пособие / В. В. Виноградов. – 2-е изд., перераб. – Москва : Высш. шк., 1972. – 601 с.
4. Амосова, Н. Н. Фраземы как разновидность фразеологических единиц английского языка. // Проблемы фразеологии: Исследования и материалы / Н. Н. Амосова, под ред. А. М. Бабкина. – М.–Л., 1964.
5. Конурбаев, М. Э. Тембральная организация английской речи на материале Библии короля Якова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. Э. Конурбаев ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1993. – 24 с.
6. Ерохин, В. Н. Библия короля Иакова I Стюарта (1603-1625) в контексте религиозно-политической ситуации в Англии в XVI–XVII веках / В. Н. Ерохин // Библия короля Иакова: 1611–2011. Культурное и языковое наследие / отв. ред. Е. Б. Яковенко. – Москва : БукиВеди, 2013. – С. 46–63.
7. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка : учеб. пособие / А. В. Кунин. – Москва : Междунар. отношения, 1972. – 289 с.
8. Семенова, З. И. Фразеологические единицы современного русского языка, восходящие к Библии / З. И. Семенова // Вопросы истории и теории русского языка. – Тула, 1968 – С. 87–95.
9. Щадрин, Н. Л. Фразеология библейского происхождения как объект перевода / Н. Л. Щадрин // От слова к тексту: материалы докладов Международной научной конференции, Минск / Беларусь, 13–14 ноября 2000 г. : в 3 ч. / отв. редактор Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2000. – И. 1. – С. 80–83.
10. The Oxford English Dictionary. A new English Dictionary on historical principles. : in 12 vol. / ed.: At the University Press, Oxford by Vivian Ridler. – Oxford Univ. Press, 1933, re. 1961. – Vol. I. – 1240 p.
11. The Oxford English Dictionary. A new English Dictionary on historical principles. : in 12 vol. / ed.: At the University Press, Oxford by Vivian Ridler. – Oxford Univ. Press, 1933, re. 1961. – Vol. X – 387 – 1211, 396 p.
12. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – Москва: 4-е изд., перераб., 1984. – 944 с.
13. The Oxford English Dictionary. A new English Dictionary on historical principles : in 12 vol. / ed.: At the University Press, Oxford by Vivian Ridler. – Oxford Univ. Press, 1933, re. 1961. – Vol. III–740. – 488 p.
14. Англо-русский словарь / В. К. Мюллер. – 24-е изд. испр. – Москва : Рус. яз., 1995. – 2106 с.
15. Rahlfs, A. Septuaginta / A. Rahlfs. – Stuttgart : Deutsche Bibelgesellschaft, 1979. – 941 s.
16. The Greek New Testament / K. Aland [et al.]. – Stuttgart: United Bible Societies, 1983. – ed.: III. – 926 p.

Поступила в редакцию 31.03.17

E-mail: Werdegang@mail.ru

T. S. Lobanova

AUTONOMOUS PARTICIPLES COMPOSED OF SET EXPRESSIONS IN THE KING JAMES BIBLE

The paper deals with autonomous participles composed of set expressions in the King James Bible. As a source of the text extract was used the indicated Holy Writ, that influenced the making of the modern English. As a result of the analysis were detected set expressions as well as an idiomatic construction. Some of the researched expressions arise direct in the text of the King James Bible.

Keywords: autonomous participles, set expressions, the King James Bible.

УДК 821.161.3-31.09«197»:94(476)«1941/1945»

Г. В. Навасельцава

Кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры літаратуры,
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава,
г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь

**МАСТАЦКІ ПСІХАЛАГІЗМ У РАМАНЕ АБ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЕ
(НА ПРЫКЛАДЗЕ ТВОРАЎ «СМУТАК БЕЛЫХ НАЧЭЙ» ІВАНА НАВУМЕНКІ
І «МОРА ГЕРАДОТА» ПАЎЛА МІСЬКО)**

У артыкуле вывучаецца феномен мастацкага псіхалагізму ў романах аб Вялікай Айчыннай вайне, акцэнтуюцца ўвага на стварэнні пісьменнікамі псіхалагічна глыбокіх партрэтаў, раскрыцці псіхалагічных дэталей у працэсе мастацкага паказу падзей. Аўтары даследуюць псіхалогію чалавека ў надзвычайных умовах, сцвярджаюць патрыятычны пафас, гераізму сваіх персанажаў. Разам з тым варта зазначыць, што ўласны досвед мастака слова пра ваенную рэчаіснасць прадвызначае не толькі адметнасць увасаблення галоўнага героя, але і спецыфіку аўтарскага стылю. У прыватнасці, творчая манера Івана Навуменкі вызначаецца аўтабіяграфічнасцю, устаноўкай на рэалізм у паказе падзей. Павел Місько, які, не маючы ўласнага ваеннага вопыту, найперш выкарыстоўвае пісьмовыя і вусныя сведчання ўдзельнікаў вайны, перадае эмацыйную напружанасць, насэнсаўтваральным узроўні ўжывае прыёмы ўнутранага маналогі і споведзі героя.

Ключавыя словы: мастацкі псіхалагізм, ваенная проза, роман, галоўны герой, Іван Навуменка, Павел Місько.

Уводзіны

У беларускай літаратуры значная колькасць романаў прысвечана асэнсаванню падзей Вялікай Айчыннай вайны, гэта тэма дазваляе прасачыць прыкметную мастацкую тэндэнцыю эвалюцыі романа ў айчынным прыгожым пісьменстве. Умоўна можна вылучыць творы, напісаныя вядомымі прадстаўнікамі старэйшага пісьменніцкага пакалення (К. Чорны, М. Лынькоў), што паказвалі вайну найперш як з'яву сваёй сучаснасці. Выяўляюць ваенную рэчаіснасць з мастацкім выкарыстаннем уласнага досведу яе непасрэдных удзельнікаў І. Шамякін, А. Кулакоўскі, І. Мележ, І. Навуменка і некаторыя іншыя. Алістроўваюць ваеннае мінулае праз успаміны пра падлеткавы ўзрост, сваё маленства, у прыватнасці, А. Адамовіч, І. Чыгрынаў, Б. Сачанка. Грунтоўна даследуючы роман, прысвечаны Вялікай Айчыннай вайне, П.К. Дзюбайла прыходзіць да высновы, што творы першага пасляваеннага дзесяцігоддзя былі «раманамі падзей», творы К. Чорнага і раманы аб вайне, напісаныя ў пачатку 60-х гадоў XX стагоддзя, з'яўляюцца «раманамі характараў».

Як плённую мастацкую тэндэнцыю развіцця літаратуры аб вайне даследчык вызначае «імкненне да больш глыбокага і падрабязнага, аналітычнага раскрыцця псіхалогіі савецкага чалавека, воіна, партызана, яго маральна-валявой сілы, як жаданне канчаткова пазбегнуць павярхоўна-спрошчанага, наіўна-рамантычнага паказу ваенных дзеянняў, гераізму савецкіх людзей» [1, 158]. Пры гэтым апраўданы машабны ахоп рэчаіснасці, які дапамагае больш выразна раскрыць сутнасць характараў. Неабходнасць вывучэння прыёмаў мастацкага псіхалагізму ў романах аб Вялікай Айчыннай вайне, напісаных прадстаўнікамі розных творчых пакаленняў, абумоўлівае мэту нашага даследавання. У прыватнасці, на прыкладзе романаў «СмутаК белых начэй» І. Навуменкі, «Мора Герадота» П. Місько прасочваецца спецыфіка выяўлення характараў, стварэнне псіхалагічна пераканаўчых партрэтаў, ілюстрацыя ваенных падзей праз асобнае ўспрыманне рэчаіснасці галоўным героем.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Мастацкі псіхалагізм, які ўласцівы роману як жанру ў цэлым, паглыблена вывучаецца літаратуразнаўцамі на прыкладзе ваенных романаў К. Чорнага. Аўтар звяртаецца да рэалістычных сродкаў, выкарыстоўвае ўнутраны маналог героя, перадае псіхалагічныя дэталі, паслядоўна фіксуе настрой праз выяўленне абвостраных, інтэнсіўных пачуццяў і думак. Паказальна, што гэта дазваляе

не толькі перадаць мастацкую канкрэтыку, але і асэнсаваць складаныя філасофскія пытанні. Як слухна падкрэслівае А.М. Адамовіч, пісьменнік паказаў героя з дынамічным унутраным жыццём, які выступае эмацыйным цэнтрам твора, дзе «псіхалагічная драма чалавека, яго напружаны роздум і пакутліва вострыя перажыванні – аснова кампазіцыі» [2, 37]. Творчая манера пісьменніка кантрастуе з аўтарскім стылем М. Лынькова, які ў рамане «Векапомныя дні» для стварэння вобразаў выкарыстоўвае тыпізацыю і абагульненне, а ў цэлым звяртаецца да мастацкага вопыту рамантызаванай маладнякоўскай прозы, інтэрпрэтуе ваенныя падзеі ў прыгодніцкіх формах.

Творчы пошук ваеннай прозы ў псіхалагічным рэчышчы ілюструе А. Кулакоўскі ў рамане «Расстаёмся ненадоўга», сацыяльна-псіхалагічным паводле задумы аўтара, дзе асэнсоўваецца маральна-этычны выбар звычайнага чалавека ў складаных умовах. У рамане аб Вялікай Айчыннай вайне, як пераканаўча сцвярджае П.К. Дзюбайла, магістаральную сюжэтную лінію вызначае канфлікт у рэчышчы ваенна-гістарычнай калізій. У цэнтры твора знаходзяцца героі, якія выступаюць носьбітамі ідэйнага і псіхалагічнага зместу. Неад'емнай якасцю быў і застаецца патрыятычны пафас, а гераізацыя вобразаў выступае неабходным элементам ваеннай прозы. Выяўляе гераізацыю сваіх персанажаў, стварае праўдзівыя чалавечыя характары, раскрывае малонак ваеннай рэчаіснасці І. Навуменка ў рамане «Смутах белых начэй» (1970–1978), адносна маладаследаваным твора ў параўнанні са знакамітай трылогіяй раманаў «Сасна пры дарозе», «Вецер у соснах», «Сорак трэці».

Характарызуючы творчасць пісьменніка, даследчыкі паслядоўна прасочваюць плённае выкарыстанне біяграфічнага матэрыялу. Так, у рамане «Смутах белых начэй» аўтар стварае вобразы прадстаўнікоў маладога пакалення, у прыватнасці, юнакоў дваццаць пятага года нараджэння, якія сустрэлі вайну ў роднай мясцовасці, праявілі сябе ў падпольнай або партызанскай дзейнасці і, урэшце, прызваюцца на фронт. Дваццаць пяты год нараджэння, партызанская дзейнасць, прызыў у войска – усё гэта сапраўдныя факты жыццёвага шляху І. Навуменкі, які ваяваў у тым ліку на Карэльскім перашыйку, ваенныя дзеянні на якім у сорак чацвёртым годзе і паказваюцца ў рамане. У цэнтры мастацкай увагі пісьменніка – дэталёвае раскрыццё ваеннай рэчаіснасці праз успрыманне непасрэднага яе ўдзельніка, асэнсаванне псіхалогіі чалавека, што дзейнічае ў надзвычайных абставінах, у выніку чаго адбываецца паглыбленае раскрыццё характару героя.

Увасабленне героя ў ваеннай прозе, як зазначае П.К. Дзюбайла, не пазбаўлена пэўнай эстэтычнай тэндэнцыі: мастацкія слова, паказваючы прадстаўнікоў старэйшага пакалення, найчасцей раскрываюць характар статычным, нязменным ў складаных ваенных абставінах, тады як маладыя людзі развіваюцца, фарміруюць светапогляд і жыццёвае крэда. І. Навуменка паслядоўна выяўляе эвалюцыю характараў, пра што слухна заўважае П.В. Васючэнка, «юнакі, што едуць на фронт, – Сяргей Каліноўскі, Васіль Лебедзь, Мікалай Пракопчык, Багдан Мялешка, Косця Ціток, Косця Русаковіч – на першы погляд не развіталіся яшчэ з месцачковымі звычкамі і тым, пакуль яшчэ мірным побытам, што абкружае іх падчас доўгай дарогі, насычаны спакойнымі, «утульнымі», амаль «хатнімі» эпізодамі. Дзяльба пайку, чытанне лістоў з радзімы, размова пра дзядзят, дабрадушнае пакепленне і розыгрышы – усё нібыта знаёмае, хоць і адбываецца ў іншых абставінах, змененым хранатопе» [3, 704]. Героі жадаюць хутчэй патрапіць на фронт, што выяўляецца праз раскрыццё ўнутранага свету Сяргея Каліноўскага – цэнтральнага героя рамана. У прыватнасці, Сяргей хацеў патрапіць у армію, каб самому прайсці праз вайну, прайсці праз тое, што і салдаты, якія вызвалілі яго мястэчка, «у адваротным выпадку ён бы сам сябе не паважаў, нешта ў яго душы зламалася б. Толькі надзеішы шынель, ідучы па салдацкіх дарогах, ён меў права срываць ваенныя песні, якіх столькі за вайну нарадзілася і якіх ён не ведаў, пакуль жыў пад акупацыяй. Ён любіў гэтыя песні – «Сінюю хусцінку», «Зямлянку» і некаторыя іншыя» [4, 22]. Сяргей падсвядома адчувае, што іначай, чым ён і яго таварышы, глядзяць на свет «пажылыя дзядзькі». Яны бачылі акружэнне, палон сорак першага года, збеглі адтуль і дабраліся дадому, дзе партызанілі, большасць з іх у арміі другі раз, некаторыя, хто служыў кадравую, – трэці. Тым не менш, пісьменнік раскрывае ваенныя падзеі праз успрыманне маладых людзей, якія здольныя захапляцца белымі начамі, імкнуцца як захаваць сваё сяброўства, так і перанесці іншыя рэальныя мірнага жыцця ў ваеннае асяроддзе.

Аўтар перадае каларыт ваеннага часу, шматгранна ўвасабляе, што ідзе па зямлі сорак чацвёрты пераможны год. Савецкае наступленне – нястрымнае, да лічбавых назваў палкоў і дывізіяў дадаюцца імяныя, магутная армія падтрымлівае ў сваіх шэрагах пераможны дух. На тых, хто быў у палоне, акружэнні, нават проста ў акупацыі, глядзяць з недаверам ці нават

знявагай. «Аднак крыві ў сорок чацвёртым пераможным льецца не менш, чым у сорок першым, сорок другім. Хто ведае – лягчэй ці цяжэй салдату паміраць цяпер, калі ўжо праглядае пробліск перамогі і заўтрашні мірны дзень?..» [4, 68]. І. Навуменка рэпрэзентуе асэнсаванне ваеннага жыцця ў цэлым, інтэрпрэтуе яго па-філасофску глыбока і, разам з тым, імкнецца паказальна раскрыць адметныя моманты праз вобразы выбраных герояў.

У прыватнасці, пісьменнік па-мастацку даследуе псіхалогію чалавека ў баі, суадносіць яго пачуцці і дзеянні ў надзвычайных абставінах. Для параўнання трэба згадаць ваенную прозу Кузьмы Чорнага, дзе параўнальна мала так званых батальных сцэн: «Калі і маляваў ён такія сцэны, дык вельмі агульна, не паглыбляючыся асабліва ў дэталі, толькі збольшага перадаваў карціну бою і яго вынікі. Гэта і зразумела: не было ў пісьменніка ўласных назіранняў, асабістага баявога вопыту, а пісаў ён заўсёды пра тое, што добра ведаў сам, не любіў даварацца толькі вымыслу» [5, 58]. Навуменка, які набіў уласны баявы вопыт, адлюстроўвае, якім чынам кожны з герояў дзейнічае, па-мастацку рэканструюе не толькі малюнкi бою, але і яго псіхалагічнае ўспрыманне. Так, смелым і рашучым паказаны Багдан Мясешка, які не губляе цвярозай развагі ў самых цяжкіх хвіліны, а з ім кантрастуюць некаторыя іншыя персанажы: «Вось ужо сячэ з кулямёта Мясешка. Доўгай, залівістай чаргой. Васіль радуецца. Кулямёт іх аддзялення дзейнічае. Страляюць усе, хто бяжыць наперадзе. Рагамед, насунуўшы каску, што вачэй не відаць, бяжыць спакойна, нетаропка, валюхаючыся, як мядзведзь, і раз-пораз падымаючы аўтамат. Толькі Пятро Герасімовіч Васілю не падабаецца. Бяжыць без каскі, без шыняля. Твар белы, вочы вырачаны. Нібы шалёны» [4, 83]. Васіль Лебедзь, упершыню пабачыўшы забітых фінаў, не ўспрымае іх як ворагаў, наадварот, шкадуе пра тое, што загінулі маладыя хлопцы, трохі старэйшыя за яго самога. У першым баі загінуў і Пятро Герасімовіч, які мітусіўся, бегаў сярод выбухаў і, як думае Васіль, шукаў смерці. Разам з тым герой вымушаны прызнаць, што загінулі не толькі тыя, якія бегалі, але і смелых таксама нямала палягло, бо цяжка выжыць пры такім шчыльным агні.

Лейтматывам твора выступае думка, да якой паступова прыходзяць героі, пазнаёміўшыся на ўласным вопыце з баявымі дзеяннямі: смерць аднолькава забірае смелых і палахлівых, сталых і маладых, кожны метр зямлі прастрэльваецца, успорваецца мінамі, снарадамі, асколкамі. Гэта нагадвае жалезны цэп, які няспынна малочіць па зямлі, і ад яго нельга схавацца, ён дойдзе і ўдарыць. У такіх абставінах і адбываецца вырашэнне важнага для ваеннай прозы пытання пра маральную аснову подзвігу. І. Навуменка, яе рэпрэзентуючы так званага «масавага гераізму», раскрывае прыклады выключных паводзін асобных персанажаў: гэта Косця Ціток, які быў паранены і якому камандзір загадаў ісці ў тыл, але ён застаецца, таму што бой не скончыўся. Вяртаецца, а дакладней, уцякае з медсанбата Мясешка, тлумачыць гэта тым, што без яго таварышы не здолеюць справіцца. Некаторыя з герояў не разумеюць, як у такое пекла можна вярнуцца, таму падобны ўчынак асэнсоўваецца нібы сапраўдны подзвіг. Увага да індывідуальнага лёсу чалавека, імкненне вызначыць маральна-этычнае вымярэнне гераічнага ўчынку, асэнсаванне подзвігу у кантэксце надзвычайных абставін прадвызначае адметнасць творчай манеры аўтара, ілюструе багатыя выяўленчыя мажлівасці мастацкага псіхалагізму ў ваеннай прозе.

Пісьменнік інтэрпрэтуе трагічную з'яву, якой выступае смерць чалавека, з пункту гледжання ваеннай рэчаіснасці. Як ілюструюць законы чалавечай псіхалогіі, салдат паступова звыкаецца з небяспекай, але смерць як норму немажліва прыняць. Аднавяскоўцы Сяргея Каліноўскага гінуць адзін за адным, і галоўны герой адчувае сваю віну, эмацыйную спустошанасць, абыякавасць да жыцця: думка пра тое, што ён загіне, прыносіць задавальненне. Такім чынам, псіхалагічнае майстэрства пісьменніка выяўляецца найперш праз рэалізм увасаблення ваенных падзей, дэталёвасць і дакладнасць іх апісання.

З твораў І. Навуменкі раман «Мора Герадота» (1971–1974) П. Місько кантрастуе эмацыйнай настраёвасцю, насычанасцю ўнутранымі маналагамі, непасрэднымі споведзямі героя, якія ўключаюцца ў тэкст паводле прынятага сюжэту у сюжэце. Разам з тым, як слушна заўважае М.П. Кенька, для індывідуальнай манеры аўтара ўласціва выкарыстанне жыццёвых назіранняў, у творчасці пісьменніка паслаблены элемент аўтабіяграфізму. П. Місько распрацоўваў ваенную тэму ў літаратуры, не маючы ўласнага ваеннага вопыту, а толькі дзіцячыя ўспаміны пра ваенны час. Творца «займаўся пошукамі патрэбнага матэрыялу ў архівах, чытаў мемуары, гутарыў з былымі партызанамі. Яму хацелася сказаць сваё слова пра вайну, нават «паспрачацца раманам» з тымі, хто ў першую чаргу імкнуўся апісваць баявыя дзеянні, паказваць гераізм народных месціўцаў» [6, 330]. Пісьменнік задае маштабны паказ ваенных падзей праз увасабленне сучаснасці і ўспамінаў галоўнага героя – Цімоха Мікульскага, які зведаў цяжкія баі пачатку вайны, быў у палоне, з якога

ўцякаў некалькі разоў, далучыўся да партызанскай барацьбы на Палессі. Адлюстраванне мастацкага дзеяння ў рамане пачынаецца з ранення камісара брыгады Мікульскага падчас партызанскай дыверсіі на чыгунцы, што адбываецца ўжо напярэдадні вызвалення беларускай зямлі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў.

Творчы пошук шляхоў псіхалагічнага напавення вобразаў прыводзіць да выкарыстання рэтраспектыўнай характарыстыкі галоўнага героя, які выступае прадстаўніком ужо сталага пакалення і ў рамане паказаны ў асноўным статычна: гэта асоба з трывалымі маральна-этычнымі перакананнямі, сфарміраваным светапоглядам. Галоўная сюжэтная лінія раскрывае тры дні нялёгкіх перыпетый, якія здараюцца з Мікульскім: раненне, з-за якога герой губляе зрок, становіцца амаль бездапаможным, небяспечны шлях у партызанскі атрад, бо камісар і санінструктар Ганна Карпушонак адсталі ад асноўнай групы, чаканне самалёта, які павінен даставіць параненага на «вялікую зямлю». Падзеі з ранейшага жыцця героя падаюцца як рэзюмэ ўспамінаў, што і складае другую сюжэтную лінію рамана, якая асацыятыўным супастаўленнем асобных момантаў нагадвае «плынь свядомасці». Такім чынам, пісьменнік мае на мэце прасачыць не столькі жыццёвы шлях асобы, колькі паказаць яе ўнутраны свет, які не мог застацца нязменным у надзвычайных абставінах як вайсковай, так і партызанскай рэчаіснасці.

Паралельная сюжэтнасць у цэлым уласціва ваеннай прозе. У прыватнасці, А.М. Адамовіч звяртае ўвагу на тое, што К. Чорны бачыў сваёй творчай задачай перадаць не толькі думкі чалавека, яго перажыванні, пачуцці, але і сам працэс іх нараджэння, руху, і разам з тым падкрэслівае, што ў творах знакамітага мастака слова побач «ціхае неба памяці і сапраўдны грукат рэальнасці, вайны, нечуванай жорсткасці» [2, 135]. П. Місько па-мастацку даследуе псіхалогію чалавека ў баі, стварае асобныя малюнкi батальных сцэн, хоць і непазбаўленыя некаторай ілюстрацыйнасці. Успамінаючы падзеі сорак першага, галоўны герой з вышыні трох ваенных гадоў імкнецца знайсці адказ на простае, але адначасова важнае пытанне: у чым тады была мужнасць чалавека? І прыходзіць да думкі: так, было шмат адчаю, а мужнасць была ў тым, каб у такой калатнечы не страціць здольнасці думаць, паспрабаваць арганізаваць байцоў на прарыў ва ўмовах, калі можна было кіравацца найперш інстынктам выжывання.

Эмацыйна напружана паказаны малюнак партызанскага бою на чыгунцы, калі Мікульскаму выпала прыкрываць адыход групы. Баявая аперацыя пайшла не па плане, загінула некалькі партызан. За тры гады вайны Мікульскі бачыў шмат смерцяў, але герой міжволі думае, што смерць заўсёды здаецца недарэчнай. Як трагічная выпадковасць падаецца і раненне героя: «Пусціў чаргу па мінамётчыках. Па пыле, што выбілі кулі, убачыў: недалёт! Забыў пераставіць на большае дзяленне прыцэльную рамку. І зноў бэхнула міна – ужо справа. «Мяняць пазіцыю трэба... Адбегчы на выспе...» Не паспеў ні дадумаць, ні адбегчы. Спераду, мо ў якім кроку, бліснуў вогненны нічы куст. Нібы ў самой галаве ўзарвалася штосьці яркае, і тут жа – пякельная, з чырвонымі кругамі, чарната...» [7, 8]. Аўтар пераканаўча прасочвае, якія надзвычайныя валявыя намаганні патрабуюцца пасля ранення, каб хавацца ад немцаў, не патрапіць да паліцаў, проста выжыць у непраходных балотах.

П. Місько шматгранна адлюстроўвае побытавыя малюнкi партызанскага жыцця, паказвае вяскоўцаў, якія дапамагаюць партызанам. І. Навуменка ўвасабляе мірныя з'явы эпізядычна: напрыклад, разведчыкі, сярод якіх галоўны герой, ідуць на спатканне з дзяўчатамі-лётчыцамі. Аўтар «Мора Герадота» праз успаміны свайго героя імкнецца асэнсаваць жыццё чалавека ва ўмовах блокады, паказвае зверствы карнікаў у беларускіх вёсках, акцэнтуюць увагу на шэрагу трагічных момантаў. Гэта абумоўлена ідэйным зместам назвы рамана, нетыповай для ваеннай прозы 70-ых гадоў: як прызнаваўся ў адным з інтэрв'ю сам пісьменнік, ён бачыў сваёй творчай мэтай раскрыць мора чалавечых пакут, цяжкую ўсенародную барацьбу з ворагам. Пра старажытнага гісторыка Герадота эпізядычна згадвае галоўны герой, маральна-этычны вопыт якога і выступае ў творы крытэрыем для ацэнкі чалавечых учынкаў. Так, Цімох Мікульскі з'яўляецца не толькі змагаром, але і філосафам, імкнецца спасцігнуць агульначалавечы сэнс вялікай народнай трагедыі, якой і прадвызначана мастацкая інтэрпрэтацыя падзей у рамане.

Вывады

Такім чынам, айчыннай прозе 70-ых гадоў XX стагоддзя пра Вялікую Айчынную вайну ўласцівы мастацкі псіхалагізм, які паказвае эвалюцыю так званых «раманаў характараў» у параўнанні з творамі 60-ых гадоў. Феномен мастацкага псіхалагізму выявіўся найперш праз стварэнне паглыбленых партрэтаў галоўных герояў, а таксама праз раскрыццё псіхалагічных

дэталю ў працэсе мастацкага паказу падзей. Як паказвае аналіз выбраных твораў, у рамане аб Вялікай Айчыннай вайне ўвасоблены персанаж, які рэпрэзентуе аўтарскі светапогляд, непасрэдны досвед мастака слова пра ваенную рэчаіснасць. Аўтары раскрываюць псіхалогію чалавека ў надзвычайных, небяспечных для жыцця ўмовах, сцвярджаюць патрыятычны пафас, гераізуюць сваіх персанажаў, звяртаюцца не столькі да непасрэднага паказу падзей, колькі да рэцэпцыі ваеннай рэчаіснасці праз успрымманне галоўнага героя. Іван Навуменка і Павел Місько шукаюць уласных шляхоў сцвярджэння мастацкай праўды, па-філасофску асэнсоўваюць гераічнае і трагічнае ў ваеннай рэчаіснасці, супастаўляюць яе з мірным жыццём. Разам з тым, творчая манера І. Навуменкі вызначаецца найперш аўтабіяграфічнасцю, устаноўкай на рэалізм у адлюстраванні падзей, павышанай увагай аўтара да мастацкай дэталі. П. Місько акцэнтуюць увагу на перадачы эмацыйнай напружанасці, на сэнсаўтваральным узроўні ўжывае прыёмы ўнутранага маналогу і споведзі, а таксама шырока выкарыстоўвае рэтраспектыўную характарыстыку галоўнага героя, што ўскладняе сюжэтную арганізацыю рамана.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Дзюбайла, П. К. Беларускі раман аб Вялікай Айчыннай вайне / П. К. Дзюбайла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1964. – 159 с.
2. Адамовіч, А. Маштабнасць прозы. Урокі творчасці Кузьмы Чорнага / А. Адамовіч ; рэд. Н. С. Пёркін. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 200 с.
3. Васючэнка, П. В. Іван Навуменка / П. В. Васючэнка // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; навук. рэд. У. В. Гніламёдаў, В. П. Жураўлёў. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – Т. 3. – С. 689–713.
4. Навуменка, І. Выбраныя творы : ў 2 т. / І. Навуменка. – Мінск : Маст. літ., 1997. – Т. 2. : Раман. Апавесці. – 495 с.
5. Казека, Я. Кузьма Чорны: старонкі творчасці / Я. Казека. – Мінск : Маст. літ., 1980. – 135 с.
6. Кенька, М. П. Павел Місько / М. П. Кенька // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / НАН Беларусі, Аддз-не гуманітар. навук і мастацтваў, Цэнтр даслед. беларус. культуры мовы і літ. ; навук. рэд. У. В. Гніламёдаў, С. С. Лаўшук. – Мінск : Беларус. навука, 2015. – Т. 4. – Кн. 3. – С. 322–343.
7. Місько, П. Мора Герадота : раман / П. Місько. – Мінск : Маст. літ., 1976. – 496 с.

Паступіў у рэдакцыю 17.11.16

E-mail: Novoseltseva.anna@mail.ru

G. V. Navaseltseva

IMAGINATIVE PSYCHOLOGISM IN THE NOVEL ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR
(ACCORDING TO THE TRANSLATION OF THE WRITINGS “GRIEF OF WHITE NIGHTS”
BY IVAN NAUMENKO AND “GERODOT’S SEA” BY PAVEL MISKO)

In this article we study the phenomenon of imaginative psychologism in the novels about the Great Patriotic War, emphasize the idea of creating deep psychological portraits and showing psychological details in the fictional event demonstration. The authors study artistically the human psychology in the unusual situations, demonstrate the patriotic pathos and make their characters heroic. We should also notice that the author's own experience about the war reality predetermines not only the peculiar characteristics of the main hero but also the author specific style. For instance, the creative manner of Ivan Naumenko is notable for his autobiography and realistic demonstration of events. Pavel Misko, who hasn't got his own military experience, uses written and oral information of war participants, demonstrates the emotional tension and includes the device of inner and dramatic monologues on a sense level.

Keywords: imaginative psychologism, war prose, novel, main character, Ivan Naumenko, Pavel Misko.

УДК [811.161.1+811.111]:81'36

Н. П. Теслюк

Канд. филол. н., доцент, доцент кафедры иноязычной коммуникации,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь

ПОНЯТИЕ «МЕТАКОММУНИКАЦИЯ» В ЛИНГВИСТИКЕ И ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

*В статье рассматриваются феномен метаязыковой рефлексии и проявления метаязыковой функции речи, анализируются трактовки термина **метакоммуникация** и определяется роль метаречи в онтогенезе речевой деятельности и теории коммуникации. Автор показывает, что рефлексивность языка как его особое свойство и рефлексия над языком как уникальная способность человека являются предпосылками метаязыковой функции речи и обеспечивают возможность индивида строить суждения о языке и / или процессе коммуникации. Способность к осуществлению метакоммуникативных операций формируется в период детского среднего возраста, свидетельствует об интеллектуальном уровне развития индивида и служит осмысленной организации языковой деятельности человека и обобщению его коммуникативного опыта.*

Ключевые слова: метаязык, метаречь, метакоммуникация, речевой акт, рефлексивность языка, рефлексия над языком.

Введение

Ч.Ф. Хоккетт в работе «Проблема языковых универсалий» (1961) указал на существование семиологических признаков и явлений, которые отличают весь класс естественных языков от других семиотических систем [1, 53–59]. В ряду таких универсалий выделяется рефлексивность языка, то есть «<...> определяющее свойство человеческого языка, которое противопоставляется свойствам других семиотических систем и состоит в том, что язык может использоваться для того, чтобы говорить о языке» [2, 295]. Наличие в естественном человеческом языке системы средств для описания самого себя делает возможным осуществление индивидом рефлексивной деятельности, то есть особого вида теоретической деятельности, которая направлена на размышление и наблюдение над языком и процессом коммуникации. Возможность осуществления рефлексивной деятельности свидетельствует о том, что в языковом сознании человека присутствует особый компонент – метаязыковое сознание, которое содержит круг знаний о языке и позволяет понимать, интерпретировать и квалифицировать языковые явления, вербально эксплицировать наблюдения над ними и осуществлять произвольный контроль за речевым поведением [3, 38], [4, 14–35], [5, 9]. Таким образом, рефлексивность языка как его особое свойство и рефлексия над языком как уникальная способность человека являются предпосылками метаязыковой функции речи и обеспечивают возможность индивида строить суждения о языке и / или процессе коммуникации.

Результаты исследования и их обсуждение

Проявления метаязыковой функции речи разнообразны: к ним относятся обеспечение внутренней связи речевого акта (далее – РА) [6, 261], комментирование говорящим своей текущей речи [7, 404], прояснение общего для коммуникантов кода [8, 316], критика языка и речевого поведения собеседника [9, 54], метакоммуникация.

В современной лингвистической прагматике и теории коммуникации специальное понятие «**метакоммуникация**» трактуется по-разному. Так, в психологических исследованиях широко распространено определение метакоммуникации как информации о содержании сообщения, передаваемой с помощью невербальных средств: «Коммуникация осуществляется не только посредством слов. Выбор слов, тон голоса, телодвижения – все это передает

разнообразную информацию. Два человека могут сказать друг другу «доброе утро» и передать при этом множество сообщений. Одно «доброе утро» может означать мольбу, осознание подчиненного положения, тревогу за то, каким образом приветствие будет воспринято, и т.д. Другое может указывать на снисходительность, осознание власти, неприятие, враждебность и т.д. Эта информация о содержании передаваемого сообщения называется метакоммуникацией; она состоит из невербальных определителей или интерпретационных сигналов о вербальном сообщении – что на самом деле имеется в виду или как это следует понимать» [10, 7]. Такая точка зрения представлена в работах американских исследователей, которые относят к метакоммуникации все экстралингвистические составляющие РА, а именно: супraseгментные средства (интонация, ударение), телодвижения, жесты, мимику. Сторонники данной концепции считают, что невербальные метакоммуникативные средства сопровождают каждое высказывание субъекта речи и употребляются для того, чтобы давать слушающему инструкции к интерпретации вербального сообщения [11, 7]. Некоторые авторы (М. Векофф [1972]) полагают, что способность к метакоммуникации с помощью жестовых, звуковых и поведенческих знаков существует также и у животных. Г. Бейтсон, М. Векофф, изучая особенности коммуникативного поведения приматов, белок и собак, отметили, что эти животные способны передавать сигналы, которые должны показывать их собратьям, каким образом следует воспринимать их последующие действия – как игровые или настоящие. Г. Бейтсон писал: «игра может иметь место только в том случае, если ее участники способны хоть в какой-то степени осуществлять метакоммуникацию, то есть обмениваться сигналами, которые передают информацию: «Это игра»» [цит. по: 12, 422]. Так, прыжок или взгляд через ноги у приматов, наклон головы или игровой танец у собак сигнализируют о том, что за этими действиями последует игровое общение [12, 423]. Наличие у каждого вида животных, выросших в естественной среде, особого набора метакоммуникативных паралингвистических средств является обязательным для их полноценного развития и социализации в своем сообществе [12, 423].

В работах некоторых языковедов отождествление метакоммуникативных средств с экстралингвистическими подвергается критике. Так, Р. Майер-Херманн считает, что такое понимание метакоммуникации приводит к выработке редуцированного, неупотребительного, непригодного понятия как о самой коммуникации, так и о метакоммуникативных операциях [13, 117–118].

П. Вацлавик, Дж. Бивин и Д. Джексон, специалисты в области теории коммуникации, выделяют в РА два уровня: уровень передачи сообщения и уровень взаимоотношений: «В каждом сообщении есть аспект содержания и аспект отношений; последний определяет первый и, следовательно, является метакоммуникацией» [14, 54]. П. Вацлавик утверждает, что высказывания становятся метакоммуникативными в тех ситуациях, когда они передают вербальные инструкции относительно того, как следует воспринимать сообщение [14, 53], или когда в них содержится следующая информация: «Это – как я вижу себя ... это – как я вижу тебя ... это мое понимание того, как ты воспринимаешь меня ...» [14, 52].

В социолингвистических и культурологических исследованиях феномен метакоммуникации связывается с передачей информации о вербально-культурном коде, носителем которого является индивид; к метакоммуникативным явлениям относят явления социального символизма, воспринимаемые и понимаемые при достойном знании культуры народа [15, 165–166].

А. Гарнер, А. Пиз [16, 8] считают, что метаязык скрыт под обычным разговорным, а метакоммуникация – это передача подтекста, который должен интерпретироваться говорящим. Такое значительное расширение границ термина «метакоммуникация» приводит к тому, что любое высказывание в процессе общения может быть воспринято как метакоммуникативное. По мнению Р. Рата, высказывание *Es ist schönes Wetter heute* («Сегодня хорошая погода») может иметь следующий смысл: *Ich möchte mit Ihnen sprechen* («Я хочу поговорить с Вами»), *Wir haben uns nichts zu sagen* («Нам не о чем говорить»), *Es ist schönes Wetter heute* («Сегодня хорошая погода») [цит. по: 17, 50].

В лингвистических исследованиях понятие «метакоммуникация» определяется как общение об общении, которое осуществляется с помощью вербальных и невербальных средств. Так, А. Вежицка [7, 403–404], М.В. Ляпон [9, 54], Ю.Д. Апресян [18, 151] рассматривают метакоммуникацию как комментирование говорящим своей текущей речи. Д. Вундерлих [19, 19], В.Д. Девкин [20, 85], К. Элих [21, 435], Б. Техтмайер [22, 1453] определяют метакоммуникацию

как общение по поводу вербального общения, как коммуникацию о высказываниях, речевых средствах, РА, условиях протекания коммуникации и отдельных аспектах акта общения. Многочисленные определения понятия «**метакоммуникация**» породили вопрос о границах метакоммуникативных высказываний. Д. Вундерлих считает, что предметом метакоммуникации является только актуальное общение: «Метакоммуникация – это речевой акт, в котором идет речь о коммуникации и который осуществляется одновременно с данной коммуникацией» [19, 19]. Б. Техтмайер, Р. Майер-Херманн указывают, что высказывания, в которых говорится о прошедших или будущих коммуникативных событиях, также могут быть метакоммуникативными, если они принадлежат одному коммуникативному единству [13, 128]; [23, 127–130].

В работах Г.Г. Почепцова [24, 52], Е.Л. Макаровой [25, 10] метакоммуникация рассматривается как модус высказывания, как сообщение некоей сопутствующей информации, которое осуществляется параллельно с передачей основного сообщения. Так, Е.Л. Макарова считает, что «<...> термин «**метакоммуникация**» принят для обозначения высказываний, соотносимых не с содержательным уровнем текущего процесса речевого общения (*Inhaltsebene*), а с уровнем передачи субъективных отношений и оценок коммуникантов к передаваемой информации, способу ее изложения и особенностям процесса ее восприятия (*Beziehungsebene*) <...>» [25, 10].

Подчеркивая прагматическую ценность метакоммуникативных замечаний, В.Д. Девкин отмечает, что метакоммуникация является одним из средств управления техникой ведения беседы: «Когда то, о чём говорят, относится к сфере «обслуживания» коммуникации, к тому, как ведётся разговор и насколько он обеспечивает взаимопонимание, мы имеем дело с так называемой метакоммуникацией» [20, 84].

Некоторые исследователи (Г.Г. Почепцов, Т.Д. Чхетиани, Н.И. Формановская, В.В. Богданов) обращают внимание на то, что метакоммуникация может осуществляться и с помощью паралингвистических средств – кинетических сигналов, специальных звуковых, но неречевых сигналов, которые могут маркировать фазы речевого общения, упорядочивать высказывание и акцентировать его части, а также выражать отношение к передаваемому сообщению [24, 57]; [26, 205]; [27, 135–136]; [28, 22]; [29, 25].

Выводы

Обобщая разноплановые определения термина «**метакоммуникация**», следует отметить, что выполнение любой метакоммуникативной операции требует наличия умения осуществлять рефлексию над языком, речевым поведением и процессами речевого общения, а следовательно, анализировать и контролировать то, что происходит в момент общения. Рефлексия над ходом речевого взаимодействия приводит к порождению метакоммуникативных высказываний, объектом которых становятся речь (чужая или своя), процесс общения, коммуникативное поведение участников РА, взаимодействие между ними.

Языковые средства, которые используются в метакоммуникативных РА, выражают коммуникативный модус высказывания. Термины «**диктум**» и «**модус**» высказывания были предложены французским лингвистом Ш. Балли, который еще в работах 40-х гг. разграничивал собственно сообщение и выражение суждений говорящего о передаваемой информации [30, 44]. Коммуникативный модус – это «то, что придает одному и тому же пропозициональному содержанию, диктуму, различный коммуникативный смысл, превращает его в сообщение, речевое действие или в аксиологическую реакцию» [31, 83]. Являясь результатом рефлексии субъекта речи над своими сообщениями, действиями, операциями и реализуя коммуникативные намерения говорящего, коммуникативный модус играет второстепенную роль по отношению к содержанию высказывания, ««метапредставляя» общение «глазами» говорящего или адресата, маркируя осознание ими своего коммуникативного состояния» [31, 91].

Основное назначение метакоммуникации и метакоммуникативных высказываний состоит в: 1) обеспечении надежности языкового **канала связи** (термин Р. Якобсона), его бесперебойности [20, с.84]; 2) повышении эффективности восприятия текста его адресатом [32, 127]; 3) обеспечении контроля за речевым поведением собеседника [33, 15–17]; 4) управлении дискурсивным взаимодействием, речеорганизацией [34, 66–67]. Знание о видах метакоммуникативных РА и языковых средствах их выражения способствует формированию у носителей языка «**метапрагматической осведомленности**» (термин Д. Фершуерен [35, www.nsu.ru]), то есть осведомленности о том, какие метаязыковые средства и операции должны быть сознательно

выбраны для достижения поставленных целей коммуникации, что, в свою очередь, помогает моделировать процесс речевого взаимодействия и воздействовать на ход диалога. Практическое владение навыками использования метакоммуникативных РА является необходимым для грамотной организации процесса общения и обеспечения эффективного взаимодействия в ходе речевой интеракции.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хоккетт, Ч. Ф. Проблема языковых универсалий [1961] / Ч. Ф. Хоккетт // Новое в лингвистике. – Вып. V: Языковые универсалии: сб.ст.; пер. с англ. / под общ. ред. Б.А. Успенского. – М., 1970. – С. 45–76.
2. Crystal, D. Reflexiveness / D. Crystal // A Dictionary of Linguistics and Phonetics. – 3rd Ed. – Oxford, 1991. – P. 295.
3. Никитина, С. Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре / С. Е. Никитина // Язык и личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М., 1989. – С. 34–40.
4. Эйгер, Г. В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания / Г. В. Эйгер. – Харьков : Основа, 1990. – 184 с.
5. Вепрева, И. Т. Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении: (на материале высказываний-рефлексивов 1991–2002 гг.): автореф. ... дис. д-ра филол. Наук : 10.02.01 / И. Т. Вепрева; Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2003. – 42 с.
6. Славинский, Я. К теории поэтического языка / Я. Славинский [1967] // Структурализм «за» и «против»: сб. ст. / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. – М., 1975. – С. 256–276.
7. Вежбицка, А. Метатекст в тексте [1971] / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. VIII: Лингвистика текста: сборник; перевод / сост. и общ. ред. Т. М. Николаева. – М., 1978. – С. 402–421.
8. Якобсон, Р. О. Речевая коммуникация [1972] / Р. О. Якобсон // Избранные работы / Р. О. Якобсон; сост. и общ. ред. В. А. Звегинцев. – М., 1985. – С. 306–318.
9. Ляпон, М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон; отв. ред. И. И. Ковтунова. – М.: Наука, 1986. – 200 с.
10. Giffin, K. Fundamentals of Interpersonal Communication / K. Giffin, B. R. Patton. – New York, Evanston, London : Harper and Row Publishers, 1971. – 229 p.
11. Ruesch, J. Nonverbal Communication. Notes on the Visual Perception of Human Relations / J. Ruesch, W. Kees. – Berkeley, Los Angeles, London : University of California Press, 1970. – 205 p.
12. Bekoff, M. The Development of Social Interaction, Play, and Metacommunication in Mammals: an Ethnological Perspective / M. Bekoff // The Quarterly Review of Biology. – 1972. – Vol. 47, № 4. – P. 412–428.
13. Meyer-Hermann, R. Aspekte der Analyse metakommunikativer Interaktionen / R. Meyer-Hermann // Sprechen – Handeln – Interaktion: Ergebnisse aus Biellefelder Forschungsprojekten zu Texttheorie, Sprechakttheorie u. Konversationsanalyse / hrsg. von R. Meyer-Hermann. – Tübingen, 1978. – S. 103–142.
14. Watzlawick, P., Beavin, J.H., Jackson, D. Pragmatics of Human Communication / P. Watzlawick, J. H. Beavin, D. don Jackson. – N. Y. : w.w. Norton and Company, 1967. – 296 p.
15. Sanches M. Introduction. Metacommunicative Acts and Events / M. Sanches // Sociocultural Dimensions of Language Use / Ed. by M. Sanches, B. Blount. – N.Y., 1975. – P. 163–176.
16. Гарнер, А. Язык разговора (= Talk Language) / А. Гарнер, А. Пиз. – М. : Эксмо-Пресс, 2000. – 224 с.
17. Желонкина, Н. П. К вопросу о метакоммуникативных реагирующих репликах немецкой диалогической речи / Н. П. Желонкина // Вопросы теории и методики преподавания немецкого языка: сб. тр. / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина; отв. ред. И. Л. Бим. – М., 1978. – С. 50–57.
18. Апресян, Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М., 1995. – Т. 2. – С. 135–155.
19. Wunderlich, D. Einführung in die moderne Linguistik / D. Wunderlich. – Tübingen, 1970. – 190 s.
20. Девкин, В. Д. Диалог: немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской / В. Д. Девкин. – М.: Высшая школа, 1981. – 160 с.
21. Ehlich, K. Metakommunikation / K. Ehlich // Metzler-Lexikon Sprache / Hrsg von H. Glück. – Stuttgart, Weimar, 2000. – P. 435–437.
22. Techtmeier, B. Form und Funktion von Metakommunikation im Gespräch / B. Techtmeier // Text- und Gesprächslinguistik: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Linguistics of Text and Conversation / Hrsg von K. Brinker, G. Antos, W. Heinemann, S.F. Sager. – Halbband 2 / Volume 2. – Berlin, New York, 2001. – S. 1449–1454.
23. Techtmeier, B. Metakommunikation und kommunikative Adäquatheit im Gespräch / B. Techtmeier // Sprache und Gesellschaft. – 1984. – Bd. 19. Das Gespräch: Funktionen, Normen und Strukturen / B. Techtmeier. – Berlin, 1984. – S. 122–188.

24. Почепцов, Г.Г. Фатическая метакommунікация / Г. Г. Почепцов // Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин : КГУ, 1981. – С. 52–59.
25. Макарова, Е. Л. Обучение средствам метакommунікации в аргументирующем дискурсе: (немецкий язык): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Е. Л. Макарова; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 1994. – 24 с.
26. Чхетиани, Т. Д. Размыкание речевого контакта / Т. Д. Чхетиани // Речевые акты в лингвистике и методике: межвуз. сб. науч. тр. / Пятигорский гос. пед. ин-т; отв. ред. В. В. Лазарев. – Пятигорск, 1986. – С. 204–212.
27. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты / Н. И. Формановская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1987. – 158 с.
28. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. – М. : Высшая школа, 1989. – 160 с.
29. Богданов, В. В. Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты: учеб. пособие / В. В. Богданов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 88 с.
30. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [1932] / Ш. Балли. – 2-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 416 с.
31. Рябцева, Н. К. Коммуникативный модус и метаречь / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка: язык речевых действий: материалы конф., май 1993 г. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – М., 1994. – С. 82–92.
32. Шувалова, С. А. и др. Функционирование языковых средств, формирующих метатекст в тексте / С. А. Шувалова // Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка / под ред. М. В. Всеволодовой и С. А. Шуваловой. – М. : Изд-во МГУ, 1989. – С. 126–173.
33. Скот, Т. Н. Метакommунікация как средство организации диалога: (на материале оппозитивного диалога): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т. Н. Скот; МГУ. – М., 1991. – 18 с.
34. Макаров, М. Л. Метакommунікативные единицы регламентного общения / М. Л. Макаров // Языковое общение и его единицы: межвуз. сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т; отв. ред. И. П. Сусов. – Калинин, 1986. – С. 66–71.
35. Фершурен, Д. Заметки о роли метапрагматической осведомленности в использовании языка / Д. Фершурен // Критика и семиотика. – 2001. – Вып. 3/4. – С. 85–105 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs34versch.htm>. – Дата доступа : 01.05.2007.

Поступила в редакцию 22.02.17

E-mail: nat_270978@tut.by

N. P. Teslyuk

THE CONCEPT OF METACOMMUNICATION IN LINGUISTICS AND COMMUNICATION THEORY

The article deals with the concept of metalinguistic reflection and manifestations of the metalingual function of speech. It also considers the interpretation of the term **metacommunication** and defines the role of metaspeech in ontogenesis of speech and communication theory. The author shows that reflexivity as a unique feature of language and reflexion as Man's unique ability are the fundamental drivers of the metalingual function of language that enable an individual to make judgements about language and/or the process of communication. The capacity to carry out metacommunicative operations is formed in middle childhood, testifies to an individual's level of intelligence and serves to consciously organize speech and bring together communicative experiences.

Keywords: metalanaguage, metaspeech, metacommunication, reflexivity of language, language reflection.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статьи объёмом 14 000–25 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и др., на русском (белорусском) языке в одном экземпляре направляются простым (заказным) письмом по адресу: ул. Студенческая, 28, 114, 247760, Мозырь, Гомельская обл.

Текст должен быть набран на компьютерной технике в текстовом редакторе (Word 97, 2000, 2003, 2007, 2010 for Windows); шрифт Times New Roman, 10pt; одинарный межстрочный интервал; абзацный отступ 1,27 см; подписи к фотоснимкам, графикам, рисункам, диаграммам набирать шрифтом Times New Roman, поля – левое, правое, нижнее, верхнее – по 30 мм. Номера страниц внизу по центру.

2. В левом верхнем углу размещается индекс УДК.

3. Далее через 1 интервал по центру помещаются инициалы и фамилия автора (авторов), далее прилагаются сведения об авторе (авторах) на русском (белорусском) и английском языках:

- фамилия, имя, отчество полностью;

- учёная степень и звание;

- место работы (полное название организации);

- подразделение организации (кафедра);

- должность;

- почтовый адрес для переписки, номера рабочего и домашнего телефонов, e-mail каждого автора;

- для аспирантов – сведения о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание).

4. Далее через 1 интервал по центру заглавными буквами без переносов и отрыва предлога от существительного печатается название статьи на русском (белорусском) и английском языках, которое должно быть кратким, определять область проведённого исследования и соответствовать содержанию.

5. Ниже через 1 интервал печатается аннотация (рекомендуемый объем 500 печатных знаков) на русском (белорусском) и английском языках, которая должна излагать содержание статьи; ключевые слова и словосочетания на русском (белорусском) и английском языках.

Далее с абзацного отступа печатается текст статьи со следующей структурой, обозначенной в тексте: *введение; результаты исследования и их обсуждение*; чётко сформулированные *выводы*. Дополнительно в структуру статьи после *введения* могут быть включены *цель и методы исследования*.

6. Термины, основные понятия, языковой материал для анализа или в качестве примеров печатаются **жирным шрифтом** или *курсивом*.

7. В специальной и терминологической лексике, а также в именах собственных точность передачи букв *э* и *е* обязательна.

8. В конце статьи дается перечень принятых в статье обозначений и сокращений (при их наличии).

9. Ссылки на литературные источники нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок записываются внутри квадратных скобок (например: [1], [2]). Внутри скобки, после порядкового номера ссылки, через запятую, без сокращений с. или *стр.* цифрой (или цифрами) указывается страница (или страницы) приведённой цитаты (например: [3, 14], [5, 10–12]).

10. Список цитированных источников располагается в конце текста под заголовком «СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ»/«СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ» и оформляется в соответствии с правилами оформления библиографического списка диссертационного исследования по ГОСТ 7.1–2003.

11. Распечатанный вариант статьи подписывается автором (авторами) и руководителем научного исследования на каждой странице.

12. К статье прилагаются:

а) рекомендация кафедры, научной лаборатории или учреждения (выписка из протокола заседания);

б) заверенная печатью рецензия независимого (внешнего) специалиста в данной области, имеющего учёную степень;

в) электронный вариант статьи;

г) договор о передаче авторского права в двух экземплярах (см. на сайте УО МГПУ имени И.П. Шамякина: www.mspu.by);

д) сопроводительное письмо от ректора или проректора по научной работе вуза или научно-исследовательского учреждения (для иностранных граждан).

Материалы иностранных граждан – работников вузов или научно-исследовательских учреждений – принимаются при наличии заключенных договоров о международном сотрудничестве.

Редакционная коллегия журнала проводит независимую экспертизу, что является одним из основных условий опубликования поступающих рукописей. Основными критериями при оценке являются новизна, актуальность и информативность материала. В случае отклонения статьи редакция сообщает автору о решении редколлегии, рукопись автору не возвращается. Решение о доработке статьи не означает, что она принята к печати. После доработки датой поступления рукописи считается день предоставления в редакцию исправленного варианта.

Редакция оставляет за собой право отклонить статью без объяснения причин, если значительная часть ее содержания не соответствует профилю журнала.

Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов или докторантов в год завершения их обучения или соискателей перед защитой.

Просим авторов учесть положение ВАК о недопустимости предлагать редакции ранее опубликованные статьи или работы, принятые к печати другими изданиями, а также материалы, не подлежащие к опубликованию в открытой печати, в соответствии с действующими законодательными актами Республики Беларусь.

За опубликование научных статей плата не взимается.

В «Правилах» возможны изменения, с которыми можно ознакомиться на сайте вуза.

Редколлегия

E-mail vesnik.mgpu@mail.ru

www.mspu.by

Тел. 8(0236)32-46-29